Тим Каррэн – Монстры повсюду

Переведено специально для группы
~”*°•†Мир фэнтези†•°*”~
http://vk.com/club43447162
Совместно с группой
BAR "EXTREME HORROR" 18+
https://vk.com/club149945915

Оригинальное название: Here There Be Monsters
Автор: Тим Каррэн / Tim Curran
Перевод: Карина Романенко, Виталий Бусловских, Василий Рузаков
Редактор: Евгения Волкова

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Аннотация

14 рассказов в лучших традициях Говарда Лавкрафта.
В одиноком доме на болотах мужчина сталкивается с пожирающим души чудовищем вне времени и пространства.
Ученый всматривается в другое измерение и понимает, что нечто смотрит оттуда на него.
Психически больная женщина сражается с безымянной сущностью, которая высасывает эмоции из человеческой расы.
Злой колдун XVII века растёт на живом учёном, как плесневый грибок.
Зона тьмы времён Большого Взрыва грозит поглотить Землю.
Ужасный крылатый слуга древнеегипетского бога восстал из могилы ради отмщения.
Неимоверный, мерзкий ужас скрывается в развалинах церкви.
Монстры повсюду...

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Оглавление

СКОЛЬЗЯЩИЙ....4
ТЕНЬ СКИТАЛЬЦА....13
НОКТУЛОС....36
ШЕСТЬ ФУТОВ ЗЕМЛИ ИСТЛЕВШЕЙ....45
ПРОЕКТ "ПРОЦИОН"....73
ЧУМА, БРОДЯЩАЯ ВО МРАКЕ....87
ЖУТКИЕ ПАРНИ....108
ПЕЧАТЬ ХАРНАБИСА....119
И ИМЯ ТЕБЕ – ВЕДЬМА....144
ГЛАЗА ГОВАРДА КЕРЛИКСА....153
МАНИФЕСТ МЯСНОЙ МУХИ....166
ГИБЕЛЬ "ПРИЗРАКА"....180
ТВАРЬ С ТЫСЯЧЬЮ НОГ....194
ТЕОРИЯ НЕМЕЗИДЫ....199

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

СКОЛЬЗЯЩИЙ

Даже сейчас, спустя столько лет, наполненных ужасом, я с трудом могу говорить о том, что видел в том прогнившем доме на болотах.

И что ещё хуже - это "что-то" видело меня...

Мерзость, которая до сих пор преследует меня, которая предъявила на меня свои права, которая год за годом высасывает мой разум, как пиявка.

Я потерялся.

Вот так всё и началось.

Потерялся во мрачной пустоши болот.

Я любил ходить в походы и был кем-то вроде любителя-натуралиста. И именно благодаря своему хобби я столкнулся с этим кошмаром, а кошмар столкнулся со мной.

Наступила ночь, и небо из свинцово-серого превратилось в насыщенно-чёрное, как кипящий котёл ведьмы.

Из лощин и болотных низин поднимались кверху длинные, нелепые тени.

Ветер выводил заунывный траурный марш среди непроходимых пустошей с кочками и дренажными колодцами.

И напоминало это пронзительный голос погребённых душ.

Я сразу вспомнил, что время уже позднее, а я тут совершенно один, и вдоль позвоночника пробежал холодок.

Я отклонился от главной дороги, сошёл с тропинки, покружил у болот, перелазил через загнившие поваленные деревья и обходил крутые скалистые кряжи.

И всё это - ради нескольких видов болотных орхидей: гнездовки, пальчатокоренника и ятрышника.

Там меня и застали сумерки.

Среди сырого сфагнума и вереска, где я пристально изучал лишайники, таволгу и особенно - огромную жирянку.

Я должен был выйти из болот час, а то и два назад, но не мог оторваться, завороженный сказочной природой.

Вскоре начался дождь.

Я поднялся с земли и потерялся в лабиринтах вереска и осоки. В радиусе нескольких километров не было никакого жилья. Я промок до нитки, и дождевая вода стекала по полям моей шляпы мне за шиворот.

Я замёрз, вымок, а вокруг не было ничего, где бы я мог укрыться от непогоды.

Я схватил палку и пошёл через болота, но ночью это было абсолютно бесполезно.

Я не мог найти тропу.

Вокруг меня лежала лишь топь, мечтающая поглотить меня живьём.

Дождь лил как из ведра, опустился густой туман; вода переливалась через край ботинок.

Пробродив более часа под проливным дождём, я увидел дом на вершине пологого, поросшего травой кряжа.

Это было высокое покосившееся здание из раскрошившегося от времени камня, обвитое виноградными лозами и другими ползучими растениями. А вокруг дома росли карликовые дубы.

Территория вокруг дома, заросшая сорняками, выглядела неопрятно.

Этим утром в холмах я натыкался и на другие заброшенные хижины с покосившимися стенами и заколоченными окнами.

Они были заброшены в течение многих десятилетий.

Но эта лачуга...

Ещё до того, как я увидел тусклый жёлтый свет в окнах, я подсознательно знал, что она не пустовала.

Меня не отпускало неприятное ощущение, что за мной наблюдают.

Только не мог понять: из дома или со стороны болот.

Ощущение было отвратительным, и я бросился к разваливающемуся дому. От насыщенного запаха подгнивающей растительности меня чуть не стошнило.

Я забарабанил в запертую дверь. Минут через пять мне открыли.

Точнее, приоткрыли, оставив лишь щель, чтобы меня рассмотреть.

И через эту щель в свете шипящей масляной лампы я увидел часть лица... Старого, с жёлтой, как пергаментная древняя рукопись, кожей.

Покрасневший глаз смотрел на меня почти со страхом.

И послышался скрипучий голос:

- Кто... Кто там?

- Бассетт, - ответил я, чувствуя, как холодные пальцы ночной сырости сжимаются у меня на шее. - Дэвид Бассетт... Я турист. Потерялся на болотах...

- Турист, говоришь...

Дверь приоткрылась чуть шире. И я почувствовал манящее тепло жилого дома. Но было что-то ещё... Старый, жуткий запах старости - и мне это не понравилось.

Наверно, такие дома, которые стоят по триста лет, имеют право на подобный запах, но для меня он был отвратительным.

Это был не просто запах времён; нет, здесь пахло грешными воспоминаниями, разложением и годами хранившимися в ящиках комода старыми вещами.

У меня кровь застыла в жилах. Мне хотелось бежать без оглядки и никогда сюда больше не возвращаться.

- Бассетт, Бассетт, - пробормотал старик, распахивая дверь. - Значит, ты турист, да? Заблудился, как ребёнок, в лесу, и я единственный, кто может тебя приютить? Ты ведь об этом просишь, да?

- Да, - кивнул я.

Вода с меня текла ручьём.

Старик поднял старую масляную лампу повыше, пристально меня рассматривая.

Удовлетворив своё любопытство, он глянул на бурю за моей спиной, словно там что-то пряталось.

Подозрительный старик?

Да нет! Параноик до крайности!

- Ну что ж, мистер Бассетт, хотите спрятаться от непогоды? Говорите, вы турист? Но приходили и другие, да... Сколько раз они лгали. Приходили с болот, да... Стучали в дверь посреди ночи... Те, кого ни один человек в здравом уме не пустит к себе на порог.

Он тряхнул головой. Редкие седые пряди волос рассыпались вниз по шее, как белые ленты.

- Но я не могу прогнать тебя я в такую погоду... Что ж, входи, милый странник!

Мы вошли внутрь, и массивная дубовая дверь захлопнулась за нами, как крышка гроба.

Старика звали МакКерр - просто МакКерр. Его семья владела этим домиком ещё со времён Пуританской революции.

Держа над головой фонарь, мужчина провёл меня по узкому коридору в помещение, которое являлось, скорее всего, гостиной с каменным полом и громадным пылающим камином, дым от которого поднимался вверх и коптил балки и стропила.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я сел перед очагом, и с моей насквозь мокрой одежды повалил пар.

- Как насчёт чашечки кофе и глотка виски? - спросил МакКерр. - Это всё, что я могу предложить.

Старики - они и есть старики.

Но МакКерр был просто ископаемым.

Высокий, худой, даже костлявый. Он напоминал пучок веток, обтянутых тоненькой целлофановой плёнкой.

Кож его была такой же тонкой, почти прозрачной, как у креветок.

Сквозь неё можно было рассмотреть все вены и артерии, которые ещё питали тело старика и поддерживали в нём жизнь.

Его лохматые волосы и густая борода цветом напоминали иней, а зубы были кривыми и пожелтевшими.

И глаза... Широко распахнутые, блестящие, загнанные. Как у кролика, прячущегося от парящей над головой совы.

Стены гостиной были увешаны истлевшими гобеленами и ветхими картинами старых художников эпохи реализма, а на полках стояли пахнущие гнилью и сыростью древние фолианты.

Я пытался прочитать их названия, когда проходил мимо, но латинский знал плохо, а арабский не знал вообще.

Что-то в этих нагромождениях специфических книг в переплётах с металлическими уголками меня тревожило; возможно, загадочные символы, вырезанные на корешках.

Виски был хорош. А кофе - ещё лучше.

Пытаясь изо всех сил казаться радушным хозяином, МакКерр завернул меня в пропахшее плесенью одеяло и спросил, как я оказался на болотах.

Я попытался рассказать ему как можно подробнее, но старик довольно грубо прервал. Может, ему было не так уж и интересно.

- Вы... Вы там видели что-нибудь? - таинственно прошептал он, не встречаясь со мной взглядом. - Там, на болотах? Какое-нибудь существо? Может, гигантскую фигуру?

- Нет, ничего, - от его тона у меня мурашки побежали по телу. - Что вы... Что вы имеете в виду?

Но старик лишь покачал головой и прижал палец к губам, приказывая помолчать.

Склонив голову и глядя перед собой пронзительным взглядом, он прислушивался к тому, что я, похоже, не слышал.

Я мог разобрать только шелест дождя по крыше и скрип старых балок на ветру.

- Вы ничего не слышали, да? - обратился ко мне старик. - Когда... Когда наступила ночь, и начался дождь? Никаких звуков? Ничего... необычного? Никакого... плеска? Скольжения в темноте вдалеке?

Я покачал головой.

- Разве вы не чувствовали, как за вами наблюдали невидимые глаза?

Здесь я кивнул, и МакКерр задрожал.

И то ли ахнул, то ли всхлипнул.

- Ох, - закивал он, - значит, это будет сегодня, да? Боже, мне так и говорили.

- О чём вы? - спросил я, пытаясь не показывать страха. - Что будет сегодня?

Он ухмыльнулся. Кривые зубы вместе с измождённым, сморщенным лицом выглядели жутко и отвратительно.

Он стал похож на отвратительного, злобного человека-грызуна, который заточил себе зубы, обгладывая кости.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

А его глаза... Боже милосердный! Они были наполнены жутким, злобным светом, который лишал меня разума.

Да, он был не здоров.

Определённо, старик был безумен.

Но может ли сумасшествие быть заразным?

Потому что когда он смотрел на меня - более того, сквозь меня! - я чувствовал, как это же безумие гложет и меня.

Возможно, я просто устал от приключений на болотах и был изнурён...

Нет, не думаю.

Это зерно безумия оказалось внутри меня... И оно увеличивалось, прорастало и разбрасывало свои чёрные слизистые усики.

Возможно, это было из-за того, что он смотрел прямо сквозь меня и видел то, что я не мог увидеть, и слышал то, что я не мог услышать.

И хоть я не мог их осязать физически, я их чувствовал.

Притаившиеся тени, кишащие сущности; первобытные и безымянные.

Старик налил мне ещё виски.

- Сегодня ночь получения моего наследия. Да, это наследство развращенного рода, нечестивое и жуткое. Все мужчины рода МакКерров поддаются ему в свои последние часы, когда их умы становятся слабыми, а тела - медленными, и они больше не могут сопротивляться тому ужасному кошмару, который тянется к ним вне пространства и вне времени.

И старик горько рассмеялся.

- Похоже, у меня мысли скачут, и вы начинаете волноваться, да? Значит, мне стоит объяснить. Объяснить, почему вам нужно покинуть этот дом.

Я сомневался, что хочу услышать его объяснения.

- То, о чём я вам расскажу, мистер Бассетт, произошло более трёх веков назад во время Пуританской революции, так называемой Английской гражданской войны...

- Видите ли, мой прапра-какой-то дедушка шесть поколений назад был офицером в Королевской коннице под руководством маркиза Ньюкасла и принца Руперта. Недалеко отсюда, всего в одном полёте ворона, произошло крупное и кровавое сражение под Марстон-Муром, где роялистская конница была разгромлена "круглоголовыми" Оливера Кромвеля под полной луной...

МакКерр говорил так уверенно, словно сам присутствовал при описываемых событиях. С другой стороны, подобные воспоминания подробно передавались из поколения в поколение во многих древних родах Йоркшира.

Я был рад, что он отвлёкся от предыдущей темы: от вещей, которые я не хотел знать.

Очевидно, Гражданская война прошла для роялистов плачевно: слишком много потерь на севере.

Маркиз Ньюкасл был вынужден отступить в укрепленный Йорк, где его продолжали преследовать парламентские войска сэра Томаса Ферфакса.

Принц Руперт прорвали осаду с четырнадцатитысячным войском, верным короне, состоящим из кавалеристов и пехоты.

Одним из них был предок МакКерра.

В тот же день Ферфакс прорвал блокаду, и как парламентские войска, так и роялисты собрались на закате рядом с Марстон-Муром.

"Круглоголовые" численностью около 27000 человек значительно превосходили силами армию Руперта из 14000, которая уже несколько дней сражалась без передышки.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Кавалерия роялистов была наголову разгромлена за несколько часов кровопролитных боёв, потеряв более 3000 солдат.

В последующие дни Йорк сдастся парламентской армии, и, таким образом, север Англии был потерян для короля и перешёл под руководство Кромвеля.

- Эх, можете себе такое представить, мистер Бассетт? Бессмысленная дьявольская бойня под полной луной... А дальше я расскажу вам то, что вы не найдёте ни в одной книге, но тем не менее, это чистая правда.

МакКерр налил себе ещё виски и выпил залпом весь стакан.

- Да, полк моего предка - Дугласа МакКерра - оказался отрезан от основных сил маркиза Ньюкасла и отброшен в леса и трясины у Уилстроп Вуд. Их окружили. Это была война не на жизнь, а на смерть. А теперь представьте: бойня под яркой жёлтой полной луной. Никакой пощады. Разбросанные во все стороны тела и части тел. Воздух, пропитанный запахом крови и пороха. Крики умирающих. Той ночью "круглоголовые" почувствовали запах победы и даже двинулись дальше, закованные в стальные доспехи, латы и железные шлемы, обвязанные оранжевыми шарфами[1]. Роялисты отступали, их красные шарфы были забрызганы кровью и грязью. Всё было страшно и безысходно. Кавалерия "круглоголовых", подкреплённая пехотой, копейщиками в стальных кирасах и мушкетёрами с мушкетами, шла убивать. Для оставшейся группы роялистов всё было кончено... Должно было быть кончено.

- Что-то... Что-то случилось? - спросил я.

МакКерр снова жутко усмехнулся.

- О да, кое-что случилось, Господь тому свидетель. Что-то, заставившее "круглоголовых" Ферфакса бежать... Сотни и тысячи солдат летели стремглав прочь прямо по телам павших товарищей.

- И что это было? - спросил я. - Контратака?

- Что-то вроде того, мистер Бассетт, - произнёс МакКерр, и его глаза снова злобно сверкнули. - Что-то вроде того...

То, что он рассказал мне дальше, заставило меня усомниться в его адекватности.

- Я расскажу вам о Дугласе МакКерре, - сказал старик.

Пламя камина отбрасывало на его лицо узкие тени.

- В каждом роду есть своя белая ворона, своя паршивая овца, и эта семья не исключение. Да, Дуглас МакКерр был тем, кого называли колдуном и чародеем. За время охоты на ведьм он избежал не одного костра, а однажды за ним охотился даже сам Мэтью Хопкинс - печально известный главный охотник на ведьм тех мрачных времён, истинный фанатик, присланный из Святой Земли для уничтожения мерзкого ведьминого племени.

МакКерр усмехнулся.

- Теперь уже не секрет, что мой предок изучал проклятые демонические книги, которые стоило сжечь. Книги древней мудрости и безбожного кощунства, о которых мне не хватает смелости вам рассказывать. Но знайте, мистер Бассетт: то, что я вам расскажу - не избитая сказка, не красочная семейная байка, приукрашенная и изменённая за прошедшие столетия. Поймите это. Поймите, что Дуглас МакКерр был колдуном, худшим из худших, самым страшным и ужасающим. Этот секрет потомки МакКерров защищали долгие века, хотя, в конце концов, это стоило им жизней. Но я расскажу вам то, что ещё ни один посторонний человек не слышал.

- Зачем? - спросил я. - Зачем вы хотите мне это рассказать?

- Потому что я - последний из своего рода, - признался МакКерр. - У меня нет потомков. Я последний из МакКерров и сегодня... да, сегодня ночью я умру.

Он помолчал, сосредоточенно меня изучая.

- Вы верите в такое, мистер Бассетт? Колдовство и тому подобное?

Я хотел соврать, но не решился.

- Нет, не верю.

- Тем лучше, тем лучше... Ох, ваш скептицизм и практичность - как глоток свежего воздуха! Когда я был молод, как вы, я был таким же... А сейчас? Сейчас я многое узнал. И тем хуже...

Он налил ещё порцию виски, но его руки так дрожали, что он еле донёс до рта стакан, не расплескав, даже удерживая его двумя руками.

- Значит, вы не верите в колдовство, некромантию и призыв злых сущностей? Да, враги Дугласа МакКерра тоже не верили... Они считали это легендами, преданиями, детскими сказками и женскими байками. Но разве это похоже на сказку, мистер Бассетт? Когда мой предок вскинул руки к небу среди вековых друидских рун, солнце перестало светить и не появлялось на небе три дня. Разве похоже это на легенду? Спустя всего месяц после того, как Дуглас МакКерр избежал виселицы в Ньютоне за наложение чар на несколько известных семей, с неба спустилось нечто, напоминающее мерцающую и горящую лавину. А когда оно исчезло, вместе с ним исчез и город Ньютон. Разве похоже это на детские сказки и женские байки? Жена Дугласа МакКерра отдалась некому демону вне пространства и времени на алтаре из детских костей, а спустя девять месяцев родила бескостное существо, которое прогрызло себе путь наружу из её чрева. Скажете, это фантастика? Народные предания? Страшилки, которые рассказывают друг другу грозовыми вечерами? Но дело в том, мой милый наивный друг, что я видел это мерзкое древнее существо, которое пожрало свою мать! Да, я был одним из тех, кто уничтожил его, чтобы больше никто не кричал и не стонал в фамильном склепе под нашими ногами...

Безумие.

Господи, я оказался в ловушке в этом ужасном полусгнившем доме наедине с бредящим сумасшедшим!

Конечно, свою роль сыграли и мрачная атмосфера дома, и мой угрюмый хозяин: его рассказы подхлестнули моё воображение, расшатали мои нервы, и теперь я ощущал то, чего быть не могло.

Но теперь я возьму себя в руки.

То, что рассказывал старик, было чистой воды фантастикой.

Я не мог позволить себе думать иначе.

МакКерр - сумасшедший, и я должен об этом помнить.

- Когда закончится дождь, я пойду, - произнёс я.

Старик рассмеялся. Он рассмеялся?!

Даже не так: он захохотал так злобно и неистово, словно я рассказал самую смешную в его жизни шутку.

А может, так оно и было.

Может, он сам играл со мной в какую-то игру, и я был лишь удачной концовкой его грандиозной шутки?

Может быть.

- Да, мальчик мой... Теперь ты не можешь дождаться, чтобы сбежать отсюда? Не можешь дождаться, когда же покинешь этого слабоумного старика?

Он снова рассмеялся, но на этот раз смех вышел горьким.

- Я уже не увижу следующий день, мистер Бассет, так что сделайте мне одолжение, прошу вас: выслушайте последнюю исповедь старого человека.

Что я мог сказать?

Я не хотел показаться грубым.

Не хотел обижать приютившего меня.

Но... Чёрт, мне придётся взять себя в руки!

Ничего из того, что он мне рассказал, не может быть правдой.

Я сглотнул.

- Вы говорили, что Дуглас МакКерр был офицером, - попытался я вернуть нашу беседу в здравое русло.

- Да, был. Как вы думаете, как подобный человек мог получить звание? Человек, который был в лучшем случае отшельником, а в худшем - злобным малефиком? Да, некоторые говорят, что всё дело в колдовстве, но вы можете сделать собственные выводы.

МакКерр долго смотрел в свой пустой стакан.

- Я уже рассказывал, что "круглоголовые" наступали и оттесняли противника. Избитые, окровавленные роялисты прятались в Уилстроп Вуде, полностью утратив силу духа. Казалось, всё потеряно, пока не вмешался мой предок.

- Что он сделал?

МакКерр отводил взгляд.

- Он призвал *нечто*... То, что с тех пор терзает мой род.

- Что вы имеете в виду?

Но я знал. Похоже, я знал.

- Он вызвал некую сущность... Что-то древнее, отвратительное; то, что скользит по бесплодным равнинам и галактикам за пределами нашей вселенной... Существо, чудовище... Злобный, изголодавшийся кошмар, - прошептал старик.

Из уголка его рта свисала струйка слюны, а глаза наполнила бездонная темнота.

- Да, мистер Бассетт, именно так. Воспользовавшись заклинаниями из древних фолиантов, он призвал в этот мир из гнилостных подвалов вне времени и пространства истинную заразу, скользящий кошмар! Знаете, что это? Первобытное, злобное, смертоносное, коварное существо! Слизкий завсегдатай мрака...

Конечно, это безумие, но как я мог оставаться равнодушным к сказанному?

Как мне было сделать, чтобы эти слова не оседали в моей голове и не уничтожали меня изнутри?

В этом ужасном доме, полном стелющихся теней и зловещих предзнаменований... Когда за окном льёт дождь и стонет ветер... Я был вне себя от страха, полный дурных предчувствий... сам не знаю чего.

Я попытался отодвинуться от МакКерра, но он наклонялся всё ближе и ближе, пока я не ощутил его зловонное кислое дыхание.

Это зловоние говорило мне, что он сам гниёт изнутри, от самой чёрной своей сердцевины.

И не удивительно: в таком уединённом мрачном мавзолее на пустоши болот любой сошёл бы с ума.

- Да, мистер Бассетт, мой предок призвал эту сущность. Но за всё приходится платить... Это было отвратительное, отталкивающее создание, и оно требовало жертв. И ему принесли жертву... "круглоголовых".

МакКерр замолчал, тяжело дыша.

- Видите ли... Этому созданию не нужны были их плоть и кости. Оно жаждало их разум. Оно мечтало насытиться умом наступающих солдат. Так и случилось. Оно лишило рассудка сотни воинов, осушая их головы каплю за каплей, пока люди не превратились в ничего не соображающих, тараторящих бессмыслицу безумцев, дрожащих от любого слова и каждую ночь видящих кошмары.

МакКерр так ни разу и не описал это существо в деталях.

Лишь говорил, что оно сворачивается в спираль, умеет скользить и пожирает разум.

Но этого было достаточно: мой ум мог заполнить пробелы.

Скорей всего, эта сущность пришла со зловонным туманом, обволакивающим "круглоголовых", скользящим по ним и высасывающим насухо их разум.

К тому времени, как солдаты поняли, что среди них есть нечто опасное, охотящееся за ними из стелющегося тумана, они уже были жутко напуганы и дезориентированы; они зарезали и стреляли друг в друга, пытались спастись бегством, но большинство из них заживо поглотили бездонные болота.

- И тех пор, мистер Бассетт, это существо изводит мой род. Той чудовищной жертвы было недостаточно... Оно возвращается к каждому потомку МакКерра в его последние часы и высасывает его разум. Конечно, мы ощущаем, как оно постоянно кружит вокруг нас, как стервятник; постепенно, день за днём по капле истощая наши умственные силы. Но лишь с последним издыханием оно высасывает наш разум без остатка.

После этого рассказа МакКерру стало нехорошо.

Он сказал мне тотчас уйти, но раз уж мы были заперты в этой лачуге посреди бури, старик выделил мне комнату наверху. Помещение было грязным, заросшим паутиной, пропахшим сыростью и старостью.

Я не мог заснуть.

После того, что я услышал, сон никак не приходил.

А в полночь я услышал, как старик кричит.

Это был не простой вопль ужаса, а нечто дикое, животное, как крик забиваемого на бойне агонизирующего животного.

Я побежал вниз по лестнице. Крики эхом отдавались под сводчатыми потолками.

Я знал, что то существо пришло. Несмотря на всю свою логику, практичность и доводы разума.

"Такого быть не может", - скажете вы. Поверьте, я говорил себе то же самое.

Но, пока я спускался по скрипящим ступеням, я его чувствовал... Чувствовал это враждебное, мрачное, инопланетное присутствие, заполняющее гниющий старый дома, подобно чуме.

А МакКерр?

Да, я его нашёл.

Он до сих пор сидел в мрачной гостиной, но был не один.

Я ощутил запах трупных газов, гниющей тины и чего-то ещё, чему даже не мог подобрать названия.

А существо... Это немыслимое наследие МакКерров... Оно напоминало мерзкого сероватого огромного слизня желеобразной консистенции с десятком колышущихся отростков, на конце каждого из которых был чёрный узелок. Я понял, что это его глаза.

Глаза, которые пристально и холодно смотрели на меня с ненасытным аппетитом.

Существо уже начало поглощать МакКерра и принялось за его голову, втянув её в дымящееся отверстие, с которого капала чёрная, едкая слизь.

Я увидел немного, лишь то, что высветили блики огня в разожжённом камине, но мне хватило.

У меня было ощущение, что у этого создания не было истинных размеров, а его спиралевидное тело могло простираться до галактик и звёздных скоплений.

Я побежал.

Я не пытался помочь МакКерру.

Я выбежал на улицу, в бурю, туман и ночь. Я почти сходил с ума.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я видел то существо. Это было ужасно. Но что ещё хуже - и оно видело меня.

Оно меня пометило.

Я чувствовал, как её отвратительное сознание заползает в мой разум; грызёт, жуёт и пробует на вкус моё серое вещество.

Я ощущал этого тогда, ощущаю сейчас и буду ощущать до последнего вдоха.

Ведь когда придёт мой час, оно придёт за мной.

Оно придёт, чтобы высосать мой разум, затем - разум моих детей и детей их детей. И так - сотни и тысячи поколений. И лишь тогда оно будет довольно.

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ТЕНЬ СКИТАЛЬЦА

"В стародавние времена в церкви
хозяйничала какая-то дурная секта,
запрещенное общество,
члены которого вызывали ужасных духов
из неведомых бездн ночи".

- Говард Лавкрафт, "Скиталец тьмы".

Всё началось, когда в мой офис вошла Элизабет Блейк.

Если допустить, что всё это вообще с чего-то начиналось...

Я только что вернулся с дачи показаний в деле о поджоге.

Мой клиент, низенький жирный хорёк по имени Джимми Флепс, завсегдатай бильярдных и клубов, нанял меня, чтобы узнать, с кем ему изменяет жена.

Оказалось, что с его братом.

Джимми решил сыграть по-умному: вместо того, чтобы высказывать всё в лицо, он поджёг свой собственный дом, пока его жена с братом кувыркались в кровати.

Они выбрались живыми и невредимыми, а вот Джимми предстояло провести ближайшее время на никелированной койке с трёхразовым горячим питанием, пока его жена будет распоряжаться его тяжким трудом добытыми деньгами и дальше трахаться с его братом.

В общем, я вернулся в офис, налил себе чашку кофе и закурил сигарету, и в этот момент раздался стук в дверь.

В тот момент я не хотел открывать.

Но я был на работе - открыл частное агентство по расследованию - а работа есть работа.

Нужно что-то есть, но это сложно устроить, если вы оказались на мели. А никогда не знаешь, что может принести подобный стук.

Может, сбежавшая жена. Может, мошенничества со страховкой. А может, какой-то барыга хотел помощи, но желал сам остаться в тени.

Обычно подобные дела были грязными, но парни вроде меня любят грязь. Мы любим залазить в неё и рассматривать, кто в этой грязи копошится.

Потому что для таких парней, как я, грязные делишки всегда отлично оплачивались зеленью.

Поэтому я открыл дверь.

Я открыл дверь, и в комнату вошла высокая брюнетка с такими длинными и красивыми ногами, что просто невозможно было не проследить по ним взглядом до самой задницы.

Да уж, милашка.

Тёмные глаза цвета растопленного швейцарского шоколада и фигура, где изгибов больше, чем на горной дороге.

Одно слово - вкусняшка. Сладкая вкусняшка.

С такой хочется забыть о манерах за столом и наброситься на еду голыми руками, а потом долго-долго облизывать с наслаждением пальцы.

- Мистер Спэрроу? - спросила она. - Лу Спэрроу?

Я вспомнил о манерах.

Хватит слюни пускать! - приказал я себе.

- Именно так. Чем могу помочь?

- У меня... Думаю, у меня есть для вас дело.

- Что ж, тогда заходите и присаживайтесь.

Я сел за стол, а она расположилась в кресле передо мной, закинув ногу на ногу так, что у меня дыхание перехватило.

Вот это поворот: частный детектив, вроде меня, и красивая женщина, которой нужна моя помощь... Чёрт, да это точь-в-точь одна из тех историй, что я читал в *"Чёрной маске"* или *"Поразительных детективных рассказах"*!

Но, посмотрев в её глаза, печальные и испуганные, я понял: с фантазиями пора заканчивать.

Эта девушка здесь не ради моего общения и сексуальной привлекательности: ей нужна помощь.

Если проведёте в моём бизнесе определённое время, то тоже научитесь читать людей. Я читал свою посетительницу, как открытую книгу: она хотела рассказать историю, и история эта была довольно плохой.

- Я здесь ради ответов, мистер Спэрроу, а мне сказали, что вы из тех людей, кто не останавливается ни перед чем, пока их не получит, - произнесла она. - Я приехала из Милуоки и не планирую уезжать, пока не получу того, зачем приехала.

- Справедливо... А теперь расскажите, в чём дело.

- Это касается моего брата, Роберта Блейка[2]. Он умер здесь, в Провиденсе, и нам сказали, что причина смерти - случайное поражение электрическим током во время грозы.

- Но вы на это не купились?

Она покачала головой.

- Ни на секунду. Я считаю, его убили.

И она рассказала мне свою историю во всех подробностях... Насколько она их знала.

Её брат снимал комнату на Колледж-стрит.

Он был писателем, который придумывал ужастики, любил мистику и был любознательным книжным червём. Роберт без конца искал определённые тома книг по колдовству и чёрной магии - легендарные и чрезвычайно редкие.

И он нашёл одну из них в книжном магазинчике в Милуоки. Она называлась *"De Vermis Mysteriis"*, что в переводе значило *"Тайны Червя"*.

Эта книга в тяжёлом переплёте была старше, чем моя прапрабабушка. Её написал некий чудак по фамилии Принн в 1542 году... Как раз незадолго до того, как его сожгли на костре за занятия колдовством в часы Святой Инквизиции.

В общем, книга была написана на каком-то устаревшем и зашифрованном латинском.

Поэтому Блейк привёз её сюда, в Провиденс, своему коллеге, который должен был помочь с переводом.

- Разгорелся пожар, и друг моего брата погиб, - рассказывала Элизабет. - Роберт вернулся домой... Но он уже больше не был прежним.

Он утверждала, что её брат всегда был нервным, сторонился других людей, тяжело заводил друзей, был очень раздражительным и капризным, склонным к приступам меланхолии и депрессии, как и большинство творческих личностей.

Похоже, этот парень был натянут в отношениях с другими туже, чем фортепианная струна.

Нет, не хочу сказать, что это делало его плохим; нет, скорее раздражительным неврастеником на грани срыва.

Ну да, творческая личность. Как я и говорил.

- Друг вашего брата... Кто он? - спросил я.

- А, мистер Уиппл, ныне покойный, - ответила она.

- Ясно. А теперь переходите к самой сути, - сказал я.

Элизабет рассказала немного.

После того, как Роберт вернулся в Провиденс, он был постоянно напуган и встревожен чем-то, о чём отказывался говорить.

Он больше не был прежним.

Он вернулся в Провиденс зимой 1935-го года, написал домой несколько писем, а в следующем августе погиб от удара током, предположительно из-за грозы.

- Во-первых, мисс Блейк, не стану вас обманывать: вы хотите, чтобы я занялся делом двухлетней давности, а след-то давным-давно уже остыл, надо полагать.

Я откинулся на спинку стула и затянулся сигаретой.

- Но я возьмусь за ваше дело. Если это произошло в Провиденсе, то вам нужен именно я. Я прожил здесь всю свою жизнь и не бывал дальше Уорика на юге и Вунсокета на севере. Этот городок по площади всего сорок-сорок пять квадратных километров, и я знаю всех его жителей, как мать знает своих собственных детей.

Она вздохнула с облегчением.

- С чего начнём?

Я выдохнул дым через ноздри.

- Во-первых, вы должны знать, что день моей работы стоит пятьдесят баксов плюс расходы.

- Без проблем. Что дальше?

- А дальше вы будете отвечать на мои вопросы, - усмехнулся я. - И возможно, мы сможем найти ответы.

* * *

Пару часов спустя я был на окраине города.

Я припарковался у притона с названием "Гостиная чародея", увешанного горящими синим неоном вывесками. На них были изображены девушки с длинными ногами и поднимающиеся со дна бокала с мартини пузырьки.

Здесь можно было неплохо отдохнуть.

Какой-то вышибала на входе окинул меня тяжёлым взглядом, но я вернул ему взгляд сторицей.

Внутри "Гостиная" была притоном среднего пошиба. Девчонки на сцене трясли грудью, а парни с усталым видом потягивали разбавленный алкоголь.

Местечко принадлежало итальяшке по имени Малыш Кармин Френченза - жёсткому малому, выросшему на Спрус-стрит, сделавшему себе имя в мафиозном клане Новой Англии, а ныне отбывающему срок в Уолполе за рэкет.

Парень, которого я искал, был его шурином. Джонни Шейкс.

Мы выросли в трёх домах друг от друга в Смит-Хилл.

Пока Малыш Кармин сидел за решёткой в Уолполе, всем заправлял Джонни.

Я увидел его в баре со стаканом виски с содовой, подсчитывающего ставки.

Всё тот же старик Джонни - нервный, с широко распахнутыми покрасневшими глазами.

Снова выглядел так, словно не спал неделю, либо только что соскочил с иглы.

Но для Джонни такой вид был в порядке вещей - он был любителем крепкого алкоголя и амфетамина.

Я присел рядом с ним и заказал виски с содовой, а получил в основном содовую с небольшим добавлением виски.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

- Какого хрена тебе надо, поганая ищейка? - спросил Джонни. - Каждый раз, стоит мне обернуться, как ты уже чего-то от меня хочешь. Господи, да что на этот раз?!

- Надо глянуть на одно местечко. Колледж-стрит, 66. Рядом с Брауновским университетом. Знаешь, где это?

Джонни только хмыкнул.

В этом городе он был, как паук в своей паутине: не было практически ничего, чего бы он ни знал.

А ещё большинство многоквартирных домов по всему городу, сдаваемых в аренду, принадлежали именно ему.

- Ну, так вали туда и постучи в двери.

- Думал, ты меня представишь хозяевам.

- Вот растёшь с парнем в соседних дворах, а он потом из тебя всю жизнь соки тянет, - проворчал Джонни. - Что случилось на этот раз?

Я сделал глоток виски.

- Работаю на одну дамочку из Милуоки. Её брат там жил, Роберт Блейк. Он сейчас мёртв, удар электрическим током.

- Да ну на хрен? Ток? С моим стариком в 1928 году случилось то же самое. Посадили на электрический стул в Синг-Синг в Нью-Йорке.

- Да нет, идиот. Не электрический стул. Он поджарился из-за какой-то странной молнии, которая попала в окно во время грозы.

Джонни на мгновение задумался.

- Кажется, я его помню. На Федерал-Хилл, да? Все итальяшки тогда были взвинчены: все эти сглазы, горящие свечи, молитвы и заклинания, и прочее... Думали, что в церкви вызвали дьявола... Да? Ты об этом говоришь?

- Об этом.

- Точно, тот парень, Блейк, постоянно ошивался вокруг церкви. По крайней мере, так говорили местные.

Может, Джонни и сидел на колёсах и бурбоне, но ум у него был по-прежнему острым, как лезвие бритвы.

Он сразу же вспомнил о деле Блейка, как и я, когда Элизабет только начала о нём говорить.

Подобное было трудно забыть.

Живущие на Федерал-Хилл итальянцы были страшно суеверными, и всё произошедшее их здорово напугало.

Оно напоминало какое-то постановочное полуночное жуткое шоу ужасов.

Они были напуганы, хотя случившееся зацепило их лишь по касательной. Они не читали дневник Блейка. А я читал. И у меня ладони были мокрыми от ужаса.

- Можешь сходить туда, Лу. Чёрт, конечно, можешь! Я представлю тебя, но... Полегче там, ладно? Не надо снова нервировать этих старых макаронников. Понимаешь, у Малыша Кармина там родственники есть...

Я пообещал ему не наседать.

Но тогда я и понятия не имел, какое осиное гнездо я готов потревожить.

И к чему это приведёт.

* * *

На следующий день мы с Элизабет стояли в 66-ом доме по Колледж-стрит и слушали старика - владельца этого места.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Джонни Шейкс замолвил за нас словечко, и вот мы стояли на лужайке во внутреннем дворике и смотрели на высокий дом в колониальном стиле, увенчанный островерхой крышей.

Как и от большинства домов в Провиденсе, от этого пахло вековой старостью. Глядя на него сразу представляешь, как много столетий тому назад из его маленьких застеклённых окон были видны лишь редкие фермы и сельская местность.

Старика звали Гиббонс, и он любил поговорить.

- Помню ли я? Чёрт, конечно, помню! Я в то время жил на Федерал-Хилл. Был жуткий скандал. Все те старые итальянцы переполошились. Палили свечи и перебирали чётки... Чёрт, да это напоминало какой-то карнавал! Безумие какое-то...

Он покачал головой и поднял на меня свои водянистые глаза.

Все говорили о призраках, приведениях и прочей жути. Естественно, это всё чушь собачья! Но те итальянцы такие смешные: верили во все эти суеверия. Они говорили, что какой-то парень, Блейк, пробрался внутрь старой Церкви Звёздной Мудрости на Федерал-Хилл и вызвал из ада самого дьявола... Что-то вроде того.

- А потом начались странные вещи. В июле разразилась гроза с молниями, везде вырубилось электричество, и весь город погрузился во тьму. Итальяшки чуть не посходили с ума, собрались у церкви с зажжёнными свечами, утверждая, что этот жуткий монстр боится света. А спустя некоторое время этого парнишку, Блейка, ударило электрическим током. Чушь, конечно. Вот и всё, что я знаю.

Я не поверил последней фразе Гиббонса.

Да, его память была кристально чиста, и он прекрасно помнил события тех дней, но я по глазам видел, что он верит в намного большие вещи, чем готов мне рассказать.

Пока он пытался уверить нас, что не такой сумасшедший, как все остальные, и не верит в эту чепуху, я окинул взглядом дом.

Он выглядел ухоженным, по большей части, но от одного взгляда на здание у меня мурашки забегали по телу.

Он мне не нравился.

Я ни в малейшей степени не купился на жуткие истории, но вот этот дом был странным.

Окна на верхнем этаже были заколочены досками. Возможно, чтобы кто-то или что-то не выбралось наружу.

- А что с окнами на верхнем этаже? - спросил я.

Гиббонс стёр со лба пот.

- Ну, когда я сюда въехал, они уже были заколочены. Я снимаю оставшуюся часть. Владелец хотел, чтобы они были заколочены, а кто я такой, чтобы спорить? Нам больше никто не живёт. Это были комнаты Блейка.

- Именно их мы и пришли осмотреть, - произнесла Элизабет.

Гиббонс покачал головой.

- Там пыльно и грязно, мисс, и возможно, бегают крысы.

- И никто после Блейка там не жил? - уточнил я.

Гиббонс вытер губы тыльной стороной кисти.

- Никто. И вряд ли кто-то будет. Я иногда слышу кое-что. Знаете, эти звуки старых домов...

- Какие звуки?

- Ну... Удары, стук, что-то такое... Царапание. Нет, это всё, конечно, чепуха. Просто байки про призраков.

- Что ж, пойдёмте, взглянем.

Гиббонсу эта идея не понравилась, но он не посмел возразить, после того, как за нас попросил Джонни. Возможно, он ходит у того в должниках.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Внутри это был типичный для эпохи короля Георга дом с резными деревянным деталями и классическими шестипанельными дверями.

Мы почти могли ощутить запах веков внутри дома; жизни, которыми пропитались его стены.

Гиббонс подвёл нас к винтовой лестнице.

Он вытянул ладонь, как швейцар, ожидающий доллар на чай.

- Джонни сказал, у вас для меня кое-что есть.

Я вскинул брови и посмотрел на старика.

- Ну же, я это не ради "спасибо" делаю.

- Ладно, ладно, - кивнул я.

Элизабет положила ему в ладонь монетку, и старик усмехнулся.

- Если вы не против, я останусь внизу, - произнёс он.

Тусклые, водянистые глаза старика внезапно разгорелись и смотрели перед собой со страхом, как у девственницы, приносимой в жертву.

Я достал фонарь с длинной рукоятью, и мы с Элизабет начали подниматься.

Мы ещё даже не успели подняться до верхней ступени, как у меня внутри всё скрутило.

Может, это случилось из-за историй, а может, из-за чего-то другого. Чего-то химического, что проникало в меня, как яд.

Я почти ощущал поджидавшую нас там тьму; тьму, затаившую дыхание, подобравшуюся для прыжка.

- Вот дверь, - судя по голосу, Элизабет было даже жаль, что она её нашла.

Мы вошли внутрь. Обстановка в комнате была тяжёлой, отталкивающей, угрожающей.

Я практически чувствовал, как атмосфера комнаты проникает в меня, заполняя до краёв чёрной дрожащей субстанцией.

Мне было страшно. Очень страшно.

А я не из тех, кого легко напугать.

Оно тянуло ко мне свои руки, как мерзкий прокажённый, и я чувствовал сырое, промозглое дыхание разрытой могилы. Я повёл фонариком, и на стенах заплясали тени.

Я чувствовал себя напуганным ребёнком в доме с приведениями, который только и ждёт, когда эти приведения выскочат из-за угла.

На своём веку я побывал в разных заброшенных домах и на свалках, и у каждой был свой запах.

Ну, знаете: запах старости, сырости и голубиного помёта... Но запах в бывших комнатах Блейка не был похож на что-то подобное.

Тут стоял резкий, едкий запах гнили и разложения: словно здесь что-то умерло, сгнило во мраке до костей, а помещение с тех пор ни разу не проветривали.

Если не считать того факта, что запах казался недавним, живым...

Элизабет прикрыла нос платком.

- Вы чувствуете запах? - спросила она.

- Да уж, его сложно не почувствовать.

- И кажется... Кажется, он становится всё сильнее.

Вы не представляете, как мне хотело ответить, чтобы она не вела себя, как сумасшедшая идиотка... Но проблема была в том, что я думал точно так же.

Я снова обвёл помещение фонариком.

Комната была пустой, не считая нескольких предметов мебели.

Пыль настолько густо покрывала все поверхности, что из неё можно было связать свитер, да ещё хватило бы на шапку и варежки.

И, конечно, вонь никуда не делась.

Это напомнило мне о квартирке, которую мы с другом снимали после окончания школы.

Когда-то там было похоронное бюро, и теперь никто не хотел там селиться, поэтому мы сняли комнаты по дешёвке.

Но летом во время дождя от влажных, раскалённых стен исходил запах старости и смерти.

Как и здесь... Запах немытых трупов и формалина.

Я продолжал осматривать комнату, пытаясь справиться с поднимающейся к горлу тошнотой.

Пылинки размером со снежные хлопья плавали в лучах света.

- Что это? Вы видели? -произнесла Элизабет.

Да, я видел. Стены были измазаны какой-то вязкой жидкостью, которая засыхала в прозрачную плёнку.

Она напоминала слизь из носа, но было такое чувство, что сочилась она прямо из стен.

И это ещё не всё.

Обои и деревянные панели были изрезаны, словно кто-то исцарапал их ножом... И большим.

Эти отметины были повсюду.

Неровные царапины, проникавшие до самой штукатурки.

- Что это такое? - спросила Элизабет.

- Я... Я не знаю, - признался я. - Может, сюда на спор забирались дети. Вот и...

Это было слабое объяснение, и я это прекрасно понимал.

Но я должен был что-то ответить, и возможно, мне даже удалось бы убедить в этой брехне Элизабет, но тут мой фонарик начал гаснуть.

Словно батарейки разрядились, только вот я поставил новые перед тем, как сюда отправиться.

Я ударил фонариком по бедру, и свет заморгал и снова загорелся, но оставался теперь тусклым, неярким.

И теперь у меня не просто тошнота к горлу подкатила; сейчас все мои внутренности хотели выплеснуться от ужаса наружу.

Я схватил Элизабет за руку и дернул её обратно к двери.

Я схватился за ручку... Дверь была заперта.

Я дёрнул её, повернул несколько раз, но дверь была заперта крепче, чем пояс целомудрия на моей незамужней тётушке. Без шансов.

- Лу... - начала Элизабет.

Да, я тоже это почувствовал.

Мы здесь были не одни. Клянусь, не одни.

Здесь было что-то ещё, и я чувствовал, как из темноты к моему горлу тянутся бесплотные руки.

Я крикнул Гиббонсу, но тот либо не слышал нас, либо не хотел слышать.

В этот момент латунная дверная ручка раскалилась, причём настолько сильно, словно кто-то поднёс к обратной стороне двери паяльную лампу.

Я бросил фонарик в соткавшуюся напротив нас тьму, и он во что-то попал.

Не знаю, во что.

Но что-то густое.

Фонарик ударился во что-то с глухим звуком, словно угодил в тыкву.

Мы оба услышали сухой шорох, будто по полу тянули изъеденную молью паутину.

А затем скользящий звук, словно из стен вылазило с десяток питонов.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

И запах... Боже, мерзкий, тяжёлый, как хранящееся в сарае органическое удобрение.

Сам мрак был неправильным, и я это знал.

Он был слишком густым, слишком плотным; он клубился вокруг нас, тёк и сочился, кружил и поднимался.

- Скиталец Тьмы, - произнесла Элизабет, намекая на бредовые записи в дневниках её брата, на существо, притаившееся в полной темноте.

Но вот в тот момент мне не нужно было много доказательств.

Я выхватил свой калибр .38 и выпустил несколько пуль в направлении звука.

Выстрелы прозвучали в комнате, как раскаты грома, а во вспышках выстрелов мы увидели нечто большое, выползающее из стены; что-то вроде нитей и веревок из серой ткани, образующих громадную, безымянную фигуру.

Я чуть не обмочился.

Я схватил Элизабет за руку и бросился к заколоченным окнам.

Это существо извивалось, увеличивалось в размере, и мы слышали, как оно ползёт и колышется.

- Свет! - закричала Элизабет. - Оно боится света!

Умная девочка.

Я как раз подумал о том же.

Я засунул пистолет в карман пальто и начал изо всех сил дёргать за приколоченные доски.

А за нашими спинами из темноты поднималась живая громада теней.

Было слышно, как она касается стен и потолка, поднимая перед собой большую волну горячего зловония, как вырывающийся из литейной печи воздух.

И тут у меня получилось оторвать одну из досок, и в комнату проникли несколько лучей полуденного солнца, вспоровшие окружающую нас темноту, как острые клинки.

Раздался оглушительный визг, словно кто-то наступил на крысу.

Очень большую крысу.

И вместе с воем тени отпрянули, а я только этого и добивался.

Я отшвырнул оторванную доску и принялся за другие, пока всю комнату не залил дневной свет.

Существо исчезло.

На стенах и на полу осталась розоватая слизь, запахом напоминающая свежеразделанного борова. Но на этом всё.

Элизабет помогла мне оторвать все доски. Из окна открывался вид на одно- и двухэтажные домики Провиденса.

Мы смотрели на здания, узкие дымоходы на крышах, поднимающиеся ввысь деревья и петляющую между ними дорогу.

А вдалеке виднелся Федерал-Хилл - множество многоквартирных, собранных вместе домов, словно собранный ребёнком конструктор из кубиков.

А на вершине холма тянулась шпилем к небу разваливающаяся Церковь Звёздной Мудрости.

Да, мы смотрели именно на то, что повергло Роберта Блейка в пучину безумия.

- Давайте выбираться отсюда к чёртовой матери, - произнёс я.

* * *

Следующий шаг я решил сделать в одиночестве.

Я высадил Элизабет у отеля "Корона" на Вейбоссет-Хилл и отправился на Федерал-Хилл.

Нужно было осмотреть эту церковь собственными глазами. Конечно, мне хотелось этого так же, как и собственноручно обрубить пальцы тесаком, но... Деваться некуда.

Это моя работа.

Конечно, я мог солгать и поводить Элизабет за нос, но я был не таким парнем.

Может, я и не самая яркая звезда на небосклоне, но если мне платят деньги, я продолжаю честно гореть изо всех сил.

Кое-что до сих пор не давало мне покоя ещё с тех комнат на Колледж-стрит, и теперь пришло время со всем разобраться.

Я неплохо знал Федерал-Хилл.

Улочки там были старыми, узкими и запутанными, как клубок змей.

Я подъехал как можно ближе, а потом отправился пешком.

Я видел множество людей на улицах, слышал голоса, говорящие на итальянском и португальском.

У подъездов толпились старики, а женщины присматривали за копошащимися в грязи детьми.

Над головами хлопало и трепыхалось развешанное на верёвках стираное бельё.

В деревянных клетях сидели цыплята и кролики, а торговцы с ручными тележками продавали всё: от столового серебра до жареных сосисок.

Но, чем ближе я подходил к церкви, тем меньше мне встречалось народа, и, в конце концов, я остался один-одинёшенек на большой булыжной мостовой перед зданием.

Чуть дальше раскинулась небольшая площадка.

За ней стояла церковь, отгороженная покосившейся железной и уже ржавой оградой.

Сделав глубокий вдох, я поднялся на насыпь и протиснулся сквозь щель в заборе.

Я оглянулся, но не увидел за собой ничего, кроме грязных зданий, обветшалых домов и нескольких любопытных лиц, выглядывавших из окон.

Я был сам по себе, и я это прекрасно осознавал.

Я пересёк внутренний двор - жёлтый, мертвый и бесплодный; земля под ногами потрескалась, словно я находился в пустыне.

Церковь походила на какой-то гигантский кладбищенский саркофаг или усыпальницу, которая поднималась прямо из мёртвой земли.

Стены были грязными, заросшими мхом и лишайником, а крыша зияла дырами от бесчисленных бурь.

Окна были высокие, стрельчатые и закопченные.

Чуть выше располагалась колокольня, увенчанная длинным сужающимся шпилем, который склонился в сторону и грозился с минуты на минуту обвалиться на землю.

Это было действительно жуткое место, и от одного взгляда на церковь кровь в моих жилах похолодела, словно под воздействием хладагентов.

Интересно, о чём думал Блейк, когда стоял на том же месте, что и я?

Я решил, что двери церкви будут заперты, как упоминал в своих дневниках Блейк, поэтому обошёл нагнетающее тоску здание с другой стороны, пробираясь через сорняки и торчащие из-под земли обломки старых памятников.

Я нашёл открытое окно подвала и влез внутрь.

Внутри включил фонарик и в его свете рассмотрел ящики, бочки и свисающую со стропил густую паутину.

Я слышал, как кто-то бегал и скрёбся в темноте, но это было не удивительно.

В старой заброшенной дыре, подобно этой, должно быть полно крыс.

Поднявшись наверх, не терял времени.

Я прошёл по проходу, вздымая клубы пыли.

Скамьи были грязными, изъеденными червями и затянутыми белым кружевом паутины.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я двинулся через неф в холл и обнаружил винтовую лестницу, которая поднималась в башню.

Она была узкой, крутой и тоже заросшей паутиной.

От стоящей в воздухе пыли я чихнул.

Лестница доходила до комнаты, которая в обычной церкви была бы колокольней. Но это место нельзя было назвать "обычным".

Ничего удивительного.

Когда-то это место называлось Церковью Свободной Воли, прежде чем в 1840х годах её не передали Церкви Звёздной Мудрости.

Руководил им профессор Боуэн - о нём в своих дневниках упоминал Блейк.

Предположительно, последователи Звёздной Мудрости были одержимы неким странным древнеегипетским камнем, с помощью которого они могли призывать в наш мир Скитальца Тьмы, так же известного под именем Ньярлатотеп.

Не думайте, что я верю во весь этот бред, просто придерживаюсь фактов.

Как только вошел в помещение, то почувствовал, что задыхаюсь.

Стены располагались близко друг к другу, а створки окон прогнили.

Воздух был странным: сухим, с непонятным мускусным запахом, напоминающим секрет желез рептилий.

Я стоял на пороге, судорожно втягивая воздух и понимая, что могу потерять сознание. Голова кружилась, как шарик на колесе рулетки.

Но спустя пару секунд, в голове прояснилось, и я мог соображать.

Я тяжело сглотнул и обвёл фонариком помещение.

И видел то же, что видел Блейк... Ту же комнату, те же стулья с высокими спинками, стоящие перед каменным постаментом. А на том постаменте - жёлтая металлическая коробка.

А в коробке...

Матерь Божья! *Сверкающий Трапециоэдр*.

Этого не могло быть. Но вот он - лежит прямо передо мной.

Судя по информации, которую узнала Элизабет и её семья, сразу после смерти Блейка сюда пришёл доктор по имени Декстер, знакомый с ситуацией, забрал камень и бросил его в самый глубокий залив Наррагансетт.

Похоже, он полагал, что этот артефакт способен изгнать Скитальца.

Но если это так, то зачем, во имя всего святого, он решил выбросить камень в самые тёмные бездны, которые можно только отыскать?!

Когда Элизабет рассказывала мне об этом, я решил, что всё это чушь собачья, и, похоже, так оно и было, ведь вот он, Сверкающий Трапециоэдр, прямо передо мной.

Он выглядел как чёрный кристалл размером с кулак.

Он мерцал и блестел; по его поверхности пробегали красные прожилки, напоминающие кровеносную сеть.

Это был камень, в который смотрел Блейк, и с помощью которого призвал Скитальца Тьмы.

Чтобы показать самому себе, насколько я крут, я достал сигарету, прикурил её и в свете тлеющей сигареты осмотрел камень.

Сначала ничего не произошло.

А затем мой взгляд оказался прикован к Трапециоэдру, и я не мог его отвести.

У меня начались галлюцинации, словно я накурился опия.

Бредовые картинки сменялись у меня в голове одна другой: высокие горы, словно из битого стекла; каменные башни; невероятные города на скалах...

А затем я увидел кое-что ещё. То, что заставило меня похолодеть внутри.

Тьма, что была за гранью тьмы.

Живой вихрь пульсирующей черноты, которая, как говорил мне разум, находилась за пределами самых дальних уголков космоса; примитивное, безумное место; и именно там, в центре вихря, я ощутил волю, сознание и непристойные мысли Скитальца Тьмы.

Мне повезло, что я тогда закурил, иначе сейчас я бы это не писал.

Окурок догорел и обжёг мне пальцы, и именно эта боль привела меня в чувство.

Иначе... Иначе это первобытное дыхание тьмы высосало бы из меня всю сущность до самых костей.

Я вскрикнул и уронил сигарету.

Мой фонарик начал затухать, как в комнатах Блейка.

Атмосфера здесь и так была не самая праздничная и больше напоминала фамильный склеп в полночь, но теперь стала вообще гнетущей и мрачной.

Аж вены хочется вскрыть...

Нездоровая, тягостная, непонятная.

Начал подниматься очень старый и неприятный животный запах.

Он напомнил мне запах, исходящий от клеток мартышек в зоопарке летним жарким днём: запах гниющей соломы и кишащего мухами дерьма.

Отвратительный.

Запах появления Скитальца Тьмы...

Этой ползущей чумы, имеющей десятки имен в десятке культур.

Я призвал его, уставившись на это чёртов камень, и теперь он идёт.

Ньярлатотеп постучал в дверь, и я открыл её ему.

Мой фонарик давно потух, и я бросил его на пол.

Я слышал, как оно растёт над моей головой под сводом колокольни без окон, ширится, увеличивается, как отодвигающая здоровые ткани опухолевая ткань.

Оно росло само по себе, достигая необъятных размеров.

Я стоял в темноте и ждал, когда оно приблизится.

Я пришел в эту разрушенную церковь, чтобы встретиться с существом лицом к лицу, и не сбегу до того момента.

Не передать словами, насколько я был напуган.

Мои внутренности переплетались в узлы.

Моё сердце колотилось, в висках ломило.

Моя кожа натянулось настолько туго, что вот-вот грозила лопнуть.

Камень светился, словно наэлектризованный; балки над головой скрипели, и я услышал скользящий звук, словно существо протекло через люк.

Я задержал дыхание и напрягся.

Он пришёл сюда за мной, только его ждал сюрприз.

Я закричал, ощущая близость этого кошмара, вдохнул его маслянистый запах и засунул руку в карман пальто, вытаскивая принесённую с собой сигнальную шашку.

Скиталец был близко.

Он дохнул на меня из вонючей темноты.

Я не сомневался, что это он.

Набежавшая волна тепла обрушилась на меня; огненный шторм, который опалил мне брови и обжёг лицо.

Его дыхание напоминало пламя горнила; тёмный, безымянный жар, зародившийся где-то в беспросветных кипящих подвалах Вселенной.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я отвернул колпачок на шашке, и она зашипела, освещая комнату красными всполохами.

Я видел Скитальца две или три секунды, пока он не отпрянул и не растворился в тени.

Но когда свет нашёл его, я увидел тягучую плоть, которая таяла сейчас, как мокрая глина.

Огромное, чёрное, блестящее от слизи существо с длинными дрожащими щупальцами, торчащими из живота, как кишки сбитой на дороге собаки.

Они извивались, раскручивались, а на конце каждого щупальца располагался рот с множеством острых, как спицы, зубов.

У меня больше не хватает слов, чтобы описать его.

Огромный. Злобный. Полный ненависти.

Казалось, вот его тело шевелится от перекатывающихся мышц, а в следующую секунду оно уже расползается, как желе, и сочится чёрной дымкой.

Я увидел гигантский красный глаз размером с колёсный диск. Он посмотрел на меня, а потом моргнул, как потухающая звезда, и исчез так быстро, что я не мог сказать, а точно ли я его видел.

Скиталец был соткан из теней и мрака, и меня не покидало ужасное чувство, что я видел только часть его.

А затем он исчез.

Именно это мне и показали мои глаза... и в то же время, я увидел в голове нечто совсем иное - искаженные, фрагментированные изображения, как отражение в засвеченной поверхности зеркала.

Это был какой-то пульсирующий стеклянный шар, из которого торчали паучьи конечности и колышущиеся отростки, ползущие, напоминающие паутину нити всевозможных цветов и оттенков, которые я прежде никогда не видел.

И точно посреди этого хаоса, как яйцо в гнезде, расположился огромный безжизненный глаз, который, как я прекрасно понимал, мог в любую секунду высосать мой разум.

Он наблюдал за мной.

Он разделился на два глаза, затем на четыре, на восемь, на шестнадцать - и так дальше, в геометрической прогрессии, как мыльные пузыри.

Его образ заполнял мой разум и сознание, заполнял пространство и время и...

В следующую секунду я бежал вниз по винтовой лестнице, хныкая, пуская слюни и почти сойдя с ума.

Я пулей вылетел из колокольни.

Я плохо помню происходящее.

От вида того существа что-то в моей голове щёлкнуло, и я не мог прийти в себя, пока не оказался на улице, ползущим среди обломков памятников с горящим лицом, бормоча себе под нос какую-то несуразицу.

Наконец, я смог подняться на ноги и бросился вниз по улице.

Старухи злобно зыркали на меня, а женщины кричали вслед на итальянском и быстро уводили своих детей по домам.

Несколько мужчин швырнули в меня камни.

Не знаю, возможно, они ощущали на мне запах этого чудовища.

Когда я добрался до своей машины, рядом с ней, облокотившись на капот, стояли двое патрульных.

Они заметили меня и выхватили пистолеты.

- Отдышись, сыщик, - произнёс коп помоложе.

Я поднял руки, готовясь пройти через заведённый порядок.

- Так, так, так, - произнёс второй сиплым голосом, - а не Лу Спэрроу ли это, известный частный детектив?

Я понятия не имел, кем был младший коп, но второй был Аль Бреннан, старожил Центрального полицейского участка.

Он был тёртым калачом. Мы давно были знакомы.

Мы не просто не нравились друг другу; мы друг друга не переносили.

Всё началось с тех пор, как я увёл у него девушку. После этого я никогда не мог смолчать, когда он начинал выпендриваться, а он несколько раз по различным причинам пытался отобрать у меня лицензию, а один раз даже подстрелил.

Да, мы были близки, как ложки в ящике.

Каждый раз, когда мы сталкивались, у меня всё тело болело от его объятий, и с лица приходилось стирать слюну от его поцелуев.

- Какого хрена тебе надо? - спросил я. - Что случилось? Не нашёл алкашей или детей, которых можно прижать за переход дороги в неположенном месте, а, ирландский кусок дерьма?

Может, будь я в лучшем состоянии, а не выжатый, как лимон, я бы заметил, как он замахивается дубинкой. Но я не заметил.

Он ударил меня по затылку, и я тотчас свалился на землю; перед глазами заплясали звёздочки.

Я сморгнул пелену с глаз. Он стоял прямо надо мной, такой же милый, как жующая собственное дерьмо мартышка.

- По-прежнему не умеешь держать язык за зубами, Спэрроу?

- Слушай, расслабься, ладно? - произнёс я. - Если это насчёт твоей матери, так это была её идея, я просто сделал снимки...

Он начал бить меня ногами по лицу, пока я не потерял сознание.

Спокойной ночи, милый принц...[3]

* * *

Позже, придя в себя, я почувствовал себя не лучше валяющегося на полу бревна.

Я открыл глаза и понял, что нахожусь в полицейском участке.

Но не в камере, а в офисе, который прекрасно знал.

Всё тело болело, словно Бейб Рут[4] отрабатывал на мне удары.

Во рту был привкус крови.

Голова раскалывалась.

И всё это - за какие-то паршивые пятьдесят баксов в день.

Должен быть лучший способ зарабатывать деньги.

- Господи, Лу, - услышал я голос. - Ты в порядке?

- Ага, только дай шалтай-болтаю время прийти в себя.

Я лежал на диванчике, и когда попытался сесть, голова закружилась.

- Мне нужен глоток чего-нибудь крепкого.

Много лет назад, до того как стать частным детективом, я был копом.

И десять лет работал в этом самом участке.

Я сносил не одну пару ботинок, прочёсывая кварталы Бенефит-стрит и Мейн-стрит.

И однажды схватил одного мудака, которого мы выслеживали уже почти месяц.

Этот парень изнасиловал маленькую девочку, а затем так сильно избил, что она умерла на операционном столе.

Можете представить, как мы, копы, чувствовали себя.

Наша работа - защищать людей от подобных животных, а мы облажались.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Когда я поймал этого урода на Черч-стрит, а не стал сдерживаться.

Я из бил его так, что он шесть недель провёл в больнице, а потом ещё восемь мог питаться только кашками и бульончиками.

Меня отстранили от работы на неопределённый срок, но я не стал дожидаться решения начальства.

Я сдал значок и ушёл.

С того случая прошло почти двенадцать лет, но копы до сих пор знали меня, уважали за то, что я сделал, и сияли, если я заходил в участок.

Коп, который налил мне виски, был Бобби Уокер - лучший сыщик, которого я когда-либо встречал.

- Снова ты и Бреннан, - протянул Бобби. - Когда вы, парни, уже научитесь хорошо себя вести? Господи, Лу! Только скажи, каким образом ты хочешь всё уладить. Тут ты командуешь. Хочешь его значок - получишь. Если шеф узнает о случившемся, он точно заберёт его у Бреннана.

Мне не нужен был значок Бреннана.

Он был, честно говоря, мелкой сошкой.

После встречи с той милашкой на колокольне парни, вроде Бреннана, мне казались смехотворными.

Я был зол и расстроен, но единственное, что пострадало в стычке с копом, это моя гордость.

Я сел, помассировал тяжёлую голову, закурил сигарету и начал думать о том, что произошло, и том, что ещё только грядёт.

Как и Блейк, я потревожил Скитальца Тьмы.

А я знал из дневника Блейка, что каждый раз, когда Скитальца тревожат, начинают исчезать люди.

Не будите спящую собаку?

Нет, это не про меня! Если Лу Спэрроу видит спящую собаку, он обязательно пнёт её прямо в голое пузо!

Господи. Когда Элизабет пришла ко мне с этой дикой историей, я не поверил ни единому её слову.

Я пошёл на дело неподготовленным и теперь разворошил осиное гнездо, а это неизбежно будет стоить невинных жизней.

- Это наше с Бреннаном дело, - сказал я Бобби.

- Ну, как хочешь, Лу.

Я видел, что Бобби хотел того же.

Я знал, что он мечтал об увольнении Бреннана из органов, но не таким способом.

Дело об избиении бросит тень на весь участок, и потребуются годы, чтобы от этого пятна избавиться.

- Но я попрошу тебя об одолжении, Бобби, и немаленьком, - я вкратце рассказал Бобби о деле Роберта Блейка, о котором он, не сомневаюсь, прекрасно помнил.

- О, Господи, Лу... Это хреново. Очень хреново.

Бобби покачал головой.

- Мы рассматривали это дело под разными углами, но никогда не получали новой информации. Если ты, конечно, не станешь верить в эти бредовые истории. Это был странный случай. Расследование длилось месяцы. И знаешь, что мы, в конце концов, сделали?

- Что? - спросил я, выдыхая дым.

- Мы засунули папку с делом в ящик и заперли его. Если честно, я был рад этому. Видишь эту седину на моих висках? Знаешь, откуда она? Из-за этого дела Блейка у меня половина волос стала седыми, а по ночам кошмары снились!

Я вздохнул и рассказал Бобби о посещении комнат Блейка и старой Церкви Звёздной Мудрости.

Его лицо превратилось в серую безжизненную маску, когда я рассказал ему подробности.

Если бы кто-то поведал мне такую историю, я рассмеялся бы ему в лицо.

Но Бобби не рассмеялся.

А вот выпить ему, похоже, было надо.

Он налил себе стакан виски. Выпил залпом.

- Твою мать, - прошептал он. - Это снова начнётся... Снова начнётся.

- Если мы это не остановим, -заметил я.

- Каким образом?

- Отдай мне папку с делом Блейка, и я тебе потом расскажу.

- Господи, Лу, да она в хранилище под замком! Мне нужно разрешение капитана.

- Да ладно, Бобби, ты же знаешь: через капитана будет слишком долго.

Бобби выпил ещё виски.

- Ну, ты, мать твою, и скотина. Всегда толкаешь меня на неприятности. А мне, между прочим, всего пять лет до пенсии.

И Бобби принёс мне папку.

* * *

И сделал для меня кое-что ещё.

Сказал, где находится Бреннан.

Сейчас он был переведён на нижний этаж и стал обычным бумажным клерком.

Я спустился вниз и нашёл его в хранилище. Стол был завален бумагами.

Сам Бреннан рылся в шкафу спиной ко мне.

- Эй, Бреннан, - окликнул его я. - Ты мне должен, я спас свой значок. Можешь не благодарить.

- Иди на хрен! - огрызнулся тот.

Я захлопнул дверь, и он повернул ко мне свою мерзкую ирландскую рожу как раз вовремя: мой правый кулак врезался ему в челюсть, отбрасывая назад. Бумаги разлетелись в стороны.

Бреннан был уже большим мальчиком. И крепким.

Он быстро пришёл в себя, и я добавил ему в челюсть с левой, а затем снова правой.

Он зашатался, и я врезал ему коленом в живот, а затем локтем по затылку, и Бреннан кучей свалился мне под ноги.

И только после этого я повернулся к выходу.

Когда он попытался подняться, я рывком распахнул дверь, со всей силы ударяя его по голове, и он отключился.

Я закрыл дверь и пошёл своей дорогой.

Остановился в вестибюле и осмотрел себя.

Над бровью наливались лиловым несколько синяков, а лицо выглядело так, словно я слишком долго пролежал в июле на пляже.

Краснота напоминало простой солнечный ожог.

Вот что с моей кожей сотворил жар от той твари.

Если бы она подышала на меня чуть дольше, то можно было бы меня уже потыкать вилкой и посмотреть, не потечёт ли уже прозрачный сок, как из хорошо пропеченного мяса.

Наша первая настоящая встреча оказалась патовой.

Но следующая будет не такой.

Когда я разберусь со Скитальцем Тьмы, я буду в его чёрном списке идти прямо за палящим солнцем.

* * *

Дело Блейка.

Оно было размером с телефонный справочник Манхэттена и не намного легче.

В нём были не только бумаги, но и картинки.

По большей части - обычная хрень с описанием места преступления.

А вот отчёт коронера был довольно интересен.

Дело в том, что коронер так и не пришёл к окончательному мнению, что послужило причиной смерти Блейка.

Предположительно, его сердце остановилось, но это случилось из-за какой-то органической патологии или из-за того, что он увидел перед смертью?

И, в конце концов, указали наиболее вероятную по патологоанатомическим изменениям причину: удар электрическим током.

Удобная, безопасная.

Но ещё у него были ожоги.

Это не было отражено в заключении, и этого было не услышать в сплетнях на лавочках.

Да, его не поджарили до хрустящей корочки, но ожоги определённо были.

Все волосы были опалены, а на лице, руках и других незащищённых участках тела появились ожоги второй-третьей степени.

Коронер решил, что это вполне вписывается в теорию с ударом электротоком.

Но я смотрел в зеркало на свою рожу и понимал: Блейк столкнулся с чем-то неприятным - и была это далеко не молния.

Бобби был прав насчёт глубокого расследования.

Его парни показали себя с хорошей стороны, опросив десятки людей на Федерал-Хилл и получив несколько довольно диких историй.

Истории о древнем культе Звёздной Мудрости были широко известны, и их ещё не забыли. Рассказывали, что приверженцы этого культа призывали демона с помощью какого-то чудного камня, и тот глубокими ночами крал людей.

А Блейк, говорили итальянцы, растревожил это существо.

В этом его вина.

Также к делу были подшиты некоторые исторические факты, касающиеся прошлого старой церкви.

В 1869 году, когда Федерал-Хилл был ещё преимущественно ирландским кварталом, исчез парень по имени Патрик Риган, и в церковь ворвалась местная шпана.

В 1876 году произошла новая череда исчезновений, а в 1877 городские власти разогнали собрания Звёздной Мудрости.

Большинство последователей убрались из города.

Поговаривали о похищениях людей и тому подобном.

Но на этом всё не прекратилось: каждое десятилетие или около того исчезали люди. И всегда - глубокой ночью.

Вероятно, для части исчезновений существовали вполне обычные объяснения. Но не для всех.

Один из детективов был умным малым.

Он взялся за дело с удвоенной силой.

Он просмотрел все дела о пропавших людях, навёл кое-какие справки и пришёл к выводу: все люди исчезали в окрестностях Федерал-Хилл самыми тёмными, безлунными ночами.

А поскольку по всему Провиденсу было проведено электричество, люди исчезали именно тогда, когда его отключали. И выясняли это, когда свет включался.

А в ночь, когда умер Блейк, произошли сбои в работе электросети.

И теперь, когда я расшевелил это чудовище, похоже, грядут новые неполадки в электроснабжении.

Бобби не понравилось то, что я ему рассказал.

Но он слушал, и, в конце концов, мы сделали всё по-моему.

* * *

Не думаю, что проживи я хоть сто пятьдесят лет, я смог бы забыть тот ужас, с которым мы столкнулись в церкви.

Даже когда я просто пишу об этом, волосы у меня на загривке встают дыбом.

Надо отдать Бобби должное.

Может, я и составил весь план, но в жизнь его воплотил именно он.

Спустя три дня после моего визита в церковь, мы стояли на широкой, мощёной булыжником площади у ограды.

С нами было восемь патрульных машин. Они выстроились у забора таким образом, чтобы по приказу Бобби свет всех фар попадал прямо на церковь.

Также у нас было два мощных прожектора на бортовом прицепе, вроде тех, что используются на местных ярмарках.

С их помощью мы могли ночь превратить в день.

Улица позади нас была перекрыта заградительными барьерами и несколькими копами, а рядом с заграждением стояло порядка сотни итальянцев со свечами.

Старухи молились и кричали, падали на колени и рыдали.

Все окна, выходящие на церковь, были либо плотно занавешены шторами, либо закрыты ставнями.

И в каждом из этих домов горели либо электрические лампочки, либо газовые лампы, либо свечи.

Мы были готовы.

От нас требовалось только выманить Скитальца Тьмы наружу.

Может, нам стоило ожидать, пока чудовище вылезет само из церкви, как унюхавший кусок сырого мяса дикий пёс, но мы не хотели ждать. К тому же, Бобби не мог удерживать силы полиции на долгое время.

С нами пришли двадцать полицейских.

Похоже, мне всё же придётся идти внутрь.

Но Бобби моментально отмёл эту идею.

- Нет, Лу, ты не пойдёшь. Ты гражданский, а это полицейская операция.

Я ещё никогда не был рад остаться в стороне.

Бобби нашел нескольких добровольцев среди копов, а мой старый приятель Бреннан был чрезмерно счастлив их возглавить.

Никто из них толком не понимал, на что идёт.

Они знали лишь то, что внутри укрывается группа вооружённых сектантов.

Это было единственным правдоподобным прикрытием, которое мы с Бобби смогли придумать.

Возможно, итальянцы с Федерал-Хилл знали, в чём дело, но Бобби нужна была история, которую можно доложить капитану.

В общем, Бреннан повёл ребят в церковь.

Надо было выманить это чудовище, а потом в дело вступят прожекторы.

Я предчувствовал беду. Большую беду.

Я дважды видел, как Скиталец заставляет мой фонарик гаснуть. Похоже, каждый раз, когда в Провиденсе проблемы с электричеством, происходит то же самое.

Я не сомневался, что Скиталец сможет воздействовать на наши электрические фонари и фары, поэтому заранее позаботился о страховке.

Прямо перед входом в церковь я установил шесть столитровых бочек с бензином, связанных друг с другом и подсоединённых к общему центральному детонатору.

Бобби эта идея не понравилась, да и несколько копов при виде такой бомбы удивлённо вскинули брови, но я уговорил Бобби.

Парень взялся за громкоговоритель.

- Поосторожней там! - крикнул он вслед удаляющейся фигуре Бреннана. - Не стрелять! И аккуратно с горючим!

Бобби сильно потел и переживал.

Если всё провалится, ему придётся подать в отставку.

Он сильно рисковал, соглашаясь на мои сумасшедшие авантюры.

Но в глубине души он понимал, что я прав. Он чертовски устал от дела Блейка и от этой церкви.

Эта проблема, как опухоль, росла и отравляла организм Бобби, и он осознавал, что её пора вырезать.

Мы сидели перед церковью в темноте спустя почти два после смерти Блейка.

Ночь была холодной и сырой. Огромную, нависшую над нами готическую церковь обвивали тени.

Её острый шпиль, казалось, пронизывал похожие на островки сливок облака.

Ещё одна ночь ожидания.

Иногда мне казалось, что только этим я и занимаюсь.

Из-за своей работы я был, как и Скиталец, преимущественно ночным существом.

Такова была моя жизнь: ночь сменяла ночь, пока я практически не забывал, как выглядит и чем пахнет день.

- Сколько у них времени? - спросил Бобби.

Я вытащил сигарету.

- Немного... Совсем немного.

Но всё оказалось не так.

Ожидание было невыносимым, и я почти жалел, что не отправился внутрь.

Может, те парни и отлично задерживали преступников и выбивали из них признания, но сейчас они должны были столкнуться с чем-то совсем для них новым.

Новым для всех нас.

Скиталец тьмы. Не человек.

- Что-то... Что-то происходит, - услышал я, как прошептал один из патрульных.

Так и было.

Я сначала не мог понять, что случилось, но чувствовал, как меня прошиб пот.

Было такое же ощущение, как перед грозой, когда падает столбик атмосферного давления.

До сих пор дул холодный ветерок; несильный, но заметный.

И вдруг он прекратился.

Наступила полнейшая тишина, как на кладбище.

Воздух стал тяжёлым.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Нас окутала горячая волна воздуха, которого ещё пять секунд назад не было.

Я чувствовал, будто этот жар просачивается через землю.

А за этим последовал внезапный кисловатый запах, напоминавший плавленую проводку.

В толпе за заградительными барьерами пронёсся ропот.

Я слышал, как несколько причитавших женщин начали молиться дрожащими голосами.

- Какого хрена... - произнёс Бобби.

В церкви что-то происходило.

Полагаю, именно оттуда и начались все эти атмосферные возмущения и аномалии.

Изнутри до нас донеслось рычание, треск, скрип, словно ломались старые потолочные балки либо сама церковь грозилась вот-вот вырвать себя из земли.

Мы услышали гул, словно здание поднялось кверху, а затем вновь опустилось наземь.

Земля сотряслась от удара.

Шпиль содрогнулся.

Послышался звон осколков и треск.

Церковь начала раскачиваться из стороны в сторону, обломки кирпича падали на поросшую сорняками землю.

Словно началось землетрясение, и здание может развалиться в любой момент.

Стёкла в окнах начали трескаться, опоры подкосились и сломались, а причудливая лепнина под крышей откололась и обвалилась.

Я услышал выстрелы. И затем - тишина.

На нас налетел порыв горячего, сладковатого, неприятного воздуха, напоминавшего по запаху подгнившее и разлагающееся мясо. Несколько человек упали на колени.

Бобби по громкоговорителю призывал своих людей вернуться.

Но это было бесполезно, потому что в этот момент, поднялся оглушительный, громовой вопль, низкий и раскатистый, как пароходная сирена, отдававшийся эхом в ночи.

Все заткнули уши.

Звук шёл от церкви. Это было сочетание сирены воздушного налета и гортанного рёва чудовища, от которого начинали кровоточить разрывающиеся барабанные перепонки и трескались окна в патрульных машинах.

- Включайте освещение! - прокричал Бобби.

Патрульные включили фары и прожекторы, превращая мрачную ночь в яркий полдень.

Свет прожекторов охватил церковь, и мы все увидели, как ходил ходуном шпиль, и как бежали трещины по старой каменной кладке.

Люди в толпе кричали, и я слышал, что некоторые из копов начали молиться.

Не прошло и пяти секунд с тех пор, как мы включили прожекторы, как снова послушался вопль, но на этот раз - усиленный десятикратно.

Лобовые стёкла трескались, люди кричали и плакали; какофония звуков волной прокатилась над крышами Провиденса.

Мы увидели фигуру, бегущую через двор церкви. Коп. Один.

Он спотыкался, как пьяный, и прикрывал лицо рукой от бьющего в глаза света; наверно, у него было чувство, словно он смотрит на солнце.

И пока он бежал, двойные дубовые двери церкви распахнулись, и из них вырвался поток воздуха, пахнувшего поджаренной плотью.

Это было похоже на ураган из пепла, обломков и пыли.

Раскалённый и тошнотворный.

Порыв ветра опрокинул копа на землю, и мы слышали, как он заорал.

- Там в темноте что-то есть! - прокричал он. - В темноте... Что-то вышло оттуда... Что-то вышло из темноты и схватило их, просто всех их схватило...

Он пытался подняться на ноги, но ветер сбивал его, а форма трепыхалась и хлопала по телу.

Мы едва могли что-либо разглядеть, когда в лицо ударил горячий, зловонный воздух с мелким песком.

Все свечи и факелы в толпе были задуты.

Запах был невероятно мерзкий... Запах разложения, рвотных масс, опаленной плоти и ещё десяток других, который мой мозг даже не мог описать.

Но больше всего мне запомнилась сухая, пыльная вонь старости, азота и песка, запах сгнившего савана и вещей, похороненных в гробницах на бессчётные века.

Словно сейчас перед нами открылся склеп, запечатанный столетия назад.

Ветер ударился в нас и затих.

Но не умер.

Он словно повернул обратно.

Будто до этого церковь выдохнула, а теперь снова делала вдох.

Образовавшийся вакуум чуть не засосал нас всех внутрь.

Единственного выбежавшего из церкви копа подняло в воздух и затянуло обратно.

Мы все ощутили, как над головами пронёсся чистый, непередаваемый ужас.

А когда этот грёбаный ветер затих, воздух вокруг нас стал не просто горячим; он стал пахнуть озоном и потрескивать от статического электричества.

И все осветительные приборы в Провиденсе вышли из строя.

Лишь в нескольких домах остались гореть масляные лампы и газовые фонари, но их света едва ли хватало, чтобы рассеять опустившийся на город мрак.

Я был так напуган, что не находил себе места.

Церковь содрогнулась, черепица с её крыши взметнулась к небу, словно её затягивал в себя смерч.

Колокольня рухнула. Несколько пролётов стены обвалились.

И тут дрожащий шпиль раскололся.

Я видел, как это произошло.

Он раскололся, как бревно от удара топора.

И из этой трещины, как и изо всех дыр и щелей в здании фонтаном выплеснулось какое-то маслянистое вещество.

Оно было тёмное, мутное, как паучья кровь, и чёрное, как нефть.

Но это была не жидкость, а всё те же живые, наделённые сознанием тени, которые я видел раньше.

Они окружили церковь ледяным, тягучим, колеблющимся потоком.

Всё это истекало из Скитальца... Постоянно движущаяся, иссиня-чёрная сеть, как чернила кальмара.

Оно изливалось из церкви, и фары патрульных машин начали тускнеть одна за другой.

Но прежде, чем они все потухли, я рассмотрел, как нечто гигантское и слизкое вылазит из расколовшегося шпиля, как отвратительный эмбрион из зародышевых оболочек.

А затем наступила тьма.

Бобби схватил детонатор, но ничего не произошло.

- Грёбаные провода перерезаны! - прокричал он.

Тьма наполнилась криками людей, топотом ног убегающих, воем вылезающего из крыши церкви монстра и удушливым гнилостным запахом.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я знал, что провода не были перерезаны.

Детонатор срабатывал от электричества, а оно было отключено, как и любая батарея и генератор в Провиденсе.

Я слышал, как разваливалась церковь, когда из неё этой ночью рождался Скиталец Тьмы.

И сегодня он окончательно насытится...

Это хищное, безумное создание пожрёт весь город.

Оставался последний шанс.

Я пробрался через ряды полицейских к стоящему в конце парню, который сжимал в руках мощную винтовку.

Я выхватил оружие, вскарабкался к ограде и вцепился в прутья.

От монстра исходил такой жар, словно я подставил лицо к зеву доменной печи.

Я всунул винтовку между прутьями ограждения и выстрелил туда, где, в моём представлении, стояли бочки с бензином.

Первая пуля прошла мимо, но во вспышке выстрела я смог скорректировать траекторию и выстрелил второй раз.

Пуля угодила в бочки, и они взорвались с оглушительным грохотом. Взрывной волной меня отбросило от забора на капот патрульной машины.

Прямо перед церковью в небо поднялся огромный столб огня.

Тогда мы в первый раз действительно смогли рассмотреть Скитальца Тьмы.

Сначала он представлял собой бесформенную массу с колышущимися лентами и отростками живой, извивающейся черноты.

А когда колокольня развалилась окончательно, он развернулся, окрашенный мерцающим рыжим пламенем.

Он не был чёрным, как мне представлялось - так казалось из-за теней, которые его составляли.

На самом деле он был бледным, даже почти прозрачным, как личинка.

Абсолютно лишенный цвета, как и всё остальное, рождённое в полной тьме.

Я видел пульсирующую, извивающуюся сеть просвечивающихся зелёных и фиолетовых артерий.

Когда монстр, состоящий из развевающейся плоти и бурлящих теней, выпрямился, я увидел, что он имеет овальное, вытянутое туловище.

По обе стороны тела у него имелись гигантские, перепончатые, грубые крылья на костных остовах размеров с корабельную мачту.

Я увидел одинокий, горящий красным, разделённый на три части глаз, исходящий паром, как брошенный в воду раскалённый уголёк.

Когда Скиталец вытянул свою тушу из церкви, я заметил, что нижняя часть его тела состоит из тысяч извивающихся щупалец, каждое из которых заканчивалось зазубренными присосками размеров с крышку канализационного люка.

Они тянулись на сотни метров вниз, цепляясь за фундамент церкви, подобно корням дерева.

Но когда Скиталец потянулся вверх, щупальца освободились, и церковь рухнула.

Это был Ньярлатотеп.

- Господи Иисусе, чтоб я сдох, - выдохнул Бобби.

Аминь.

Скиталец резко, пронзительно зажужжал; крылья захлопали, поднимая вокруг него смерч.

А затем он начал растворяться.

Только так я могу описать происходящее.

Его плоть превратилась из бесцветной в кроваво-красную, яркий цвет которой очертил сморщенное тело, а затем стала полностью чёрной.

Из клубов дыма вылетали языки пламени.

Это напомнило мне кадры хроники крушения дирижабля "Гиндебург", когда падавший цепеллин начал гореть в воздухе, извергая клубы дыма и огня.

Только Скиталец, в отличие от "Гиндебурга", не упал на землю, сгорая дотла, а поднялся ввысь... Искрясь, дымясь, пылая, хлопая огромными крыльями.

Мы наблюдали за этим секунд десять-пятнадцать, а затем он растворился во мраке.

Я рассмотрел, как он мелькнул среди тёмных туч, но уже в следующее мгновение Скиталец Тьмы исчез.

Поднялся до мерцающих звёзд.

Я слышал, как кто-то всхлипнул:

- О, Господи...

Больше никто не выдавил ни слова.

* * *

Что же произошло дальше? - спросите вы.

Тело Бреннана нашли в километре от церкви на крыше дома, обгоревшее и обуглившееся.

Свидетели рассказывали, что оно ещё тлело, когда упало на здание.

Его личность определили по зубам.

Остальных так и не нашли, за исключением скелета одного парня в подвале.

Его кости практически расплавились.

Заметьте: не обуглились, а расплавились.

Я поговорил со знакомым парнем, который работал в крематории.

Он сказал, что подобное невозможно.

Даже при воздействии экстремальных температур потребуется не один час, чтобы превратить человеческие кости в пепел.

А уж чтобы превратить костную ткань в жидкость, нужна настолько сильная температура, которой не существует на нашей планете; возможно, лишь на поверхности солнца.

Я с ним целиком и полностью согласен.

Единственными, кто видел Скитальца Тьмы, были копы, стоявшие в оцеплении перед церковью.

Остальные просто разбежались.

Хотя, конечно, ходят слухи о неком демоне, появившемся из сердца церкви, так что я полагаю, несколько очевидцев всё же было.

Бобби и его парни написали в рапортах, что в церкви произошёл взрыв.

Ну, вроде как, у сектантов был динамит, и они им воспользовались.

Да, репортёры ещё долго будут задавать вопросы, но так было всегда.

Городские власти запланировали снести церковь в ближайшие несколько недель.

Хотя теперь уже было всё равно: от неё остались лишь обуглившиеся развалины.

Элизабет жутко рассердилась, когда узнала, что всё пропустила.

Но я пригласил её на ужин, и мы долго-долго обсуждали всё произошедшее.

Она собиралась вернуться в Милуоки, и я почти готов был отправиться с ней.

Я больше не мог нормально спать.

Меня преследовали кошмары, в которые вряд ли кто поверит.

Элизабет подарила мне экземпляр книги, написанной её братом. "Гурман со Звезды". Не думаю, что смогу её прочитать.

Ни сейчас.

Ни потом.

Элизабет позвонила своей матери, и какой-то друг её брата по имени Фиск задавал кучу вопросов.

Но в остальном всё было кончено.

В скором времени церковь сровняют с землёй, и я надеюсь, мы навсегда изгнали Скитальца Тьмы.

Конечно, это существо всегда будет жить в моих воспоминаниях, но мне придётся с этим смириться.

За годы своей работы я сталкивался со многими вещами, от которых можно было поседеть раньше времени, но я справлялся с этим.

Потому что всегда найдётся следующая работа, и всегда наступит следующая ночь.

И вы должны быть к ней готовы.

Никогда не знаешь, когда в твою дверь постучат, и что этот стук вам принесёт.

Но пока за дверью меня будет ждать обычный человек, я ничего не боюсь.

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

НОКТУЛОС

Бог сухостоя, владыка человеческих могил, - думала Фреда, глядя через сгнившую занавеску на город мёртвых. - *Повелитель кошмаров. Я знаю, кто ты, и что ты.*

- Сегодня я тебя убью, - шепчет она обещание в промозглый воздух.

Она изучает тёмные, мёртвые улицы и толпы бесчеловечных людей.

Тотемные каннибалы.

Кровопийцы.

Охотники за головами.

Они служат ему.

Они служат ублюдочному богу, даже не зная его.

Тому, кто высасывает любовь и смех, и свет, и тепло, и всё хорошее и человеческое.

Мёртвому иссохшему кумиру, повелителю ночных кошмаров и дневных ужасов.

Тому, кто купается в менструальной крови девственниц в мире, очищенном от эмоций.

Она прекрасно его знает.

Его слёзы - вино, а дыхание - жжёный сахар.

Она видит его в своих мыслях, и он знает, что она за ним наблюдает.

Октябрь.

Деревья превращаются в тыквенно-рыжие и огненно-красные осенние костры.

Замечательное зрелище. Оно запускает воображение.

Цвета. Чувства. Души в огне.

Сентябрь закончился.

Лето осталось тёплым воспоминанием, волшебной порой вымирания.

Жаркие поцелуи, тёплые ночи, раскалённый песок пляжа, знойные вечера с прохладительными напитками.

Всё прошло.

Наступила осень.

Уже многие-многие годы назад.

- Ноктулос, - прошептала Фреда. - Похититель реальности. Ему даже удалось украсть времена года.

Он - полночь.

Ненасытный, гложущий, полный мёртвых желаний и бесплодной похоти.

Помещённый в гниющую оболочку отвратительной, неживой плоти с плотоядно ухмыляющимся кукольным лицом из потрескавшегося гипса, ползучей сырости, плесневелого дыхания; он одинок и торжественен; его мечты - пустые поля зимой, а крик его - морозный январский ветер.

Да, она его знает.

Высокий мрачный монумент октябрю, ожившее надгробие, пятнистое от разросшегося лишайника; пальцы его - обветшалые шпили церквей, а кости его - изъеденная короедами, сгнившая древесина.

Глаза его - мёртвые диски серебристой луны, а голос - шёпот веков - глух и пуст, как полый барабан.

Фреда задёрнула штору, не желая больше смотреть.

Такое ощущение, что в мире, лишенном чувств, она была каплей тёплой крови на холодном бетоне.

Она бледна, с болезненными чертами лица.

Она отражает человечность, которую Ноктулос убил и запер в продолговатой коробке.

Она - ещё дышащее подношение убитым чувствам.

Она - последняя.

Некоторое время назад умерли все остальные.

Каждый мужчина, женщина и ребёнок были задушены спящими мрачной, дурманящей тенью Ноктулоса.

Вместо них остались манекены, муляжи из дерева и воска, притворяющиеся живыми с мозгами из опилок и пуговицами вместо глаз.

Вещи не могут испытывать чувства.

Фреда - последняя.

Последняя живущая, с текущей по венам кровью и способная испытывать любовь. И он её ненавидит.

Господи, как же он её ненавидит!

И, когда она закрывает глаза, как сейчас, он подходит всё ближе и ближе.

Он хочет забрать её эмоции, её жизнь, а если не сможет - то выкрасть её сны, чтобы ими вытеснить то, что не смог забрать.

Растянувшись на продавленной кровати, Фреда попадет в мир кошмаров.

В его мир.

* * *

Она попадает в мир камней и мёртвых цветов.

Кладбище.

Склеп.

Здесь, в иллюзорном мавзолее с жёлтыми увядшими цветами и фотографиями покойников, она ждёт свою любовь.

И имя её любви - смерть.

Он приходит за ней, как осень за летом.

Пути назад нет.

Она вдыхает запах октябрьского ветра и зловоние чёрной земли.

Он берёт её за руку.

Он касается её кожи, нежно лаская.

Прикосновения - как шёлк.

Он улыбается, обещая удовольствия.

Его глаза черны, глубоки и холодны. Безбожно холодны.

Она прижимается губами к его губам; в этом прикосновении - огонь и лёд, жизнь и смерть. Всё сплетается в головокружительном, чувственном танце.

Вдалеке бьёт похоронный колокол.

Кто же он? - ничего не соображая, задаётся она вопросом. - *Кто этот красавец?*

Под печальное воркование голубей он целует её, дарит ей ощущения, о которых она никогда и не мечтала. И в этот момент что-то происходит.

Всё меняется.

Она больше не прижимается к твёрдой груди, больше нет эротических грёз, горячего подтянутого тела и мягких, настойчивых губ.

И она понимает.

Как должна была понять уже давно.

Она вновь одурачена, соблазнена безумием, любима смертью.

Она была так голодна, что ничего не поняла. Или не хотела понимать.

Но сейчас, сейчас...

Его волосы седеют и рассыпаются пеплом.

Его кожа без единого изъяна начала трескаться, отваливаться и шелушиться.

Глаза разбухли и превратились в разделённые на множество долей шары, которые похотливо всматривались в самые глубины её души, пробуя то, что смогли там найти.

Она обнимает извивающуюся, корчащуюся сущность, которая жужжит и жужжит, вгоняя в неё жало.

Его рот, покрытый протухшими соками, начал втягивать в себя её язык, всё глубже и глубже в утробу.

А она кричала и кричала, бледнея от ужаса.

Её мольбы эхом отдавались от бетонных стен усыпальницы, и ответом её были лишь мрак и зверский холод.

И доносящееся откуда-то детское пение.

И она узнала его. Это был её собственный голос.

* * *

Кошмары переплелись с явью.

Фреда просыпается, хотя должна спать.

Она чувствует, как в её голове звучат тысячи рыдающих голосов.

Каждый из них обещает рай, блаженство и спасительное бегство, но дарует лишь жестокое безумие и горькое одиночество.

Почему? - задаётся она вопросом, зажимая сигарету дрожащими губами. - *Почему я осталась одна? Почему он забрал всех, кроме меня?*

Ответов нет.

Она - галлюцинация, сон, живой монумент исчезнувшей расы.

Единственный представитель молчаливого, вымершего человечества. Участница игры в кошки-мышки.

Последний игрок в игре под названием "геноцид", последний вдох, последний кладезь надежды рода людского, и в её венах течёт лекарство от безумия: эмоции.

Но она должна подумать. Должна составить план и разработать схему.

С каждым ночным кошмаром он становится всё ближе, и вонь от его дыхания становится всё сильнее.

Он гнилостный туман, чумная дымка, расползающийся мор. И она должна его остановить.

Она ветер перемен, который может взорвать и рассеять его гибельную ауру и вредную атмосферу поглощающей тени.

Она, последняя обитель чувств и скорби, должна уничтожить его и тем самым принести божественное свободомыслие и всеобщую любовь в ряды человеческих марионеток, стереть их сухие улыбки и растопить ледяные восковые сердца.

Если она сможет победить его; если она может уничтожить то, чем он является или не является, то всё станет, как прежде.

Вернётся детский смех.

Пение птиц.

Чувства влюблённых.

Игры и веселье.

Она хочет снова ощутить всё это; мечты и чувства не должны умереть вместе с ней.

Фреда закуривает и выглядывает из-за потрёпанной сетчатой занавески.

Мёртвый мир.

Безбожный мир, населённый марионетками-зомби.

И за верёвочки этих марионеток дёргают нечестивые, прокажённые пальцы вне пределов этого пространства и времени.

Они притворяются людьми: живыми, дышащими и чувствующими.

Но ни на что из этого они не способны.

Фреда это знает.

Марионетки не умеют любить.

Их мозг не способен слагать песни и сонеты.

Фреда собирает в заплечный рюкзак все свои вещи и выскальзывает в мир, пахнущий старым свечным воском.

Сегодня ночью она его отыщет.

Он поджидает её в каком-то пыльном, заброшенном, обескровленном квартале города.

С глазами кобры и зубастой пастью, из которой капает нейропаралитический яд.

Сегодня ночью. Либо смерть. Либо рождение. Либо небытие.

* * *

Карнавал проклятых.

Фреда знает это место.

Что может быть лучшим прикрытием для уродства, чем показуха?

Громадные и неповоротливые, крошечные и испуганные мысли носятся у Фреды в голове, обжигая её мозг летним стальным блеском и жаля его, как комары в августе перед дождём.

Она окидывает взглядом толпу, проходящую мимо неё, воняющую сигаретным дымом и пережаренной пищей.

Её глаза - полумесяцы; глаза человека, страдающего клаустрофобией; зеркала медиума, отражающие восковой ад преисподней.

Да, она их видит.

Они раздражают.

Пустые, обработанные чучела, которые не умеют любить и чувствовать.

Они цепляются друг за друга, имитируют поведение мужчин и женщин, но понимают его не более, чем деревянные статуэтки понимают работу кассового аппарата.

Она знает. Прекрасно знает.

Он здесь.

Его мёртвое касание всюду.

На её губах блуждает лёгкая улыбка. Она прислоняется спиной к ярмарочной палатке с тиром и закуривает сигарету.

Вдыхает запах старого жира и заплесневевшего брезента.

Неподалёку появляется парочка влюблённых; они направляются к ней, неуклюже переставляя ноги, как заведённые длинноногие игрушечные солдатики.

На их ярко раскрашенных краской лицах виднеются отвратительные, потрескавшиеся, измождённые ухмылки.

Они смеются и целуются, как куклы, управляемые скрытыми руками кукловода.

Они не чувствуют ничего. Они являются ничем.

Еще одно доказательство, - решительно думает она.

Он здесь. Сейчас.

Фреда пошла за парочкой, следя за ними и наблюдая, как за мухами под стеклом.

Она думает об их убийстве. Будто бы их можно убить!

Разве можно убить деревянное полено?

Разве может кусок глины испытывать боль?

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Она может стереть их постоянно улыбающиеся лица; может расколоть их тела на тысячи щепок; может растоптать их пластмассовые сердца; может разбросать все их винтики, шестерёнки и шкивы. Может. Но это ни к чему не приведёт.

То, что вечно мертво, больше умереть не может.

Она идёт за ними в нескольких шагах позади. Они останавливаются у ограждения ярмарочного "Домика ужасов", что-то игриво между собой обсуждая.

Фреда смотрит мимо них вперёд и видит выцветшую, оттенка слоновьей кости билетную кассу, покосившуюся набок. Она выглядит такой же безжизненной, как и мумия, что работает внутри.

На аляповатом холсте кричащими красками изображены сцены, которые являются (по крайней мере, художник так надеялся) худшими человеческими кошмарами: отрубленные головы и конечности; разбросанные внутренности; пролившаяся кровь; безумный маньяк с бензопилой и мясницким ножом; множество ходячих мертвецов и кровопийц на всевозможных стадиях разложения.

Фреда хмурится, когда двое влюблённых платят билетёру-марионетке в будке и направляются к "Домику ужасов".

Они бросают на неё один настороженный взгляд и исчезают внутри.

О да, они знают. Знают, кто она такая.

Они ощущают её тепло, её волю, и это сводит их с ума.

Фреда вытаскивает два доллара и подходит к билетной кассе.

Мужчина даже не смотрит на неё - грязная лапа выхватывает её деньги и швыряет в её сторону билет.

Пальцы, коснувшиеся её руки, быстро отдёргиваются.

Да-да, - думает Фреда, - *ты ведь тоже знаешь, кто я? Так? Ты знаешь, что я не такая, как ты. Что я та, кем тебе никогда не быть.*

Уличный торговец, стоящий у входа, улыбается ей пустой мёртвой улыбкой.

- Вечер добрый, мисс, - бурчит он, глядя на её скрытую под свитером грудь; зная, что она из плоти и крови, и ненавидя её за это. - Ваш билет, пожалуйста, - хрипит он.

Она протягивает ему кусок картона, презирая холодное касание его рук из красного дерева.

- Идёте одна? Знаете, там может быть действительно страшно.

Фреда морщится.

Что дальше? Это сгорбленно низенькое чучело предложит ей свою компанию?

И её будет поддерживать под руку, успокаивать и утешать кусок дерева?

- А я люблю страх. Полезен для души, знаете ли, - отвечает она.

- Как пожелаете, мисс.

Вот он. Дом ужасов.

Он идеален.

Что лучше подойдёт для ползающего по подвалам существа, вроде Ноктулоса?

Для существа из тёмных кладовок? Непотребного творения пространственно-временной дыры?

В её голове гремит лишь одно имя.

НОКТУЛОС.

Она оказывается в петляющем блестящем серпантине коридоров, которые поворачиваются под странными углами, как кишки.

В конце концов, она совершенно дезориентирована.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Повсюду зеркала - на стенах, на потолке, даже пол выложен каким-то отполированным светоотражающим материалом.

Она видит десятки искажённых, абсурдных образов самой себя, таких же дезориентированных, как и она сама.

Расплывчатые формы превращаются в ещё один тёмный коридор, оставляя за собой пыльный и дымный запах пепла.

Она идёт за запахом; вонь затхлого дерева и запертых веков щекочет ей ноздри.

Я иду за тобой, - думает Фреда. Слова ритмично стучат в висках.

Она входит в мрачный зал. Зеркала закончились.

Здесь переплетаются пространство, время и антиреальность, превращаясь в клыкастые, изогнутые под сюрреалистическими углами тени, окутанные прозрачной паутиной, которая дышит, пульсирует и смотрит на неё голодными лицами нерождённых младенцев.

Дымка.

Спутанное созвучие квакающими голосами жаб.

Молчаливый лунный свет, который при прикосновении опадает пеплом.

Выпуклый пол, он же - и потолок, и стены. И ни то, ни другое.

Всё абсурдно, уродливо, вывернуто наизнанку.

Где-то глухо и неблагозвучно забил железный колокол, эхом отдаваясь от стен.

И загоготал безумный, довольный голос.

Фреда движется сквозь кровоточащие соцветия.

Здесь всё бесцветно; существуют лишь чёрные, белые и серые тона и их всевозможные оттенки.

Она раздирает пальцами клубящийся у лица туман.

Он издаёт отвратительный хныкающий звук, замирает, покрывается миллиардами трещин и опадает к её ногам сотнями осколков, как битое стекло.

Воздух грубый, проклятый, полупрозрачный; биологическое сплетение внепространственных тканей.

Опустошённые, измождённые, серые лица с хитрыми усмешками выглядывают из ям и погребов, которые ведут в никуда.

Она находится в сточной канаве меж миров; в безумных, извращённых трущобах среди серой дымки, сломанных тел и белоснежных кровососущих насекомых.

В месте, которое извергло Ноктулоса из подвальных, слизких, поражённых глубин.

- Покажись! - требует Фреда. - Я тебя не боюсь.

Она замечает движение позади неё и слышит шёпот, напоминающий шелест листьев в сточной канаве.

Она много раз представляла себе Ноктулоса.

Она во всех деталях рисовала в голове его извращённую сущность.

Но реальность её просто ошеломила.

Гигантские, шелушащиеся прокажённые глаза.

Грубая, словно резаная ножницами кожа; исклёванная сотнями чёрных клювов печень...

И лицо - если этот ужас вообще можно было назвать лицом... Расплывшаяся лиловая ткань с дрожащей на ней плесенью, испещрённой белёсыми шрамами.

И всё это омывается розоватыми слезами.

А под этой лоскутной, будто сшитой хирургом тканью, постоянно шевелится что-то злобное, неспешное, извивающееся - как роющие в поисках выхода землю паразиты.

Ухмыляясь тремя беззубыми пастями, Ноктулос вздыхает, пыхтит и говорит:

- Прелесть, прелесть, прелесть...

- Я не боюсь тебя, - произносит Фреда.

Так и есть. Да, ей противно, но не страшно.

Она вытаскивает из сумки топорик.

Беспокоит её лишь один вопрос: что извергнется из этой мрази, когда она его вскроет, как консервную банку?

- Не боишься? - спрашивает он. - И почему же? Ты слепа, дитя? Посмотри на меня. Посмотри и утрать всякую надежду.

Его череп, словно на шарнирах, может по желанию двигаться, меняться и скручиваться в любую сторону.

Рты превращаются в глаза.

Из глаз высовываются чёрные острые языки.

Из каждой расширившейся поры начинают выползать черви.

Редкие волосы превращаются в извивающихся змей, скрюченные руки - в кроваво-алых пауков.

Его лицо расплывается в мерзкой ухмылке, и он сплёвывает на Фреду сгусток сгнившей эктоплазмы.

- А теперь боишься? - спрашивают её десятки ноющих голосов.

Фреда качает головой и делает неуверенный шаг вперёд; пол вздрагивает и качается под её ногами.

Она погружает топор в его живот.

Дождём проливается коричневая патока.

Крик, достигший звёзд.

Распахиваются десятки круглых жёлтых глаз, и из них льются слёзы - мерзкие лепестки сгнивших цветков, плывущих в наэлектризованном воздухе.

Ослабевший, потерявший жизненные силы Ноктулос отшатывается назад.

- Мне нужно твоё тепло, Фреда, - умоляет он царапающим, сухим голосом. - Очень нужно. Посмотри на меня. Я так выгляжу, потому что внутри я опустошён, холоден и одинок. Я не рождён. Я пребываю в забвении. И жду, когда же смогу родиться. Мне нужны твои эмоции. Ты моя последняя надежда.

Но Фреде это не интересно.

Ноктулос напоминает ей жалкого, отвратительного, испорченного, упрямого ребёнка.

Она начинает рубить, колоть и рвать.

Он разваливается, как мягкие сгнившие брёвна; сворачивается, как гусеница, пытаясь защитить свое мягкое белое подбрюшье; лопается с визгом, как воздушный шар, извергая чёрный дождь перегноя; взрывается миллионом чёрных спор и пушинок.

Его пузо - кошмарный зоопарк из лязгающих челюстей, распарывающих когтей и изогнутых стальных крюков.

Но вскоре всё это становится лишь воспоминанием.

Он превращается в озеро растёкшейся чёрно-белой жидкости, как в фильмах жанра нуар 50-х годов.

Сладковато-кислой, воняющей и шипящей.

И, наконец, Фреда ощущает порыв тепла, надежды и жара; оболочка Ноктулоса лопается, высвобождая все эмоции и чувства, которые он вытягивал из этого мира.

От наплыва эмоций у Фреды начинает кружиться голова.

Она погружается в поток ощущений.

Как рождение новых звёзд.

Как фейерверки.

Как наступающий вслед за промозглой ночью яркий солнечный день.

Фреда счастлива. Счастлива. Счастлива!

* * *

Кошмар внутри кошмара.

Фреда просыпается и чувствует протыкающие кожу акупунктурные иглы.

Где она? Где? Где?!

Мир белого снега и перьев из подушек.

Слепящий свет.

Кружащийся, закручивающийся.

Неподвижность. Голоса вдалеке.

- Ноктулос, - шепчет она. - Ноктулос, Ноктулос, Ноктулос...

И тут она понимает: это больница.

Они притащили её сюда после битвы, в которой она спасла всё человечество.

Но почему её руки и ноги удерживают кожаные ремни?

Почему ей не позволяют двигаться?

Она всё понимает: он снова победил.

Её привели сюда.

И здесь её будут удерживать.

А эти иглы... О да, этими иглами они будут лишать её человечности, будут вытягивать её эмоции прямо через внутривенный катетер.

Голоса.

Металлические голоса.

Не человеческие.

Белые фигуры марионеток останавливаются у её кровати.

- Но почему? - спрашивает один из голосов. - Почему женщина, выглядящая абсолютно нормальной, станет отправляться в зеркальный лабиринт и кромсать топором двух людей, которых она даже не знает? Какого хрена творится в её голове?!

- Как и в головах всех остальных...

- Но она не выглядит сумасшедшей! Смотри, сейчас, когда она спит, то вообще безобидна и невинна. Да ещё и библиотекарь. Я хочу выяснить, что происходит в её голове.

- Там один мусор и тьма, вот и всё. Просто подожди. Подожди, пока проработаешь здесь столько, сколько я. И увидишь, что за дерьмо наша работа. Давай, помоги её развязать.

- А если она проснётся?

- Не проснётся. Они все спят, по меньшей мере, до следующего утра.

Да, - думает Фреда, - *пусть они думают, что я сплю. Да, да, да...*

- Так, а теперь помоги мне её поднять. М-да, а она тяжелее, чем выглядит.

Откуда-то доносится дикий вопль, эхом отдающийся в угрюмом полумраке.

- Да что там с этим новичком в соседней палате?

- С крикуном? Говорит, что он одержим. Рассказывает, что что-то высасывает его чувства, крадёт их.

- А разве эта девушка не рассказывает то же самое? Что кто-то украл...

- Не обращай внимания. Они все сумасшедшие. Только начнёшь их слушать - и будешь, как и они, везде видеть тайные заговоры.

Фреда резко открывает глаза.

Она жива.

Она мешок извивающихся, жалящих, дерущихся гадюк.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Она погружает свои пальцы в глазницы первого мужчины и тянет, тянет, тянет на себя, пока кость с кожным лоскутом не отрывается.

Да, да, да! Она была права!

Внутри нет ни крови, ни мышц, ни подкожно-жировой клетчатки. Только колёсики, шестерёнки, смазка и провода.

Её пальцы пачкаются в смазке.

Ярко-красной.

А в соседней комнате раздаётся высокий, злобный смех из какой-то чёрной канализационной реальности.

Ноктулос.

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ШЕСТЬ ФУТОВ ЗЕМЛИ ИСТЛЕВШЕЙ

"Искатели острых ощущений
любят наведываться
в глухие, потаённые места".

- Говард Лавкрафт, "Картина в доме".

- 1 -

Когда мы отыскали могилу, шёл дождь.

Холодный ветер с дождём, превративший вековое кладбище в болото из грязи и потоков воды, затопивших могилы; каменные разваливающиеся надгробия серели среди угрюмых разливающихся рек.

Это была сырая, холодная ночь; от заросших мхом и лишайником надгробий на землю падали спутанные, густые тени.

Мы с Крофтом стояли перед могилой; дождевая вода лилась по нашим непромокаемым плащам и шляпам, слезами стекая на хмурые лица.

- Вот, - произнёс Крофт. - Вот это место.

Моим глазам предстала разрушенная, замшелая плита, просевшая в землю на добрый десяток сантиметров.

Бесчисленные годы и смены времён года разъели её, делая надпись нечитаемой.

Но она была массивной и тяжёлой - из тех плит, что предназначались для придавливания и удержания своим весом того, что лежало под ними, сотни и тысячи веков.

С помощью ломов мы отбросили в сторону отколовшиеся части плиты, а затем принялись копать землю в тусклом свете фонаря.

Наши лопаты разрезали рыхлую почву, как хирургические скальпели рассекают кожу и подкожную клетчатку с мышцами; потоки грязной воды окружали нас, как реки заражённой крови.

Мы пришли на это жуткое кладбище недалеко от Старого города в Вюрцбурге, чтобы откопать тело колдуна XVII века. И выбрали мы для этого прекрасную ночь.

Крофт сказал, что нам нужна как раз такая погода: ливень и мрак, чтобы никто не вылез на улицу и не увидел, что мы делаем.

И он оказался прав: на улицах никого не было... Только мы. Современные похитители трупов.

Да, Крофт говорил, что нам нужен дождь. Но нам, скорей всего, нужно было нечто большее: сама атмосфера жуткого векового кладбища. И мы этого добились.

Стук дождя, завывание ветра в деревьях.

Отдалённое поскрипывание ворот.

Это была сложная работа, но мы справлялись; полными лопатами отбрасывали сырую, взрытую червями почву, от которой в воздух поднимался тошнотворный, могильный запах.

Мы раскапывали могилу квадратами, аккуратно складывая вырытую землю кучами на простыню, чтобы потом, когда мы будем уходить, могиле можно было бы придать нетронутый вид.

Как видите, Крофт всё спланировал. Это была его идея.

Подобные вещи всегда были его идеей.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Ночные вылазки в заброшенные дома и разрушенные склепы, поездки в города-призраки.

Он всегда приходил ко мне с такими вещами.

И я всегда соглашался, потому что Крофт был моим другом... Да и, во имя всего святого, ради острых ощущений!

Он шёл на это ради истории и прошлого, а я - ради азарта.

Ведь когда начинаешь тесно общаться с Крофтом, азарт вам обеспечен.

Вы можете полностью рассчитывать на странные походы и задания.

Он позвал меня с собой, во-первых, из-за того, что я его друг, а во-вторых, у меня была тренированная спина и сильные руки, способные управляться с лопатой.

А может потому, что мои принципы были странно избирательны, и я не отказывался от различных сомнительных занятий... Вроде разграбления могил.

В общем, так мы здесь и оказались; раскапывали в полночь мрачное, уединённое немецкое захоронение, которому уже на момент Гражданской войны в США было, по меньшей мере, пять веков.

Германия и колдовство.

Гремучая смесь.

Германия XVI и XVII веков была не лучшим местом для тёмных искусств, и уж тем более, для тех, кого государство причислило к практикующим чёрную магию.

Судя по записям в архивах, за колдовство и чародейство было сожжено порядка 100 тысяч человек.

Иногда - более ста за день.

Возможно, в других странах Европы истерия по поводу чёрной магии вполне могла называться "охотой на ведьм", но в Германии она приобрела масштабы тотального истребления... Геноцида, равного которому Центральная Европа не ощутит до времён Холокоста.

Считайте это небольшим экскурсом в историю.

Мы с Крофтом искали одного конкретного мага и чернокнижника - Алардуса Вердена, известного некроманта XVII века, казнённого в 1627 году во время Тридцатилетней войны.

Обвинённый в колдовстве и ворожбе, Верден был обезглавлен и сожжен по приказу епископа Адольфа фон Эренберга в вюрцбургской "Башне ведьм", где религиозные фанатики пытали и казнили стольких бедняг.

После тщательного изучения множества ветхих фолиантов, вроде *"Компендиума ведьм Вюрцбурга"* 1643 года, книги *"Ведьмы: охота и преследование в Вюрцбурге и его окрестностях"* 1665 года, а также судебных записей того времени, Крофту удалось выяснить то, что упустили другие: легендарный маг Верден был тайно захоронен после казни.

Несколько неизвестных единомышленников поместили его обгоревшие останки в гроб и захоронили в безымянной могиле.

Наверняка вы скажете: *Какие-то предания о колдунах вскрылись спустя столько лет. Подумаешь!*

Но для Крофта это было сбывшееся пророчество.

Откровение. Божественная истина.

И после этого он начал свой Крестовый поход.

И когда он узнал, что эта могила, скорей всего, принадлежит Вердену...

Точно! Он позвал меня с собой!

Вот так мы и оказались этой промозглой, мрачной ночью в таком унылом и отвратительном месте.

Почва была чёрной, глинистой, с кучей узловатых корней и кишащих насекомых.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Копать было ужасно сложно... Словно ворочать лопатой влажный цемент.

Пока мы не спустились на три-четыре фута в глубину.

К тому моменту мы были уже насквозь мокрые, грязные с ног до головы и не в лучшем расположении духа.

В воздухе стоял запах мокрой земли, сгнившей растительности и вскрытой могилы.

А вокруг нас мрачными могильными ртами усмехались заросшие плющом склепы и увитые ежевикой ангелы на верхушках памятников.

Целые ряды потрескавшихся от времени средневековых могильных плит, покрытых лишайником и окружённых со всех сторон ядовитыми мухоморами.

А вдалеке, на значительном расстоянии, виднелись заросли тиса; его тонкие, длинные ветви обрамляли развалины церкви XV века.

Да, это было кладбище вюрцбургского Старого города.

Днём - очень интересное место.

А ночью... Место, от которого лучше держаться подальше.

Мы почти два часа копали эту чёртову могилу; туман стелился у наших ног, поднимаясь из мрачных лощин.

И, конечно же, дождь не прекращался.

Он продолжал идти, превращая древний могильник в бурлящий котёл болотной жижи, от которой поднималась жуткая вонь.

Лопата ударилась обо что-то.

Что-то твёрдое.

Крофт заволновался и начал кричать, чтобы мы быстрее счистили грязь.

Мы принялись за дело: сначала лопатами, затем - голыми руками.

Наконец, мы опустили в яму фонарь и увидели длинный ящик, разваливающийся и размякший за прошедшие века.

Не переставая, лил дождь, смывая не расчищенные нами остатки грязи и песка.

Первое, что бросилось мне в глаза - это железные цепи.

Да, гроб был скован цепями. Наглухо.

И не для того, чтобы никто не забрался внутрь, а для того, чтобы находящийся внутри не смог выбраться наружу...

- 2 -

Я не сдержался и озвучил свои мысли.

Крофт рассмеялся, но смех вышел таким натужным, словно подобные мысли только что посетили и его.

- Что ж, займёмся тем, за чем пришли, - произнёс Крофт прежде, чем я смог прервать его своими глупыми вопросами и дурацкими предложениями бросить всё к чертям.

Как я и говорил, древесина саркофага Вердена размякла за столько лет; её покрывала плесень и обвивали белые корни растений.

Чудо, что за прошедшие четыре столетия гроб остался целым и нетронутым.

Мы оказались первыми, кто его вскрывал.

Обвивающие гроб цепи были укреплены древними замками.

Они были ржавыми и зелёными от плесени.

Мы с ними быстро управились.

Острые лезвия наших лопат легко вырвали их вместе с кусками сгнившей древесины.

Я ударил по первой цепи; и когда лопата зацепила крышку гроба, то услышал изнутри какой-то шум. Может, эхо от удара?..

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Господи, да я там чуть на месте не скончался! Этот звук... Словно внутри что-то просыпается и скребёт крышку...

Крофт всегда говорил, что я никогда не нервничаю, и внутри меня стальной стержень...

Брехня!

Просто раньше мы не сталкивались ни с чем подобным.

Никогда ещё я не испытывал такой полнейший необъяснимый ужас.

Я никак не мог побороть нервную дрожь.

Что-то просочилось из этого прогнившего, прокисшего гроба и проникло в меня.

Я не могу адекватно описать, что чувствовал тогда: у меня зуб на зуб не попадал, и хотелось заорать.

Меня не покидало странное ощущение, что мы собираемся отогнуть край Вселенной и заглянуть вниз, в чёрные, как смоль, глубины полного безумия.

И из этих неисследованных бездн что-то будет смотреть на нас. Кровожадный кошмар, который может с одного взгляда заставить наш разум оцепенеть...

В этот момент Крофт разорвал цепи. Я никогда прежде не видел его таким: то ли взволнованным, то ли напуганным, то ли просто свихнувшимся от всего происходящего.

Я был уверен, что если в этот момент решу оставить его и свалить, то он раскроит мне череп этой же лопатой.

- Помоги поднять крышку, - попросил Крофт.

Я не хотел.

Во мне росло первобытное, необъяснимое отвращение, когда я думал, что мне нужно прикоснуться к этой штуковине.

Но пришлось.

Господи, помоги мне!

Крофт поддел лезвием лопаты крышку гроба и приподнял струхлевшую за прошедшие века древесину.

Я придержал её, подсунув пальцы под край... И отшатнулся.

Мне было противно это ощущение под пальцами. Настолько, что меня чуть не вырвало.

Холодное, скользкое... Как человеческий мозг на блюде.

На счёт три мы откинули крышку в сторону; дерево было настолько старым и гнилым, что наши пальцы продырявили его насквозь.

Я принялся неистово стряхивать со своих рук прилипшие частички древесины, пока Крофт прислонял крышку гроба в краю выкопанной ямы.

Из гроба до нас донёсся смрад горелой плоти, и я подумал, что сейчас упаду в обморок.

Но он быстро выветрился, словно ничего и не было.

Всё, что я ощущал, это запах неисчислимых веков.

Опасный смрад разложения, раскрошившихся костей, могильной сырости и чернозёма.

А в гробу...

Я колебался.

То, что там находилось, напоминало человека... Почти.

По существу, это был почерневший скелет с засунутым под левую подмышку черепом.

Всё правильно, учитывая, что Вердена обезглавили перед сожжением на костре; невообразимая роскошь, если вспомнить о том, что большинство ведьм того времени было сожжено заживо.

Череп злобно ухмылялся нам распахнутыми челюстями, а в глазницах коварно извивались тени.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

В моей голове скреблись не прошеные мысли. Но не из-за скелета в развороченной могиле. Было что-то ещё...

Скелет, пусть и искорёженный пламенем костра, был каким-то неправильным. Вытянутым. Деформированным.

Он был абсолютно абсурдным, и я был уверен, что виной всему стал не пожар.

Кости шероховатые, неровные и необычно утолщённые в некоторых местах.

Локтевая и лучевая кости левой руки были очень короткими и толстыми, а правой - невероятно длинными, достигающими коленной чашечки; а пястные кости, в свою очередь, обвивались вокруг бедренной кости, словно были сделаны из пластилина.

Грудная клетка скособочена, череп - неестественно широк, с двумя долями, разделёнными глубокой расщелиной; одна глазница располагалась значительно дальше от средней линии, чем вторая; полость носа оказалась прямоугольной, а челюсти выдвинуты вперёд и вверх.

Скелет Вердена выглядел расплавившимся.

Что-то размягчило кости, сделало их податливыми, а затем растянуло в различных направлениях и дало остыть и вновь затвердеть.

Это было отвратительно. Аномально.

Ни один костёр не смог бы сделать такого с человеческими костями.

Скелет напоминал те, что я видел в медицинском музее или в шоу уродцев: что-то атрофировалось, а что-то мутировало до такой степени, что сложно было представить, как этот человек мог передвигаться.

- Это из-за огня? - задал я Крофту глупый вопрос.

Тот покачал головой.

- Не думаю...

Он поднёс фонарь ближе, и в мерцающем свете череп нам злобно ухмыльнулся.

Хоть это и была просто кость, выглядела она злобной и порочной.

Крофт поскоблил скелет перочинным ножиком. Чёрные хлопья гари унесла дождевая вода.

Дело было не в огне. Под почерневшей, обугленной плёнкой на костях виднелись большие опухолевые наросты и выпячивания, словно кости оплетали какие-то ядовитые плесневые грибы.

Я не мог отделаться от мысли, что скелет Алардуса Вердена выглядел так, словно он начал делиться, как амёба, когда его предали огню.

Безумная идея, но эти выпячивания выглядели это именно так: будто один скелет готов был вот-вот разделиться на два.

- Займёмся тем, за чем пришли, - произнёс Крофт.

Он опустил лезвие лопаты на левое запястье и отрубил кисть.

Она отвалилась в сторону, и Крофт аккуратно сложил кости в поясную сумку.

Затем мы, пугаясь каждого призрачного шороха, опустили крышку на место и забросали могилу землёй.

Мы установили на место расколотую могильную плиту и пошли домой под проливным дождём, лавируя между древних памятников и уверяя себя, то с делом Алардуса Вердена покончено раз и навсегда.

Как же мы ошибались!

Ведь мы и понятия тогда не имели, что извлекли из-под шести футов истлевшей земли.

- 3 -

А теперь, если вы не против, вкратце - или не совсем вкратце - расскажу о человеке по имени Альберт Крофт.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Почему Германия? - спросите вы.

Ну, потому что Крофт неприлично богат и может позволить себе жить там, где только вздумается.

А почему Вюрцбург?

Потому что этот город был оплотом немецких ведьм и центром их гонений на протяжении многих веков, а Крофт обожал всё мрачное и зловещее.

Он жил в разваливающемся доме XIX века, где большую часть пространства занимали книги.

Стоило только переступить порог, и вы сразу почувствовали бы этот затхлый запах изъеденных молью и покрывшихся плесенью фолиантов.

Сам дом был, по сути, огромной библиотекой.

Не было смысла искать здесь телевизор или DVD-проигрыватель: у Крофта даже не было электричества, а водоснабжение было нерегулярным.

В целом, это был гигантский разваливающийся дом с крысами в подвале и летучими мышами на чердаке, со скрипящим флюгером на остроконечной крыше и потрескавшимися, засиженными мухами витражами.

Лабиринт из узких тёмных коридоров, которые, казалось, никуда не ведут, и сводчатых комнат, которые всегда пахнут затхлостью.

Всей атмосферой особняк напоминал викторианский морг: начиная от узких проходов и заканчивая газовыми горелками на стенах.

Замечательное место, если вы готовы, как Крофт, окунуться в уныние и тьму забытых веков.

Немного экстремально для современных вкусов и предпочтений.

Дом, как и живущий в нём человек, был пережитком прошлого.

Но чтобы Крофт жил в другом месте...? Такого я и представить не мог.

Крофт обладал богатым воображением и острым умом, поэтому неудивительно, что он был в некотором роде писателем.

Если вы любите американские и британские новеллы и рассказы в жанре ужасов, то, возможно, слышали имя Альберта Крофта.

Он написал несколько коротких историй и новелл о тёмных прожорливых богах, о безымянных выживших и об абсолютно других планетах. И должен сказать, эти произведения были неплохо приняты критиками.

Я прочёл многие из них: и *"Скребущийся во тьме"*, и *"Острова Сальтес"*, и *"Ведьмин род из Ни-Горла"*, и *"Мать крыс"*, и мой любимый рассказ - *"Мерзость в подвале"*.

Многие из них впервые были опубликованы в мрачных, специфических журналах, вроде *"Морга", "Призрачных теней"* и *"Книги Червей"*, а позже были собраны в сборник *"Возрождение Жутких Костей и другие ужасы"*. Эта книга в твёрдом переплёте вышла в свет, благодаря издательству *"Дом ведьм"* незадолго до того, как их главный редактор, Джейсон Борг, покончил жизнь самоубийством.

Что, естественно, только добавило известности издательству и их многочисленным произведениям. После этого происшествия коллекционеры и ценители ужасов со всего мира старались заполучить их издания.

Однако, несмотря на его редкие походы в мир тёмного фэнтези, Крофт был абсолютно серьезен в вопросах чародейства и волшебства; он был преданным студентом, и, как я подозревал, иногда занимался некой тёмной практикой (хотя он никогда бы не признался мне в этом, несмотря на моё принятие).

Да, иногда лучше не знать всего.

Да и не нужно мне знать всё. Я и так увяз в этом достаточно глубоко.

Сначала, когда только начал общаться с ним, я играл роль адвоката дьявола, доказывая, что его исследования были чистой воды фантазией: ничем, кроме мифов и суеверий, результатом устарелого мышления невежественных умов.

Но Крофт был искусным рассказчиком; он мог часами спорить со мной, утверждая, что так называемые "тёмные искусства" были, по существу, системой знаний и целой тайной наукой, утерянной в веках; что древние цивилизации были способны на то, о чём современная наука может только мечтать.

И в таких спорах всегда побеждал Крофт.

Несмотря на отсутствие высшего образования, Крофт был очень умён, обладал прекрасным ораторским искусством и удивительной памятью на исторические факты. А я, невзирая на докторскую степень по литературе и начитанность (по крайней мере, я так считал), едва ли мог тягаться с ним.

В общем, чего ходить вокруг да около? Скажу прямо: если бы Крофт жил в XVI или XVII веке, его бы уже давно судили и казнили за колдовство.

Думаете, я хочу сказать, что он был колдуном?

Если начистоту... Я и сам не уверен.

Скажу лишь, что он коллекционировал старинные запрещенные рукописи и книги, проводил большую часть времени в поисках забытых за века знаний и расшифровывал тексты, которые, по моему скромному мнению, лучше было бы оставить зашифрованными, как и хотели того сами авторы.

Он мог часами рассказывать мне о жизни и работе известных магов, ведьм и некромантов - Луи Гофриди и Симона Волхва, Георгия Сабелликуса и Мартинеса де Паскуалли, Мадлен Бавен и Роджера Болингброка - пока мне не начинало казаться, что я знаком с ними лично.

Его дом был сокровищницей запретных знаний, и мне не нравилось туда приходить. Я предпочитал встречаться с Крофтом в таверне или кафе, потому что в его доме постоянно витали удушливые, пугающие запахи.

Полагаю, дело было в старости - гниющая штукатурка, заплесневелая мебель и множество книг.

Бесчисленные тома, разваливающиеся в труху.

Их было так много, что воздух стал спёртым и даже неким образом желтоватым от пыли и кусочков распадающихся переплётов и истончающихся страниц.

В этом доме у меня всегда начинали слезиться глаза и першить в горле... Вряд ли с жизнью в подобном склепе можно оставаться здоровым.

Книги стояли не только на стеллажах; они занимали все столы и даже неопрятными кучами были свалены на полу.

Среди них можно было найти книги и на латинском, и на арабском, и немецком, и на греческом - невероятно древние манускрипты, исписанные криптограммами, шифрами, рунами и непонятными символами.

Чаще всего в стопках встречались Коттон Мэзер, Якоб Шпренгер и Джозеф Гленвилл, чьи многочисленные памфлеты и брошюры ярко описывали ужасы инквизиции и пытки ведьм.

Крофт обстоятельно приобретал всевозможные древние рукописи.

Здесь можно было найти очень интересные книги демонографов и охотников на ведьм - *"Демонопоклонничество"* Николя Реми, *"О демониалитете и бестиалитете инкубов и суккубов"* Синистрари, *"Книга ведьм"* Гуаццо, *"Рассуждение о ведьмах"* Анри Боге, *"Разоблачение ведьмовства"* Реджинальда Скотта - бок о бок со старыми гримуарами, к которым Крофт мне даже не позволял прикасаться.

Например, такие запрещённые, отвратительные книги, как *"Книга Иода"* и *"Книга Эйбона", "Восстание Насекомых"* и *"Культ Червя", "Чёрная книга Алсофокуса"* и *"Святое Царство"*.

В общем, думаю, я дал вам полную картину того, кем является Альберт Крофт... Учёный, затворник и антиквар.

Человек, которые терпит кого-то, вроде меня, лишь из-за того, что я бываю ему полезен, и время от времени Крофту нужен собеседник.

Конечно, ничего из этого не помогает вам понять, почему мы раскопали могилу колдуна XVII века. Но к этому я сейчас вернусь.

Это касается того, что средневековые чёрные маги называли *"Рука славы"*.

Возможно, вы уже видели эту мерзкую штуку по телевизору или на картинках. Но если нет, позвольте вас просветить, как в своё время был просвещён и я.

Рука славы - это отрезанная рука повешенного преступника. Предпочтительнее её удалять, пока тело ещё качается на виселице, но для еретиков и ведьм также подходит вариант эксгумации.

В последнем случае, по словам Крофта, рука будет обладать истинной мощью... для тех, кто верит в подобную чепуху.

В общем и целом, если верить Крофту, кисть традиционно обескровливают, высушивают при помощи савана и две недели маринуют в глиняном горшке в травах и специях, таких как корица и калиевая селитра.

После этого её костный каркас удаляется и заменяется мазями и воском.

Воск изготавливается из трупного жира, по возможности, того же покойника, которому принадлежала рука, либо не рождённого ребёнка. Существует предание, которое гласит, что в XVII веке беременных женщин часто убивали, чтобы добыть содержимое их чрева.

Мазь чаще всего изготавливалась из крови малой ушастой совы, жира белой курицы, желчи кошки и могильной земли.

Поэтому во время процесса изготовления рука нередко приобретала нездоровый зеленоватый оттенок.

В кончик каждого пальца вставляется фитиль из волос мертвеца и поджигается... И вот вы уже становитесь счастливым обладателем трупного подсвечника, о котором ваши предки могли только мечтать!

Отвратительно, - скажете вы.

Полностью согласен. Но Крофт решил, что обязательно должен заполучить себе такой.

И где-то на страницах своих изъеденных червями фолиантов он нашёл, если можно так сказать, "рецепт" изготовления Руки Славы из кисти казнённого ведьмака.

Это и привело нас к Алардусу Вердену.

А его - к нам.

- 4 -

Той дождливой ночью мы вернулись в старый дом Крофта, насквозь пропитанные вонью могильной сырости, и открыли мешок с "добычей".

Даже в свете лампы эти кости казались... ненормальными.

Я сидел в кресле и вдыхал запах заплесневевших книг, пока Крофт отмывал пожелтевшие, деформированные кости и аккуратно склеивал их в единое целое.

Кисть получилась абсурдной и нелепой.

И не столько из-за того, что принадлежала мертвецу, а по большей части из-за своего внешнего вида.

Сами кости были узловатыми, с наростами, серого цвета; пястные кости оказались плоскими, заострёнными и со странными крохотными отверстиями, словно проделанными миниатюрной дрелью.

Пальцы составляли сантиметров пятнадцать-двадцать в длину; безымянный был длиннее среднего, а большой напоминал полую костную трубку.

И все пальцы были деформированы - согнуты и вывернуты под странными углами, которых в норме и быть не могло.

Я мог лишь предположить, что Алардус Верден страдал от какого-то заболевания костей.

- И что теперь? - спросил я у Крофта.

Он вскинул на меня глаза, словно только сейчас вспомнил о моём присутствии.

Его глаза были налиты кровью, а взгляд остекленел. У меня сложилось впечатление, что он был на гране истерики и сейчас либо захохочет, либо закричит.

- Как ты собираешься из этого сделать подсвечник?

Крофт ухмыльнулся и ответил, что у него уже припасены необходимые материалы: жир, специи, фитили и даже кусочки кожи, которыми он будет всё скреплять.

После этого я решил больше не задавать вопросов.

А, возможно, и стоило. И стоило отправиться в полицию и всё им рассказать. Но я не стал.

Я ушёл, пока Крофт листал фолиант в кожаном переплёте.

Но перед уходом у меня хватило мужества спросить:

- И что, во имя всего святого, ты собираешься делать с этой жутью?

Крофт улыбнулся в тусклом, жёлтом свете лампы.

- А ты действительно хочешь это знать?

- 5 -

Всё, я умываю руки.

Я сопровождал Альберта Крофта в стольких ночных прогулках, но ни разу не делал этого против своей воли.

Хочу, чтобы вы это понимали.

Если он каким-то образом и принудил меня к этому, то сделал это так тонко, что я поверил, что хотел этого сам, и что это было моей собственной идеей.

Я не пытаюсь оправдаться за то, что совершил в его компании - перетаскивал древние надгробия из кладбища для его личной коллекции; крал редкие погребальные скульптуры и урны из склепов, потому что Крофту был нужен находящийся в них пепел человека для каких-то опытов. Но теперь я готов со всей уверенностью заявить: с этим покончено. Всё зашло слишком далеко.

Никогда, клянусь вам, никогда прежде я не выкапывал гробы... Хотя, подозреваю, что для Крофта это было не впервой.

Наверно, вы можете обвинить меня в довольно избирательных моральных принципах, и я не стану с вами спорить.

Лишь скажу в свою защиту, что в могиле, которую мы раскопали, находился один скелет и ничего более.

Я бы никогда не стал тревожить останки того, кто был погребён недавно.

Да, похоже, я вновь начал оправдываться.

Впервые я встретил Крофта в пивной в Дармштадте около шести лет назад. Я тогда пытался прийти в себя после разрыва отношений с одной немкой, с которой был вместе ещё со времён своей службы в армии.

Всё кончилось плохо.

И вместо того, чтобы вернуться в Индиану, как и должен был, я остался в Германии.

В Штатах меня ничего не ждало, поэтому я устроился на отличную работу в винодельню в Бад-Дюркхайме.

Я почти десять лет отслужил в местной армии, и мне нравилась эта страна.

За шестнадцать лет вне дома, Америка стала мне казаться абсолютно чужой.

Вот я и остался.

Я остался, работал в местной винодельне и всё свободное время проводил в барах, напиваясь и тоскуя по своей ушедшей любви, и вляпываясь в неприятности.

Там меня Крофт и нашёл.

Он был американцем, как и я, моим ровесником, и мы быстро поладили.

Даже когда я узнал о его неприятном хобби, меня это не остановило.

Крофт стал моим другом.

Я был обычным солдатом в отставке вдалеке от дома с огромной дырой в сердце, и я понятия не имел, чем заниматься дальше.

Теперь мне кажется, что Крофт моментально всё понял и воспользовался этим.

Не важно.

Я ведь уже большой мальчик и мог в любое время сказать "нет". Но не стал.

Я был очарован Крофтом. Умный, утончённый, богатый.

Тот факт, что он хотел со мной общаться, тешил моё самолюбие.

Я был на дне.

А Крофт взял меня за руку и вытащил из этой канавы саморазрушения. Я хотел отплатить ему той же монетой. Но я не был глупым или наивным. Может, в глубине души Крофт и испытывал ко мне какие-то чувства, но суть в том, что я был ему нужен. Ему был нужен парень, которому нечего терять. Парень с мускулами и крепкими яйцами, но без грамма здравого смысла.

Такой, как я.

Но теперь с этим покончено. Я даже набросал кое-какой план, как уехать из Германии.

Мои родственники в Индиане все умерли, но в городе Хуксетт, штат Нью-Гэмпшир, жила моя сводная сестра, и я подумывал отправиться к ней...

Сорокалетний мужчина без перспектив в жизни.

Но я понимал, что должен это сделать.

Я должен сбежать от Крофта. Должен убраться из Германии.

Потому что с той самой ночи, когда мы разграбили могилу Алардуса Вердена, меня не покидало предчувствие чего-то жуткого, и я не мог от него избавиться.

У меня сдавали нервы.

Я понимал, что это чушь, но мне казалось, что если я не выберусь из страны, меня утащит за собой нечто мерзкое и огромное.

В общем, хватит вам слушать мою печальную историю.

Вам она не интересна.

Ведь вы хотите услышать об Альберте Крофте и руке колдуна XVII века. И об этом я вам дальше и расскажу.

- 6 -

Спустя две недели после нашего посещения кладбища в Старом Городе я решил нанести Крофту визит.

Как оказалось, это была чертовски плохая идея.

Потому что то, что лениво глодало мои нервы с тех пор, как мы вскрыли ту проклятую могилу, теперь начало жевать их всерьёз.

Сейчас объясню.

Я бы никогда не пришёл к Крофту без приглашения или без предупреждения.

Обычно он отправлялся в город и звонил мне оттуда, ведь телефона у него не было.

Стоило ему меня позвать, и я тотчас прибегал, взволнованный перспективой нового мрачного приключения.

Но на этот раз я решил заскочить без предупреждения.

Меня не покидало ощущение, что я должен зайти. И скорей всего, это стало моей самой крупной ошибкой.

Вюрцбург находился в двухстах километрах от Бад-Дюркхайма. Тем утром я вырулил на своём крошечном фиате на автобан, точно зная, куда направляюсь. Только вот не зная зачем.

Я осознавал, что не могу покинуть Германию, не предупредив Крофта.

Чувствовал, что должен это сделать.

Я несколько раз кругами проезжал мимо его высокого, закрытого ставнями дома, но так и не мог заставить себя остановиться.

Может, из-за нервов, а может из-за чего-то ещё, но при одной мысли о том, что мне придётся войти внутрь, у меня всё внутри сжималось.

Но пару кружек пива в городе - и вот у меня уже появились силы и мужество, чтобы закончить то, ради чего я приехал.

Солнце уже село; от реки тянуло холодным воздухом, а редкую растительность у дома Крофта затягивал туман.

Над головой светила полная, круглая луна, но свет её был не ярким, а тусклым и безжизненным, словно витающее над древним городом призрачное, восковое лицо.

Вюрцбуг... Город древностей и захороненных предметов, тёмных преданий и богохульных тайн, спрятанных в унылых садах.

Я постучал в покосившуюся дубовую дверь, и весь дом - от угрюмых, накренившихся шпилей и готических башен до обваливающейся кирпичной кладки и кровли - казалось, содрогнулся.

Возможно, у меня разыгралось воображение, но я был уверен, что этот высокий, загнивающий особняк на окраине Вюрцбурга заходил ходуном.

Он зашатался, вздрогнул и погрузился в тревожную тишину.

Он нависал надо мной, как выдернутый из чёрной, зловонной земли разложившийся чёрный скелет, излучающий злобу и ненависть.

Я постучал ещё раз.

Я слышал, как мой стук эхом отозвался в длинных узких коридорах, пронёсся по лестницам и умер во тьме запертых чердаков и пустых ниш.

Шорох шагов... Усталое шарканье ног старого человека, у которого едва хватает сил двигаться.

Лязг замков, цепочек и отодвигание ржавых запоров.

Дверь со скрипом приоткрылась сантиметров на пять.

- Кто стучит? Кто там? - спросил хриплый, надтреснутый голос сперва на немецком, а затем на английском. - Кто стучал в дверь?

Я даже не сразу ответил, потому что, если честно, не был уверен, что это Крофт.

Этот надтреснутый, скрипучий голос...

И глухой, раскатистый, словно старик шептал в трубу.

Тусклый свет луны отразился в остекленевшем, выглянувшем в щель глазу.

- Крофт? - прошептал я.

На пару секунд наступила тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием.

- Это ты, Криг? Да, ты... Можешь входить.

Я попытался сглотнуть ком, но в горле пересохло.

Я не мог поверить этому надтреснутому голосу... Он не был похож на привычный голос Крофта, хотя интонации были схожи.

Будто кто-то подражал ему.

Дверь открылась, и в проёме появилась фигура.

Меня посетило безумное желание развернуться и бежать, оставляя между мной и этим тошнотворным домом как можно больше километров.

Но я остался.

Я переступил порог и последовал за удаляющейся фигурой в кабинет - просторную комнату, в которой Крофт проводил большую часть времени.

Там было темно; помещение освещала единственная, догорающая на заваленном книгами столе свеча.

Крофт обогнул стол, и в дрожащем пламени я рассмотрел его сгорбленную, прихрамывающую фигуру.

- Ты в порядке? - спросил я.

Он опустился в кресло, и я даже засомневался, что из них двоих хрустнуло: кресло или сам Крофт.

Дыхание старика было хриплым, клокочущим.

- В порядке, в порядке, дружище. Хотя, стоит признать, что меня знобит... Слишком много ночей мы с тобой провели на промозглых кладбищах, да?

Это была наша с ним частая шутка.

Я и не сомневался, что Крофт ответит именно так и, как всегда, отшутится.

Но вот его интонация, ударения на определённых гласных... У меня холодок пробежал вдоль позвоночника.

- От тебя ничего не было слышно, - всё, что я смог выдавить.

Крофт кивнул, и мне показалось, что даже для этого ему пришлось приложить немало усилий.

- Я же сказал, мне нездоровилось. Не сомневаюсь, что миазмы этого старого дома ядовиты для лёгких... И конечности постоянно коченеют... Не важно, скоро я поправлюсь, и тогда...

- Что "тогда"?

Но Крофт покачал головой, словно это не стоило обсуждения.

Он сидел в кресле, подальше от света, сгорбившись от усталости.

Это был Крофт. И не был.

Наступившая тишина, мягко говоря, нервировала.

Мой разум был подобен пустому барабану, и я не мог придумать, о чём заговорить.

А Крофт, казалось, был занят лишь тем, чтобы дышать, словно сам процесс дыхания был утомительным и выматывающим. Всё его тело поднималось со вдохом и сдувалось с выдохом.

Ему всегда было, что сказать: он либо болтал о какой-то чепухе, либо отстаивал свои теории, либо критиковал недавно прочитанную статью.

Но он никогда не молчал.

В доме стоял запах, который мне не нравился.

Не обычный запах плесени и древних книг, а что-то невыносимо застойное, вроде запертых подвалов и влажных грибниц, разрушенных склепов и прогнившей шёлковой обивки гроба.

Я попытался откашляться, но это оказалось совсем непросто... С каждым дрожанием пламени свечи я ловил случайные проблески лица и рук Крофта, и то, что я видел, очень напоминало слизь.

- Тебе надо выбраться на воздух, хоть ненадолго, - произнёс я. - Здесь плохо пахнет, Крофт. Несвеже. Тебе это на пользу не пойдёт.

- Я буду жить, как жил, - прохрипел он.

- Подожди, я сейчас зажгу ещё свечу, чтобы получше тебя рассмотреть, - я быстро двинулся ко второй свече на столе, начиная думать, что на самом деле не очень-то и хочу видеть лицо Крофта.

Старик издал хриплый, горловой звук.

- Нет... Не надо. Мне не нужен свет, Криг.

Крофт начал тяжело и шумно дышать.

- Видишь ли... Из-за болезни мои глаза стали чувствительны к свету. Я не могу переносить яркий свет. И меня это тревожит и настораживает.

И с этими словами он отодвинулся подальше в тёмный угол комнаты, как червь, прячущийся от солнечных лучей.

И стоило ему двинуться, как я осознал, что отвратительный запах в доме исходил от самого Крофта, словно нечто внутри него разлагалось.

Он сидел в темноте.

А я снова заметил, что его плоть была желеобразной и пористой.

Что-то произошло. Или даже происходит прямо сейчас.

Крофт переносил какие-то чудовищные расстройства души и тела.

В моей голове крутились сотни мыслей, которые мне хотелось прокричать, но я не рискнул даже чуть-чуть повысить голос и спокойно спросил:

- Чем ты занимался, Крофт?

Смутная фигура не двигалась, просто дышала.

- Я думал о всякой всячине, друг мой. О вещах, которым научился. О горизонтах, которые лишь промелькнули вдали. Ведь есть такие силы в этом мире, которые нам никогда не постичь. Предзнаменования. Вероятности. Зловещий ужас, с которым не справиться...

- Возможно... да, возможно, произошедшее со мной за всю жизнь ослепило меня, я отказался от социальных обязательств... Приношу свои извинения. Но я боюсь, что судьба поручила мне такое и показала такие великие откровения, что весь остальной мир доставляет мне лишь скуку и повергает в апатию. Я не могу притворяться, что мне интересно что-то помимо того, чем я занимаюсь.

- Ты же видишь, мои исследования полностью поглощают меня, требуют больших умственных усилий и концентрации внимания. Я пошёл непроторенной дорогой. И сейчас стою на пороге необъятного космоса, о котором не могу говорить, но вскоре, друг мой, ты обо всём узнаешь... Есть вещи, которыми я хотел бы поделиться с тобой первым. Не стоит их бояться. А затем... затем я покажу тебе, что твой маленький, замкнутый мирок великих истин и больших тайн - лишь капля в море.

Я сидел и смотрел на Крофта.

Да, он был любителем старины, что иногда сказывалось на его манерах и речи, но это всегда было шутки ради.

А сейчас... Сейчас мне было не до смеха. Человек, сидящий напротив меня, был для меня абсолютно чужим.

Мне были незнакомы как его замыслы, так и сама его личность.

Его слова были зловещими и угрожающими, будто он планировал поставить весь мир на колени.

- Твои исследования... они включают в себя Руку Славы? - уточнил я.

Крофт рассмеялся, хотя больше это походило на пронзительный гогот, чем на смех.

Неискренний, пустой звук, эхом отразившийся от стен дома.

- Рука Славы? Ох, это такая дешёвая и примитивная проделка по сравнению с тем, что я делаю и что собираюсь ещё сделать!

Я тяжело сглотнул.

- О чём ты?

И снова этот сухой смех.

Он загудел в комнате, ринулся в темноту коридоров и там замер.

- Ты можешь спрашивать сколько угодно, Криг, но тебе могут не понравиться ответы. Ведь это искривление самого пространственного континиума, извращение всего, что ты знал до этого. Криг, мой милый Криг, я говорю о тех, кто гложет и терзает, о тех, чьё хищное касание высасывает костный мозг самих звёзд, о тех, кто вопит и ползает в прерывистой тьме.

- Безнравственный дух, гниющее бытие, ползущая зараза из плоти, крови и мяса. В звёздах над нашими головами есть дыры, Криг... Ты слышишь это клацанье зубов? Станешь ли ты слушать и услышишь ли прежде, чем станет уже поздно?

Он был безумен.

Какое-то психическое расстройство помутило его разум, - подумал я, поднимаясь на ноги и намереваясь уйти из дома, пока Крофт ещё позволяет мне это сделать.

Ведь я чувствовал в сжимающейся вокруг меня тьме нечто омерзительное, нечто сумасшедшее, и оно хотело высосать досуха мою душу.

- Я... Я должен уйти, - пробормотал я, пытаясь во мраке нащупать дверь.

- Да, - ответил Крофт резким, срывающимся голосом. - Думаю, должен.

И я ушёл.

К входной двери я направлялся уже почти бегом.

Тогда я ни капли не сомневался: Крофт был одержим.

- 7 -

Когда я вернулся в свою квартирку в Бад-Дюркхайме, меня ждал конверт.

От Крофта.

По почтовому штемпелю я определил, что он отправил письмо пару дней назад.

Я поспешно разорвал его, не зная, чего ожидать.

Я всё ещё был на нервах после посещения того проклятого дома. Я пытался рационально оценить то, что видел, и чему стал свидетелем, но получалось у меня плохо.

На меня давил суеверный ужас.

Я понимал, что связался с тем, что выходит далеко за пределы понимания нормального человека.

Что бы ни случилось в том доме, и что бы ни завладело Крофтом, я не мог это списать на простое бредовое расстройство.

Первым делом я вытащил из конверта письмо.

Криг.

Осталось совсем немного.

Я постараюсь писать как можно быстрее, потому что не знаю, что может принести любое последующее мгновение.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я хочу извиниться перед тобой, дружище, за то, что втянул тебя во всё это.

Ты был мне верным спутником, и я сожалею о содеянном.

Прости за то, что заставил тебя сделать, и за то, о чём сейчас попрошу.

Ты знаешь меня. Знаешь, каким скрытным я бываю.

И будучи хорошим другом, ты никогда не требовал от меня большей информации, чем я готов был тебе предоставить.

Но я оказался неправ. Ты должен знать правду.

Всю правду.

Правду о том, что мы извлекли из могилы Алардуса Вердена.

Знаешь, я видел в древних манускриптах предупреждения о том, какие опасности подстерегают в той могиле.

Ох, Криг, тот гроб... Зачем, ну зачем, во имя всего святого, я его открыл?!

Почему не оставил те старые кости лежать в земле?

Те древние секреты и ужасы могли разрушить весь мир, и я знал это.

Но что-то у меня мысли скачут.

Ты, наверно, думаешь, что я сошёл с ума. Боюсь, так и есть.

Но прежде чем ты выбросишь это письмо, прошу тебя, в память о нашей дружбе... Если она для тебя хоть что-то значит... Сделай то, о чём я тебя сейчас попрошу.

Я никогда ещё не просил о чём-то настолько важном.

Пожалуйста, потерпи меня ещё чуть-чуть.

В этом конверте ты найдёшь ксерокопию, которую я сделал несколько лет назад из чрезвычайно редкого полного издания "Компендиума ведьм Вюрцбурга", который сейчас хранится в Особой Исторической Коллекции Гёттингенского университета.

Я тебе уже говорил, что это издание бесценно.

Оно содержит многочисленные рукописные записи, начиная от Кепплера и заканчивая Фон Шредером. Сейчас их больше нигде нельзя найти, как и некоторые сохранившиеся в "Компендиум" письма XVII века времён гонения ведьм.

Прежде чем продолжишь читать это письмо, просмотри ксерокопию.

Это очень важно...

Я не знал, что думать, и что делать.

То существо в доме Крофта не было Крофтом.

В этом я был уверен.

Это было нечто высохшее, морщинистое, притворявшееся Крофтом, а вот это письмо... В нём я чувствовал личность своего старого друга.

В нём был тот Крофт, которого я знал.

Я не мог должным образом описать, что же скрывалось под маской Крофта в том жутком доме.

Но я сделал то, о чём просил меня Крофт: достал из конверта ксерокопии страниц, исписанных убористым, мелким почерком на древнегерманском.

Я расшифровывал записи дольше, чем ожидал, но не столько из-за устаревшего языка, сколько из-за почерка: буквы сливались одна с другой, лист покрывали кляксы, словно автор писал письмо в спешке или под воздействием стресса.

Вот расшифровка:

Моя дорогая Мадлен.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я прошу прощения за спешность и за длительный промежуток времени, прошедший с моего последнего письма, но ты ведь знаешь: работа, которую я выполняю, угодна Богу и требует от меня большой концентрации сил и верности.

Точнее, требовала.

Ибо я больше не считаю себя странствующим солдатом-охотником на ведьм, благословлённым самим епископом.

Я больше не стану маршировать и подчиняться приказам Гундрена, этого печально известного вюрцбургского монстра.

Я сбежал, и теперь за мной охотятся мои же бывшие единомышленники, обвиняя в колдовстве, как и я некогда обвинял других в порывах бредовой духовной непорочности.

Да поможет мне Бог, и ныне и присно, и во веки веков!

Я тебе уже много раз говорил, что мы с единомышленниками выполняли богоугодные, правильные дела.

Это же я повторял и себе, раз за разом, ибо как ещё я смог бы совершать те зверства, которые мне приказывали совершать?

Многие высказывались против нашей работы по истреблению ведьмовских сект.

В нашей семье ты противилась этому сильнее остальных, поэтому именно тебе, моя милая сестра, я и отправляю это письмо.

В некоторой степени ты была права.

Даже я бы сказал, в большей степени.

Здесь и сейчас я обнажаю пред тобой душу свою.

Мои грехи тяжки и многочисленны.

Как мне рассказать о тех зверствах, коим я стал свидетелем? Они были совершены добровольно, и да простит меня Бог, но я считал, что совершал всё во имя Его.

Как рассказать обо всех погибших невинных? А они были невинным, в этом у меня сейчас нет сомнений.

Мужчины, женщины, дети.

Я видел, как детей трёх-четырёх лет вели на костёр. Какую выгоду можно извлечь из убийства сих агнцев божьих?!

Но близится судный день, и все мы ощутим гнев Его и Его карающую длань.

А моё время уже убегает.

Вот моё признание в том, что я сделал, что видел, и кого судил ошибочно.

Должен признать, что мрачную деятельность ведьмовского суда остановила именно протестантская армия короля Густава, и если бы шведы не захватили наши города и провинцию, охота на ведьм бушевала бы бесконтрольно.

Сейчас я расскажу о наших методах. Они безупречны.

Не сомневаюсь, сестра моя, что тебе известны наши инструменты для выбивания признания: тиски для пальцев, "испанские сапожки", дыбы, жаровни, клинья...

Мы легко рубили руки предполагаемым еретикам и разрывали калёными крюками груди девушек и женщин.

Колесование, подвешенная к потолку клетка, виселица, "испанские башмачки", "ведьмино кресло" - вот наши самые мерзкие инструменты.

В минуту тяжёлой меланхолии признаюсь тебе, что я принимал участие в массовых сожжениях в Вюрцбурге и Бамберге.

Скольких мы поджарили на костре и в печах? Я даже не могу сосчитать.

Целые деревни были уничтожены и сейчас опустели, а в других, где раньше были сотни жителей, осталось по пять-семь человек.

Вот она - суть истерии с охотой на ведьм, сестра моя.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

И те, кого мы притаскивали в тюрьму, должны были либо сами признаться в колдовстве, либо сделать это под пытками.

Таков приказ Епископа Дорнхайма, и все охотники на ведьм следуют ему.

А если проявить к заключённым сочувствие, то тебя осудят за пособничество.

Поэтому пойми, прошу тебя, пойми хорошенько, что все ужасы и мерзости, о которых ты слышала, не лишены оснований.

А ты помнишь рассказы дяди Конрада о зверствах в Силезии?

Как он стал свидетелем того, что за крепостными стенами Шлюсберга были вкопаны сотни столбов, и на каждом из них качался труп сожжённой или зарубленной ведьмы?

Истерия с охотой на ведьм - это зараза, чума невежества, которая должна быть искоренена, хотя пока я не вижу для этого ни единого способа.

За исключением нескольких редких случаях не существует никаких доказательств дьявольщины и колдовства.

Но поскольку время моё уходит, ровно как и свобода с жизнью, и я боюсь, что больше никогда не увижу тебя, я чувствую, что должен рассказать тебе об одном редком, невообразимом и до крайности жутком случае.

Надеюсь, ты мне поверишь.

Две недели назад отряд из шестнадцати человек под предводительством комиссара по охоте на ведьм Гундрена Вюрцбургского напал на деревеньку Кобольддамм, о которой ходили ужасные, внушающие серьёзное беспокойство слухи.

Поселение находилось глубоко в лесу, среди древних холмов и курганов, которые, если верить местным легендам, некогда населяли тролли и эльфы.

Дома в деревне стояли кучно, и мимо них пролегали лишь вытоптанные тропинки и редкие дорожки, вымощенные битым камнем.

Дома были наполовину сделаны из дерева, наполовину - из соломы; чудно вытянутые вверх, их скрывали от посторонних глаз зловонные, сырые туманы.

Кобольддамм был тихим, скрытым местом, от которого развивалась клаустрофобия, и не отпускало предчувствие чего-то ужасного.

Над деревушкой витала необъяснимая аура гнили и вырождения, и при первом взгляде на неё мне показалась, что деревня заброшена.

Покосившиеся дома, покорёженные двери, провисшие крыши...

Даже воздух там казался испорченным, гнилостным, заразным, как в поражённых чумой поселениях.

Этот запах висел между домами на узких улочках, словно деревенька гнила изнутри.

Уверен, что все мы без исключения ощущали эти миазмы зла, властвующего над хутором.

Скорей всего, мы все рванули бы прочь, если бы не одержимость Гундрена ведьмами.

И мы остались, потому что помешательство Гундрена лишь усилилось из-за того, что мы видели перед собой явные, чёткие знаки ведьмовства.

Пентаграммы, пентакли, руны заклинаний. На стенах домов.

Многие из знаков были нам знакомы и имели такие жуткие толкования, что у меня холодок пробежал по спине.

Среди этих знаков были нацарапаны самые ужасные языческие символы: руны, глифы, целые слова то ли на арабском, то ли на латинском, а может и на другом, неизвестном нам языке (позже Гундрен назвал это "шифром Кобольддамма").

Да, на всех постройках этой гнусной деревни были выгравированы цифры, слова и символы загадочного и жуткого происхождения.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Мы не сомневались, что здесь творится чародейство, и что эта деревушка отдала себя в мерзкие лапы самого дьявола.

Мрачная, пустая, заброшенная, гибнущая - не это ли признаки безбожия и кощунства?

О таких местах нам часто рассказывали, но мы никогда ещё не сталкивались с ними лично.

Здесь не надо было фабриковать обвинения, сестра моя, ибо всё было и так очевидно.

Был ли Кобольддамм заброшен?

Едва ли.

Ведь спустя пару минут нас вышли поприветствовать крестьяне с бледными, безумными лицами в чёрных, рваных рясах.

Большинство из них страдали от какой-то мерзкой заразы: их лица и тела покрывали опухоли, язвы и наросты, которые омерзительно деформировали их конечности и туловище.

Они окружили высокого и мрачного мужчину с горящими глазами и вытянутым, неприятным лицом, которого мы все знали: это был Алардус Верден, чародей и алхимик, которого прозвали "Колдун из Кобольддамма".

Никто из нас не спешил приближаться к проклятым жителям. Все боялись, что их болезнь заразна, как жёлтая лихорадка, бубонная чума или золотуха.

Мы остались сидеть на лошадях, сжимая в руках мушкеты и сабли, а прокажённая, покрытая язвами толпа сгрудилась вокруг нас.

С каждой минутой мы замечали всё больше и больше признаков болезни, которая вызывала у нас отвращение.

Сам воздух в этой деревне кишел ядовитыми парами и неизвестными болезнями.

Наконец, Гундрен произнёс:

- Не вы ли, сэр, Алардус Верден? Не вы ли в ответе за это мракобесие? - Гундрен обвёл рукой отвратительные символы и отталкивающие руны заклятий. - Не вы ли, сэр, и есть создатель сего кощунства?

Верден захохотал, скрестив пальцы в знаке лукавого. От любого другого этот жест показался бы оскорбительным, но от Алардуса Вердена... таинственным и угрожающим.

Меня переполнял ужас, как малодушного труса.

- Либо говорите, зачем пришли, либо уходите. Или, возможно, вы пришли за тем, что у нас называют "поисками ведьм"? - обратился он к Гундрену.

В этот момент Гундрен издал боевой клич и выстрелил из мушкета. Пуля угодила прямо в грудь Вердена.

Мы все последовали его примеру, разряжая мушкеты, и жители деревушки бросились врассыпную, таща за собой раненого Вердена.

Мой рассказ невероятен и ужасен, не так ли, сестра моя?

Но он ещё не окончен.

Видишь ли, если верить одному из сказаний о Вердене и его роде, они призвали некое чудовище не из нашего мира и скрещивались с ним.

И семя его находилось в них.

Я знал, что это правда, ибо я видел их гротескные лица.

После того, как разредили свои мушкеты, мы ускакали в город, чтобы на следующий день вернуться с подмогой в пятьдесят всадников.

По сути, мы пришли, чтобы сравнять Кобольддамм с землёй и захватить Вердена, чтобы надлежащим образом казнить его.

Наш налёт был быстрым и разрушительным, но, возможно, в итоге именно мы потерпели поражение.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Ибо в тех высоких домах мы отыскали вещи, о которых я не смею говорить. Но должен.

В подвалах и на запертых чердаках мы нашли мерзости, которые никогда не должны увидеть свет божий.

Мы видели мужчин, женщин и детей - живое свидетельство богохульства; они не ходили или бегали, но ползали.

Шершавые, скользкие, они больше напоминали червей или слизняков, чем людей.

Незрячий кошмар; ползающий, извивающийся, хныкающий.

У некоторых я даже не стану пытаться описать неестественность и отвратительные мутации.

А у других я стал свидетелем физического разложения.

Первое существо я увидел, когда его, шипящего, тащили из подвала трое всадников.

Сначала я решил, что это женщина. Затем - что мужчина. А может и женщина, державшая в объятиях двоих или троих детей.

Но это было ни то, ни другое, ни третье... Создание с множеством конечностей и голов, словно слепленное из четырёх или пяти тел, которые срослись, напоминая безумный человеческий грибок.

Существо было бледным, дряблым; оно визжало несчётными беззубыми ртами и пялилось на нас десятком серых, водянистых глаз.

В этой адской сущности не было никакое однородности; сложно было сказать, где заканчивалось одно тело и начиналось другое... Лишь перетекающий сгусток человеческой плоти с бескостными конечностями.

Расплавленный человеческий жир с глазами в тех местах, где их быть не должно, и с рудиментарными конечностями, принадлежащими не понятно кому.

Мы сожгли этот кошмар прямо на улице.

Мы нашли ещё многих подобных. А некоторых и ещё отвратительнее.

В этих мрачных, сгнивших домах мы стали свидетелями детей, поглощавших других детей, и матерей и отцов, поглощавших друг друга.

Но самым худшим - действительно, худшим! - было наше следующее открытие: эти скопления человеческой плоти могли делиться на несколько частей.

Даже те, кто на вид представлял собой одиночное мужское, женское или детское тело.

Когда их касались солнечные лучи, они начинали кричать; от их тел поднимался гнилостный запах и зловонный туман, и они начинали делиться.

Да, они раскалывались, исходили паром, барахтались в грязи и ядовитой жиже, а затем... Затем они начинали расширяться, расплющиваться, выпячиваться, разламываться, словно их мыли или растягивали в противоположных направлениях, пока они не расширялись до величины двух мужских торсов.

А потом от макушки до промежности появлялась кровоточащая демаркационная линия, как на надрезанном фрукте.

И две половины человека медленно, под отвратительные, тошнотворные звуки отделялись друг от друга, связанные лишь тонкими паутинками человеческой ткани, пока полностью не заканчивалась бифуркация, и на земле не оказывались два создания.

Два бесформенных желеобразных существа, быстро застывающих, как охлаждённый жир.

То, о чём я тебе рассказываю, безбожно и гнусно, и я никогда бы не признался в этом, если бы моё время не подходило к концу.

Я не могу притворяться, что понимаю дьявольскую механику этих кошмаров.

Но судя по тому, что все "отпочкования" выглядели похожими на Вердена, я могу предположить, что это именно его семя росло и размножалось на этих несчастных людях, как сорняк бесконтрольно рассеивается на плодородных полях.

Думаю, так оно и есть.

Я уверен, что те существа, слепленные из многих тел, должны были разделиться на нескольких, когда придёт их час.

А дальше...

Господь милосердный, ты хоть представляешь, как скоро эта чума плоти и духа людского могла распространиться от одной деревни к другой, как отвратительная зараза?!

Я признаюсь тебе, что тогда мы предали всех этих проклятых гибридов огню. И правильно сделали.

Как они кричали и бесновались!

И женщина, которую вытащили из погреба. На ней росли трое её детей: безглазые, уродливые, извивающиеся тела; они напоминали недоразвитый плод, пытавшийся самостоятельно выкарабкаться из матки.

И мужчина, который разделился на двух прямо на наших глазах; его половинки вначале ещё соединялись кровавыми тяжами, напоминавшими резину, а затем полностью разделились, растянулись... У одного из образовавшихся созданий челюсть оттянулась почти на метр до самого пояса.

Господи, как же это существо сопротивлялось! Как оно пыталось сначала разделиться, а затем вновь склеиться, пока огонь глодал его плоть!

Вот так, сестра моя. Мы спалили всех в той проклятой деревеньке. Это была тяжёлая работа. В конце концов, мы насчитали тридцать три тела... Хотя некоторых было довольно сложно считать, ведь они состояли не из одного, а из трёх-четырёх человек.

В скором времени мы сожгли дотла и всё поселение, и даже низину вокруг.

Несчастные всадники следовали за нами и посыпали выжженную землю солью.

Но основной нашей заботой, по мнению Гундрена, был Алардус Верден.

Да, мы поймали его, и он яростно боролся.

Делился сначала надвое, затем натрое, но в итоге мы сломили его сопротивление залпом мушкетов и горящих стрел.

Мы связали его, как свинью, и потащили на другую сторону гибельных холмов, пока солдаты сжигали деревню.

Гундрен сказал, что позже мы вернёмся с порохом и запалами и сровняем с землёй эти проклятые холмы, чтобы и памяти о них не осталось.

Но что-то я отвлёкся.

Мы притащили Вердена на выбранную нами для костра поляну и привязали его к стволу засохшего тиса.

Он извергал проклятия и богохульства на языках, большинство из которых мы даже не знали.

Ни один порядочный человек не должен слышать такие речи.

У меня до сих пор в ушах стоит уверенный голос Гундрена и слова, которые я теперь начинаю презирать.

- Признай свой грех ведьмовства, Алардус Верден. Свой и своих родичей! Этого нечестивого и дьявольского шлюшьего семени! Признайся перед ликом Господа нашего, иначе мы заставим тебя есть святую соль и пить святую воду. Кто научил тебя, Верден,

сему проклятому искусству колдовства, и откуда он пришёл? Признайся, колдун, признайся!

Но Верден лишь хихикал, как злобная сумасшедшая старая ведьма.

И был обезглавлен.

Этим всё и должно было закончиться, но...

Его голова продолжала жить, как и обезглавленное туловище!

Тогда мы сложили вокруг него поленья и предали огню и вечным мукам.

Хотя должен признаться и тебе, сестра моя, и Богу на небесах, что Верден не сгорел так, как сгорел бы я, или ты, или любой другой!

Мы сожгли его до чёрного пепла, но и после этого я не мог сказать, что к нему пришла смерть.

Терзаемый пламенем, обгорелый труп Вердена продолжал двигаться и продолжать жить.

Не решившись оставить это дьявольское отродье, мы отвязали его от столба, скрутили труп верёвками, накрыли брезентом и забросили в повозку.

Мы привезли его останки в Вюрцбургскую Башню, где много дней спустя он, наконец, был умерщвлён.

По решению епископа Дорнхайма останки скелета Алардуса Вердена были помещены в крепкий гроб, крышка была забита сотней гвоздей, а сам гроб обмотан многометровой цепью.

На этом моё знание вопроса заканчивается, моя дорогая Мадлен. Эта история оставляет меня с трясущимися руками и седыми волосами, хотя мне ещё только тридцать один год.

Как раз перед тем, как я покинул Гундрена и самого Епископа Дорнхайма, я слышал, что гроб исчез.

Каким образом? Понятия не имею.

На этом моя исповедь окончена.

То, что мы сделали в Кобольддамме, было нашей работой, и длань Господня указывала нам путь.

Я знаю это.

Но именно этот пример - пламя, которое зажжёт земли, как ничто прежде, и принесёт сотни смертей невинных жертв.

Я не отрицаю, что существует в этом мире и истинное зло! Но оно - такая редкость...

Однако, если эта редкость попадёт в руки такого монстра, как Гундрен, то даст ему повод и оправдание для бессмысленных убийств и разбоя.

Всё, моя милая сестра, моя дорогая Мадлен. Больше я не скажу ни слова.

Прости своего брата, но не жалей его: он сделал то, что сделал, будучи в здравом уме.

Храни Господа нашего в сердце своём, и пусть он защитит тебя от зла. Но помни, милая моя: в эти тёмные времена такое зло, как Верден, встречается очень и очень редко, а вот зло, подобное Гундрену, напротив, становится слишком распространённым.

Прощай, моя дорогая сестра.

Искренне любящий тебя брат,

Гензель Зондерхайм.

Немного озадаченный, я отложил в сторону копии старого письма, на мгновения погрузившись в эпоху четырёхсотлетней давности.

Все эти невинные жертвы.

Но не все из них были невиновны, если верить только что прочитанному мной письму.

Я не сомневался, что письмо было древним, но было ли сказанное в нём правдой?

Даже при воспоминании о Крофте - или о том, кем он стал - я продолжал сомневаться.

Всё было настолько неправдоподобным.

Но в глубине сердца, признаю, я уже поверил написанному.

Предполагаемые события в Кобольддамме говорили о человеческих существах, делящихся, как клетки; о людях, сросшихся вместе, словно в какой-то извращенной стадии бинарного деления.

И разве не об этом же подумал я сам, когда увидел останки Вердена?

О том, что скелет колдуна выглядит так, словно начал почковаться во время сожжения?

Конечно, тогда шёл дождь, по земле стелился туман, свет фонаря был тусклым, а я устал от тяжёлого физического труда... Но тот скелет не был обычным.

Я вспомнил, о чём тогда подумал: костяк Вердена выглядел так, будто два скелета решили слиться воедино, либо один скелет решил расщепиться надвое.

Безумие. Неужели я всерьёз об этом думал и верил в это?!

Да, думал. И верил.

Ладно, допустим.

Алардус Верден призвал нечто. Нет, не христианского дьявола, а кого-то из тех сущностей, о которых мне рассказывал Крофт, начитавшись древних книг.

Сущностей, что были гораздо древнее, чем само христианство, да и мир вообще. Абсолютное вселенское зло.

Возможно, из другого измерения.

Что мне тогда сказал Крофт?

Что-то вроде "они разгуливают не по тем пространствам, о которых мы знаем или можем догадываться, а за их пределами, меж мирами".

Значит, Верден призвал это наделённое сознанием зло из другого измерения, и оно его заразило, поглотило, изменило его биологию, пока его организм не стал абсолютно чужд нашему миру.

А затем болезнь начала захватывать всё новых и новых жертв, расползаясь, как злокачественная опухоль.

Он заразил всех в той деревеньке, и они, в свою очередь, тоже начали делиться.

И это начало бы бесконтрольно расти в геометрической прогрессии, пока полностью не захватило бы весь наш мир через определённое время.

К счастью, отряд охотников на ведьм пресёк заразу раньше.

А Алардус Верден, источник заразы, был обезглавлен, сожжён и заперт в гробу.

И гроб этот находился глубоко в земле в тайном месте, пока мы с Крофтом не раскопали его...

И тогда...

Господи, что же мы выпустили на свободу?!

Дрожащими руками я снова взял письмо Крофта.

Начал читать с того места, где остановился.

Там оставалось уже немного.

Если ты сделал то, о чём я тебя просил, Криг, значит, ты знаешь всё, что тебе следует знать.

Мне жаль, что я втянул тебя в этот бардак.

Я понятия не имею, что мы высвободили; что мы выдрали из земли, как гнилой зуб.

Наверно, ты сейчас уверяешь себя, что всё, написанное в письме, полная чушь. Я не могу тебя винить в этом.

Но поверь мне, дружище: это правда.

Ибо кости Вердена не были мертвы!

В них сохранилась жизнь!

В этих костях существовало нечто древнее и смертоносное. И мы выпустили это на волю.

Века для существа, подобного этому - ничто. Пыль. Четыреста лет или сорок тысяч - не важно.

И эти кости живы даже сейчас...

Та рука, те кости, что я взял для своей небольшой Руки Славы, не были обычными; в этих заражённых костях сохранилось дремлющая, злобная жизнь.

Я вмешался, Криг, и теперь эта зараза распространяется.

По глупости своей я разбудил её, и теперь инфекция во мне; это существо возродится в моём теле и захватит весь мир, как и намеревалось сделать несколько столетий назад.

Только ты можешь это остановить, Криг.

Я чувствую, как оно размножается во мне даже сейчас, когда я пишу это письмо, заражая клетку за клеткой.

Пока его сознание - сознание Вердена - дремлет, но вскоре оно окрепнет и очнётся, и тогда... Ты понимаешь, к чему я клоню?

Нет, Криг, прошу тебя, не думай, что я свихнулся.

Ты - моя единственная надежда.

Сейчас я бессилен.

Я почти ничего не могу сделать.

Я нашёл кое-что: оно даст мне ещё некоторое время или, по крайней мере, усложнит работу этой заразе.

Это мазь, рецепт которой я нашёл в "Книге Иода": смесь человеческого жира и ещё многих экзотических компонентов, которую надо намазывать на тело, чтобы демоны не проникли через кожу.

Своего рода защитная мазь или линимент, который широко использовал один чернокнижник XIII века.

Стоит попробовать.

Но на самом деле, всё сейчас зависит от тебя.

Господи Иисусе, Криг! Если ты любишь этот мир и его обитателей; если не хочешь, чтобы наша планета стала колонией древнего невыразимого ужаса; если не желаешь видеть, как человеческая раса падёт под гнётом мерзости, которую даже невозможно описать, тогда ты сделаешь то, о чём я прошу.

Приди ко мне домой, дружище.

С ружьём.

И когда я выйду тебе навстречу, застрели меня. Застрели насмерть, а останки раствори в кислоте.

Не сжигай их!

В этом мире не существует пламени, способного превратить эту плоть в пепел!

Убей меня и расплавь в кислоте, пока ещё не поздно.

Но ради Бога, умоляю, не дотрагивайся до меня! Не позволь моей плоти коснуться тебя, иначе эта чума возродится в тебе.

Убей меня, Криг. Прошу. Убей.

Прояви жалость.

И до последнего кусочка раствори мою плоть в кислоте, ибо даже если моё тело покажется тебе мёртвым, в нём всё равно будет сохраняться жизнь.

На этом письмо заканчивалось.

Крофт сказал то, что я и ожидал, но не думал, что он станет просить именно меня о таком.

Возможно, нужно было обратиться в полицию, но я знал, что это бесполезно.

Они не станут утруждать себя и растворять труп Крофта. Они заберут его на вскрытие, возьмут образцы тканей и выпустят эту заразу на свободу.

Нет, я должен сделать всё сам.

Я больше никому не могу доверить такое задание.

В память о нашей с Крофтом дружбе я должен совершить нечто безумное и немыслимое.

Я обязан сделать это ради него. Да и ради мира в целом.

Я спрятал письмо в ящик стола и начал составлять план убийства.

- 8 -

Дом Крофта стоял, погрузившись в раздумья.

Моё сердце колотилось, как бешеное, дышалось с трудом.

Я в жизни не был так напуган.

Я припарковался на улице и понёс картонную коробку, полную нужных мне вещей, в дом.

И старался держаться в тени, что было абсолютно нетрудно на этом старом, заброшенном участке.

Коробка была очень тяжёлой, и пока я донёс её до заросшего травой двора, был уже весь мокрый от пота.

Поставил коробку в кусты.

В ней было всё, что мне могло понадобиться: четырёхлитровая бутыль концентрированной серной кислоты, защитные перчатки и маска, чтобы я не расплавился вместе с Крофтом, две канистры бензина, полдюжины сигнальных ракет и некоторые другие вещи.

А в кармане пальто было ещё кое-что: револьвер калибра .357 "Магнум", который я купил на чёрном рынке.

Пару выстрелов из него могут остановить даже здорового слона.

Я стрелял из такого, когда служил в армии, и умел отлично с ним управляться.

Но на этот раз... Просто надеялся, что его мощности хватит.

Я засунул три сигнальных ракеты в куртку и вылил одну из канистр керосина в ведро.

Привязал ударопрочный фонарь к ремню.

Затем я вскрыл окно у чёрного входа и очутился внутри.

В доме было тихо, но я тяжело дышал; адреналин нёсся по моим венам.

Я около пяти минут постоял в тишине, привыкая к этому мрачному месту и позволяя ему привыкнуть ко мне.

А затем двинулся закончить то, за чем пришёл.

Пока крался по узким, извилистым коридорам, я, наверно, поседел от страха.

Каждую секунду я ждал, что Крофт или то существо, в которое он превратился, выпрыгнет на меня из темноты и совершит то, о чём я даже боялся думать.

Но этого не произошло.

Я знал, где он будет.

Знал, что он будет сидеть в кабинете в окружении древних фолиантов и продумывать поглощение этого мира.

Мне не надо было его искать... Я шёл на запах.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Этот дом и так никогда не пах, как весенний луг солнечным днём, но сегодня всё стало гораздо хуже.

В воздухе стоял тяжёлый, удушливый запах, напоминавший смесь испорченной свинины и сгнивших трав.

Гнетущий запах прелой листвы и разлагающегося в чернозёме трупа.

Головокружительная, тошнотворная вонь, которая заполняла мои ноздри и проникала в голову.

У двери кабинета я замер и выдохнул.

Наверно, я ждал достойного повода, чтобы развернуться и убежать. Не знаю.

Меня бросало то в жар, то в холод, а во рту неприятно горчило.

Руки и ноги стали ватными, словно мне недавно укололи двойную дозу димедрола.

Внутренности скрутило.

Я слышал доносящиеся из комнаты звуки... Падающие книги, шум и голоса. Да, странные, жуткие бесплотные голоса.

Они говорили на немецком, немного на латинском, а по большей части на каких-то непонятных гортанных языках, которые нормальный человек даже не сможет воспроизвести.

И в одном я был полностью уверен: из-за двери доносилось множество голосов.

Но, несмотря на их различное звучание, я каким-то образом был полностью уверен: все они принадлежали одному человеку.

Может быть, то существо, что жило в Вердене, высосало разум десятков жителей Кобольддамма и сохранило их в клетках собственного организма.

Откуда мне знать?

Я прислушивался к звукам за дверью и понимал, что всё это закончится нехорошо.

Я тихонько снял фонарь с поясного ремня.

Это был фонарь фирмы Коулмен с двойным фитилем.

Я поджёг его зажигалкой и приспустил заслонку.

Сжимая фонарь в одной руке и ведро бензина в другой, я пнул ногой дверь.

Я сделал шаг вперёд, и в лицо мне ударила жаркая волна разложения, чуть не заставив вывернуться меня наизнанку.

Я услышал влажный, скользящий звук и клацанье зубов.

Я полностью открутил вентиль, и нечто завизжало громко и пронзительно, я почувствовал его зловонное дыхание на своём лице.

Фонарь был мощным и прекрасно освещал комнату, загоняя тени по углам и под стол и позволяя мне всё отлично рассмотреть.

На первый взгляд мне показалось, что по комнате прошёл ураган: все книги свалены на пол, у многих оторваны корешки и переплёты.

Сверху на книгах, как осенние листья, валялись пожелтевшие страницы древних манускриптов. Я разглядел осколки стекла и битую посуду.

У кого-то или чего-то была грандиозная истерика.

Я не видел нигде Крофта... Но слышал его дыхание; дыхание туберкулёзника: свистящее и булькающее, словно лёгкие его были полны сухих листьев и воды.

На столике у камина стояла коллекция древней стеклянной алхимической посуды.

Часть её была разбита вдребезги, но кое-что сохранилось: реторты, дистиллятор, колбы с узким горлом, наполненные грязно-бурой жидкостью. А рядом с ними были разбросаны листы бумаги со странными символами и наспех набросанными схемами.

Я поставил ведро на пол и вскинул револьвер.

- Покажись! - крикнул я и сам поразился, насколько чётко и ясно звучал мой голос.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Снова это влажное, шумное дыхание.

- Криг, - прозвучал голос, и он точно не принадлежал Крофту. - Погаси... Погаси этот фонарь. Ты выжигаешь мне глаза. Выжигаешь глаза...

Даже не сомневаюсь.

Ибо теперь Крофт стал тем, кто принадлежит тьме.

Провести четыре сотни лет в гробу - это вам не шутки!

- Выйди, чтобы я тебя видел, - потребовал я. - Покажись, Верден.

Дыхание моментально прекратилось, и я услышал скрежет.

Из-за дивана вышло существо, которое пряталось там в поисках такой привычной для него темноты.

Крофт - точнее, существо, в которое он превратился - было абсурдно до крайности.

Оно было сутулым, как человек с искривлением позвоночника.

Левая рука была лишена кожи и наружу выступала плоть цвета варёных раков.

Узловатые, переломанные пальцы длиной от двадцати пяти до тридцати сантиметров казались абсолютно бесполезными.

А лицо его... Господи! Бугристое, неровное, с отвратительными грибковыми наростами, полностью искаженное и деформированное, лишённое костей и изрытое, как губка.

Плоть блестела белым, как мясо моллюсков, и по ней струилась сеточка алых сосудов.

Пучок напоминающих волосы нитей рос от выпуклой нижней губы прямо в гортань и грудную клетку, как корни растения.

Он неуклюже потащился ко мне, ухмыляясь ртом, больше напоминающим простой разрез в куске недопеченной свинины.

И при этом рот располагался почти вертикально, да и всё остальное лицо было смещено вправо; туда, где должно было находиться ухо.

Я увидел один чёрный, студенистый глаз...

Второй, наверно, находился где-то в области угла челюсти.

- Так, так, так, Криг, - произнёс он глухо, словно разговаривая с полным ртом. - Больше нет смысла притворяться и разыгрывать тебя карнавальными костюмами, так? Как видишь, этот бодрый ублюдок Крофт спрятал своё тело за растительными припарками и мазями, которые задерживают меня в этом треклятом состоянии.

Из-за безумия сложившейся ситуации мне захотелось и самому расхохотаться, как свихнувшемуся.

Я стою и разговариваю с законсервированным чудовищем из другого измерения, у которого прекрасно подвешен язык?!

- Не подходи ко мне, Верден, - предупредил я, и мой голос сорвался.

Он старался держать лицо подальше от света.

- Похоже, мы находимся в затруднительном положении, не так ли? Кажется, у тебя на руках расклад получше, но как ты его разыграешь? Может, послушаешь, что я могу тебе предложить, а? Власть? Богатство? Женщины? Я - тот, кто может двигать миры и гасить звёзды. Я - всё и вся...

Он начал разглагольствовать о том, что мог бы сделать для меня, с каждой фразой подходя всё ближе и ближе, что было непросто, учитывая тот факт, что его левая нога заканчивалась не стопой, а пучком вывернутых атрофированных щупалец.

Но я знал, в каком положении он находится. Знал, что ему нужно другое тело для перерождения. Моё тело. И он его не получит.

- Криг, послушай меня, я могу...

Я не стал его слушать.

Я нажал на спусковой крючок: первая пуля пробила отверстие в его груди, а вторая вырвала большую часть его горла.

Третья в клочки растрепала алую голую руку.

Удар заставил Вердена отшатнуться, но не остановил его.

Он начал делиться.

Похоже, после столетий, проведённых в гробу, он не собирался сдаваться после пары-тройки пуль.

Его плоть вскипела и покрылась пузырями, и взрывалась сотнями розовых усиков, и на конце каждой был чёрный узелок.

Они хлестали, как плети; устрично-серые глаза смотрели на меня, и в их злобном иноземном взгляде читалась ненависть.

Из его спины веером вырвались рыжие членистые ноги, словно из Вердена пыталось выбраться какое-то огромное насекомое.

Я выпустил в него все пули, а затем плеснул бензином из ведра.

Я поджёг фальшфейер и бросил его в Вердена.

Его охватил поток пламени; он кричал, верещал, рычал, и из него пытались вылезти всё новые и новые придатки.

Он не собирался умирать после такого долгого ожидания в земле.

Но, наконец, он рухнул на пол корчащейся кучей, поджаренный, дымящийся и шипящий.

Я решил, что он мёртв.

Я был в этом уверен.

Я наблюдал издалека, пока подёргивания не прекратились, и только потом приблизился, окидывая взглядом чёрную, обугленную мумию.

Это был мой самый идиотский поступок, потому что в это самое мгновение существо вскинулось и выплюнуло в меня что-то вроде усика... Колючего усика, который оцарапал мой большой палец.

Он нашел нового хозяина. И довольно быстро.

Я сходил за кислотой и вылил её на существо, даже не заботясь теперь о защитных перчатках и маске.

Кислота растворила чудовище, смешав его останки с потёкшей краской и штукатуркой, которые затем вообще превратились в едкий туман.

Я всё сделал. Больше ничего не осталось.

Кроме той споры, что оно посеяло в моём пальце.

Но я знал, что её хватит.

- 9 -

Я сжёг дом Крофта вместе со всеми редкими книгами и рукописями.

К тому времени, как прибыли пожарные, от здания остались почти одни головешки.

Старый дом был сухой, как трут, и мне оставалось лишь наблюдать, как огонь быстро распространяется от одного этажа к другому до самого подвала.

Вот, наверно, и всё, что я могу рассказать.

Я спас мир. Удивительно, не правда ли?

И вы ещё больше удивились бы, увидев меня, продающего в вюрцбургском Старом Городе свои безделушки и сувениры туристам.

Ибо теперь столица древней Франконии стала моим домом.

Вы почти всегда можете отыскать меня на Старом мосту через Майн, сидящим среди каменных статуй святых.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я знаю этот город, и он знает меня.

Если вам нужен человек, прекрасно говорящий на английском и способный показать вам любые достопримечательности города, будь то крепость Мариенберг или Больница Юлиус, либо рассказать о романском стиле постройки церкви Ноймюнстер - считайте, вы его нашли.

Может, я и выгляжу сейчас не лучшим образом, но не забывайте: однажды я спас весь мир.

Да и не так уж много людей готовы предложить работу мне, калеке с крюком вместо правой руки.

Да, той ночью, вернувшись домой в Бад-Дюркхайм, я отрубил собственную руку тесаком... Мои пальцы уже стали изуродованными, обезображенными, и пытались бороться против меня.

Но я победил.

В конечном итоге я одержал верх и уничтожил последний след Алардуса Вердена.

Поэтому когда вы увидите, как я продаю карандаши на мосту или пристаю к туристам, не надо злиться и гнать меня прочь.

Помните: я - герой.

Последний охотник на ведьм.

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ПРОЕКТ "ПРОЦИОН"

Это была простая работёнка, и Финн получил её, потому что был настоящим героем маленького, процветающего городка.
Когда он вернулся в Кенберри-Крик с Тихого океана, люди не могли ему угодить.
Они все хотели услышать, как он дал япошкам жару на Гуадалканале. Словно он был там один...
Иногда он и сам начинал верить в свои рассказы... По крайней мере, пока не просыпался среди ночи весь в холодном поту, крича от кошмаров, где перемазанные кровью японские солдаты вновь и вновь, как обезумевшие, фанатично бросались в атаку из горных ущелий.
Но, несмотря на это, он делал всё возможное, чтобы показать себя суровым, крутым морпехом и защитником свободы.
Благодаря этому у него появились бесплатные обеды, свидания с красотками и даже билеты на премьеры в "Риальто" на Мейн-стрит.
Если они хотели верить, что он - жестокая, пуленепробиваемая машина для убийств, пусть будет так.
Он ведь не идиот: дарёному коню в зубы не смотрят.
Он играл свою роль, а они всё съедали и не давились.
И цена этому - его нервы и левая нога.
Не прошло и двух недель с его возвращения, как ему предложили работу на Блю Хиллз - бывшем заводе по производству пестицидов. Но всё это было прикрытием для научно-исследовательского центра вооружения оборонного ведомства для целей войны. Нечто, под названием "Проект Процион".
Всё, что там происходило, стояло под грифом "строго секретно".
А работа Финна заключалась в том, чтобы проверять на входе и выходе пропуска и удостоверения личности.
Платили отлично, к тому же, оставалась куча времени, чтобы читать журналы.
Финн был человеком ленивым, и после Гуадалканала он твёрдо решил начать жизнь спокойную и ленивую.

* * *

На следующий день после Хеллоуина 1943 года ему пришлось выйти в ночную смену, потому что двух других охранников призвали в армию.
Он приехал на Блю Хиллз, переоделся, взял в кафетерии чашечку кофе и направился в будку охранника.
Ему повезло. На предприятии настолько не хватало рабочей силы, что сюда взяли даже парочку пенсионеров.
Одним из них был Честер ДеЯнг - морской пехотинец старой закалки.
Он участвовал в Филиппино-американской войне сорок лет назад.
- Смотрите, кто идёт! - воскликнул Честер, завидев Финна. - Брутальный вояка собственной персоной! И что такой бравый пехотинец, как ты, делает в такой дыре?
Финн усмехнулся.
Честер всегда приветствовал его подобным образом, и Финну это нравилось.
Наверно, он был единственным в городе, кто относился к Финну, как к обычному человеку.
А все остальные вели себя так, словно он сделан из хрусталя.
Он как-то сказал об этом Честеру.
- Чувство вины, - ответил тогда Честер. - Да, они собирали металлолом, газ выделялся дозировано, в магазинах не было хорошей говядины и капроновых чулок... Но на самом деле

страдал именно ты. И они это понимают. Ты отдал ногу за то, чтобы поднять наш флаг. Не беспокойся, сынок. Год или два - и им станет наплевать. Они не захотят больше выслушивать истории бывалого пехотинца. Помяни моё слово.
Тогда Финн ощутил одновременно и спокойствие, и тревогу.
Но именно это он и любил в Честере.
Тот умел преподнести вещи с разных точек зрения.
Каждый раз, когда Финн рассказывал старику о том, что его тревожило, Честер приводил его мысли в порядок и помогал взглянуть под другим углом.
В отличие от его собственного отца, который каждый день просыпался и пялился на расставленные на каминной полке медали Финна, словно те были самим Ковчегом Завета[5].
Финн не сомневался, что его старик любил эти медали больше, чем его самого.
- Как сегодня дела?
Честер пожал плечами и потянулся.
- Да как и всегда. Проверяем входящих. Проверяем выходящих. Я уже так наловчился, что должен закупаться в самом крупном супермаркете. А ты как держишься, сынок?
- Неплохо. Да, неплохо.
- Ещё мучают кошмары?
Финн подумал солгать, но потом просто кивнул.
- В последнее время всё хуже. Гораздо хуже.
-Так всегда. У меня тоже такое было. Да и сейчас никуда не делось. Нельзя пройти через войну и остаться нетронутым, как девственный снег. Что-то внутри тебя меняется навсегда. Тебе нужно просто принять это и идти дальше.
Честер рассказывал, что восстание на острове Самар в 1901 году до сих пор преследует его в кошмарах.
Земля была влажной от крови.
Он никогда не забудет людей, которых убил во время штурма.
- Иногда кажется, что прошла целая жизнь с тех пор. А иногда - что всего неделя.
Господи, но ведь прошло уже сорок лет!
Неужели в 1980-х мне всё ещё будет сниться это дерьмо?!
Разговор прервал внезапный грохот со стороны одного из главных исследовательских комплексов.
Казалось, вся земля содрогнулась, а затем завибрировала.
Финн вдруг почувствовал головокружение, а внутренности сложно сжало в кулак.
Он неуклюже поднялся на протезе.
- Всю ночь такое слышал, - признался Честер. - Чёрт его знает, что они там делают. Только надеюсь, что нас не взорвут.
Финн вышел из будки и прислонился к стене, вдыхая прохладный свежий воздух.
Безумие - вот что это такое.
Грохот заставил его подобраться. Как тогда, при бомбардировке на Гуадалканале.
Словно всё внутри скручивает в узел.
Отвратительно.
Из-за этой странной вибрации у него кружилась голова, перед глазами будто нависла пелена, а кожа, казалось, пыталась слезть с костей.
Что-то в этой вибрации было неправильное.
- У меня всегда от этого шея начинает болеть, - пожаловался Честер. - А сердце вообще пару ударов пропускает.
Финн подвигал челюстью.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Зубы ломило, словно металл в пломбах и конструкциях начал расширяться.
- Какого хрена они вообще там делают?
Честер лишь покачал головой.
- Не знаю, да и знать не хочу! Меня это не очень заботит.
Финн закурил, чтобы успокоить расшатавшиеся нервы.
Что-то во всём этом предприятии было странное.
Внезапно его кожу вновь начало покалывать, а секунду спустя, гул возобновился, и земля задрожала.
Его сопровождал высокий электронный писк, а затем снова вибрация.
Голова опять закружилась.
А когда он открыл глаза... Казалось, весь мир двигался, а деревья в лесу шатались, хотя ветра и не было.
Звёзды над головой изменились.
Вместо крошечных, едва заметных точек появились светящиеся, пульсирующие шарики, и расстояние до них казалось гораздо меньшим.
А потом всё вернулось к норме.
- Тоже это почувствовал, да? - спросил Честер. - В первый раз я думал, меня вырвет. Позвонил в корпус А, чтобы узнать, что у них случилось, но доктор Уэстли уверил, что это просто проблемы с генератором.

Ага. Проблемы с генератором, - подумал Финн. - *Дело далеко не в грёбаном генераторе.*

Финну казалось, что весь мир чуть не разбился на осколки.
Он не знал, в чём именно заключается проект "Проционн", но был чертовски уверен, что он никак не связан с генераторами.
Честер защёлкнул крышку на контейнере для еды.
- Ладно, я пойду. Моя старушка ждёт меня дома с горячим ужином.
И он подмигнул Финну.
- Беспокоится, а вдруг я после работы рвану в город покуролесить с девчонками.
- Ну да, - с трудом выдавил из себя смешок Финн.
Честер помахал ему рукой и вышел за ворота, довольно быстро пересекая стоянку и подходя к своему старенькому "Форду".
Казалось, что он старается убраться из Блю Хиллз как можно скорее.
И Финн не мог его в этом винить.

* * *

Первый час прошёл быстро.
Финн сидел в будке, слушал концерт Кея Кайсера[6] и листал журнал с таинственными, мистическими рассказиками.
Они были спокойными, даже скучными и не производящими впечатления.
Как он и любил.
Где-то около половины второго ночи он начал обход.
Основные исследования проводились в двух зданиях: корпусах А и Б, но существовало ещё с десяток хранилищ и ангаров, которые надо было проверить.
На смене, как и всегда, работали двое охранников: Финн и Джек Койе. Финн должен был наблюдать за сектором у ворот, а Джек - за западным сектором, в который входили корпуса А и Б.
У них всё рассчитано.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Они начали обход в 01:30, а в 02:15 уже встретились в диспетчерской, которая по ночам пустовала.
С тех пор как начали происходить эти странные вещи - шум и вибрации - Финн чувствовал, что слегка на взводе.
Он хотел встретиться с Джеком и выкурить с ним сигаретку.
И не столько ради компании, сколько из-за того, что Джек всегда знал то, что знать ему было не положено.
Джек обычно делал обход быстрее, чем Финн.
С деревянной ногой быстро не походишь.
Несмотря на то, что большая часть парковок и проезжих частей в Блю Хилл освещалась, ночь была чертовски тёмной.
Казалось, чёрный лес прижался к ограде ближе, чем обычно.
Над мрачной чащей и полями сплетённых пожелтевших трав висел полумесяц.
Финну казалось, что он последний человек на земле.
Сырость заползала под пальто и холодила позвоночник.
Финна колотило, и он не мог с этим никак справиться.
Его вновь начали беспокоить фантомные боли в отсутствующей конечности. Подумать только!
Он, прихрамывая, шёл вдоль ограды Блю Хиллз.
Здесь, как и всегда, не было ничего необычного: сорняки, тени и наползающая тьма, которую именно сегодня вечером Финн не переносил.
Возможно, она напоминала ему о мрачных ночах в Бухте Аллигатор во время боя у реки Тенару, когда японцы всю ночь атаковали их позицию... А возможно, она напоминала ему о тянущихся из-под двери комнаты тенях с того времени, когда он был ещё мальчишкой.
Что бы это ни было, Финну стало неуютно.
Он патрулировал дорогу вдоль ограды, освещая фонарём окрестности и почти страшась того, что мог высветить луч света.
Финн напрягся, а сердце заколотилось, как безумное.
Напряжение должно было исчезнуть, как только он вернулся на главную дорогу и направился к котельной, но оно лишь нарастало.
Этой ночью всё было странным.
Всё было неправильным, но он не мог понять истинную причину этого.
Когда он остановился рядом с тёмной громадой котельной, Финну показалось, что он услышал шум.
Что-то вроде "шшш, шшш".
На первый раз он приостановился, а потом продолжил идти, но во второй раз замер, как вкопанный.

Что за хрень?

Финн ждал, глядя на котельную из-за припаркованных прямо на лужайке машин ночной смены.

Шшш! Шшш! Шшш!

Теперь звук стал более настойчивым, исходя от самих машин.
Финн осторожно направился к ним, радуясь, что на бедре у него висит револьвер калибра .38.
Рука сама опустилась и сжала рукоять.
По лбу Финна стекла капля пота, когда он обвёл лучом фонаря парковку и автомобили.
Все они были тёмными и пустыми.
Финн заметил, как что-то спряталось за седаном.
Оно было большим, слишком огромным для суслика или даже рыси.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

В глубине сознания мелькнула мысль, что это больше походило на бегущего на четвереньках человека.
Финн тяжело сглотнул и огляделся.
Надо было отступать.
В котельной всегда были рабочие... Но что он им скажет?
Что какой-то ночной хищник напугал его до смерти?
Чёрт, Финн, да морпехи ничего не боятся!
Звук повторился.
Что бы это ни было, Финну придётся справляться с этим самому.
И снова "шшш, шшш". Финн дрожал.
Со времён войны его нервы пошаливали.
Он напрягался при малейшем шорохе.
Он даже спал настолько чутко, что это едва ли можно было назвать сном.
Ветка ли царапнула по крыше или собака залаяла в трёх кварталах от дома - сон как рукой снимало, и Финн лежал, уставившись в потолок, готовый вскочить в любую минуту.
Револьвер дрожал в его руке.
- Эй! - слабо выкрикнул Финн. - Эй! Есть здесь кто-нибудь?
Никакого ответа. Лишь вновь это "шшш, шшш", напоминающее чем-то кузнечика или цикаду... Только вот чтобы достичь нужного уровня в децибелах потребовалось бы около 10.000 кузнечиков.
Он осторожно двинулся между машин, освещая себе путь фонариком.
Финн и раньше слышал странные звуки во время кампании на Тихом океане; насекомые и хищники действительно доставляли кучу беспокойства. Но эти звуки ни на что прежнее не походили...
Это было нечто иное.
Оно напоминало мягкое, размеренное разжёвывание.
- Эй! - громче крикнул он.
Жевание прекратилось.
Его сменило гортанное мурлыканье, затем вновь "шшш, шшш", только на этот раз звук стал более громким.
Словно предостерегающим.
Он доносился из-за багажника шевроле.
Финн пытался сглотнуть, но во рту пересохло.
В одной его руке ходуном ходил револьвер, в другой фонарик; луч света лихорадочно плясал.
Финн обошёл шевроле, ощущая сладковатый запах разложения, от которого внутренности скрутило в узел.
Мужчина подошёл к багажнику и увидел... Он даже не понял, что увидел...Но это заставило его сделать три-четыре шага назад и осесть на землю.
Луч фонаря высветил нечто.
Нечто что со звуком "шшш" поднялось в воздух на перепончатых крыльях, напоминая жужжание вертолётного винта.
Оно пронеслось прямо над Финном и исчезло в темноте.
А Финн сидел на асфальте с бешено колотящимся сердцем, пытаясь сделать вдох.
Чем бы это существо ни было, по размеру оно походило на человека, но выглядело как огромное насекомое. Может, оса. Только тело было усеяно, словно иглами, острыми тонкими волосками, и Финн заметил три ярко-жёлтых круглых глаза.
И пасть, полная загнутых назад клыков, как у гремучей змеи.

Финн поднялся на ноги и заметил останки животного, наверно, енота. Его внутренности были разбросаны по парковке, как разобранный часовой механизм в разбившихся часах.
Это существо... Этот жук... Он ел енота.
Финн повернулся к котельной, намереваясь рассказать всей ночной смене, свидетелем чего он только что стал, но остановился, понимая, что не сможет.
Они решат, что он свихнулся.
Ещё один контуженный на войне пехотинец.
Может, в лицо они ему и не рассмеются, но стоит Финну выйти за дверь...
Нет, он не станет ничего рассказывать.
А может, ему всё привиделось?
Может, у него с нервами гораздо хуже, чем он предполагал?
Может, война действительно что-то сдвинула в его голове?
Но сам Финн в это ни минуты не верил.

* * *

Он понимал, что задерживается, но было непросто работать после встречи с гигантским насекомым.
Может, снаружи его больше и не трясло, но вот внутри он до сих пор мелко дрожал, а внутренности скрутило в узел.
Ему нужно было открыть и закрыть четыре двери, но руки просто ходили ходуном, и первые два ключа он просто не мог вставить в замок.
В конце концов, мужчина замер, сделал глубокий вдох и медленный выдох и заставил себя успокоиться.

Ты пережил войну, дубина! И теперь места не находишь из-за какого-то шершня-переростка?!

Да, мысли были верными. Только звучали неубедительно.

У той твари были зубы. С каких пор у насекомых есть зубы?!

И крылья... Теперь Финн потихоньку вспоминал, но их была не одна пара, а две или три.
Нет, это было невероятно во всех отношениях.
Насекомые не бывают такими огромными. У них не бывает грёбаных зубов.
Финн провернул последний ключ и вздохнул с облегчением.
Он с нетерпением ждал Джека.
Джек с удовольствием посплетничает обо всех странностях, тут и к бабке не ходи.
Финн шёл по пустынной, залитой лунным светом дороге к зданию А и диспетчерской, которая стояла неподалёку от основного строения.
Чашка кофе, сигарета - и Финн снова станет чувствовать себя человеком.
Всё произошедшее обретёт смысл...
Шум. Снова.

Вот чёрт!

Он становился всё громче и громче, словно морские волны, врезающиеся в пирс.
Земля задрожала, и Финн снова оказался сидящим на заднице.
И почти одновременно началась вибрация.
Он чувствовал костями, мышцами, как всё вокруг вибрировало.
Будто всё, из чего Финн состоял, готово было вот-вот разлететься вдребезги.
Голова кружилась, и волнами накатывала тошнота.
И стоило ему моргнуть, как он увидел мир таким, каким ни разу не видел его прежде.
Абсурдный, искорёженный.
Деревья, как длинные извивающиеся пальцы, касаются светящихся облаков.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Здания, как склонённые монолиты.
Звёзды над головой; такие яркие и такие близкие; пульсирующие, осязаемые, как бьющиеся сердца; или словно распахнутые от ярости глаза в окровавленных глазницах.
Финн закричал.
И снова, и снова. И тогда он разглядел на фоне неприятно раздутой, как гниющая дыня, и такой близкой луны рой проносящихся мимо гигантских насекомых.
А затем всё закончилось.
Финн поднялся на ноги и заковылял к диспетчерской.
Дошёл, прислонился к стене и попытался выровнять дыхание.
Не получалось.
Финн лихорадочно сжимал край металлической полки, потому что боялся, что всё повторится вновь, и на этот раз он действительно разлетится на тысячу осколков.
Минут через пять он пришёл в себя и успокоился.
Насколько это было возможно.
Финн зашёл внутрь диспетчерской и увидел, что Джек Койе уже его ждёт.
Он сидел рядом с радио и отслеживал передвижение воздушного транспорта.
Из уголка его рта торчала сигарета.
Обычно уверенное лицо Джека сейчас было бледным и одутловатым, а под глазами виднелись тёмные круги.
- Сумасшедшая ночка, - произнёс он. - Чертовски сумасшедшая ночка.
Финн упал в крутящееся кресло на колёсиках и прижал ладонь к здоровой ноге, чтобы она не дрожала.
Джек налил ему крепкого чёрного кофе; Финн медленно отпил глоток и затянулся сигаретой.
- Выглядишь так, словно увидел привидение, - заметил Джек.
- И не одно, - ответил Финн.
- Хрен пойми, чем они так занимаются.
- Говорят о каком-то генераторе. Об источнике энергии и прочем дерьме.
- Ага.
- Ходит куча странных слухов.
- Да я сам чуть в штаны не наложил, когда они последний раз его запустили.
Джек отвернулся от радиоточки и посмотрел на Финна.
- Тебя тоже зацепило, да?
- Ага, - кивнул Финн.
- И кишки скрутило?
- Ага.
- И голова кружилась?
- Ну да.
- Хотелось выблевать собственные внутренности?
- Ага. Что это за херня?
Джек качнул головой и закурил вторую сигарету.
И молчал.
Пепел падал на длинное серое форменное пальто, но он, казалось, этого даже не замечал.
- Как только включается та штуковина, радио начинает барахлить. Всё выключается. Одни помехи. И ещё... Самолёты в небе начинают терять скорость и высоту. Полиция не может переговариваться на своих частотах. На электростанциях возникают перебои. А может это всё и не связано, не знаю.
О нет, это всё было связано, в этом Финн был уверен.

Что бы за устройство они там не испытывали, подобного ему мир ещё не видывал.
Финн понятия не имел, что это за механизм может быть, но уже начинал бояться его мощи и потенциала.
Как только они его включали, начиналось безумие.
Небо менялось. Мир менялся.
И с каждым разом было всё хуже и хуже.
А что насчёт существа, сожравшего енота? - спросил себя Финн с лёгкой непроизвольной дрожью.
Что за хрень это была?!
И у него снова не было ответов.
Он знал лишь то, что оно выглядело, как какое-то отвратительное насекомое, но в этом мире не существует подобных насекомых.
Он старался убедить себя, что это никак не связано с происходящим вокруг предприятия, но и сам не верил своим уверениям.
Особенно после того, как спустя всего пару минут работы неизвестного механизма он увидел целый рой этих насекомых на фоне луны.
Всё было связано. Но каким образом Финн пока не знал.
Это находилось за пределами его понимания.
- Не знаю, Джек, какого хрена они творят, но они выпускают кучу энергии. Столько, сколько мы в жизни не видели.
Джек кивнул и затушил сигарету.
- Ходит слух об этом генераторе, источнике энергии. Думаю, это и есть ядро "Проциона", что-то реально огромное. На прошлой неделе я работал в дневную смену. Сюда приходила делегация из Минобороны, генерал из военной разведки, а в понедельник, как я слышал, предприятие посещали адмиралы из Управления военно-морских исследований. Это серьёзно, Финн, очень серьёзно. И знаешь, что ещё?
Финн бросил на Джека взгляд.
- Даже боюсь спрашивать.
- Я слышал краем уха, что со следующей недели вахту будем нести не только мы. Они расставят по периметру солдат.
Финну происходящее нравилось всё меньше и меньше.
Военная полиция и так уже охраняла их главные здания. А теперь ещё и вдоль забора будут ходить?
- Надеюсь, они не взорвут нашу планету к чертям собачьим.
Джек огляделся вокруг, проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь.
- Слушай, не стану утверждать, что знаю, что у них там происходит, - прошептал Джек. - Но знаешь что? У меня в Паксли есть двоюродный брат, работает на мясокомбинате. Похоже, здесь, в Блю Хиллз, у них серьёзные дела.
- На мясокомбинате?
Джек кивнул.
- За последние несколько месяцев они доставили множество грузовиков с мясом и кровью.
- Кровью?
- Ага. По словам брата, они доставляют более сорока пяти килограммов сырого мяса и около восьми сотен литров крови животных дважды, а то и трижды в неделю, - признался Джек. - Столько даже маленькая личная армия не съест. А уж про кровь вообще молчу... На хрена им восемьсот литров животной крови?!
Финна снова затошнило.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Если учёные работали над каким-то механизмом - это одно. Но здесь явно что-то другое... Столько крови и мяса... Похоже, они кормят животных.
Но в Блю Хиллз нет животных.
Никакой исследовательской биологической станции; они занимались строго разработкой оружия.
Физика, электроника и тому подобное.
Именно этому был посвящён проект "Процион".
По крайней мере, так говорил люди.
Джек пару секунд помолчал.
- Считаешь это странным? Тогда послушай вот ещё что: им доставляют книги и документы из какого-то университета на востоке. Специальным курьером.
- Какие книги?
Джек язвительно ухмыльнулся.
- Да не абы какие, друг мой. Не технические инструкции, не чертежи, ничего подобного. Эти книги... особенные.
Он снова окинул взглядом комнату, слегка задержавшись на висевших на стенах плакатах с надписями "Болтун - находка для шпиона" и "Беспечная болтовня может стоить жизни".
- Книги о магии.
Финн не мог поверить собственным ушам.
Они говорят не о фокусах, вроде вытягивания кролика из шляпы, а о чёрной магии.
О редких древних руководствах по тайным знаниям, по исчезнувшим религиям и забытым богам; о книгах заклинаний, которые рассказывают, как вызвать сущность из другого пространственно-временного континуума.
- Ты о демонах? - уточнил Финн.
В горле пересохло, и язык еле ворочался.
Джек пожал плечами.
- Ведьмовские книги, Финн, вот о чём я. Мои источники сообщали, что у них странные названия, вроде *"Некрономикон"* и *"Тайны Червя"*... Ну, что-то вроде этого. Всякая лабуда на латинском, как в церкви. Эти книги очень и очень старые. И очень редкие. Много столетий назад они были запрещены святой церковью, и до наших дней сохранились лишь несколько копий. Дьявольские книги.
- Да что за чёртово безумие? Ты уверен, что твой человек не решил над тобой подшутить?
Джек покачал головой.
Его лицо стало серовато-бледным, а широко распахнутые глаза, не мигая, уставились перед собой.
Он был не просто обеспокоен. Он был чертовски напуган.
С таким лицом не шутят.
- С помощью этих книг можно призвать... Я даже не могу произнести их имена. И не проси меня.
- Да что это всё значит, Джек? Какого хрена они там делают?
Джек пожал плечами.
- Не знаю. У них есть какое-то устройство, которое посылает волны и что-то подобное, от чего людям становится плохо. Они выбрасывают энергию, от которой звёзды превращаются в забавные шарики. Они закупают кровь и мясо, словно внутри содержат тигров в клетках. И они изучают книги о поклонении дьяволу и ведьмовстве.
Джек тяжело сглотнул.
- Я даже боюсь связывать всё это воедино.

- Я тоже, брат, я тоже, - прошептал Финн.

* * *

Они проболтали ещё час, а потом разделились и пошли на обход.
Кругом было тихо и спокойно.
Финн расслабился. Со стороны главных зданий больше не доносилось никаких признаков активности. Слава Богу!
Он обходил свой участок, наслаждаясь ночью.
И не видел ничего странного.
Всё, что недавно произошло, уходило на задворки памяти с ключевыми словами "ошибки и заблуждения".
Финн до сих пор не мог полностью осознать случившееся, особенно рассказанное Джеком, но он прекрасно понимал, что некоторые вещи лучше оставить в покое и не углубляться.
Не его дело, чем они там занимаются.
Джо Хайдиггер на прошлой неделе предложил ему работу водителя погрузчика на складе, и Финн начал всерьёз обдумывать его предложение.
Возможно, пришло время перемен.
Время полностью отойти от войны и оружия.
Он своё отслужил. Свой долг отдал.
Никто не сможет требовать от него большего.
Ночь была прекрасна. Действительно прекрасна.
За это Финн и любил ночные смены.
Тишина. Спокойствие.
Сверчки.
Ночные птахи.
Одинокий крик совы.
Можно побыть наедине с самим собой.
Можно всё обдумать, принять решения.
Он вернулся в будку, налил чашку кофе из термоса и сел в кресло.
Финн очень надеялся, что остаток ночи будет тихим.
Но когда он услышал топот бегущих ног, он понял, что этому не суждено было случиться.
Он вздохнул, вышел из будки и увидел доктора Уэстли.
Это был один из учёных в проекте "Процион".
Финн вспомнил, что его "коньком" была физика.
В свете фонарика Финн разглядел широко распахнутые глаза и дрожащие губы.
- Там, - выдохнул учёный. - Там... Всё случилось. Мы не можем это остановить. Не можем!
- Что вы не можете остановить? - спросил Финн.
- Устройство! Оно стало работать самостоятельно... Мы ему больше не нужны!
- Ничего не понимаю, - признал Финн.
- Мы... Мы увидели скрытый потенциал для нового оружия. Господи, да! Да, это была смесь передовых знаний в области физики, теории элементарных частиц и колдовства... Да, да, да! Откуда нам было знать, во что мы впутаемся?! Что мы имеем дело с изначальными силами хаоса?
Он схватил Финна за руку и не думал отпускать.
Глаза доктора смотрели в одну точку, по лбу стекал пот, рот перекосило, а на лице застыла маска животного ужаса.
- Мы их впустили... Да, впустили! Но только насекомых! Клянусь, только насекомых. Мы заглянули через окно многомерной реальности в самое сердце космического антимира! мы

кормили насекомых кровью и мясом, и они становились всё крупнее и крупнее! Но они не из нашего пространственного континуума... Разве вы не понимаете? Мы их не сможем вместить. Они способны использовать четырёхмерное пространство. Они проходят прямо сквозь стены! Сквозь стены!

Финна и самого начинало трясти.

- Доктор, вам нужно успокоиться.

- Я не могу успокоиться! Не могу! Устройство всё ещё работает. И мы ему больше для этого не нужны! Оно берёт энергию из самих звёзд, из атомной структуры веществ. А те существа поглощают энергию и вновь активируют устройство! Оно работает, потому они этого хотят!

- Насекомые?

- Нет, глупец! Те разумы и сознания извне! Те бесформенные сущности, которые хотят довести этот ужас до конца! Чудовища, восседающие на троне первобытного хаоса! Живая первобытная масса ядерного катаклизма...

Уэстли был невменяем, полностью сошёл с ума. Но и Финн недалеко от него ушёл.

Снова послышался шум.

Твою мать!

Земля затряслась, и Финн услышал ревущий звук с холмов, а Уэстли продолжал разглагольствовать дальше.

А затем ударная волна свалила его с и так некрепких ног и выбила из лёгких весь воздух.

Оглушительный гул.

Словно весь Блю Хиллз взяли и подбросили.

Финна накрыло такое ощущение, как после долгого-долгого спуска на лифте вниз.

И снова почти сразу к шуму присоединилась вибрация.

Со стороны корпусов А и Б Финн услышал крики.

Финн поднялся на ноги и неуверенно заковылял в ту сторону, несмотря на подкатывающую тошноту и гудящую голову.

Ему было чертовски сложно передвигаться, но кому-то там, впереди, нужна была помощь. Он должен туда добраться.

Вибрации шли с холмов и накатывали волнами. Финну казалось, что его кости становятся ватными, и он в любой момент может взмыть к небу, как шарик с гелием.

- Нет! - закричал Уэстли. - Не ходите туда!

- Я должен! - закричал в ответ Финн.

Мир вокруг него становился жутким, пугающим.

Всё было неправильным.

Звёзды снова опустились вниз, а искривлённые ветви деревьев, как щупальца, тянулись к небу.

Корпуса А и Б наклонились, как покосившиеся надгробные плиты.

И шевелились, как шатающиеся в дёснах гнилые зубы.

Финн моргнул, пытаясь избавиться от наваждения, но всё осталось, с каждой секундой становясь всё более искажённым.

Пейзаж стал мерзостным.

Он увидел вдалеке неясные тёмные сооружения, напоминающие обелиски, сферы и цилиндры.

А затем...

Воздух наполнился жужжанием и хлопаньем крыльев, и всё ночное небо заполонили полчища этих безымянных насекомых.

Он видел, как какие-то существа летают прямо над его головой. Чёрные, лоснящиеся, человекоподобные, но без единого намёка на то, что можно было бы назвать лицом.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Уэстли заорал от одного их вида, а Финн мог лишь стоять и не двигаться - оцепеневший и онемевший свидетель мрачного пересечения миров.
Вибрация становилась всё сильнее и сильнее.
Чёрное небо превратилось в водоворот, освещаемый вспышками молний.
Грохот перерос в рёв грузовых поездов, будто на них надвигался отец всех торнадо.
Раздался оглушительный звук, напоминающий треск статического электричества.
Воздух стал сначала горячим, как погребальный костёр, а затем ледяным, как арктическая пустошь.
Финну казалось, что он пытается вдохнуть жидкую овсяную кашу.
А затем его сбил с ног опаляющий порыв ветра, заставив упасть на колени рядом с верещащим Уэстли.
В воздухе летал пепел, словно хлопья снега в метель.
Он накрыл мужчин с невероятной силой.
Холм, на котором стояли корпуса А и Б, приподнялся, как шляпа гигантского чудовищного гриба, и крыши на обоих зданиях начали взрываться изнутри со вспышками ослепительно-голубого света, и обломки крыш взлетали к самому небу и растворялись в ночи.
А затем небо над их головами раскололось, и из трещины в нём словно начал просачиваться пылающий солнечный свет.
Отверстие расширялось, раздувалось, поглощало небо, превращаясь в всасывающий в себя всё разрез. Финна и Уэстли протащило по земле; гигантский вихрь старался утянуть их в разверзшиеся разрушительные небеса.
И что-то лезло через этот разрыв.
Нечто, желавшее поглотить этот мир, высосать его кровь и обглодать холодные пожелтевшие кости.
При виде этого Уэстли полностью съехал с катушек, начал визжать, кричать и странно размахивать руками.
Его речь стала неистовой и лихорадочной, но кое-что Финн расслышал:
- Он идёт за нами! За всеми нами! Первичный ядерный Хаос! Господь милосердный, помоги нам... Йог-Сотот, убереги нас! Ньярлатхотеп! Йа... ЙА! ЙА! ГЛАЗ АЗАТОТА! Я ВИЖУ ЕГО! ВИЖУ, КАК ОН ОТКРЫВАЕТСЯ!
А Финн лишь стоял и ждал; беспомощный, безмолвный, беззащитный.
Вот он - результат проекта "Процион", окончательный триумф странного устройства, колдовских книг, крови и мяса: призыв этого безбожного, отвратительного кошмара из самых подвалов реальности, этого извивающегося скитальца тьмы, это семя примитивного ужаса, первобытное живущее горнило.
Да, вот что они пытались сделать всё это время.
Вот какую силу они пытались обуздать и использовать в качестве оружия.
Они пытались открыть дорогу сюда этому первобытному плацентарному кошмару.
На одно безумное мгновение Финну показалось, что из образовавшегося разрыва рождается полная луна.
Только это была не луна, а туманный, расплывчатый, непонятный бледный шар, превращающийся в выцветшее, разлагающееся глазное яблоко.
И в этом исполинском глазе начала прорисовываться радужка... Он подплывал всё ближе, ближе, заполняя собой весь небосвод... И Финн видел, как внутри него нечто начинает разворачиваться, подобно лепесткам вырождающегося цветка.
Корчащееся, скользящее, как мясистые ткани последа... Они раскручиваются, вытягиваются, удлиняются, делятся на сотни и тысячи нитей и филаментов, пока над холмом не вырастает

чаща из пульсирующих, вздрагивающих прозрачных отростков, тянущихся на многие километры.
А под ними - светящаяся пропасть, источающая шипящие плесневые миазмы.
И она начала раскрывать всё шире и шире, подобно рту. Медленно. Очень медленно.
Родовые пути.
И было в этой бурлящей реке чистого голода нечто живое.
С древним, ярким интеллектом и холодным голодом чужого, пришлого разума.
И это нечто пришло, чтобы поглотить мир.
Финн услышал гулкое, влажное хныканье, словно мучительные вопли рождающегося по образовавшемуся каналу гротескного, изуродованного младенца.
В считанные минуты существо увеличилось в размере, как микроорганизмы в чашке Петри, и гигантская, извивающаяся, мерцающая паутина нитей заполнила всё пространство до неба, а на фоне неё вырисовывались контуры разрушенных корпусов А и Б.
Нити не просто дотягивались до неба; они сами стали небом, и Финн был уверен, что видит лишь малую толику их необъятных размеров.
А затем с разрывающим грохотом небо захлопнулось обратно, и существо, опутывавшее всё небо, разорвалось с оглушительным выбросом энергии и мощи. И исчезло.

* * *

Когда Финн очнулся, всё вокруг было в огне и дыме.
Всё разрушено.
Здания исчезли.
Более того, холмы, на которых стояли корпуса, тоже пропали без следа.
На их месте появились дымящиеся, обугленные кратеры.
На сколько Финну хватало взгляда, вся земля была разворочена; тысячи деревьев валялись вырванными с корнем или просто переломанными.
Как тёмная сторона луны: серая, безжизненная, испещрённая шрамами равнина.
Уэстли был мёртв.
Он лежал на земле под слоем пепла, держал перед собой скрюченные руки; рот его перекосило на бок, а глаза почти вылезли из орбит.
Ошеломленный, оцепеневший, почти сошедший с ума Финн пробирался через пылающие обломки и жирный чёрный дым, пока не добрался до места, где ещё совсем недавно была будка охранника.
И только там он упал на землю, трясясь, как в лихорадке.
В отдалении он услышал полицейские и пожарные сирены.
Джек Койе был первым, кто до него добрался.
Как и самого Финна, Джека покрывал слой пепла, а лицо было измазано сажей.
Он схватил Финна за руки.
- Эй, парень, не отключайся, говори со мной.
Финн молча улыбнулся.
- Оно ушло? - спросил он.
- Да... Да, ушло.
Финн глубоко вдохнул и попытался выровняться.
- Всё разрушено.
Джек кивнул.
- Точно, точно. Ничего не осталось. Но... Ты это видел? Действительно видел?
Финн задумался, а потом покачал головой.
Закурил сигарету, вспоминая надписи на плакатах.

"Болтун - находка для шпиона".
"Беспечная болтовня может стоить жизни".

- Ни хрена я не видел, - ответил он.

Джек подмигнул ему.

- Хороший мальчик.

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ЧУМА, БРОДЯЩАЯ ВО МРАКЕ

"...Явил во тьме змею, хоть женским телом
Был наделён ползучий этот гад,
Отвратный, мерзостный, чьё существо - разврат".

- Эдмунд Спенсер, "Королева фей".

Всё началось с Роланда Клэйба.
Возможно, вам это имя ничего и не говорит, но для фольклористов западного Массачусетса он был практически легендой.
Не существовало ни одной мрачной истории или запутанного сказания из Беркшир Хиллз, о которой бы он не знал.
Среди всех старожил-сказителей и фольклористов его почитали и уважали, наверно, больше всего.
Каким-то образом он узнал, что я задаю вопросы и собираю сказания и фамильные предания для написания собственной книги. И захотел поучаствовать.
И немалую роль, полагаю, сыграло то, что я платил наличными.
Он написал мне краткое, но интересное письмо:

Мистер Крей.
Слышал, что вы кое-чем интересуетесь. Если хотите услышать о Лавкрафтовском "Неименуемом", приходите, я расскажу.
До встречи.

P.S. Захватите пару бутылочек пива. И не забудьте чековую книжку.

Разве я мог отказаться?
Говард Филлипс Лавкрафт был писателем-отшельником из Провиденса, работавшим в жанре ужасов. Он умер уже около семидесяти лет назад, но даже после смерти его дело переросло в огромный культ.
Который и сейчас продолжает расти и процветать.
Рассказ Лавкрафта, который меня интересовал, назывался *"Неименуемое"*.
В нём говорилось о создании - наполовину человеке, а наполовину чудовище - которое было настолько ужасно и отвратительно, что буквально не поддавалось описанию.
Лавкрафт позаимствовал идею в одной из книг Коттона Мэзера *"Великие деяния Христа в Америке"*.
Как вы, возможно, помните из школьных уроков истории, Мэзер был весьма эксцентричным, влиятельным писателем и проповедником в Новой Англии.
Его пламенные проповеди и значительная вера в колдовство косвенно привели к охоте на салемских ведьм.
Мазер посвятил целый раздел "Великих деяний" нахождению ведьм и других сверхъестественных феноменов - привидений, демонов и духов, населявших колониальную Америку.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

И вот в одном из "случаев из практики" описывался молодой мужчина с "дурным глазом", который был обвинён в скотоложстве с животным на ферме.
Животное родило мерзкого получеловека с такой же аномалией глаз, и мужчину казнили. Диковинная сказка для нас, но для Коттона Мэзера подобные обвинения были в порядке вещей. И вот, Лавкрафт соединил этот фрагмент книги Мэзера со старой традицией в семьях Новой Англии прятать на чердаках родившихся с уродствами детей. Приправил всё это своей болезненной фантазией и написал *"Неименуемое"* - впечатляющий рассказ ужасов о получеловеческом-полуживотном ребёнке предположительно демонического происхождения, которого держали запертым на чердаке. Но естественно, ему удалось убежать и вызвать проблемы.
Я интересовался этой историей, потому что писал книгу с рабочим названием "Заблуждения о дьявольском семени: изучение полурослико в, слабоумных и получеловеческих монстров в мировом фольклоре".
И я заинтересовался ещё больше, когда узнал, что описанное Мэзером произошло в Беркшир Хиллз в западном Массачусетсе. И Мэзер поведал в своём труде не обо всём.
В общем, я начал задавать вопросы местным фольклористам, и это привело меня к Роланду Клэйбу. Или его ко мне.
Поэтому через пару дней после пришедшего письма я сел в машину, забросил в багажник двенадцать банок пива и поехал в Адамс, расположенный у подножья горы Грейлок - самого высокого пика в округе Беркшир.
Всё, что у меня было - это обратный адрес на конверте. Олд-Пайк-Роуд.
Как выяснилось, большего мне и не было надо.
Потому что в Адамсе Роланда Клэйба знали все.
Парень на заправке лишь хмыкнул и показал, куда свернуть. И вот я уже подъезжал к Олд-Пайк-Роуд.
Вдоль дороги виднелись указатели, как и на большинстве просёлочных дорог в Новой Англии.

Первый: *"РЕБЁНОК О ДВУХ ГОЛОВАХ"*.
За ним: *"ГИГАНТСКИЙ МОЛЛЮСК-ЛЮДОЕД"*.
Третий: *"ПОДЛИННЫЕ ИНДЕЙСКИЕ МУМИИ"*.

Все остальные крошечные, красные, выгоревшие на солнце указатели продолжали извещать о "Колдовских артефактах" и "Колониальных орудиях пыток".
Хоть я и понимал, что так город завлекал туристов, но, тем не менее, мне и самому стало интересно.
Через милю я доехал до "Музея Странностей" Клэйба. Он стоял в низине среди густых папоротников, лапчатки и дикой вишни.
Похоже, раньше это здание принадлежало автозаправочной станции.
Стены его были окрашены в красный, как и все указатели на дороге.
Даже трейлер, стоящий у дороги, был ярко-алым.
Я обошёл "Галерею гротеска" и "Зал боли", сувенирный магазинчик с диковинками и раритетами и направился прямиком к трейлеру.
Я дважды постучал, и в открытое окно услышал хриплый крик:
- Чёртов музей закрыт, так что проваливайте! Оставьте меня в покое! Я пытаюсь напиться!
- Мистер Клэйб? - позвал я.
- Катитесь к чёрту! Если продаёте - я ничего не собираюсь покупать! А если покупаете - у меня ни черта нет! А если решили проповеди мне читать - валите на хрен!
А это уже интересно...
- Мистер Клэйб, - снова крикнул я. - Это Джон Крей. Я писал вам о новелле Лавкрафта.

На пару секунд всё стихло, а затем дверь распахнулась.
- Тогда входите, - произнёс голос.
Внутри вагончик был заставлен тем, что Клэйб, по-видимому, не смог втиснуть в свой "Музей Странностей".
Сотни книг, журналов, газет тяжёлым грузом лежали на полках.
Ящики, папки, картонные коробки старых писем и дневников боролись за пространство с чучелом двухголового козла, деревянной статуей человека с оленьей головой и коллекцией консервированных вещей в банках, о происхождении которых я даже не хотел задумываться.
Клэйб оказался грузным человеком в зелёных рабочих брюках с подтяжками и в рубашке.
С длинной седой бородой и гнилыми зубами он выглядел мерзкой версией Санты.
- Пиво привезли? - спросил он.
Я протянул упаковку.
- Ну, конечно, дешёвое дерьмо, - буркнул он. - Я надеялся на "Адамса" или "Будвайзер".
- Я не миллионер, - ответил я.
- Как и я.
В общем, моё первое впечатление о Роланде Клэйбе было не лучшим.
Не знаю, чего я ожидал, но точно не подобного персонажа.
Его одежда, запах алкоголя и сигаретного дыма, который прицепился к нему, как грязь к коврику на входе... Если честно, то он напоминал мне одного из тех людей, что роются по помойкам в поисках пустых бутылок.
И был он не намного чище их, и говорил далеко не культурнее.
Какое-то время он стоял, почёсывая бороду, растрёпанные волосы и другие места, о которых я лучше не буду упоминать.
Может, у него были вши или блохи, а может, ему нужна была горячая ванна.
Он предложил мне присесть, куда захочу, или оставаться стоять. На мой выбор.
И ему "похер, что я выберу".
Я переложил с дивана стопку газет и расчистил себе место.
Он бросил мне одну из банок привезённого мной пива, рухнул в кресло, отпил из своей банки и вытер пену со рта.
Даже не обратив внимания на то, что часть пива пролилась на бороду.
Я представил, как он потом будет её выжимать.
- Не против, если я закурю? - спросил он.
Я ответил, что у меня астма. Оно заржал и сказал:
- Хреново.
Вытащил из кармана рубашки окурок и закурил.
- Значит, пишите книгу, мистер Крей? Отлично, отлично. Просто превосходно. Люблю, когда люди пишут книги о том, чего не знают.
- Я знаю, о чём пишу, и довольно неплохо, благодарю покорно, - ответил я.
И чтобы доказать это, пустился в рассуждения о монстрах и гибридах, вроде Пана и Фавна, о сатирах и гарпиях, о ламиях и суккубах.
Люди-змеи в индуистской мифологии; богиня Лилит, которая ещё до сотворения Адама в древнееврейских и вавилонских мифах считалась матерью демонов, инкубов и суккубов.
Египетские божества, вроде Анубиса с головой шакала, Себека с головой крокодила; гибриды человека и кошки.
Я рассказал всё неплохо.
Эмпусы - женщины-оборотни из свиты Гекаты, древнегреческой богини магии и колдовства.

Кровожадные бааван ши и глейстиги в шотландской и кельтской мифологии; славянская Мара или Морена; ассирийские Пазузу и Ламашту; нигерийские люди-леопарды; люди-волки из племени американских индейцев-сиу; пигмеи времён неолита, которые стали прототипом эльфов и фейри в преданиях Эвропы и Уэльса.
Добавить ко всему этому ночных ведьм, демонов, чудовищ, вроде широко известного в мире Гренделя из классической литературы и сотен других, известных только у себя в деревушках.
- Я могу продолжить, мистер Клэйб, - произнёс я. - Я многие годы читаю лекции на эту тему.
- Ладно, ладно, - пробурчал, наконец, он. - Сдаюсь. Похоже, вы знаете, о чём говорите. Ко мне часто заглядывают журналюги в поисках небылиц, над которыми сможет поржать читатель, вот меня всё и заколебало.
- Многие из этих историй, - продолжил старик, - передавались из поколения в поколение, и думаю, они заслуживают большего уважения. После большинства из них становится не до смеха, а некоторые - вроде тех, за которыми, как я понимаю, охотитесь вы - лучше не рассказывать перед сном.
Я был заинтригован.
По большей части моя книга была обычным повторным описанием наиболее известных гибридов, но главной "фишкой" моей книги - и лекций - были местные рассказы и провинциальные байки, которые в кругах фольклористов мало известны.
И я надеялся, что сегодня Лавкрафт и Мэзер меня не подведут.
Клэйб отхлебнул пива.
- Что вы знаете о первоисточниках Лавкрафта?
Я сказал ему, что знаком с бредятиной Коттона Мэзера.
- Хорошо, - кивнул мужчина. - Тогда с этого и начнём. Поведанное Коттоном Мэзером было пересказом того, что случилось в Беркшире в 1670-1680 годах.
- Всё, что я знаю, я почерпнул из дневников и писем того периода. Во-первых, история Мэзера - полная брехня. Он добавил к тревожащей селение легенде первородный грех, проклятия и получил откровенную хрень. Но чего ещё было ожидать от этого радикала и святоши? А вот мистер Лавкрафт, как мне кажется, знал о легенде, вдохновившей Мэзера на ярые проповеди, гораздо больше.
- В новелле Лавкрафта мы видим получеловеческого монстра, который вырвался из заточения на чердаке, начал нападать на жителей окрестностей на пустынных дорогах и даже убил местного священника и его семью. Я почти уверен, что всё это правда. Но ни Лавкрафт, ни Мэзер не стали заострять внимание на происхождении этого создания. Думаю, раз уж я собираюсь рассказать эту историю, то начать нужно именно с этого.
Сначала Клэйб поинтересовался у меня, что мне известно об О́зарке[7], поскольку косвенно это будет связано с его повествованием.
Я признался, что знал немногое.
Озарк уже давно был чем-то вроде живой лабораторией для учёных-фольклористов. Изначально район был заселен колониальными племенами, которые произошли от жителей северных и центральных Аппалачей, в основном британского происхождения.
И до недавнего времени - до решения Корпорации Долины Теннесси - они развивались самостоятельно и обобщённо, а значит, сохранили большую часть оригинальной народной культуры первоначальных колонистов, значительная часть которых была ввезена напрямую из Европы и Британских островов.
- Неплохой ответ, - кивнул Клэйб, вытаскивая запутавшиеся в бороде крошки. - Что ж... В Озарке, в прежнем Озарке, колдовство вряд ли можно было назвать редкостью. Оно процветало, как нигде в этой стране, сохраняя свои европейские корни нетронутыми.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

- Существует занимательная история о посвящении ведьм, рассказываемая в Озарке. Многие наши коллеги переписывали её раз за разом, так что нет никаких сомнений в её истинности. Если верить рассказываемому, женщина, которая хотела вступить в ведьмовскую секту, должна была вступить в связь с представителем дьявола. Этакое символическое единение с самим дьяволом.
- Судя по источнику, который я исследовал, этим мужчиной мог быть либо избранный из самой секты, или одержимый дьяволом или одним из его демонов.
- Сам ритуал проходит так: женщина, пожелавшая стать ведьмой, безлунной ночью идёт на кладбище. Там она раздевается догола и отрекается от христианства, предлагая своё тело и душу дьяволу.
- Там она совокупляется с избранным членом культа, который в дальнейшем отвечает за обучение её тайнам секты. Всё это отвечает определённым ритуалам и должно быть засвидетельствовано двумя другими членами культа, также нагими. Это не просто оргия, мистер Крей, а чрезвычайно серьёзная религиозная церемония.
- После соития они читают нужное заклинание, которое должно привлечь демонов и злобных призраков мёртвых. И весь этот ритуал повторяется три ночи подряд.
- Я, я слышал об этом, - кивнул я.
Клэйб проигнорировал мои слова.
- Эти увлекательные верования из Озарка через какое-то время достигли предгорий Арканзаса. И то, что я сейчас вам расскажу, очень сильно смахивает на озаркское посвящение в ведьмы. Если честно, на такой увлекательный рассказ я и надеяться не мог, когда сюда ехал.
Клэйб был открытым окном, окном в те тёмные и суеверные времена невежества и религиозной нетерпимости.
Он вскрыл следующую банку пива.
И рассказал мне историю, которая передавалась из уст в уста много-много поколений.
- Насколько я помню, Лавкрафт ни разу не упоминал в своей новелле фамилию того семейства. Не важно. С помощью подсказок, которые я отыскал в дневниках и того, что мне рассказали старожилы, семья, которая нас интересует, всегда определялась как "Уинтроп" или "Уолтроп". Но их истинная фамилия была Кори.
Хотя, опять же, я это важным не считаю. Для нас имеет значение лишь то, что в то время в этой холмистой местности действовал дьявольский культ, и Кори - или семья с любой другой фамилией - была в этом замешана...
Увлекательно.
Клэйб сказал, что эти Кори приехали из Англии и привезли с собой свои языческие и ведьмовские верования.
Он также намекнул, что эти Кори из Беркшира могли оказаться кровными родственниками Кори, которых казнили во время процесса над салемскими ведьмами, что само по себе уже было интригующим.
В общем, семейство Кори было немалым. Они владели множеством ферм, разбросанных среди холмов у подножья горы Грейлок.
Джое Кори был известным членом культа, и боялись его не только домашние, но и все остальные жители деревни.
Дело обычное: он мог вызвать ливни, наслать мор, поднять демонов из ада, проклясть ваших врагов или благословить ваши посевы.
Он был способен рассказать ваше будущее и сварить любовное зелье; был неплох в создании кукол для колдовства; практиковал некромантию и вызов духов.
Всё как обычно.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

У Кори была дочь по имени Люция.
Она была слабоумной, и всё это происходило от того, что она была рождена с "меткой", как тогда это называли: особенное родимое пятно в форме земляники на груди. Если бы охотники на ведьм того времени увидели его, они бы без сомнений опознали в нём печально известную "печать дьявола".
Те, кто рождался в семье Кори с подобными отметинами, были либо прорицателями, либо знахарями, либо колдунами.
По преданию, их мощь была огромной.
И именно таких дочерей избирали в день их тринадцатилетия для полуночной церемонии посвящения, так напоминавшей озаркскую церемонию.
- И здесь мы подходим к тому, в чём Коттон Мэзер не посмел признаться, - со всей серьёзностью заявил Клэйб.
- В Беркшире обряд был чистым и непорочным по своей сути. Люцию отвели на кладбище под названием "Лощина Страха" и отдали её тело сущности, призванной её отцом. Это не был посланник дьявола, мистер Крей, нет... Это было немыслимо жуткое создание, чума вне времени и пространства.
Диктофон записывал его рассказ, а сердце моё бешено колотилось.
Клэйб сумел захватить меня.
Он рассказывал свою историю так, словно она была правдой, словно он сам в неё верил, как и любой прекрасный рассказчик.
Я чуть не слюни пускал на рассказываемое: это было никем ранее не слышимое предание о ведьмах, сохранившееся и не забытое лишь в этом богом забытом Бергшир Хиллз.
Именно такие истории заставляли меня чувствовать выигравшим в лотерею: практически неизвестная, абсолютно не разбавленная выдумками, подлинная народная легенда длиной в сотни лет.
Словно я мог заглянуть в разум тех первых поселенцев, увидеть то, что видели они; почувствовать то, что чувствовали они. Толковать мир так, как они его понимали своими ограниченными из-за столетий губительных суеверий мозгами.
- Как вы думаете, мистер Клей, что это было за существо? Лавкрафт сказал, что оно было "неименуемым", но всё же упомянул про когти и рога - традиционные образы дьявола...
- Никто точно не знал, за исключением самих приверженцев культа. И судя по тем крупицам информации, что мне удалось отыскать, никто никогда не заглядывал в лицо призываемым существам кроме тех девиц, что им отдавались. Ходили слухи, что единожды взглянув на него, уже нельзя остаться прежним.
Клэйб практически перестал вести себя, как спившийся грубиян.
Теперь передо мной был фольклорист, как и я сам.
Очень серьёзно воспринимающий, казалось бы, такой абсурдный предмет разговора.
Тем лучше.
Он отодвинул банку пива и продолжил.
- Мы не знаем, что именно за существо это было. Уверен только в том, что оно было до крайности отвратительным. По словам человека по имени Джошуа Рабин, ныне уже давно покойного, Кори привели к чудовищу ещё двух своих дочерей. И ни одна из этих двух не выжила после ритуала единения.
- Но это было раньше. И вот вновь люди в той деревеньке ощущали, что время пришло. Они все косились Люцию, видели, как она говорила на своей тарабарщине и временами смотрела, не мигая, в одну точку, и боялись её. И когда приблизился её тринадцатый день рождения, все жители понимали, что ей предстоит.

- Поговаривали, что знамения грядущего были очевидны. За несколько недель до церемонии знаки были повсюду. Козодои целыми стаями собирались вокруг села и пели песни ночи напролёт, как безумные. На поверхности луны появлялся кроваво-красный обод.
- Роились мухи, бегали полчища крыс, жабы выскакивали на дорогу. Леса были полны духов, а по ночам в двери и ставни домов кто-то скрёб. А потом наступала ночь церемонии. Ночь, когда все запирались в домах и хижинах и молили о скором рассвете.
- Можете рассказать подробнее о самой церемонии?

Клэйб покачал головой.

- Не могу. К сожалению, служители культа дьявола в Беркшире очень тщательно оберегали свои тайны. Но вот что я вам, мистер Крей, скажу: люди утверждали, что ещё многие недели спустя после церемонии на том проклятом кладбище Лощину Страха освещало ночами жуткое, неземное сияние.
- Что это говорит о ритуале с Люцией? Не знаю. Но как бы то ни было, церемонию единения с той сущностью девушка пережила. Обезумев от ужаса, она выбежала с кладбища в лощину, место шабаша ведьм.

Клэйб уставился на меня широко распахнутыми глазами, горящими на бескровном лице.

- Мы можем только догадываться, каково ей было: обезумевшей, напуганной, рванувшей через тёмный ночной лес, а запах того чудовища следовал за ней повсюду, пропитав её саму. Оно пометило девушку до конца её дней. Люди верили, что она была проклята. Проклята...
- Что ей оставалось, как не вернуться домой после всего? И она попыталась, мистер Крей, но наткнулась на запертые двери и захлопнутые ставни. От неё, помеченной чудовищем и навеки принадлежащей ему, отвернулись её родители и вся её родня.
- В истории говорится, что той ночью она бегала от одного дома к другому, но никто не хотел её впускать. Собаки лаяли, как безумные, чуя её, коровы разбегались по загонам, и даже лесные звери спасались бегством.

Отправляйся к таким же, как ты, - говорили ей. - *Ты больше не наша. Ты - их, и принадлежишь им, а не нам. Уходи к таким, как ты сама.*

И, в конце концов, она так и сделала.

- К рассвету растрёпанная, исцарапанная до крови и доведённая до истерики она добрела до леса, забираясь всё выше в горы и зная, что есть только одно место, где её примут. Высокий, узкий заброшенный дом вдалеке от Лощины Страха.
- Местные были уверены, что этот дом населяют злобные духи и языческие бесы; и не без причины - это был дом бабушки Люции по отцовской линии, Эбигейл Кори.
- Должен вам сказать, что Эбигейл была верховной жрицей культа дьявола. Недалеко от Лощины Страха была деревенька Клопвуд, ныне разрушенная. Если вам интересно, я позже покажу вам её расположение. Её очень сложно найти, и теперь там ничего не осталось ничего, кроме руин и развалин.
- В общем, фактов дальше маловато, но судя по всему, жители Клопвуда устали от дани, которую требовала Эбигейл - домашний скот, еда, дрова и всё в таком духе - и публично забили женщину камнями на площади. Но Эбигейл выжила и наложила на деревушку проклятие.

Если верить редким слухами кое-каким намёкам в старых письмах, женщины Клопвуда стали рожать существ, лишь отдалённо напоминающих людей. Лишённые глаз и конечностей мерзости, которых сразу сжигали на костре. И то же самое случилось с домашним скотом. Вскоре все поля выродились, животные мутировали, женщины сошли с ума от того кошмара, что вылезал из их утробы, дети голодали. И тогда мужчины Клопвуда отправились к дому Эбигейл Кори, вытащили её кричащую во двор и повесили на высоком дубе со спутанными ветвями. И оставили гнить её тело, пока плоть не распалась и не оголила кости.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

- Культ дьявола в Беркшире впал в ярость, и спустя несколько месяц деревню сожгли дотла. Очевидно, вместе с жителями. О произошедшем осталось мало упоминаний, мистер Крей; в основном лишь эвфемизмы об огненном демоне, разрушившем деревню.
- Вот в этот дом и отправилась Люция. В запущенное, забытое место, где она могла бы в одиночестве родить зародившуюся в ней жизнь. Никто не смел и на километр приближаться к этому дому. Никто из членов культа и даже из самого семейства Кори не приходил туда, кроме Джона, отца Люции.
Но и он не желал глядеть на дочь. Он приходил дважды в неделю, оставлял еду и все необходимое, но ни разу не взглянул на Люцию. Она была священным сосудом, понимаете? Священной реликвией, не предназначенной для глаз нечестивых смертных.
- Так продолжалось в течение многих месяцев. Отец приносил еду и прочие нужные Люции вещи, а когда он уходил, девушка забирала оставленное. И так было все девять месяцев. Пока не родился ребёнок.
Я слушал эти рассказы. Такие прекрасно сплетённые, захватывающие, вытянутые из замшелых голов наших прадедов. Я чуть не подпрыгивал на диване от нетерпения, ожидая развязки. Клэйб рассказывал с таким убеждением, с такое верой в собственные слова! Еле переводя дыхание, широко распахнув глаза и сжимая в дрожащей руке банку пива.
Естественно, я не верил, что в рассказанном есть хоть капля правды. Это лишь народная легенда, приукрашенная многими поколениями, и, благодаря всё новым и новым деталям, стала напоминать роман ужасов.
Нет, я понимал, что в самой сути есть крохотное зерно истинных верований и мифов, исчезнувших в наши дни.
И должен признаться, меня захватил этот рассказ.
Я чувствовал себя ребёнком, сидящим вечером у костра в лагере скаутов, слушающим страшилки и верящим в них.
Звучит нелепо, но Клэйб был прирождённым рассказчиком; он продолжал с такой решимостью и непоколебимой убеждённостью, что невозможно было усомниться в достоверности повествования.
- И как... Как выглядело дитя? - спросил я.
Клэйб вновь не обратил внимания на мою реплику.
- Итак, девять месяцев спустя, в Вальпургиеву ночь[8] неместный охотник пришёл к одному из домов в деревне и рассказал, что нашёл тело молодой девушки снаружи от заброшенной лачуги. Она была зверски разодрана, скорей всего каким-то диким животным.
- Туда отправились с десяток мужчин - самых храбрых, кто рискнёт приблизиться к проклятому дому. Труп Люции был расчленён и выпотрошен, как туша борова. А ещё более странным было то, что тело девушки было опаленным и обгоревшим.
- Они даже не стали хоронить девушку, услышав доносившиеся из запертого дома звуки: хныканье, повизгивание, кряхтение. Они сбежали, опасаясь за свои жизни.
- Да, мистер Крей, Люция дала жизнь ужасному, нечеловеческому созданию... Сжигающему существу, которое не было рождёно обычным способом - оно проело себе путь из материнской утробы. Люцию съедало заживо собственное дитя, ибо когда оно прокладывало себе путь наружу, оно питалось материнской плотью.
Пришёл мой черёд хвататься за пиво.
Я вскрыл одну банку и залпом осушил её до половины.
На меня серьёзно подействовала история.
Клэйб был отличным рассказчиком. Представляю, каким спросом он пользуется на Хэллоуин!
И дело было не только в самой жуткой, пугающей истории, но и в атмосфере внутри трейлера.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Тусклый свет, пробивающийся через клубы сигаретного дыма; статуя человека с оленьей головой; мерзкие, плавающие в банках предметы; старый плакат на стене, объявляющий выступления "Мальчика-крокодила и девочки-змеи" и "ужасов, рождённых от нечестивых союзов".
Пугающее одиночество среди гор; доносящийся из ящика Пандоры манящий шёпот; пересказанные истории и тайны сумасшедших семейств, которые впервые вытащили на белый свет...
Хотя основную роль всё же играл Клэйб.
И его манера повествования: все эти неприятные, личные подробности. Словно он был там в то время.
Когда он рассказывал мне о найденном в доме Эбигейл Кори теле, его лицо было мертвенно-бледным, а губы дрожали.
Он так сильно сжал банку из-под пива, что смял её. А я сидел напротив со своей банкой и смотрел на него.
Смотрел, как он стёр платком пот с лица, как судорожно дёрнул головой, как вздулись вены на его шее.
В конце концов, тишина стала меня тяготить.
- Интересная сказка.
А Клэйб рассмеялся.
Он смеялся прямо мне в лицо, и смех его был резким, пронзительным и скрипучим, как петли в подвал, населённый призраками.
Да, он смеялся, но в смехе этом не было и доли юмора; лишь ослепительная, гнетущая боль, сидящая глубоко внутри него.
- Да, сказка... Но она ещё не окончена.
Он отбросил в сторону банку пива, даже не заметив, что пена выплеснулась на ковёр.
- Итак, Люция погибла, и мы даже представить не можем, какой жестокой и мучительной была её смерть, мистер Крей. Но дитя... да, дитя выжило. В записях говорится, что Джон Кори отправился к дому, чтобы похоронить останки дочери. И пока был там, зашёл в дом.
- Никто не смел входить внутрь дома с тех пор, как той жуткой ночью порог переступила Люция. А до того? Нет. Ни единая душа не заходила сюда с того дня, как повесили во дворе Эбигейл. Но Джон Кори вошёл. Вошёл с единственной целью: найти свою новорождённую внучку или внука.
- Кори был стар, очень стар, но каким-то извращённым чувством он ощущал, что этот ребёнок - его плоть и кровь. И эта кровь звала его. Он понимал, что если дитя сбежит из дома, то начнёт творить жуткие вещи; на него откроют охоту и убьют, как из века в век убивали таких существ, как он.
- Мы никогда не узнаем, что в тот миг чувствовал Кори, каких моральных сил требовалось, чтобы войти в этот мрачный холодный дом. Чтобы ходить по коридорам в поисках этого создания, заглядывая на чердаки и подвалы, возможно, даже подзывая этого монстра.
- А потом услышать, как оно спускается, но не шагает, а ползёт. Как существо без конечностей. Либо у которого слишком много конечностей. Существо, которое светится во мраке заброшенного дома.
- Существо, которое хнычет, как человеческое дитя, но ни одно человеческое дитя в этом мире не могло быть... Нет, мы ведь не можем знать, мы можем лишь догадываться и предоставить волю нашему воображению...
Да, я уже представлял: мрачный пустой дом, пыль, паутина, скрипящие доски под ногами, висящие на стенах жуткие напоминания о прошлом, словно призраки в разрушенном склепе.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я практически видел, как мужчина ходит один по коридорам, зовёт существо и знает, что оно должно ответить, должно показать себя и либо выползти по лестнице из подвала, мерцая злобными красными глазами, либо спуститься сверху, по стенам, как получеловек-полупаук.
Естественно, это была всего лишь сказка, которой, без сомнений, наслаждался бы сам Лавкрафт.
Но мне от этого не становилось легче.
У меня по спине ручьём тёк пот, не хватало воздуха, чтобы вздохнуть; я испытывал практически физическое отвращение к тому, чем было и чем не было это создание.
Никогда прежде на меня не оказывала подобного влияния простая сказка, какой бы бредовой и жуткой она ни была.
Я имею в виду, что меня никогда не пугали ни бог Сет с головой змея, ни играющий на свирели в лесах Пан.
Меня восхищали их образы, как и умы, которые их придумали и верили в них.
Но ребёнок Люции Кори... При мысли о нём хотелось запереть дверь дома на ещё один замок и перед сном обязательно заглянуть под кровать.
Но Клэйб ещё не закончил.
Возможно, если бы я знал, что будет дальше и каких усилий от меня это потребует, я сбежал бы из этого трейлера.
А может, и нет.
Ведь фольклористу присуще врождённое любопытство.
Клейб рассказал, что по местным поверьям, Джон Кори нашёл дитя, завернул его в мешковину, отнёс в собственный дом и запер на чердаке.
Его держали на чердаке не только для того, чтобы скрыть от посторонних глаз, но и оттого, что существо боялось солнечного света.
Как паук или летучая мышь, оно хорошо росло только в темноте, и поцелуй солнечного света был для него губителен.
Клэйб перечитал множество источников, но все они сходились на том, что чудовище было женского пола.
Заботились о нём и кормили его только члены семейства Кори.
Спало существо в детской кроватке, как и обычный ребёнок. И днём оно лежало тихо, но по ночам начинало плакать и кричать.
Все, кто проходил мимо дома Кори с восходом луны, могли отчётливо слышать, как эта мерзость скулит, хнычет и скребёт по стеклу запертого окна, удерживающего её взаперти.
И упоминалась ещё одна интересная деталь: из-под чердачной двери всегда пробивался странный свет, но не как от лампы или свечи, а мерцающий, ярко-жёлтый.
- И вот мы, мистер Крей, приблизились к самому интересному, - произнёс Клэйб. - Монстр был заперт на чердаке подальше от любопытных глаз и, возможно, даже от взора самого Всевышнего. Он жил на чердаке около двух лет, и за это время несколько членов семьи Кори сошли с ума из-за его присутствия в доме.
Да, если верить сплетням, семейство Кори было вырождающимся с высокой долей наследственного безумия, передающегося из поколения в поколение. Но с появлением этого выродка от связи Люции Кори и безымянного кошмара всё стало ещё хуже.
- Несколько человек сошли с ума. А одну из дочерей - старшую, Мерси - увидели утром, бредущей по ржаному полю соседнего фермера Престона. Девушке было двадцать лет, но волосы её были седыми, лицо старческим и сморщенным, а глаза - остекленевшими и безумными.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Она брела со сгорбленной спиной, как старая карга, но сделала с ней это не длительная работа на протяжении всей жизни, а то, что она видела и за чем ухаживала. Оно высосало из девушки молодость и жизненные силы, выжав, как тряпку.
- Потребовалась сила нескольких взрослых мужчин, чтобы удержать её, потому что она впала в безумие, кричала, шипела, скалила зубы, плевалась и бредила. В моменты относительного спокойствия она начинала плакать и рассказывать о "живых зелёных костях и паутине жёлтой плоти" и о "глазах, которые горят; глазах цвета пламени и тумана".
- И другой бред про существо, рождённое для мрака, ползающее в детской кроватке; существо из паутины, дыма и слизи с горящими глазами. Десятками горящих глаз. Она была абсолютно безумна. В основном она кричала и бушевала, пытаясь укусить любого, кто находился рядом; плевалась и царапалась, подражая, возможно, каким-то увиденным бешеным животным. Или тому, что было заперто на чердаке.
- Её осмотрел доктор и очень заинтересовался несомненной физической дегенерацией и ускоренным старением. Он предположил, что это каким-то образом связано с многочисленными гноящимися ранами на теле девушки и странными кольцевидными ожогами на её горле, груди и животе.
И ещё он заметил, что она была горячей на ощупь, лихорадочно горячей, словно горела изнутри.
А её левая сторона тела была значительно отёкшей и увеличенной, особенно конечности, в то время как правая сторона стала сморщенной и атрофированной.
- Время от времени, Мерси, казалось, приходила в себя и требовала, чтобы её освободили, чтобы она смогла "продолжить заниматься своими делами". Говорила, что "ей нужно работать руками, которые не дрожат и знают своё дело". Рассказывала, что нужно присмотреть за домашним скотом и скосить траву.
- А затем она снова начинала бредить и тараторить, как сумасшедшая, говорить, что "тот, другой, что живёт в пыли и мраке, проголодался, и его надо накормить и напоить", потому что он "любит жевать мясо и пить кровь, как только его брюхо пустеет".
- Шериф пытался связаться с семейством Кори, но те утверждали, что не знают эту девушку и это не их дочь. Шериф докладывал, что все Кори отличались сероватым оттенком кожи, которая была морщинистой и "выглядела нездоровой". Так было и у Мерси. И хотя семейство всегда было большим, а отец семейства был плодовитым, сам шериф за всё время видел лишь двух сестёр Мерси.
- А Джон Кори? - спросил я.
Клэйб покачал головой.
- Незадолго до произошедших событий он умер. Когда всё началось, он уже был стар. Мы можем только представить, насколько резко его подкосило появившееся существо. В общем, он умер и был должным образом захоронен на семейном кладбище Кори в Лощине Страха.
- А ребёнок?
- Ну, о нём - или о ней - существует множество историй. Большинство из них сходятся в том, что дитя сбежало в лес. И многие месяцы после этого оно охотилось на диких животных и на тех глупцов, которых удавалось ночью отловить на пустынных трактах.
- Тогда произошло несколько необъяснимых убийств. И вот мы снова возвращаемся к мистеру Лавкрафту и его *"Неименуемому"*. Ведь события, которые он вплетает в свой рассказ, родились из журналов и писем того периода: убийство священника и его семьи, убитые ночью люди, заглядывающее в окна по ночам жуткое чудовище...
Да, всё это послужило ядром описания. Как и местные сплетни о существе, скребущемся ночами в двери и оставившем на досках сожжённой церкви аномальный отпечаток.

- Думаю, моего рассказа вполне хватит для вашей книги, мистер Крей. Но вы должны знать ещё кое-что. Я чувствую, что должен поведать вам о последствиях тех убийств и о необъяснимых феноменах.
- Хорошо, - выдавил я, не уверенный, что хочу услышать продолжение.
Ибо чем больше говорил Клэйб, тем больше я верил в рассказанное. Его выражение лица и манера повествования заставляли меня считать, что это не просто старая легенда, а набор фактов.
- Что произошло с Мерси?
- Она умерла спустя месяц после того, как её нашли в полях Престона. Она отказывалась от еды. Волосы начали выпадать, и её каждый день рвало кровью. Язвы на коже становились лишь обширнее, и в одну из ночей на фоне жуткой лихорадки она отошла в другой мир.
- Ясно.
Клэйб взглянул на меня так, словно мне ничего не было ясно.
- Всю остальную информацию я получил из письма человека по имени Чарльз Хоуп, написанного им его сестре в Провиденсе. Мы можем полагаться только на рассказанное им. Его признание - единственный уцелевший фрагмент, и не существует никаких дополнительных доказательств.
-Такое случается, мистер Клэйб. Вы же прекрасно знаете, что такие сказки часто передаются из уст в уста и очень редко записываются. Поэтому так важно успеть их отыскать до того, как все забудут. Полагаю, вся красота фольклора и мифов и заключается в их пересказывании. Но для нас, учёных-фольклористов, всё же необходимы письменные доказательства.
Взгляд Клэйба источал яд.
- Так вы считаете, что то, что я вам рассказал, это миф? Думаете, мои руки дрожат, а сердце бешено колотится из-за какой-то избитой сказки?
Он хихикнул.
- Ладно, плевать.
Но было очевидно, что ему не плевать, ибо разозлился он не на шутку.
- Кори присоединился к группе добровольцев, организованной шерифом, - продолжил Клэйб. - Они уже давно устали от смертей и исчезновения их скота. И вот они отправились к дому Кори...
- Хоуп писал, что дом находился в плачевном состоянии и запустении. Покосившаяся лачуга с пустыми амбарами и не вспаханными полями. Посадки засохли и заросли сорняками. И хотя лето было в разгаре, на деревьях не было ни то, что листвы, но даже почек.
Всё, от живой изгороди до травы на лугу, было мертво и разрушено. Высокий вяз перед домом, упал, как только на него опёрся один из мужчин. Всё было готово вот-вот развалиться в труху, словно обуглилось в лесном пожаре.
Внутри дома царила тишина и запах пепла и тления.
Отряд нашёл тела сестёр Люции: одна лежала наверху в кровати, а вторая - распластанная на полу к кухне, словно перед смертью пыталась выползти через чёрный выход. Их тела напоминали тело Мери, только у этих двоих девушек атрофия была выражена сильнее.
Всё тело покрывали язвы, плоть была серой и морщинистой, а седые волосы выпадали. У обеих не осталось зубов. И как и у Мерси, у обеих были прижжённые круговые раны на животе, груди и шее.
Тела разваливались, как только до них дотрагивались, и быстрое вскрытие, произведённое доктором, показало, что в них практически не осталось крови. Все вены спались.
Отряд начал подниматься по лестнице наверх, к чердаку, и чем ближе они подходили, тем яснее ощущали отвратительный смрад.

Хоуп описывал это как сладковато-кислый запах разложения, но со странным "привкусом" золы и рассыпающихся в прах полотен.
С помощью кремниевых пистолетов мужчины отстрелили замок с двери и ворвались внутрь. Там было мрачно, грязно и отвратительно пахло.
Окно, прежде забитое досками, было распахнуто настежь, а ставни стучали под порывами ветра.
В углу они увидели грязное одеяло, миску, цепи и кандалы.
Весь пол был усеян костями, плотью и отходами жизнедеятельности.
- И что они сделали? - спросил я.
- Они вышли и сожгли дом дотла. Для них это была проклятая земля, которую следовало очистить. Ибо в тот день они узнали то, что хотели забыть. Они узнали, что случилось с семейством Кори, и что их убило.
Клэйб уверенно заявил, что погибли они оттого, что ребёнку Люции была необходима пища. Сначала они начали его кормить объедками со стола, но ему этого не хватало.
Оно плакало, ведь хотело другого. Крови.
Судя по всему, это была вампирическая сущность.
Поэтому Кори начали отдавать ему домашний скот, а когда он закончился, отдали то, что оставалось.
- Самих себя, - произнёс Клэйб. - То существо хотело крови, и они отдавали ему свою собственную. Те кольцевидные раны были от его рта. Вы можете вообразить подобное? Чтобы кто-то позволял этому кошмару присасываться к себе, как пиявке?
Не удивительно, что они сошли с ума. Но убило, ослабило и искалечило их не столько безумие и потеря крови, сколько сам контакт с существом.
- Простое нахождение поблизости от него уже было губительно не только духовно, но и физически. Существо излучало нечто сжигающее и опасное для человека. Знаете, что это могло быть?
О, да, я знал, на что он намекал.
Понимал, к чему он ведёт.
Я догадался в тот момент, когда он упомянул про "свечение" и физическую дегенерацию Кори.
Истинный Лавкрафт.
Но я решил сыграть недоумение - ни к чему подогревать его одержимость.
- Нет.
Клэйб усмехнулся.
- Радиация, - сказал он. - Ребёнок, скорей всего, был радиоактивным. Без сомнения, Кори сошли с ума, находясь рядом с этой тварью и позволяя ей высасывать их кровь. Да, они слабели день ото дня из-за его присасывания.
- Но сгубил их именно контакт с этим существом, с его ртом... Лучевая болезнь. Только она может объяснить все описанные симптомы.
Это существо должно было быть радиоактивным, как и его отец.
Я пристально взглянул на Клэйба.
- Думаю, мистер Клэйб, вы увлеклись. Вы пытаетесь логику реалий переложить на то, что по сути своей является мифом.
- Друг мой, вы не понимаете, о чём говорите.
Я вздохнул.
- Радиация? Да ладно...
Клэйб усмехнулся.

- А как мне ещё это назвать? Хорошо, давайте назовём это... Эманациями, излучением энергии. Такой же, какую испускает солнце. Только вот в нашем случае это неестественно. Излучение от дитя было частью его отцовского наследия.
Смешно и нелепо.
Я знал кое-что о радиоактивных материалах.
Он светились только в научно-фантастических фильмах, если, конечно, не взаимодействовали с другими элементами.
Но я не стал на этом останавливаться.
Какой смысл?
Я откашлялся.
- А что случилось с ребёнком?
Клэйб улыбнулся.
- А что с ним? Не сомневаюсь, что рассказанное мной вы опишите как местную легенду и забудете об этом. Но для меня всё не так просто.
Он снова закурил и выпустил дым через искривлённые зубы.
- Но как давно бы ни случились описываемые события, эта история всегда будет существовать в Беркшире. Она не умрёт, пока в ней сохраняется хоть крупица истины; пока горит костёр, не дающий потухнуть легенде; то, что не даёт истории погибнуть до сего дня.
- О чём вы?
- О доме Эбигейл Кори, который всё ещё стоит на тех холмах, - ответил Клэйб. - Видите ли, именно туда отправилось дитя, ведь это был единственный настоящий дом, который оно знало. Время от времени оно убивало кого-то и питалось им. Фермеры находили быков с такими же круговыми метками на шеях, и вскоре животные слабели и умирали.
- Это длилось многие, многие годы. Полагаю, обычно подобные местные легенды и суеверия заканчиваются тем, что группа мужчин отравилась на поиски чудовища. Но в этот раз такого не произошло. Хотя нет, ходили слухи, что периодически какие-то смельчаки отваживались открыть охоту, но ни об одном из них после этого больше ничего не слышали.
- Могу лишь сказать, что, в конце концов, люди научились сосуществовать с чудовищем, как бы дико это не звучало. Если ему приносили пропитание, оно не спускалось в деревню, не убивало и не калечило. Классический фольклорный сценарий, да? Жертвоприношения для зверя в попытке задобрить его и не дать разорить окрестности и поубивать жителей.
- Да, так и было. Каждую неделю к дому доставляли подношения. Я читал, что каждый раз приносящий выбирался жребием.
- Фермеры отдавали ему мясо - коз или свиней; то, что могли себе позволить. Создание надо было держать сытым, иначе... В общем, вы догадываетесь, что произошло бы в противном случае.
- И как долго, если верить записям, это продолжалось?
Клэйб нервно хихикнул.
- Как долго? Это продолжается и до сих пор.
Я почувствовал, как вдоль позвоночника у меня пробежал холодок.
И не потому что начал верить в эту околесицу, а потому что окончательно уверился, что передо мной сидит безумец.
- Вы... Вы ведь не серьёзно? Мистер Клэйб, это ж... Господи... Вы говорите, что... Что это существо живёт в разрушенном старом доме уже три столетия. Это нелепо! Оно никогда не существовало, и даже если бы и родился на свет какой-то ребёнок с аномалиями развития... он бы уже давным-давно умер!
И я даже не стал упоминать о том, что большинство мутаций редко совместимы с жизнью.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Все они были генетическими тупиками.
Простая биология - если по счастливой случайности природа не наделила мутировавший организм возможностью к выживанию и существованию на грани смерти... Он умирает.
- Возможно, - протянул Клэйб.
Я пожал плечами.
А что я мог сказать?
Клэйб усмехнулся, глядя на меня злопамятным взглядом. Я знал, что он верил в свой рассказ. Он действительно верил в сказку, которая была захватывающей как с точки зрения истории, так и с точки зрения фольклора. Но без сомнений, это была абсолютная небылица.
Должна быть небылицей...
Она потрясла меня; в своих изысканиях я слышал и другие странные истории.
Но эта... Полное безумие.
Клэйб был сумасшедшим. Должен оказаться сумасшедшим, как иначе?
И, тем не менее, он мне таким не казался...
- Забавно, правда? Я говорю вам, что это правда. Что это злобное, вечное создание прожило в доме три века и будет продолжать там жить, пока гниющая хижина не развалится и выставит чудовище под солнечные лучи, которых оно так боится. Но вы всё ещё сомневаетесь.
Естественно.
- Старик, несущий несусветный бред... Так вы обо мне думаете? Да, может, я и старый человек. Может. Но я не ошибаюсь. Всё рассказанное - не продукт моего неуёмного воображения, независимо от того, насколько нам было бы легче жить, если бы это оказалось простой выдумкой.
Он продолжал смотреть на меня, пытаясь заставить опустить глаза.
Но я выдержал его взгляд.
Не смог отвести.
И вскоре он продолжил сухим, безжизненным голосом:
- Я могу рассказать вам то, что знают лишь несколько избранных, кто хранит тайну и передаёт её из поколения в поколение. Я могу рассказать, что мистер Лавкрафт знал правду, когда писал о мальчике в 1793 году, который увидел что-то в высоком окне чердака и убежал прочь, истошно вопя.
- Или я могу рассказать историю солдата, вернувшегося с войны 1812 года и отправившегося к тому дому, чтобы истребить чудовище. Видите ли, зимой оно проявляло меньшую активность, и возможно, солдат решил, что оно находится в спячке и его будет легче схватить. О нём больше никто не слышал, но весной, когда сошёл снег, в лесу около дома нашли груду костей.
- Но я полагаю, само по себе это ничего не доказывает. Да, ещё был доктор Болан, который устал от суеверий и предрассудков и в 1875 году отправился в тот дом. А вернулся абсолютно седым и безумным.
- Болан был полевым хирургом во время Гражданской войны и насмотрелся ужасов. Но то, что он увидел в хижине, навсегда лишило его разума. Ни кошмар сражений при Энтитеме и Шайло не смогли подготовить его к той чуме, что глядела на него из окна.
- А в 1914 году появились два глупца, оставшихся на спор на ночь в разваливающемся доме...
- Хватит, - произнёс я, наконец.
С меня действительно было довольно.
Я с благодарностью выслушал местные поверья и легенды, но этот бред слушать не желал и выключил диктофон.
- Думаю, мне лучше уйти.

- Вы глупец, мистер Крей. Чёртов глупец, - ухмыльнулся Клэйб. - Вы поставили на мне крест, потому что я - свихнувшийся деревенщина. Что ж, не могу вас винить. Но что, если я скажу, что у меня есть доказательства? Что могу предоставить вам шанс выйти из кабинета и отложить пылящиеся на полках книги? Что вы на это ответите? Вы готовы встретиться с тем, что уже сколько веков сводит людей с ума? Или спрячетесь за своими пыльными полками и неинтересными рассказиками?

Я тяжело сглотнул.

Наверно, я понимал, что к этому всё и идёт.

И поэтому я и остался в надежде, что в самом конце получу хоть крупицу доказательств рассказанного.

Хоть обломок кости, как в рассказе Лавкрафта.

Хоть что-то.

Ведь вера Клейба в свой рассказ была бесспорной.

Он не сомневался в этом ни на минуту.

Нет, серьёзно, я не верил в монстров, хотя и допускал, что в течение всей истории человечества на свет появлялись люди с уродствами и аномалиями, вид которых и вдохновлял на создание историй, которые я тщательно записываю.

Но я не верил вот в это существо - в ужас семьи Кори; в создание, которое имело с ними кровное родство, и которое они отчаянно пытались скрыть.

И, в конце концов, потерпели полный крах.

Допустим, оно действительно когда-то существовало. Но я не верил, что оно может жить до сих пор и является жутким "неименуемым" людоедом, каким его описывал Клейб.

Наверно, Люция Кори действительно могла родить ребёнка с дефектами развития, но произошло это не из-за некого вмешательства кошмара из иного мира, а из-за инцеста и близкородственных браков внутри и так не совсем здорового семейства.

Логично? Вполне.

Но часть меня - та, что принадлежало учёному и любопытному собирателю древних легенд - всегда задавалась вопросом: откуда же появлялись эти сказания о полукровках и гибридах?

И мысль о том, что я могу получить некое вещественное доказательство, была слишком аппетитной, чтобы отказываться. Хотя здравый смысл и говорил мне не соглашаться.

Клэйб поднялся и достал из шкафа ружьё.

- Я собираюсь отправиться в тот дом, мистер Крей. Я завершу то, что следовало сделать много лет и веков назад. Хочу, чтобы вы отправились со мной и стали свидетелем происходящего. Это всё, о чём я вас прошу.

Дрожащими пальцами он зарядил ружьё.

- Видите ли, я уже без малого сорок лет забочусь об этом кошмаре, как заботился о нём мой отец, а до него - мой дед. Думаю, теперь вы уже догадались, что моя истинная фамилия не Клэйб. Я - Кори, и прости Господи, я являюсь родственником этого монстра. И сегодня я сделаю то, что должен, но что поклялся никогда не делать. И если вы отправитесь со мной, то увидите тайну моего семейства.

Мне следовало бежать оттуда сломя голову. Но я остался.

Я запрыгнул в дребезжащий пикап вместе с безумным стариком, положившим себе на колени заряженное ружьё, и мы поехали в холмы.

В дороге говорил он.

Он признался в страшных преступлениях, которые совершали его предки, чтобы сохранить в тайне существование этого создания.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Клэйб рассказывал жуткие истории о похищенных детях, которых связанными и с заткнутыми ртами привозили в дом Эбигейл Кори и бросали в старый колодец, из которого по ночам поднималось странное золотистое свечение.
Он признался, что сам никогда в таком не участвовал; подобное совершали его наиболее радикально настроенные родичи несколько поколений назад.
Во времена его отца и самого Клэйба существу бросали в колодец только баранину и свинину.
- Да простит меня Господь, Крей, но первые десять лет с того момента, как меня посвятили в семейные тайны, я действительно наслаждался сохранением тайны о чудовище. Но проходили годы, и в один из дней мне стала противна одна только мысль о том, что я должен туда отправиться.
- Но я продолжал туда ходить, даже когда меня тошнило от всего этого. И сейчас... Я не был там уже месяц. Думаю, она будет бодрствовать. И будет очень голодна, и из-за этого не так хитра и коварна. Она будет нас ждать. Она учует, что мы приближаемся, и будет ждать.
Мы ехали по узкой горной дороге, которая вскоре превратилась в простую грязь с единственной колеей, по сторонам которой рос красный кедр, орешник и дубы.
Мы переехали через деревянный мост, минули холмы, спустились в заболоченную ложбину, где подлесок окутывал густой туман.
Вскоре дорога закончилась, и мы пошли по тропе среди зарослей болиголова.
Через пятнадцать минут тропа закончилась. Я бы сам никогда не нашёл это место, но Клэйб знал, куда идти.
Он вёл меня через ущелья, поросшие ежевикой, и холмы, вверх по скалистым уступам и сквозь засохший, мёртвый лес.
Там и стоял дом.
За прошедшие годы он должен был зарасти сорняками и плющом, но этого не произошло.
Фактически, дом был таким же мёртвым, безжизненным и высохшим, как и деревья вокруг него, окружавшие строение, как нимб.
Сухая, потрескавшаяся земля была неплодородной.
Когда мы ступили на неё, от сапог поднялись облака серой пыли.
То там, то здесь поднимались ввысь высохшие, мёртвые деревья с отваливающейся корой.
Они разваливались в труху, стоило только их коснуться.
Сам дом был высоким, узким и обветшалым, как ободранный от плоти скелет.
Островерхая крыша почти полностью прогнила и рухнула.
Стены были бурыми из-за разросшегося лишайника и плесени.
Всё это напоминало разрушенное, крошащееся надгробие, готовое в любой момент рухнуть.
- Она там, - произнёс Клэйб, и голос его был таким же безжизненным, как и окружавший нас пейзаж.
Перед домом раскинулся огромный, гротескный дуб, напоминавший почерневший скелет.
Я ясно представил, что именно здесь была повешена Эбигейл Кори. Именно здесь её тело оставили висеть и качаться на ветру, пока плоть не оголила кости скелета.
Я стоял, затаив дыхание, впитывая окружающее, и живот у меня неприятно скрутило.
Признаюсь, этот дом меня пугал.
От одного только его вида моё сердце колотилось, как сумасшедшее, а внутри черепа словно начали скрестись мёртвые пальцы.
Мы подошли ближе, и я увидел колодец, который упоминал Клэйб.
Обычная тёмная яма, окружённая сваленными каменными плитами.
Я не видел её дна. Да и не хотел.
Пахло здесь, как в старом амбаре или на пепелище.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Ветра не было, и воздух казался плотным из-за частиц разваливающегося дома и иссушённой земли.
Клэйб сказал мне подождать снаружи. Я абсолютно не возражал.
Он зажёг фонарь, который принёс с собой.
- Электрические фонарики здесь не работают, - пояснил он. - Чем ближе к ней подходишь, тем тусклее они становятся. Не знаю, почему... Может, из-за энергии, которую она излучает. Полагаю, в неё больше от её отца, чем от человеческой матери, поэтому её окружает некое поле...
Он повернулся, чтобы войти в дом, и я схватил его за руку.
Во рту пересохло.
В глотку словно насыпали песка.
- Не нужно вам этого делать, мистер Клэйб, - прошептал я, дрожа. - Я... Я вам верю. Пойдёмте отсюда. Прошу вас, давайте уйдём.
Он качнул головой и слабо улыбнулся мне.
- Сынок, я должен это сделать. Должен увидеть, чего боялся все эти годы. Я обязан с этим покончить. Пришло время убить чудовище.
Стоило ему закончить, как из дома донеслись стоны и скрип.
Что-то упало. Может, доска или деревянная планка.
Мы оба взглянули на узкое высокое окно чердака, которое было тщательно заколочено досками.
Многие доски сгнили, и в образовавшиеся дыры можно было разглядеть участки пыльного стекла.
Некоторые стёкла потрескались и вывалились из рам, но некоторые ещё стояли целыми.
Скрип, который мы слышали, шёл именно оттуда, и я почувствовал, как у меня похолодели руки.
На одно безумное мгновение мне показалось, что я видел в окне светлое размытое пятно.
Я хотел произнести какую-ту чушь о том, что с такими звуками, наверно, и разваливаются старые дома, но...
Но в этот момент из того окна на чердаке донёсся одинокий стон, напоминающий завывание ветра в узкой арке.
Клэйб улыбался, глядя на дом безумными глазами.
- Она там, она ждёт меня...
- Нет! - крикнул я, пытаясь его остановить.
Я чувствовал, как внутри дом распадается и иссушает всё, что приближается.
Нет, я не видел её. Не видел нечестивое, жуткое, сверхъестественное существо, прожившее на чердаке три сотни лет, но я чувствовал её. Да, и теперь я услышал и её голос.
Но Клэйб всё же вошёл в дом.
Крыльцо давно развалилось, поэтому ему пришлось забираться через высоко расположенный дверной проём.
Я помог ему подтянуться и ощутил удушливый, зловонный запах старого дома и существа, что там обитает.
Бедный наивный старик вошёл через дверной проём прямо в ненасытную, жаждущую тьму.
Я видел свет его фонаря.
Я слышал, как скрипят рассохшиеся доски, как падают предметы.
Я слышал, как он поднимается по древней, скрипучей лестнице.
А затем... Затем я услышал, как он кричит.
Слышал звук выстрела, эхом разнёсшийся в ужасающей тишине.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Слышал, как пронзительно, жутко завыло существо, разрывая своим визгом барабанные перепонки.
Наверно, я и сам закричал.
Помню, что развернулся, чтобы сбежать, как трус, но тут из темноты меня позвал Клэйб.
Я слышал, как он упал с той проклятой лестницы. Слышал, как что-то ползёт за ним. Что-то сухое и шелестящее.
А затем влажный звук и чавканье, словно медведь, жующую чью-то тушу в пещере...
Что-то щёлкнуло в моей голове, и я рванул обратно к дому, врываясь в грязь, пыль и облака паутины.
Фонарь валялся на нижней ступеньке и всё ещё горел.
Я увидел истекающего кровью Клэйба, лежащего посреди лестницы и распотрошенного, как лосося.
Я видел только его ноги и нижнюю половину туловища.
И пока я смотрел, его потащило вверх по лестнице. Свет фонаря в моей дрожащей руке отбрасывал пляшущие тени на стенах.
И тогда...
Я услышал это существо.
Оно не просто тащило Клэйба по лестнице; оно присосалось к нему и высасывало его кровь, как огромный мерзкий паук осушает муху капля за каплей.
Я подскочил и схватил тело Клэйба за щиколотки.
Я не отдам его этой твари.
Я дёрнул. Существо дёрнуло в ответ.
Мы сражались, словно два безумца, перетягивающих канат, и, в конце концов, оно с чмокающим звуком отцепило свой рот от Клэйба и зарычало на меня. Меня обдало горячим порывом затхлого воздуха.
Я видел впереди смутную, напоминающую человека фигуру... которая неясным образом светилась.
Существо рычало, скрежетало зубами, и зловоние от него было невыносимым.
Но я в последний раз дёрнул Клэйба за лодыжки и вырвал его из хватки чудовища. Мы оба покатились вниз по лестнице и приземлись в пятно света, падающего через выбитую дверь.
Я оказался прямо у дверного проёма. Тело Клэйба, окровавленное, обезображенное и странно сморщенное из-за вытянутой из него крови, упало у моих ног.
А существо...
Древнее, уставшее, гниющее чудовище сходило с ума от голода.
Я видел, как оно светилось в темноте, и от него шёл мерзкий, нездоровый запах.
Оно настолько обезумело от голода, что бросилось вперёд в луч света, издав длинный, низкий скорбный вой.
И в этом свете я его разглядел.
Увидел существо, сводившее с ума людей.
Отвратительное дитя Люции Кори.
Она была одета в серые лохмотья, которые некогда были её одеждой, но за столько веков истлели и порвались; кожа её местами оторвалась от мышц, ссохлась и съёжилась.
Она прыгнула вперёд, как какое-то гигантское насекомое, и завопила, когда свет коснулся её тела. Но инерция несла её вперёд, и она остановилась, лишь когда нависла надо мной. Её одежда и плоть кишела насекомыми, которые сваливались на меня шевелящимися комьями.
Она с трудом удерживала равновесие секунду-другую, и я ощутил на лице её зловонное дыхание, отдающее гниющей в овраге падалью.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Она смотрела мне в глаза какую-то долю секунды, но этого хватило, чтобы внутри у меня всё перевернулось.
Её глаза напоминали чёрные дыры на сморщенном лице, испещрённые алыми и золотистыми прожилками, и напоминали поглощающие свет тёмные туманности в самых дальних уголках вселенной.
Один глаз находился выше другого, но оба были широкими и полупрозрачными, словно покрытые водной оболочкой.
И в этот момент я вывалился через дверной проём наружу.
Я закричал, пытаясь закрыть лицо... Я упал, приземлился на твёрдую, высохшую землю и покатился прочь...
А она пошатывалась передо мной, покачивалась из стороны в сторону, захваченная в ловушку из солнечного света, как насекомое в янтаре.
Она начала распадаться: из груди вырывались долгие, бледные, как черви, нити, а плоть стекала, как расплавленный вязкий розоватый, красный и рыжий воск.
А потом она тоже упала во двор дома.
Она почти мгновенно вскочила, издав дикий вопль, в котором агония смешивалась с яростью.
Обезумев, она крутилась вокруг своей оси, а в это время плоть её продолжала отваливаться и испаряться.
Она напоминала дикую и странную ведьму, исчезающую впоследствии собственных заклинаний.
Внешне она имела сходство с человеком, но многие её части тела были непропорционально увеличены, другие - уменьшены... К тому же, яркие искрящиеся цвета, сбегающие воском на землю, скорее напоминали акварельный набросок, чем натуральные оттенки человеческой плоти.
Ростом она была со взрослого человека, но сгорбленная, согнутая, переломанная; кости и наросты на них торчали во все стороны.
Её левая рука была толстой и мясистой с выросшими на ней нитями, напоминавшими испанский мох; кисть - затупленной, наподобие лопаты; правая рука - худой, скелетоподобной, а пальцы напоминали острые и загнутые вилы.
Я смог неплохо рассмотреть её, обрамлённую лучами солнечного света, как ореолом, когда она воздела к небу деформированные, уродливые пальцы и попыталась закрыться от лучей.
Её голова была огромной, напоминающей луковицу, и мягкой, как подгнившая тыква.
Она сидела на коротком шейном отделе позвоночника. Отдельные пучки белых волос только чуть-чуть прикрывали жёлтый череп.
Лицо было изрезано морщинами, и с него лохмотьями висела кожа и плоть.
Рот был несимметричным относительно остального лица, а губы, сперва тонкие и бледные, теперь отекали, становясь пухлыми, рыбьими.
Когда она закричала от ярости, её раскрытый рот превратился в идеальный овал, как у пиявки.
А за тающими губами я рассмотрел острые, треугольные, короткие зубы. Зубы, предназначенные для измельчения и перемалывания.
Она умирала, а я был готов вот-вот двинуться умом от всего происходящего.
Но я понял... По крайней мере, мне казалось, что я понял.
Её человеческая мать принадлежала этому миру, но вот отец пришёл из некого мрачного места, где нет солнца и его ультрафиолетового излучения.
А они были губительны для этого вида.
Его получеловеческая дочь была ночным кошмаром. Чумой, бродящей во мраке.

Я смотрел, как она упала на землю, скуля и задыхаясь, и тело её плавилось, как жир на сковороде.
Её горящие глаза подёрнулись пеленой и запали.
Её кожа пузырилась и испарялась.
Она ещё несколько минут корчилась на земле. Гигантское кровоточащее тело мутанта пыталось само когтями содрать с себя остатки плоти, а затем...
Затем она затихла.
Вот так, по прошествии трёх сотен лет, дочь Люции Кори, Неименуемая, в конечном итоге вышла на свет, которого столь долго избегала.

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ЖУТКИЕ ПАРНИ

1: Жизнь

Да, сидя за рулём своего "Линкольна Континенталь" - на этот раз, красного кабриолета, а не чёрного с леопардовыми сидениями - Ктулху скучал по старым временам. По тем дням, когда у него был свой собственный огромный культ, и его последователи совершали свои действия и из уважения, и из страха к нему. А теперь ему приходится для этого работать. Проклятье! Он должен работать на улицах, как любой другой в районе. В жизни были свои взлёты и падения. Он работал на компанию "Outfit". Он работал на Старца. Вымогательство, ростовщичество, азартные игры, рэкет, воздушное пиратство - Старец прочно держал в руках свою империю. Ктулху тоже толкал наркоту, получал нужную информацию от своих соглядатаев и мог в любой момент получить от ростовщиков сотни две тысяч баксов. Мог сам время от времени врезать парням, которые имели неосторожность перейти ему дорогу.

Но отчего-то это было не то же самое.

Такой человек, как Старец - мафиози, авторитет - обладал всем, чего только желал: и наркотой, и девицами, и бабками. Кучей бабок. Когда он входил в комнату, люди сразу понимали, кто он такой. Его уважали. Он требовал к себе уважения. И если не получал - показывал зубы.

Как на днях в Мидтауне. Старец имеет пай в строительстве зданий в том районе. Проблема заключалась в том, что владелец цементной компании, с которой был заключён контракт, опаздывал с оплатой. На две недели. Неприемлемо.

Старец был зол.

- Ты отправляешься туда, ясно? Забираешь мои деньги. Если надо закатать их в асфальт - действуй. Только получи мои бабки.

Вот Ктулху и отправился туда один. Он вошёл в офис с длинной свинцовой трубой в руках и нашёл там владельца, перекидывающегося в покер с ещё одним мужчиной. Они оба побелели, как снег. С ними в комнате ещё был какой-то здоровяк в жёлтой каске. Ктулху в два удара разбил каску и раскроил его никчёмную башку. После этого ему тотчас отдали и деньги, и проценты.

- Если мне ещё раз придётся сюда прийти, - сказал он владельцу, - то твою голову найдут следующий раз в грёбаной мусорке.

Вот так он и жил. Вот так он работал.

Ктулху втянул в себя рассыпанный на столике кокаин и стал ждать Мексиканца. Его звали Рамон Гуаверес. Он был владельцем сети закусочных тако и парочки чёртовых магазинчиков с запрещённым порно. Дела у мелкого мексикашки шли отлично, но была одна проблема: плата. Он задолжал Старцу 250 тысяч баксов. Стандартный процент при такой сумме - десятка, а значит - двадцать пять штук еженедельно. А мексикашка не платил уже месяц. Он ушёл в подполье и объявил о банкротстве.

Ктулху ждал его.

Сидел и любовался, как красиво на солнце блестели его бриллиантовый перстень, оправа "Рэй-Бэнов"[9]и золотая цепь на шее. Вот он. Гуаверес вышел из бассейна и нырнул в переулок. Но прежде, чем успел что-то предпринять, Ктулху уже навис над ним.

- Где грёбаные бабки? - протянул он.

Гуаверес задрожал и осел на асфальт.

- У меня нет денег, нет, - захныкал он. - Но я могу их раздобыть, я...

Он разозлил Ктулху. Нет ничего хуже лжи. Он забылся, сбросил своё человеческое обличие и вскоре возвышался над Гуавересом трёхэтажным зданием. Зелёный, блестящий, как влажный

пластик. Со щупальцами и крыльями, и прочей фигнёй. Отвратительный, как голый прокажённый со стояком. Он схватил мелкого мексикашку и проглотил, не разжёвывая.
В дальнем углу переулка за этим наблюдал бомж с красными, воспалёнными глазами.
Вскоре Ктулху вновь превратился в приличного парня в дорогом костюме. Он вытер рот уголком шёлкового платка, бросил взгляд на бомжа и усмехнулся.
- Человек, - произнёс Ктулху. - Белое мясо.

2: Босс над Боссами

В сыром и мрачном районе Аркхема, известном как Малый Юггот, сам босс над боссами - Йог-Сотот - сидел в своём кабинете; облака едкого сигарного дыма лениво выплывали из полудюжины отверстий.
- Всё изменилось, - сказал он Ньярлатотепу. - Раньше ведь как было? Захватываешь мирок, превращаешь несколько городов в богохульную помойку, заставляешь какого-нибудь идиота написать о тебе книгу - и всё, ты в шоколаде. И даже десять тысяч лет спустя получаешь доход от вложенного в те времена. Обязательно найдётся какой-нибудь умник, который станет названивать по поводу этой книги. И ты знал, что всегда получишь то, что тебе причитается.
- Да, всё изменилось, - кивнул Ньярлатотеп. - В наше время мир превратился в чёртову выгребную яму. У людей не осталось ни капельки уважения.
Йогги, очень похожий на груду извивающихся желеобразных спагетти, покачал головой. Он весь состоял из извивающихся щупалец и выпученных глаз.
- Посмотри теперь на мою команду, ради всего святого! У всех этих дебилов есть проблемы. Один - ипохондрик, другой - педик, третий лечится у психиатра. Да что же это, мать твою, такое? Когда-то у нас ведь всё шло отлично!
- Да, мы держали мир за яйца.
Йогги стукнул щупальцем по столу, брызнув слизью на Посланника богов.
- Мы были тайным обществом. А теперь каждая дворняга знает, кто мы и откуда. Какого хрена? Знаешь, теперь эти Старшие Боги - эти грёбаные СБ - повсюду! Они прослушивают мой телефон, следят за моими людьми. Да я даже задницу не могу подтереть, чтобы они потом не сняли отпечатки с туалетной бумаги!
Ньярлатотеп знал, что всё это правда. В наши дни СБ были повсюду. Мясоеды. Штамповали обвинительные заключения и навечно низвергали в бездну. Чушь собачья. В старые деньки СБ были другими, более продажными. Заплатишь им бабки - и можешь заниматься своими делами, сколько влезет.
- Мы должны быть осторожны, - произнёс Ползучий Хаос.
- Кто мы теперь? - продолжал босс над боссами. - Под тобой ходит куча кретинов, которые пишут о нас дрянные рассказики, рисуют комиксы и даже снимают дерьмовые фильмы. Они даже придумали эту - как они её называют? - ролевую игру! И всякие задроты прикидываются супермачо и суперспецами, а сами даже член никогда в бабу не засовывали! Ну, разве не херня?!
- Так и есть.
- А кто вообще начал называть наше существование "Мифы Ктулху"? - вскинулся Йогги. - Что за чёрт? Это мой бизнес, а не какой-то грёбаный "миф"!
Безликий только покачал головой, закуривая сигарету.
- Это Дерлет[10].Он всё начал.
- Сукин сын. Надо было его прихлопнуть, когда у меня была такая возможность. Я смирился, что про нас начал рассказывать всему миру тот писака из Провиденса, но Дерлет вообще превратил нашу жизнь в балаган! - Йог-Сотот забарабанил по столу слизкими щупальцами. - И в придачу, я не вижу от этого ни цента. Ладно, с этим покончено. Если кому-то не нравится, как

мы работаем, придётся их убрать с дороги. Либо мы получим часть этого бизнеса, либо завалим всё трупами.
Ньярлатотеп только кивнул; он слишком хорошо все понимал.
- Раз уж ты сам поднял эту тему... Я переживаю из-за того эпизода с Ктулху.
- Какого эпизода?
- Того эпизода. С Ктулху. Мы обсуждали его.
- А, ты об этом...
- Да, именно о нём, - кивнул Демон Тьмы. - Я начинаю беспокоиться. Ктулху... Он слишком необузданный, слишком неуправляемый, как ковбой на Диком Западе, и может вскоре выйти из-под контроля.
Йог-Сотот выглядел обеспокоенным - насколько обеспокоенной могла выглядеть куча извивающихся щупалец.
- Но он хороший парень. У него есть яйца.
- Он отбился от рук.
- Ладно... Если так надо...
- Мы отошлём его подальше.

3: Глубоководная крыса разворачивается

Дагон высморкался и тут же всунул в левую ноздрю ингалятор Вика.
- Боги, у меня весь нос заложен. Кажется, я простыл. Неудивительно, я сейчас даже поспать нормально не могу. Мне нужен антибиотик. У тебя есть цефуроксим? Или амоксициллин?
Агент СБ лишь вздохнул.
- Дагон, ты должен успокоиться, хорошо? Ты должен перестать сомневаться в себе. Ты поступаешь правильно.
- Ты уверен? - Дагон нервно почесал сыпь на шее. - Потому что я сомневаюсь. Я предатель. Крыса. Ты знаешь, каково это - доносить на своих друзей?
- Они тебе не друзья. Мы оба знаем, что они задумали, - произнёс агент. - Йог-Сотот – подонок, как и все остальные. На самом деле, всё, что они делают - это прикрытие их основного плана - господства над миром. Ты же знаешь, что они не будут счастливы, пока не добьются своего.
- Не знаю... Я в замешательстве.
- Конечно. Просто расслабься.
На Дагона аккуратно повесили передатчик, который будет передавать все разговоры в СБ. Со временем они раскроют грандиозную схему рэкета и предъявят обвинение всей мерзкой компании.
- Боги, я - крыса... Обычная крыса. Если бы я верил в существование ада, то точно горел бы там.
Дагон снова высморкался.
- У тебя точно нет никаких антибиотиков? А противоаллергического?

4: Вымогательства в стиле парней

Когда они убедились, что сбросили хвост СБ, Ктулху остановил свой чёрный "Линкольн Континенталь" у обочины.
- Когда доберёмся до места, говорить буду я. Ясно?
Чёрный Цатоггуа кивнул.
- Ага.
Азатот тоже кивнул, и машина наполнилась ядовитым зловонием.
- Снова в штаны наложил? - взревел Ктулху. - Чёртов вонючий сукин сын! Выметайся из моей машины! Если испортишь обивку на сидении, я тебя закопаю!
- Я ничего не могу с этим сделать, - ответил Азатот. - У меня проблемы с пищеварением.
Ктулху покачал головой.

- Боже, воняет палёной резиной.
Приняв человеческий облик, они пересекли тротуар и вошли в здание. Вверх по лестнице на третий этаж. Пахло грязью и кошачьей мочой - либо всё дело снова было в Цатоггуа. Этот парень был простым, как палка. И пах каждый раз отвратительно.
- Знаешь, человечество придумало мыло и воду, - сказал ему Ктулху. - Мыться нужно не только по праздникам. А что с твоим костюмом? Ты его из помойного ведра доставал?
Он остановился перед Цатоггуа, поправил ему галстук и расправил лацканы пиджака. И покачал головой, с отвращением глядя на мятую одежду. Ктулху носил только сшитые на заказ итальянские костюмы. Рядом с нежно-голубым "Армани", который был на нём, костюм Цатоггуа выглядел половой тряпкой.
- Мы должны выглядеть профессионалами. Господи, как ты носишь этот готовый ширпотреб из магазина? Он сидит на тебе, как мешок из-под картошки, Цаг, а когда ты двигаешься, кажется, будто под этим брезентом трахаются два бульдога.
Он бросил взгляд на Азатота, но тот пытался сделать вид, что не он только что испортил воздух.
- И ты не лучше... Господь Всемогущий, как мне не бросить всё к чертям?! Да у Цатоггуа задница пахнет лучше, чем воздух вокруг нас!
Они остановились перед дверью, и Ктулху открыл замок - плюнул на него, и тот расплавился. Натянув кожаные перчатки, они вошли внутрь. За столом сидел низенький толстячок и печатал что-то на компьютере.
- Эй, - сказал он. - Вы не можете...
- Пасть закрой, - оборвал его Ктулху. - У нас к тебе дело. Так?
Чёрный Цатоггуа кивнул.
- Ага.
Ктулху засунул руку в карман своего чёрного пальто и вытащил книгу в твёрдом переплете с изображением монстра со щупальцами на обложке. И швырнул её на стол.
- Это ты написал? - спросил он парня.
- Конечно... Вы её читали?
Он выглядел удивленным. Внезапно воздух наполнился отвратительным запахом канализации. Воняло, как от дохлой разложившейся крысы. Азатот стоял и ухмылялся, гадая, когда они это заметят.
- Да что за хрень с тобой сегодня? - вздохнул Ктулху, зажимая нос. - Твоя задница тебе не подчиняется?
Он махнул рукой Цатоггуа.
- Открой чёртово окно, Эйнштейн.
Чёрный Цатоггуа недоуменно уставился на Ктулху. Тот перевёл взгляд на толстяка.
- Ну что мне с ними делать?
Ктулху повернулся к Цатоггуа и попытался на языке жестов объяснить ему, что он хочет.
- Окно, кретин. Ок-но. Нет? Не говоришь по-английски?
Азатот пошёл сам открывать окно. И пока открывал, успел высунуть задницу на улицу и повторить всё снова.
- Вы читали мою книгу? - переспросил толстяк.
Ктулху проигнорировал вопрос. Не рассказывать же ему, что он никогда не заходил дальше спортивной страницы в газете!
- У нас к тебе дело, - сказал он.
Затем повернулся к Чёрному Цатоггуа, который задумчиво чесал яйца.
- Сделай нам кофе, умник.
- Ага, - кивнул Цаг и направился в крохотную кухоньку.

И практически сразу все услышали, как он что-то роняет, разливает и разбивает. Руки у него, конечно, были человеческими, но обращался он с ними, как пианист с копытами.
Ктулху покачал головой.
- Ну что за чертовщина...
Снова перевёл взгляд на толстяка.
- Сколько тебе платят за подобное дерьмо?
Парень занервничал. Покрылся испариной с ног до головы.
- Не много... Пару сотен за несколько копий.
- И всё?
- Это маленький рынок.
Ктулху был разочарован. Если бы ему сказали, что у него вместо члена будет теперь висеть кусок колбасы, он не был бы разочарован больше.
- Вот до чего дошло? Старец заставляет нас выбивать копейки?
- Я не понимаю...
Ктулху взбесился.
- Ты хоть представляешь, кто я, мать твою, такой?!
- Нет...
- Значит, придётся показать.
Парень тут же обделался и начал звать мамочку. Ктулху выхватил револьвер калибра .45 с глушителем, приставил к голове парня и нажал на спусковой крючок. Стена за спиной толстяка окрасилась в алый. Черный Цатоггуа вернулся с двумя чашками кофе. Протянул одну из них Ктулху. Ктулху свирепо посмотрел на него и выхватил чашки из его затянутых в перчатки рук.
- Ты кто, чёртов комик? Я похож на того, кому нужен кофе, чёрт тебя дери?! Что ты за долбаный идиот?
Он подтолкнул Цатоггуа к двери.
- Тебе нужен душ. Ты воняешь, как проклятая канализация.
Черный Цатоггуа кивнул. Ктулху осмотрелся: Азатота нигде не было. Только в воздухе висела неимоверная, почти ощутимая вонь. Он последовал за вонью в другую комнату и обнаружил Азатота, сидящего на унитазе.
- Какого хрена ты тут делаешь?!
- Облегчаюсь.
- Я только что снёс парню башку, а ты пошёл "облегчиться"?! Я не верю своим глазам.
Он развернулся и зашагал прочь.
- Наверно, поэтому тебя и называют "безумным Богом".

5: Дагон на Кушетке

Развалившись на кушетке психотерапевта, Дагон безудержно всхлипывал.
Он тряс головой, уставившись в потолок, словно там были написаны ответы на все его вопросы.
- Я просто больше не вписываюсь в их общество, - сказал он. - Я пытаюсь, но... Чёрт, это неправильно!
Врач был невозмутим.
- Может быть, вы просто смотрите на всё это неправильно. Может быть, дело не в вас, а в них. Возможно, вы их просто переросли. Знаете, такое случается.
Дагон вздохнул.
- Я... Чёрт... Знаете, мне нравятся "Мифы", но я их не люблю. Понимаете разницу?
- Конечно, понимаю, - психотерапевт что-то нацарапал в своём блокноте.
- Господи, у меня сейчас такая паранойя, что я даже не хочу выходить из дома. Стоит мне очутиться в толпе, и на меня находит паника.

- Вы знаете, почему так происходит?
Дагон покачал головой.
- Слишком многое нахлынуло. Слишком многие от меня зависят. И в Южном Море, и в Иннсмуте... Все чего-то хотят. Мне кажется, будто меня разрывают в разные стороны. Они все надеются, что я приму решение, а я не могу...
- Вы боитесь ответственности?
Вместо ответа Дагон вновь зарыдал. В конце концов, успокоившись, он ответил:
- Я устал от всей этой сверхъестественной жути. Разве неправильно, если мне хочется, чтобы люди улыбались?
Врач продолжал невозмутимо наблюдать за пациентом.
- Почему бы вам не рассказать, в чём проблема на самом деле?
Но Дагон словно не слышал.
- Господи, я чувствую себя развалиной. Спина болит, колени ломит. Не могу справиться с вечными головными болями. Вам здесь не жарко?
- Нет.
- Значит, я заболел. У меня жар. И сердце колотится... Господи, у меня сердечный приступ!
Он резко сел и схватился за грудь, тяжело дыша.
- Я не могу дышать... Не могу дышать...
Психотерапевт протянул ему бумажный пакет.
- У вас обычный приступ паники. Дышите глубоко и медленно. Вот так, глубоко и медленно...

6: Ночи Ктулху

Ктулху сидел на кожаном диване и смотрел по телевизору фильм по мотивам книги Лавкрафта. Он потягивал из бокала мартини "Асти Спуманте", в то время как какая-то белобрысая шлюха трудилась над его членом. Он пялился в экран и с каждой минутой бесился всё сильнее.
- Только глянь на это дерьмо, - сплюнул он.
Девица подняла глаза, чтобы посмотреть в телевизор, но Ктулху резко вернул её голову на место.
- Тебе кто разрешал останавливаться? - нехорошо прищурился он.
Он сделал ещё глоток мартини, вспоминая все те годы, когда он мечтал об этом погрязшем на дне городе. Думал, какой же это был идиотский шаг. На экране появилась какая-то мерзкая фигура, плюхнувшаяся на холм. Очевидно, это должен был быть Йог-Сотот, но похож он был больше на грязную половую швабру. Люди бегали и кричали. Ктулху начал по-настоящему возбуждаться. Шлюха быстрее задвигала головой.
- Эх, было же время, - вздохнул он. - И какого хрена с нами случилось?
Он достал из-под подушки револьвер калибра .357 Магнум и разнёс к чертям экран телевизора.
Господи, как же всё изменилось!
Он скучал по своему культу.
Он скучал по убийствам и членовредительству.
Он скучал по власти.

7: Безумный Жуткий Светский Клуб

- И вот я стою, прислонился к барной стойке, весь такой расстроенный и взбешённый, - рассказывает Ктулху. - Проглатываю виски залпом, так, что у стоящего рядом бармена глаза чуть не вылезают из орбит. И тут мимо меня проходит этот кретин из СБ. Он знает меня. И я намеренно в него врезаюсь. *Прошу прощения,* - говорит он мне. *Засунь свои извинения себе в задницу,* - отвечаю я. А он, как грёбаный праведник, просто подставляет для удара вторую щеку. *Простите, это моя ошибка.* Я, не моргая, смотрю ему прямо в глаза. *Это твоей мамаше следовало извиняться, что родила на свет такого ублюдка, как ты. Эй, ты только*

не обижайся, ладно? Я бы купил тебе выпить, но отдал последние пять баксов твоей сестре, чтобы она у меня отсосала. И вот тут он съезжает с катушек. Не прошло и пары секунд, как мы оба катаемся по полу, нанося друг другу удары. В конце концов, мне удалось отбросить от себя этого кретина. *Ладно, ладно,* - говорю я. – *Я перешёл черту, да? Я не должен был говорить такое о твоей сестре. Это было чертовски грубо. Прими мои извинения. Ведь мне отсосала не твоя сестра, а твоя мамаша.* И мы снова начали друг друга пинать, кусать и кататься по полу.

Все присутствующие, как и всегда, хохотали над историями Ктулху. Там были почти все, кроме Старца и Ньярлатотепа. Они, как всегда, продумывали некую схему. Пытались разобраться, как дальше поступать этими "Мифами". Старец установил новое правило: они больше не буду называться "Мифы Ктулху". Это название – проявление неуважения к нему самому. Теперь все должны называть это не иначе, как "Йог-Сототия". Парни сидели в комнате, ели пасту и потягивали вино. Всё, как всегда.

Чагнар Фагн зашёлся в очередном приступе смеха.

- А ты забавный парень, Ктулху. Такой забавный!

Ктулху смахнул несуществующую пылинку с костюма от Армани за три тысячи баксов и повернулся к Фагну. Окинул взглядом всех присутствующих.

Его глаза горели, как угли в камине.

- Забавный? Что значит "забавный"?

Фагн пожал плечами.

- Ну, ты травишь всякие байки и всё такое. Я чуть со смеху не сдох. Ты забавный.

Ктулху выпрямился.

- Так, давай-ка уточним, что ты хочешь сказать. Может, я всё неправильно понял, а? Я сделал что-то забавное? Что? Что забавное? Разве я похож на грёбаного клоуна? Думаешь, я пришёл, чтобы тебя, мать твою, забавлять?! Тебе смешно? Тебе смешно оттого, что я тебя тут развлекаю? Говоришь, я забавный? Я мать твою, забавный? И какого хрена ты мне говоришь, что я забавный?!

Отец Йиг вскинул руки в жесте примирения.

- Расслабься, Ктулху, он просто хотел сказать...

- А ты заткни пасть, спагетти-головый! У этого мудака есть собственный рот, значит, он и сам может мне ответить. Он понимает, что произнёс. А значит, понимает, что назвал меня чёртовым клоуном.

- Нет-нет, я лишь хотел сказать, что ты... смешной, - пошёл на попятный Чагнар Фагн, но поздно осознал, что только подлил масла в огонь.

- Смешной? Я – смешной? – прищурился Ктулху, вытаскивая револьвер калибра .38. – А хочешь, разыграем комедию прямо здесь, кретин? Хочешь, посмеёмся вместе, мудак?

И прежде, чем кто-то успел его остановить, Ктулху нажал на спусковой крючок. Шесть раз. Шесть путь пробили огромную голову Фагна, и он замертво упал на пол.

- Господь милосердный! – воскликнула Шуб-Ниггурат, выхватывая револьвер из руки Ктулху. – Да что с тобой?! Кто ты, чёрт возьми? Грёбаный психопат? Да? Вот, значит, кто ты?

Ктулху оттолкнул её.

- К чёрту его. Меня достал этот мерзкий кретин с головой слона. Размахивал своим хоботом, как девственник – членом.

- Ага, - кивнул Чёрный Цатоггуа.

- А тебя кто-нибудь просил вставлять свои пять копеек? – огрызнулся Ктулху. – Избавься от этого мусора. Вынеси куда-нибудь.

- Ага, - снова кивнул Цатоггуа и потащил тело.

Дагон упал на четвереньки, тяжело дыша.
- Ой, как колет в животе... Наверно, это аппендикс... О, Боже...
- Заткнись, - бросил Ктулху. – У тебя нет аппендикса. Ни аппендикса, ни яиц.
В комнате наступила полнейшая тишина. Такая плотная, что, казалось, её можно резать ножом. Никто не двигался. Никто не произносил ни слова. Ктулху окинул взглядом помещение. Никто не рисковал встречаться с ним взглядом.
- Ой, да ради всего святого! Что вы такие поникшие? Этот кретин был не нашего поля ягода. Чёрт, да даже те писаки не упомянули его ни в одном рассказе! Парень явно не принадлежал к нашей компании.
Шуб-Ниггурат была недовольна. Она изо всех сил старалась удержать свою человеческую форму, но та стиралась, как старый ковер - Шуб-Ниггурат клубилась чёрным туманом; если прислушаться, можно было услышать стук её копыт и увидеть рога.
- Ты не можешь стрелять в людей, когда тебе вздумается, - произнесла она, наконец, с трудом сдерживая ярость.
- Каких людей? – хмыкнул Ктулху. – Ты про этого идиота с головой слона? Да кто ты вообще такая, чтобы указывать мне, что делать? Ты, вонючая куча козьего дерьма?
- Хватит, - произнёс Отец Йиг.
Дагон схватился за пузырёк с таблетками, бормоча что-то про мигрень.
- Да ладно, пусть идёт, - обиженно произнесла Шуб-Ниггурат. – Пусть делает, что хочет. Может, Старец снова заточит его на том острове, и мы навсегда от него избавимся.
Ктулху собрал всю волю в кулак, чтобы не броситься на неё прямо сейчас. И никакой стоящий между ними стол не стал бы для него помехой.
Если бы у него было ружьё, он бы застрелил её на месте.
Если бы у него был нож, то уже к вечеру возле его камина красовался бы красивый коврик из кое-чьей шкуры.
- Послушай, тупая ты сука: я единственный, кто здесь работает, ясно? Пока ты кормишь тысячу своих приблудышей грудью, я зарабатываю деньги. Именно я держу на плаву всё наше семейство. Или у кого-то есть другие мысли по этому поводу?
Других мыслей не было. Ни у Отца Йига, ни у Шуб-Ниггурат, ни у Азатота, ни у Ктугха, ни у Ран-Тегота, ни у Ниогты. Они не сказали ни слова. Ведь они действительно забыли, кем были когда-то. Приспособились к новому миру. Проблема была в том, что Ктулху не желал приспосабливаться. Все это видели. Он жаждал вернуть прежние деньки, и все понимали, что это не приведёт ни к чему хорошему.

8: Другие Боги – уважаемые люди

- Несколько человек решили взбунтовать в Сок-сити, - сказал Ньярлатотеп Старцу – Йог-Сототу. - Сначала с ними возникли небольшие трудности, но парни, которых я послал, всё уладили. Теперь там мир и спокойствие.
- Отлично, - кивнул Йогги. - Так и должно быть. А что по поводу нашего другого дела?
- Какого дела?
- О котором мы с тобой тогда говорили.
- А, ты про Кингспорт?
- Нет-нет-нет, - замотал головой Старец. - О другом деле.
- А, о Ктулху?
- Да, о нём, родимом. Как он?
Ньярлатотеп закурил сигарету.
- Я поговорил с ним про его горячую голову и ковбойские замашки. Приказал успокоиться и взять себя в руки. Ктулху сказал, что постарается.

- Он хороший мальчик.
- Я сказал, что на первый раз мы закроем глаза на его разборки с Чагнаром Фагном, но больше пусть поблажек не ждёт. Если он продолжит убивать направо и налево, то закончит в бочке на дне Тихого океана, как прежде.
Старец затянулся сигарой. Гаванские. С густым, насыщенным ароматом. Только никакой аромат не способен был заглушить вонь, исходящую от самого Йог-Сотота – словно компостная куча в лагере смерти.
- Мы же не хотим, чтобы из-за этого мальчишки у нас были неприятности? Он должен взять себя в руки. Бедный безумный мальчик...
Чёрный Фараон лишь кивнул, сбрасывая сигаретный пепел в мраморную пепельницу.
- Настоящий ковбой на Диком-диком западе... Он может устроить кучу проблем.
- Плевать, - махнул рукой Старец.

9: Неадекватная Криминальная Семья

Тем вечером все жуткие парни сидели в клубе: пили, курили, играли в карты и ели гамбургеры. Только Ктулху не сидел вместе со всеми. Он занял место за барной стойкой и потягивал виски прямо из бутылки, как младенец – молоко из материнской груди. Он уже вдохнул одну дорожку, а наверх закинулся экстази. В голове его клубился радужный шум, и Ктулху с каждой минутой становился всё уродливее и уродливее, как борец сумо, решивший станцевать стриптиз. В клуб вошёл Дагон и, посматривая на часы, присел за стойку. Все видели, что у него красные глаза. Он вытащил из кармана таблетницу и открыл крышку. Дрожащими руками закинул в рот две таблетки "Прозака", затем – две "Дарвоцета" и запил всё порцией виски "Джим Бим".
Отец Йиг, Ктугха, Азатот и Тёмный Хан, игравшие в карты, сделали вид, что ничего не заметили. Они знали, что с Дагоном последнее время было сложно. У него были проблемы. Они не знали, какие именно; не хотели знать.
- Ты чёртова развалина, - поморщился Ктулху. – Проклятый ипохондрик.
Дагон бросил на него язвительный взгляд.
- Ты и представить себе не можешь, как мне хреново.
Ктулху повернулся к нему лицом и взмахнул рукой.
- Ты и представить себе не можешь, как мне хреново, - передразнил он высоким фальцетом. – Чёртова баба. Давай, будь мужиком! Разберись с собственным дерьмом. Ну, давай! Пойдём на танцпол, снимем по паре-тройке шлюх и устроим вечеринку, как в Средние века!
- Я не могу, - выдавил Дагон.
- Почему нет? Спешишь домой делать маникюр? Или брить ноги под свои гейские песенки? Я прав?
Дагон залпом опрокинул порцию виски.
- Потому что я импотент, ясно? Теперь доволен?
Ктулху скривился, покачал головой и отвернулся.
Открылась дверь, и в клуб вошёл, покачивая бёдрами чуть больше, чем необходимо, Хастур. Он снова начал зависать в гей-барах в Деревне, но все решили закрывать на это глаза.
Все, кроме Ктулху.
- Посмотрите, кто пришёл! Тот-кого-нельзя-называть... Или *Та*? – рассмеялся Ктулху и решил, что это уж точно звучит, как вызов. - Никак не бросишь посасывать свои мясные сигаретки? - Он снова рассмеялся и сделал глоток виски. - Эй, знаете, что общего между Хастуром и затонувшей подлодкой? Они оба полны мёртвой спермы!
- Ой, иди ты в задницу, - пропел Хастур, глядя в зеркало и поправляя аккуратно уложенные волосы. – Чем я занимаюсь и с кем я занимаюсь – не твоё дело, сладенький.

- Успокойтесь, - произнёс Отец Йиг. – Оба.
- А я тут при чём? – вскинулся Ктулху; ярость закипала в нём и грозила выплеснуться наружу ядовитым варевом. – Этот парень - пижон, и мы все это знаем. Он же педик!
- Ага, - кивнул Чёрный Цатоггуа.
Ктулху смерил его ледяным взглядом.
- А ты, дерьмоголовый, лучше достань руки из трусов и принеси мне пива, лады?
Дагон всхлипнул и... внезапно от него начало доноситься странное, электронное пиканье.
Он побледнел и схватился за грудь; глаза расширились от страха, а губы затряслись. Ктулху оттолкнул Хастура, схватил Дагона за рубашку и рванул её в стороны, обнажая приклеенный к груди передатчик. Дагон отшатнулся, тяжело дыша и дрожа.
- Прослушка! – взревел Ктулху. – На этом ублюдке прослушка! Он работает на СБ!
И прежде чем кто-то успел его остановить или хотя бы задуматься об этом, Ктулху выхватил "браунинг" калибра .45 и проделал четыре дыры в груди Дагона. Дагон упал на пол. Вокруг его тела моментально набежала лужа крови и чего-то ещё, что кровью не являлось.
Ктулху подошёл ближе и выпустил ещё две пули ему в голову.
- Чёртова крыса, - прошипел он.
Комнату заполнил запах гнили. В дверь вошёл Азатот: рубашка навыпуск, сложенная газета подмышкой.
- Я бы на твоём месте, парень, никуда пока не уходил, - произнёс он.

10: Буйство

Это было последней каплей.
Ктулху потерял всё, и теперь не было пути назад. К чёрту Старца! К чёрту его новый порядок! Ктулху не мог его принять. Он вышел из машины. Точнее, он вырвался из неё, сметая всё на своём пути.
Он возвышался над зеленеющим и спокойным городом Аркхемом; его щупальца свивались и раскручивались; крылья так молотили по воздуху, что создавали смерчи. Ктулху сметёт этот город с лица земли. Возможно, если бы он не был так взбешён, не влил в себя до этого пару бутылок виски и не закинулся метамфетамином, ничего бы этого не происходило. Возможно. Проблема была в том, что это копилось уже долгое время, и никто, кроме кричащего сейчас народа, не был действительно удивлён.
Конечно, Ньярлатотеп появился, а как же. Как раз в тот момент, когда Ктулху схватил кого-то бегущего и кричащего щупальцем и раздавил в кровавую кашу.
Конечно, Ньярлатотеп сказал, что для Великого Ктулху ещё не поздно повернуть назад.
Что он может всё прекратить.
Что они смогут всё исправить.
И если они сейчас успокоятся и поговорят, Старец спустит это с рук, Ньярлатотеп уверен.
Но Ктулху послал его трахнуть собственную мать и продолжал разрушать, разламывать и крушить.
Здания падали. Машины превращались в груды покорёженного металла. Люди становились похожи на лужицы малинового желе. Тех, кого не удавалось растоптать, он съедал. Он ходил от дома к дому, срывая двери, пробивая крыши и хватая находящиеся внутри угощения. Всё, чего он хотел – всё, что ему было нужно, - это несколько девственниц для жертвоприношения. Как в старые добрые деньки. Но ему попадались только бордели, и приходилось довольствоваться тем, что есть.
Он опустил щупальце на одно из зданий, и оно развалилось в труху. Из-под обломков выскочил Хастур. На нём была кожаная мини-юбка, сапоги на шпильках, ажурные чулки и блондинистый парик.

- Эй, ты что делаешь, большой безмозглый кретин? – прокричал он. – Как девочкам работать в таком шуме-гаме?

Но Ктулху лишь отшвырнул его (или *её*?) в сторону и продолжил. Он не прекращал часами. В конце концов, когда окраина Аркхема начала напоминать город после бомбёжки, Ктулху прилёг на руины, уставший и опустошённый. Почему же он не чувствует удовлетворения? Его это беспокоило.

- Всё? Закончил? – спросил Ньярлатотеп.

Ктулху недовольно заворчал.

- Кажется, я сказал тебе отвалить.

11: Последствия

А потом началась далеко не красивая история.

СБ состряпали массовое обвинение в рэкете против Других богов. Тайный сговор, вымогательство, наркотики. В списках были все, включая Йог-Сотота. СБ планировали навсегда упокоить с миром большинство из них. Ктулху арестовали за убийство, незаконный оборот наркотиков, нападение и уничтожение государственной собственности. Его адвокат договорился, что Ктулху выпустят под залог в пятьсот тысяч долларов.

Спустя несколько часов после внесения залога за ним пришли Тёмный Хан и Отец Йиг.

- Старец хочет с тобой поговорить, - сказал Отец Йиг.

Ктулху знал, что ему придётся идти. Выхода нет. Они привезли его на склад у реки, и Ктулху зашёл внутрь. Естественно, там никого не было. Пусто. Ктулху успел только сказать: "Вот, чёрт", как Отец Йиг и Тёмный Хан выхватили по девятимиллиметровому револьверу с глушителями и выстрелили ему в затылок.

- Ну вот и всё, - сказал Тёмный Хан. - Скатертью дорога.

Ктулху засунули в бочку с цементом и сбросили в бездонные руины Р'льеха, где он продолжил мечтать о вечности. Всем запретили даже вспоминать его имя.

- Теперь он навсегда останется с рыбами, - сказал Старец. – Ему это только на пользу.

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ПЕЧАТЬ ХАРНАБИСА

Смерть скоро настигнет того,
кто осмелится нарушить покой мёртвого правителя!

Надпись на стене гробницы Тутанхамона

- 1 -

Это всё произошло давным-давно, холодной осенью 1938-го.
Я тогда дежурил ночами. Патрулировал территорию и вышвыривал из подворотен алкашей и бездомных. Эти улицы принадлежали мне, и я старался держать их в чистоте.
Та ночь была довольно спокойной.
Я спугнул парочку малолетних кретинов, которые ошивались у ювелирного магазина на Западе и, возможно, уже составляли план, как его ограбить. Но я объяснил им, что это большой грех.
И больше ничего серьёзного, не считая парочки семейных скандалов.
Тишина.
Как я и любил.
Если работаешь копом и патрулируешь один и тот же участок уже пятнадцать лет, то не хочется никаких волнений и переживаний. Хочется спокойствия.
А затем начался ливень.
Гремел гром, и яркие ветвистые молнии перечёркивали небосклон, внушая окружающим страх.
В одну секунду по всему городу отключилось электричество, и Аркхем погрузился во тьму.
Я добрался до телефона-автомата, но линия не работала.
Мне ничего не оставалось, как спрятаться под крышей одного из подъездов в доме на Колледж-стрит и надеяться, что никто не даст мне повода выбраться из своего убежища и промокнуть ещё сильнее.
Минут через двадцать после отключения электричества мимо меня пронёсся, разбрызгивая лужи, седан и вдруг резко затормозил.
Из машины вылез низенький мужчина в пальто.
- Офицер, - произнёс он, подойдя ближе, и отбросил со лба прядь белых, как снег, волос. - У нас в Мискатонике[11] случай... случай вандализма.
Я заскочил в седан, и мы сорвались с места.
Он объяснил, что не смог дозвониться, потому что из-за отключения электричества не работали телефоны.
Его звали Дэндридж. Доктор Дэндридж, профессор археологии. Он заработался допоздна и по дороге домой заметил, что двери главного входа в "Музей античности" были сорваны с петель.
В Мискатонике была собственная служба охраны, но когда дело касалось подобного, нужны были серьёзные силы в виде правоохранительных органов.
Ночь принесла с реки влажный, холодный туман, который окутал кампус белым туманом. Из-за него все старые здания и узкие переулки казались заброшенными и одинокими, как в призрачном городе.
По дороге к музею мы не встретили ни души, что только усиливало создавшееся впечатление.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Ветер завывал, как одинокий волк, шатая деревья и заставляя их царапать чёрными ветвями небосвод. Высокие дома в колониальном стиле по обе стороны дороги напоминали готовые вот-вот упасть могильные плиты.
Мы остановились у "Музея античности" и побежали вверх по парадной лестнице под проливным дождём.
Дэндридж не преувеличивал. Входные двойные двери выглядели так, словно через них прорвался разъярённый буйвол.
Профессор нервничал. Очень.
Теперь, когда электричество отключено, а входные двери снесены с петель, любой посторонний мог войти внутрь и поживиться бесценными реликвиями.
Дэндриджа можно было понять.
Охранник по фамилии Хармс встретил нас на пороге и протянул фонарики. Мы отправились в сторону Отдела Археологии и Зала Египтологии.
Раньше я здесь никогда не был.
В здании было мрачно.
Заострённые потолки поднимались ввысь, и сейчас сквозь них мелькали молнии, изредка освещая нам путь. В углах залегали густые тени. Вдоль стен расположились стеклянные коробы со скелетами и украшениями, глиняные кувшины и богато инкрустированные саркофаги. Собственно, так, наверно, выглядел любой музей.
В свете фонарика Дэндридж быстро осмотрел помещение и, кажется, вздохнул с облегчением.
- Вроде, ничего не пропало и не разбито, - произнёс он. – Сложно сказать наверняка... Даже с включённым электричеством это может занять несколько часов.
Я стоял посреди зала, стараясь не смотреть на выставленные вдоль стен черепа и скелеты.
И вот тогда Дэндридж заметил тот ящик. Он был около двух с половиной метров в длину и чуть больше метра в ширину. Обычный ящик для транспортировки, ничего особенного.
- Откуда это здесь? – произнёс профессор.
Мы с Хармсом переглянулись и пожали плечами.
- Раньше его здесь не было, - настаивал профессор. – Я был тут днём, и ящик отсутствовал.
На ящике было написано краской под трафарет:

ЕГИПЕТ. ДОЛИНА ЦАРЕЙ

И больше ничего. Ни штампов с таможни, ни наклеек о ввозе-вывозе.
Ничего.
- Наверно, это один из экспонатов, док, - сказал я. - Доставили с опозданием, вот и не успели разобрать.
Но Дэндридж замотал головой.
- Я же говорю: раньше тут его не было! Кто-то его сюда принёс! Думаю, это тот же человек, который выломал дверь!
Я тоже склонялся к такому выводу, но вслух говорил иное. Потому что иногда лучше притвориться тупым копом и позволить собеседнику самому прийти к заключению, чем с пеной у рта доказывать ему очевидное.
- Не обижайтесь, профессор, но это безумие, - заметил Хармс.
- А я уверен, что его здесь не было! Я был в этих комнатах не более четырёх часов назад – и здесь было пусто!
Дэндридж был непреклонен в своей уверенности, и я не видел смысла спорить с ним. Я был уверен, что Дэндридж не из тех людей, которые любят, когда им прекословят.
- Ну, тогда это просто нелепица, - почесал голову Хармс.
Он был прав.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Я повидал кучу всего за пятнадцать лет на своём участке, но никогда не слышал, чтобы кто-то вламывался в здание, чтобы оставить что-то внутри. Обычно, все пытались вынести как можно больше.
Хармс нашёл несколько монтировок, и они с доктором вскрыли ящик.
Внутри лежал саркофаг - огромная штуковина из изумрудного дерева, украшенная золотыми листочками и драгоценными камнями, на поверхности которой был изображён фараон. Необычным было лишь то, что лицо фараона было срезано начисто.
Дэндридж весь взмок. Его красное лицо блестело от пота, когда он сломал печать и поднял крышку саркофага.
Запах, вырвавшийся наружу, был ужасен.
Мне пришлось сделать шаг назад.
Это был пыльный запах древней гнили, приправленный чем-то сладким и отталкивающим. Возможно, специями или травами.
Мы полностью сняли крышку.
Внутри не было гроба, как мы ожидали. Вместо него саркофаг был полон жуков. Насекомых. Высохшие панцири больших насекомых, похожих на стрекоз; только эти были более двенадцати сантиметров в длину, коричневые, свернувшиеся и рассыпающиеся в прах при малейшем касании.
Я осторожно коснулся одного из панцирей концом своей дубинки, и он развалился надвое. Жуков были сотни и сотни, а то и тысячи. И все они были мумифицированы и рассыпались трухой, будто пролежали в саркофаге двадцать столетий.
- Что это за хрень? – поинтересовался Хармс.
Но Дэндридж и сам понятия не имел. Я видел это по выражению его лица. Он был так же озадачен, как и мы.
Мы направили лучи от фонариков в ящик, и в кругах света заплясали пылинки и сухие останки. Насекомые разваливались. Даже такой тупой коп, как я, видел это. Наверно, всё дело было в воздухе.
Мы смотрели, как Дэндридж пытается сохранить несколько образцов, запихивая их в банку, но они рассыпались прахом. В свете наших фонариков клубился лишь мусор.
Спустя минут двадцать включили электричество, и я вызвал патруль.
Всё это было очень странно. Но я был убеждён, что на этом дело и закончится.
Как же я ошибался...

- 2 -

Три ночи спустя.

Я снова был на дежурстве и направлялся на юг Западной улицы. Дождя не было, но дул промозглый ветер, и я всё равно закоченел. Ветер гонял по тротуарам опавшие листья, а от реки поднимался туман.
Я совершал обход, помахивая дубинкой и проверяя, заперты ли двери. Мечтал поскорее оказаться дома, залезть в горячую ванну и выпить чашечку горячего кофе.
Я укрылся от ветра на крыльце бывшего книжного магазина, закурил и направился мимо церкви к колледжу. Настроение у меня было великолепное, и дохлые жуки – последнее, что меня сейчас заботило. А всё потому, что прошлым вечером "Ведьмаки" из Мискатоника на последней секунде забили гол "Орлам" из Бостонского колледжа и выбились на самый верх турнирной таблицы, пододвинув "Крестоносцев" и "Технарей" из Вирджинии. Теперь у "Ведьмаков" всё складывалось "на ура". А значит, и у меня всё складывалось так же. Ведь прошлым вечером я поставил на них и выиграл две штуки баксов, и теперь направлялся к своему букмекеру за выигрышем.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Мир был прекрасен.
Точнее, так мне тогда казалось.
А затем я увидел толпу перед крыльцом небольшого мотеля, который местные называли "Любовным Гнёздышком", и понял: быть беде.
"Гнёздышко" располагалось напротив внутреннего дворика Мискатонского университета. Это было грязное блочное строение, зажатое между городским бассейном и забегаловкой, в которой круглосуточно подавали жареных цыплят.
Владелец и управляющий "Гнёздышка" - Буч Вайс - был настоящим душкой; он никогда не задавал постояльцем неудобных вопросов, даже если к нему на одну ночь без вещей заезжали мужчины с девушками, втрое младше их самих.
Так уж случилось, что Буч и был моим букмекером.
Вообще, многие делали ставки через него. Это была часть его жизни – и часть немаленькая, если подумать, сколько он вытрясал из безголовых, не умеющих остановиться студентов.
Однако вернёмся к мотелю. Сейчас, в этом промозглом холоде, перед зданием стояли, по меньшей мере, человек десять - и женщины, и мужчины, и даже парочка детей. И даже в тусклом свете фонаря, свет от которого едва разгонял наползший туман, я видел, что они напуганы. В тот момент у меня и появилось это мерзкое ощущение надвигающихся проблем - чувство, которое я выработал за столько лет работы на своём месте. Я хотел лишь забрать свой выигрыш, но, похоже, именно это мне сейчас и не суждено было сделать.
- Мы уже вызвали патруль, - сказал мне какой-то щёголь в выглаженном костюме-тройке.
- Позвонили по телефону. Мы понятия не имеем, что за чертовщина там происходит.
Я окинул его взглядом с головы до ног, заметил стоящую рядом молодую девушку и сложил два и два.
Интересно, его жена в курсе, где он сейчас находится? И знает ли она о том, что её мужу нравятся молодые кудрявые мулатки?
- Хорошо, что вызвали, - кивнул я. - А теперь расскажите мне, уважаемый, что здесь происходит.
- Понятия не имею, - ответил мужчина. - Но мы ни за что не останемся в этом мотеле, пока из соседней комнаты доносятся эти жуткие звуки.
Ну, естественно, найдёте себе другой мотель...
Но сначала, до того, как я начну давить сильнее, нужно, чтобы отсюда ушли дети.
Да, я прекрасно знал, что эти два мальчика и девчонка видели вещи и похуже. Они были беспризорниками и часто крали еду с лотков. Вряд ли их теперь можно удивить хоть чем-то, но я всё равно не хотел, чтобы они оставались рядом. Особенно рядом с таким местечком, как чёртово "Гнёздышко".
- Так, вы трое! - прикрикнул я, указывая на детей свободным концом дубинки. - Кыш отсюда! Нечего здесь ошиваться!
Дети пожали плечами и пошли прочь. Они знали, кто я, и знали, что я могу сделать. Поэтому никаких возражений не последовало.
- Хорошо, - кивнул я. – А теперь продолжим.
- Звуки, - сказал другой мужчина. - Странные звуки. Будто там кого-то убивают.
- Я слышал крики, - подтвердил другой.
- И вопли, - вклинился третий. - Это добром не закончится, помяните моё слово.
К нам подошла девушка. Джуди Лаперье. Она была "продажной женщиной", как мы их тогда называли.
Мы с Джуди отошли в сторонку.

Я пару-тройку задерживал её за занятие проституцией. Но всегда отпускал. Я же не зверь; я прекрасно понимаю, что девочкам нужно на что-то жить.
Но чем бы она ни занималась, я не собирался рассказывать об этом всем присутствующим. От меня этого точно никто не узнает.
- Всё так, как они и сказали, - сказала Джуди. - Даже хуже. Я как раз... хм, навещала друга в соседней комнате. И слышала этот звук. Действительно странный.
- На что он был похож?
Она сглотнула и посмотрела на меня густо накрашенными глазами. Сейчас в этой девушке не осталось ни капли невинности. Там, где у остальных находилось сердце, у этой дамы явно был сейф. Но в её огромных карих глазах я уловил то, что заставило меня напрячься - страх. Что-то напугало Джуди до чёртиков. Напугало настолько, что она утратила свой привычный циничный вид и вновь превратилась в испуганного тринадцатилетнего подростка.
Девушка наклонилась ближе ко мне.
- Это напоминало... Ты сейчас решишь, что я спятила... Но это напоминало жужжание. Словно там был целый рой жуков. Вот, на что был похож тот звук. Жуки.
- Это точно, - кивнул стоящий рядом парень. - А потом начались крики и вопли, и удары, будто там крушат комнату. Я убираюсь отсюда к чёртовой матери.
Жуки. Жуки?
Безумие.
И, тем не менее, то, что происходило в номере 205, было действительно странным. И жутким. Из ряда вон выходящим.
В этот момент показался Буч. Он вышел из номера 350; это был жирный и скользкий человек - как маринованный огурец, только что вытащенный из рассола.
- Ладно, ладно, - бурчал он. - Я сейчас со всем справлюсь. Джуди, а ты какого чёрта здесь делаешь? Ты же знаешь: у меня приличное заведение.
Джуди рассмеялась.
Буч рванул к ней и попытался дать подзатыльник. Но Джуди оказалась быстрее. Годы, проведённые на улице, научили её проворству.
- Отстань от девчонки, Буч, - попросил я.
- Конечно, Дубина, конечно. Мне просто не нужно, чтобы здесь ошивались подобные ей.
Дубина.
Забавное прозвище.
Моя старушка-мать могла назвать своего сына хоть Томми Кьюсаком, хоть Джорджем Вашингтоном, но на улицах меня всё равно все звали "Дубина".
Почему? Да потому что я не выходил из дома без дубинки и не боялся пустить её в ход. Чёрт, да я даже мог с её помощью сыграть на прутьях железного моста весёлую мелодию! И если это вас не впечатлило, то могу уверить, что у меня ещё куча других талантов.
Не поймите меня неправильно. Я никогда не пускал в ход дубинку, если человек этого не заслуживал. Если вы уважаете закон, то со мной у вас проблем не будет.
- Чёртова Джуди, - бурчал тем временем Буч. - Ты же знаешь таких, как она, Дубина. Ей бы только проказничать. Одни забавы на уме. Но если из-за неё у меня будут неприятности, я ей устрою забавы, так и знай!
- Я тебе устрою! - усмехнулся я. - Лучше расскажи, что здесь происходит. К тебе заселился какой-то псих?
- Так и есть. Всё, как они сказали тебе, Дубина. Сначала - странные звуки, потом - крики, визг... Тот парень... чёрт, он вопит так, будто ему кишки через задницу выдирают!
- А у тебя очень художественные сравнения, Буч.

Я поспрашивал его ещё какое-то время, задавал вопросы в различных формулировках, но не узнал ничего нового.
Я всё записал в свой блокнот: и про странное жужжание, и про крики, и про удары. Занёс в отчёт всё, что мне рассказали; не упомянул лишь о девушке из номера 312, которая жутко хотела где-нибудь напроказничать.
И я не забрал свой выигрыш. Не до того было.
К этому времени к мотелю подъехала патрульная машина, из которой вылезли Джонни Райан и Пит Орблански и направились ко мне. Хорошие парни; я с ними уже сто лет знаком.
- Что случилось? - поинтересовался Джонни.
Я выложил всё, что знал, и у обоих на лицах появилось странное выражение. Будто я их разыгрываю. Но я не шутил, и они это понимали. И от этого было только хуже.
- Пойдём, посмотрим, - предложил Пит.
Буч уже сказал мне, что дверь заперта изнутри, возможно, забаррикадирована, и нам придётся пойти другим путём. Я не переношу высоту, поэтому отправил Пита на пожарную лестницу, а мы с Джонни пошли к дверям.
"Гнёздышко" было не лучшим мотелем. Здесь всегда стоял запах старости и кошачьей мочи. Обычный старый железнодорожный отель, который построили в 1880-х годах, чтобы справиться с мигрантами, хлынувшими в Аркхем. Мебель вряд ли менялась с тех времён, и клиентура здесь была соответствующей. Если хочешь перепихнуться с собственной секретаршей в обеденный перерыв, или если только что вышел из тюрьмы, и нужно место, где никто не станет спрашивать о прошлом, - тогда "Гнёздышко" было тем, что тебе нужно.
Когда мы с Джонни поднялись на второй этаж по заляпанным ступенькам, открылась дверь одного из номеров, и наружу высунулся какой-то парнишка.
- Чё такое? - спросил он.
Джонни коснулся фуражки.
- В соседнем номере – бешеный пёс, парень. Уже откусил одному член вместе с яйцами.
Дверь моментально захлопнулась. Мы с Джонни остались одни.
Когда мы с ним подошли к номеру 205, в воздухе разлился странный запах. Конечно, "Гнёздышко" и в лучшие годы не пахло цветами и французским парфюмом, но такого запаха я не слышал никогда. В подобных местечках ждёшь других ароматов - гнили и, возможно, плесени. Но никак не резкого, тошнотворного запаха трав, специй и старых, химических консервантов.
Но мы чувствовали именно это, и ни одному из нас не нравилось происходящее.
Перед дверью 205-го номера мы остановились и переглянулись.
- Чувствуешь этот запах? - прошептал Джонни.
- Да, и он становится сильнее.
Проблема была в том, что подобный запах я уже слышал прежде - когда Дэндридж открыл саркофаг. И мне не нравилось, куда это ведёт.
Из-за двери не доносилось ни звука, и что-то в этой тишине было пугающим. Словно некто или нечто ждало нас по ту сторону деревянной перегородки, источая запах бальзамирования. Звучит странно, но я не мог избавиться от этого чувства.
Когда я был ещё ребёнком, мы часто играли в одном заброшенном, полуразрушенном здании. Оно мне никогда не нравилось. Раньше там был кожевенный завод, и сейчас из номера 205 пахло так же - выдубленными и высушенными шкурами, обработанными химикатами. Тот запах, казалось, впитался в стены завода и сохранялся в нём ещё многие годы.
Я сделал глубокий вдох и принял решение.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Может, матушка Кьюсак и мой старик и не родили меня жутко умным, но в силе и выносливости мне практически не было равных. Поэтому я врезался в дверь плечом и продолжал ломиться, пока не почувствовал, как с противоположной стороны что-то поддалось, и дверь, наконец, распахнулась.
Нам в лицо ударила волна спёртого воздуха - только сейчас это был не лёгкий намёк на запах, а удушающая пелена старости, пыли и песка.
Горящая под потолком лампочка освещала полнейший хаос. Мебель была разломана, кровать перевёрнута, а зеркало разбито на мелкие осколки. Дверцы шкафа сорваны, и вся одежда валялась на полу.
Но что самое странное - когда мы переступили через порог, под ногами у нас что-то захрустело, как сухая листва. Мы опустили взгляд и увидели насекомых. Тех же проклятых жуков, которые были в саркофаге. При виде них у меня по коже пробежал холодок. Жуки были иссушены, как и в Мискатонике, но не настолько разрушены.
Я внимательно присмотрелся.
У каждого насекомого был длинный сегментированный хвост и широкие крылья, множество тонких, подогнутых под грудь конечностей и огромная голова, как у богомола или саранчи. При жизни у жука явно были огромные фасеточные глаза, но сейчас на их месте зияли пустые глубокие дыры глазниц. Складывалось впечатление, что они долгие годы сохли в банках.
Сейчас перед нами остались лишь разваливающиеся под гнётом времён экзоскелеты.
Как такое может быть?
Все свидетели сошлись на том, что слышали доносящееся из комнаты жужжание. И Джуди, и второй парень описывали это, как вырвавшийся на свободу улей.
Но ведь это невозможно.
Эти насекомые мертвы. Давным-давно мертвы.
Мы с Джонни осматривали комнату с одинаковым чувством отвращения. Да, с одной стороны, это были обычные жуки, но с другой... Было в них нечто тревожное. Возможно, всё дело в их размере, или в возрасте, или в скелетообразном виде. Они больше напоминали разваливающиеся останки. И эти голые черепа, глядящие на нас своими пустыми глазницами...
Я никогда не боялся насекомых. Но сейчас у меня мурашки побежали по коже.
- Жуки, - произнёс Джонни. - Чёртовы жуки.
Они выглядели неестественно.
Я представил, какими они были при жизни: летали, глядя вокруг своими огромными глазами - и не тупыми, как у большинства жуков, а осмысленными.
В окно снаружи постучал Пит, и я подпрыгнул на месте.
Джонни направился к окну, с выражением отвращения на лице ступая на усыпанный жуками пол. Каждый раз, когда его ботинок с хрустом опускался, я вздрагивал.
Окно было заколочено изнутри.
Я осмотрелся: кондиционер был заткнут старыми тряпками, а вентиляционное отверстие забито скомканной рубашкой.
Я уже говорил, что это здание было старым. Потолок просел, а штукатурка осыпалась. Но тот, кто здесь жил, постарался забить каждую дыру, каждую щель, которую смог отыскать. Словно пытался удержать что-то снаружи и не пустить внутрь. То, что способно пролезть через крохотные отверстия.
Джонни, утирая пот со лба, жестом показал Питу, что тот может войти через дверь.
Я видел в глазах Джонни то же, что испытывал и сам - ощущение чего-то мрачного, скрытого под видом обычных жуков.

В тот момент мы и заметили дверь в ванную комнату. Мы должны были войти туда, но ни один из нас не хотел этого делать. Однако, когда ты работаешь копом, никто не спрашивает твоего желания. Если случается что-то ужасное, жуткое, люди ждут, что полицейские станут первыми, кто на это взглянет и, кто с этим разберётся. Ведь они платят налоги, чтобы такие парни, как мы, выполняли за них грязную часть работы.

Думаю, вы и так поняли, что мой желудок был готов вывернуться наизнанку, когда я открывал дверь в санузел.

И когда она распахнулась настежь, в лицо мне ударила волна запаха, напомнившего старый, забитый книгами и полусгнившими газетами сундук.

А затем я заметил тело. Тело и порядка двадцати-тридцати этих грёбаных жуков.

Тело, насколько мне удалось рассмотреть, принадлежало мужчине. Однако оно и само выглядело так, как жуки - обезвоженное, иссушённое, разваливающееся на куски. Мужчина сидел, скрючившись, под раковиной, словно пытался спрятаться, укрыться от чего-то. В воздухе плавали сухие ошмётки, напоминавшие пепел. Я знал, без всяких сомнений, что это были кусочки человеческого тела - его пергаментная кожа, запёкшаяся кровь и высохшие мышцы.

- О, Господи, Господи, - пробормотал Джонни.

Он поднял на меня глаза, и я увидел в них страх.

- Давай, Дубина... Скажи, что я сбрендил, сошёл с ума, свихнулся. Давай! Ты только взгляни на тело! Этот человек должен быть мёртв уже сотни лет, как и эти чёртовы жуки. Он же высушен, как какая-то, мать её, вобла!

Ну что я мог ответить? Если Джонни свихнулся, то и я вместе с ним.

Варианта лишь два: либо мы с ним стали главными героями какого-то дьявольского розыгрыша, либо это - настоящий кошмар.

Я был простым патрульным. В мои обязанности не входило думать. Этим пусть занимаются детективы. И всё же мой мозг не останавливался ни на секунду.

Свидетели сообщали, что человек в номере был вполне живой, что они слышали крики, вопли и жужжание... А теперь все, кто был в этой комнате, включая постояльца, превратились в мумии. В сухие, мёртвые музейные экспонаты.

И это было ещё не самое худшее.

Потому что выглядело всё так, будто мужчина пытался спрятаться под раковиной от того, что, как он знал, обязательно придёт. И судя по тряпкам и кускам ветоши, он готовился к их приходу. Господи, да даже сливные отверстия и краны в ванне и раковине были забиты одеждой!

И о чём это говорило?

Наверно, я не хочу этого знать.

Сначала - саркофаг в Мискатонике, полный странных жуков, теперь - вот это.

Я присел на корточки, желая лучше рассмотреть тело. Оно было обтянуто кожей и высохшее, словно что-то вытащило его из могилы под зыбучими песками. Я ничего не мог с собой поделать: я ткнул в него палкой, хотя и знал, что патрульные не обрадуются, если я буду копаться в уликах. Я ткнул этот мешок с костями в грудь, и как только я это сделал, одна рука сразу же отвалилась и раскрошилась в мелкий прах.

Тело дёрнулось, и туловище тут же раскололось, подняв облако пыли.

А внутри - жуки.

Да, десятки этих высушенных насекомых. Как будто они заползли ему в глотку, набили брюхо, высушили его досуха, а потом сами превратились в труху.

Парочка жучков выпала наружу и ударилась об пол, рассыпавшись на мелкие кусочки.

Джонни испуганно вскрикнул. Да и я, признаться, тоже.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Ей-богу, это было чересчур.
Мы вышли в коридор, в горле у нас пересохло, словно нам туда песка насыпали. Мы остановили Пита до того, как он вошел, и сказали ему звонить в отдел убийств.
Джонни съехал по стенке и уставился в пустоту. Думаю, он молился. Я закурил и попытался отыскать смысл в том, в чём смысла не было.
Джонни и Пит отправились обратно на патрулирование района. А мне пришлось остаться и дожидаться коронера и детективов - ведь сегодня была моя смена.
Я долго стоял в коридоре, курил и дрожал, прислушиваясь к тому, как в комнате что-то разваливается на части.
Меня мутило.
А когда я выглянул из окна и увидел напротив башни Мискатоникского университета, возвышающиеся во мраке как средневековые зубчатые стены, это чувство стало еще хуже.
Потому что я начинал связывать одно с другим.
И все мои идеи были одна хуже другой.

- 3 -

Как вы, вероятно, догадываетесь, детективы и коронер не слишком озаботились тем, что было в номере 205.
Я их, конечно, не виню.
Но ведь это Аркхем. Вы никогда не привыкнете к тем созданиям, которые выползают из деревянных строений в этом городе, к тем, которые прячутся в тени; но если жить здесь достаточно долго и работать на улицах, как я, то можно научиться с этим справляться.
Так или иначе, я оставил работу профессионалам и вернулся на свой участок. Но от меня было мало толку.
На улицах ничего не происходило, и это было к лучшему, потому что к тому времени со мной смог бы разобраться и восьмиклассник.
Когда наступил рассвет, и моя смена закончилась, я был счастлив, как никогда. Я пропустил свою обычную чашечку кофе с парой пончиков в кафе Зудемы, и вместо этого бахнул виски.
Потом я лег спать, и весь день мне снилось, что я заперт в одной комнате с этими ужасными насекомыми, которые могут не только убить тебя, но и высосать из твоей кожи все, кроме соли.
И каждый из этих комаров заканчивался одинаково: Мискатоникским университетом.

- 4 -

Когда позже этим же днём я проснулся, у меня раскалывалась голова.
Но я продолжал твердить себе: что бы ни случилось в той комнате, это уже не мое дело, как и то, что случилось в Мискатонике.
Дело закрыто, и с этим покончено.
Я - патрульный, а не детектив; это не моё дело.
Но, Господь милосердный, как же я ошибался...
В тот вечер я сидел в раздевалке в участке, натягивая синюю куртку и готовясь к прогулке и разговору, когда вошёл Фрэнни Коннинг.
Фрэнни был детективом из отдела убийств, которому посчастливилось заняться делом в "Любовном Гнёздышке". Когда он увидел то, что было в той комнате, он выглядел так, будто у него было сильное несварение желудка; да и сейчас его, похоже, готово было вырвать в любой момент. Или уже вырвало - и не раз.
Его стоило пожалеть.
Мне всегда было жалко этих упырей из отдела убийств, которые изо дня в день работали, как на бойне. С другой стороны, они сами выбрали такой путь. Для меня лучшей работой были патрули и моя дубинка, а для Фрэнни - трупы.

- Готов немного прокатиться? - спросил он меня.
Этого мне хотелось меньше всего, но я пошёл за ним следом.
Видите ли, это была не маленькая увеселительная прогулка, а поездка с очень определенным пунктом назначения, и я чертовски хорошо знал, что это будет за пункт назначения ещё задолго до того, как мы туда добрались.
По дороге Фрэнни всё мне выложил.
Окружной прокурор закусил удила. У него чуть пар из ушей не валил. Он искал любую белую задницу, на которую можно повесить дело. И он не собирался спускать дело в "Гнёздышке" на тормозах. Ему было плевать, что говорят факты, или что видят его собственные глаза; он не собирался связывать воедино высохший труп и сотню жуков. Он был уверен, что все это - какая-то тщательно спланированная первоапрельская шутка.
Только ему было не смешно.
Он почти обвинил Фрэнни и его людей в том, что они сами всё усложнили.
Но ему ведь нужно было кого-то винить, не так ли?
Приближались выборы, а он вел чистую предвыборную кампанию, построенную на хорошем послужном списке, и меньше всего ему хотелось, чтобы его офис был испачкан дерьмом, которое так воняло.
Ему нужны были ответы, настоящие ответы, и если он их не получит, то придется кого-то уволить.
Как вы уже догадались, ребята из прессы не были подпущены к этому месту даже на милю. Фрэнни и его парни уже объяснили вполне доходчиво Бучу Вайсу, что будет, если он решит потрепаться с журналистами. Что раньше до "Гнёздышка" никому не было дела, но если он их не послушает, всё может измениться. И естественно, Буч пообещал молчать. Я знал Буча. Он был тем ещё засранцем, но рот на замке держать умел. Особенно если это касалось его бизнеса.
А сейчас я слушал то, что выяснил Фрэнни. И чего не выяснил.
К тому времени, как мы свернули на Запад, на Черч-стрит, в старом минивэне Фрэнни, что-то начало медленно скрестись у меня в животе. Поэтому я задал неизбежный вопрос:
- Всё это, конечно, здорово, Фрэнни, но почему бы тебе не рассказать мне, что ты действительно знаешь?
Он провел рукой по своему серо-стальному костюму и съехал на обочину.
- Ладно, Дубина. Давай перейдем к делу. Мы отнесли этих жуков - точнее, то, что от них осталось - на Зоологический факультет Мискатоника. У них там есть ученый по жукам...
Фрэнни вытащил записную книжку и сверился с записями.
- ...некий энтомолог по имени Мэйсон. Этот парень знает всё, что ползает или летает. Он был очень взволнован тем, что мы ему принесли, но понятия не имел, что это такое. Впрочем, он сейчас этим занимается. Забавно, что он уже видел их раньше.
- Полагаю, его фамилия - Дэндридж.
- Да-да, он самый. Это ведь ты был с ним рядом с тем ящиком с жуками, да?
- Ага.
Фрэнни кивнул.
Может, детективы иногда и не отличались особым умом, но они прекрасно видели связь между саркофагом и жуками в "Гнёздышке".
- Перейдём к сути, - предложил Фрэнни. - Ну, мы сняли с него отпечатки пальцев и пробежались по списку, но так ничего и не нашли. Судя по некоторым газетам в той комнате, он мог быть парнем по имени Дэвид Генри Браун из Мискатоника. Он... египтолог. Один из тех кретинов, которые играют с мумиями, костями и тому подобным. Дело в том, что в последний

раз его коллеги слышали, что Браун был в Египте, раскапывал какую-то гробницу. Они не получали от него никаких известий уже около полугода и не очень-то были этому рады. Кажется, еще четверо или пятеро исчезли из поля зрения вместе с ним. Так что, возможно, это наш парень. Ни родственников, ничего. Просто дом в Болтоне, полный книг и артефактов. Ничего необычного.

Я слушал его, а в животе снова появилось это неприятное ощущение.

Для окружного прокурора все это не имело ни малейшего смысла, но для меня повсюду были связи, только они были настолько дикими, что я не хотел о них даже думать. С другой стороны, это ведь не меня ожидали выборы, которые могли подпортиться историями о привидениях. Как я уже говорил, матушка Кьюсак, возможно, и не воспитывала гениев, но и дураков она тоже не растила.

Эти парни, вроде Брауна, были из тех типов археологов, которые всегда мародёрствуют в Египте или на других раскопках, взламывая гробницы и валяя дурака с мумиями.

Он исчезает вместе с остальными членами команды. А потом появляется этот таинственный ящик с мумией. И спустя несколько дней Браун возвращается в город. Происходит что-то странное. Когда мы приходим с ним поговорить, он сам выглядит как мумия.

Конечно, это всё было взаимосвязано, но я даже боялся произнести это вслух.

Фрэнни тоже уловил эту связь, но существовали дороги, на которые он не хотел ступать, и я не мог его за это винить.

Он снова завёл свой автомобиль, и через несколько минут мы въехали в ворота Мискатоника и проехали мимо Локсли-Холла.

- Ну, давай же, Фрэнни, не томи! Нахрена мы с тобой сюда едем? - спросил я.

Он усмехнулся.

- Я беру тебя с собой, Дубина, потому что ты видел тот трупешник в "Гнёздышке". Это первая причина. Во-вторых, ты видел этих жуков и раньше. Третья причина - ты мне нравишься, и я хочу, чтобы ты увидел то, что они нашли здесь. Я думаю, ты это оценишь.

Может быть, Фрэнни и был хорошим детективом из отдела убийств, но он ни черта не понимал в психологии людей. Потому что в противном случае, он бы знал, что я не хочу участвовать в этой чепухе. Я хотел лишь патрулировать улицы, проверять незапертые двери и расталкивать пьянчуг в подворотнях. Мне это нравилось.

Мы направились к "Музею античности".

Перед зданием было припарковано несколько черно-белых машин. Двери заменили, но внутри был всё тот же пыльный старый морг.

На моей работе очень быстро избавляешься от страха перед мертвыми.

Но то, что я чувствовал в этом месте, было больше, чем смерть. Что-то, что определенно не было живым, но, возможно, и не было по-настоящему мертвым.

- Ну и местечко, - сказал я, только чтобы услышать собственный голос.

Мы миновали мумии кошек и крокодилов, всевозможные погребальные принадлежности вроде табличек и тростниковых лодок, а также высокие неприступные статуи египетских богов с головами шакалов, змей и баранов.

Свет был включен, и я был этому несказанно рад.

- Тебе здесь не нравится, Дубина? - спросил Фрэнни.

- Да я видел и куда более весёлые морги.

Фрэнни рассмеялся, будто над отличной шуткой.

Клаустрофобическая аура этого места поселилась во мне, заставляя мое горло першить, а легкие - хрипеть.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Мы миновали зал, где раньше находился таинственный саркофаг, и оказались в другом зале, где было много столов, витрин и несколько человеческих мумий в стеклянных контейнерах.
В помещении находились несколько полицейских и люди из службы коронера. Они знали меня, а я знал их.
Майк Францезе тоже был здесь. Много лет назад, только окончив академию, мы вместе работали в Ривертауне и Нижнем Саутсайде.
- Дубина? - удивлённо вскинул он брови. - Как ты умудряешься вляпываться в подобную хрень?
- В детстве плохо воспитали, - откликнулся я.
Мы оба расхохотались, потому что это была одна из наших общих старых добрых шуток.
Но смех быстро прекратился. Потому что существуют места, где смех неприемлем.
И когда я увидел тело, распростертое возле какого-то бронзового египетского саркофага, я понял, что Зал Египтологии - именно такое место.
- Что думаешь? - спросил у меня Фрэнни, кивая на хладные останки на полу.
Что думаю?
Ещё одна грёбаная мумия, вот что. Как и та мерзость в "Гнёздышке".
Единственное отличие здесь заключалось в том, что этот парень умер не в тесной ванной комнате с забитыми тряпками трещинами и щелями, чтобы никто не пролез внутрь, а прямо на открытом месте, на этом полированном кафельном полу.
А сам труп...
Он был весь высохший и сморщенный, словно его только что выгребли из могилы. От останков исходило зловоние затхлости и старости, а в воздухе, как пылинки, кружили хлопья высохшей кожи. Всё точно так же, как и в мотеле.
Майк подошёл ко мне.
- Это что-то, правда, Дубина? А эти, прости Господи, клоуны пытаются меня уверить, что этот человек умер не три сотни лет назад.
- И не надейся, - крикнул коронер.
Майк усмехнулся.
- Да ты посмотри на него! Он же весь скукожился, как чернослив на солнце!
Он перевёл взгляд на меня.
- Образумь их хоть немного, Дубина! Это тело - одна из тех мумий, что выпали из одного из этих ящиков...
- Да я не против твоей версии, Майк, - покачал головой Фрэнни. - Только вот что...
Он достал из глубокого кармана своего плаща пакет с вещественными доказательствами. В нем лежала пачка "Честерфилда".
- Я думаю, что египетские мумии не слишком часто носят пачки сигарет без фильтра в задних карманах.
Майк отшатнулся, не в силах ни поверить, ни понять.
- Как и прошлый раз, - произнёс я.
- И да, и нет, - ответила мне Фрэнни, глядя высоко вверх, на слуховое окно.
Ну да. Конечно.
Это тело выглядело так, как будто оно умерло там, наверху, было сброшено вниз с силой и как бы взорвалось от удара. Осколки его были разбросаны повсюду, конечности раздроблены, а кости превратились в пыль. Это был не более чем скелет, завернутый в крошащуюся плоть с вопящим Хэллоуинским черепом вместо головы, кучей тряпья и мусора, разбросанного по полу, как будто кто-то вывалил здесь содержимое парочки пылесосов. Всё и так выглядело до жути мерзко, а тут ещё повсюду валялись сотни мумифицированных насекомых. Они были повсюду; складывалось впечатление, что их рой просто умер в полёте и свалился наземь.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Когда люди коронера попытались подложить под останки простыню, чтобы переместить их, тело перевернулось и рухнуло на пол. От удара оно распахнулось, обдав окружающих облаком вонючей пыли... и десятки этих высохших жуков высыпались наружу. Все до единого - иссушенные, как хлопья пыли, и разваливающиеся на части.
- Твою мать, - пробормотал Майк. - Да он просто... нафарширован.
И так оно и было. Нафарширован теми же черепоголовыми насекомыми, похожими на каких-то крылатых призраков. Такие жучки не встречаются ни в одном полевом справочнике... по эту сторону ада.
С выражением отвращения на лице Фрэнни наступил на одного из них, и он хрустнул под его ботинком с ломким меловым звуком, оставив на полу лишь серо-голубое пятно чего-то, похожего на сигарный пепел.
- Кто это был? - поинтересовался я, еле ворочая языком в пересохшем рту.
Фрэнни сверился с записной книжкой.
- Скорей всего, это парень по имени Старнс, Альберт Старнс. Один из тех археологов, которых Мискатоник отправил в Египет вместе с Дэвидом Генри Брауном полгода назад.
- Ещё один пропавший? - уточнил я.
- В точку. Конечно, по этим обломкам сложно сказать, - хмыкнул Фрэнни, - но судя по бумажнику в заднем кармане этих тряпок, тело вполне может принадлежать Старнсу.
Связи? Конечно, я их видел. Я их даже ощущал, как некий холодок, навеки поселившийся в моём животе и ползущий вдоль позвоночника.
Трясущейся рукой я стёр капли пота со лба. Я никак не мог понять, что здесь происходит. Было ясно лишь то, что всё началось с древнеегипетской гробницы.
И теперь это нечто облюбовало Аркхем.

- 5 -

- Так что просто держи ухо востро, - сказал мне Фрэнни позже, когда мы сидели в его машине на стоянке у вокзала, пили кофе, от которого наши нервы были на пределе, и курили сигареты, от которых саднило горло.
Все, что угодно, лишь бы избавиться от привкуса этой пыли во рту.
- Может быть, время от времени наведываться к Вайсу и напоминать о его положении.
А положение Буча было просто: либо он будет держать язык за зубами по поводу произошедшего в "Гнёздышке", либо полиция сделает его жизнь по-настоящему неприятной.
Два тела. Два парня, которые были связаны с экспедицией в Египет. Оба - видные ученые из Мискатоникского университета. И оба заканчивают как мумии с жуками внутри и снаружи. С теми же жуками, которые волшебным образом появились из Египта в том саркофаге.
Дело дрянь.
В Аркхеме за эти годы было немало уродливых гадостей - многие из них умело сметены под ковер сильными мира сего, - но это была самая большая, самая вонючая куча дерьма, которую город видел со времен дела Уилбура Уэйтли[12].
Офис окружного прокурора был в ярости, а Совет правления Мискатоника корчился от ужаса. В те дни Аркхем был очень консервативен, и самой консервативной его частью стал университет.
- Дубина, - сказал Фрэнни, жуя жвачку, - ты теперь часть всего этого, хочешь ты этого или нет.
- Полагаю, выбора у меня нет.
- Правильно полагаешь. Все это заставляет нас рвать на себе волосы, - признался мне Фрэнни. - Это такой кошмар, который не дает человеку спать по ночам, заставляет его хотеть держать свет включенным. Ты же понимаешь, что я имею в виду.
Да, я понимал.

- Как бы то ни было, ты каждую ночь выходишь на улицу. Держи глаза открытыми. Помоги мне разобраться с этим.
- Хорошо, - сказал я, чувствуя, что мой желудок вот-вот вывернется наружу со всем содержимым. - Чем смогу...
- Обрати особое внимание на это заведение, "Любовное Гнёздышко". Пристальное внимание. Окружному прокурору совсем не нравится эта куча дерьма. Он давит на капитана, а капитан прописывает по первое число всем нам.
- Хорошо, я буду держать ухо востро; сообщу тебе, если что услышу.
- Договорились.

Фрэнни не облекал в слова многое из того, что было у него на уме, но я хорошо читал между строк.

Каким-то образом он понимал, что тому, что произошло, не будет конца.

И он был чертовски прав.

- 6 -

В ту ночь я патрулировал район, прогуливаясь по улицам и сохраняя мир.

Вокруг было тихо. Действительно тихо.

Я разогнал драку в баре между двумя моряками, но в остальном ничего особенного не сделал, только изрядно потрепал обувку.

В большинство своих смен я не хочу неприятностей. Я хочу тишины и спокойствия. Я хочу, чтобы люди подчинялись закону, чтобы мне не приходилось напоминать им, что они его нарушают.

Но в ту ночь мне не помешало бы немного пошевелиться. Может быть, бунт или стрельба, милое тихое убийство - всё, что угодно, лишь бы нарушить ужасную монотонность этих улиц. Здесь были только я и этот мерзкий ветер с реки; слишком много ползущих теней и слишком много странных мыслей в моей голове. Листья, скребущие по дорожкам, постоянно напоминали мне о сухих, мертвых жуках, но я старался об этом не думать.

Я проходил мимо "Любовного Гнёздышка" три или четыре раза, но около двух я остановился перед зданием.

Буч не спал. Буч работал всю ночь напролет. Иногда он играл в карты в задней комнате, но не сегодня. Он был один, сидел над бутылкой ржаного виски и стряхивал пепел в пепельницу.

- Господи, Дубина, - вскрикнул он. - Не смей так подкрадываться, иначе у меня случится сердечный приступ.

Он был напряжен и взвинчен сильнее, чем пружина матраса. Казалось, весь район был в таком состоянии - готовый вот-вот сорваться. Думаю, не ошибусь, если предположу, что слухи из студенческого городка начали расползаться.

Я присел на стул.

- Ты же не распространяешься о том, что случилось, Буч?
- Распространяюсь? Да я как мышь под метлой!

Он сделал ещё глоток виски, но даже алкоголь не мог убрать мертвенную бледность с его лица.

- Твой приятель Коннинг и его быки прилипли ко мне, как дерьмо к башмаку. Я же не говорю ни слова! Господи, ты бы видел, как они обращались со мной, а я - честный налогоплательщик и всё такое...

Я усмехнулся.

- Просто делай всё, как договаривались, Буч. Окружному прокурору не нравится, что произошло в 205-м номере. Поэтому не лезь на рожон.

Буч кивнул.

- Конечно, конечно. Всегда рад помочь нашим стражам правопорядка. Ты же меня знаешь, Дубина.
- Ага, знаю.
Буч какое-то время молчал, но потом не выдержал:
- Слышал, есть ещё один, да? На этот раз в Мискатонике?
- Уже слышал?
- Конечно, Дубина. У меня куча ушей, и я умею слушать.
Я не сомневался.
С Бучем многие имели дела. Да, и некоторые копы тоже, но по большей части - люди из Мискатоника: студенты, администраторы и преподаватели. Вероятно, существовало мало того, во что Буч не был посвящён.
- Так это правда?
- Правда, Буч. Но держи рот на замке.
- Никаких проблем, Дубина. Я просто хочу покончить с этим, понимаешь? Плохо сказывается на бизнесе.
Он сделал ещё глоток.
- Что это вообще за хрень-то такая, а? Вот что мне хотелось бы знать. Тела, которые выглядят как мумии. Эти странные жуки. Господи, что же за всем этим кроется?
- Чем меньше мы с тобой, Буч, будем знать, тем лучше.
- У меня сегодня пять человек съехали, Дубина. А некоторые из них жили у меня уже несколько месяцев. Можно подумать, что у меня здесь поселились Дракула и Тифозная Мэри. Черт возьми, я пытаюсь зарабатывать на жизнь, я пытаюсь вести бизнес. Меньше всего мне нужно, чтобы люди думали, что у меня тут комната с привидениями или что-то в этом роде.
- А что с самой комнатой?
Буч пожал плечами.
- Ничего. Я запер ее, как и сказали ваши. Место преступления и все такое. Никто не заходит туда без значка и дешевого костюма. А, и они забрали это барахло, но остальное все еще там... большинство жуков и одежда того парня, бритва, бумаги и все остальное. Я должен оставить всё нетронутым, пока Коннинг и его веселые парни не закончат тут дела.
- Как я уже сказал, Буч, просто делай то, о чём договаривались. Дай им неделю, и они закончат, и ты сможешь вернуться к нормальной жизни. Подметёшь комнату; если захочешь - пригласишь священника её освятить. Просто проследи, чтобы никто туда пока не заглядывал.
- Не заглянет. Я прослежу.
Он закурил.
- Эта комната, всё это дело... О, Боже, Дубина, я не боюсь сказать тебе, что от всего этого у меня мурашки бегут по коже. Все это неправильно. Я не знаю, в чем тут дело, но это неправильно.
Бучу даже не надо было задавать наводящие вопросы: он рассказал мне то же, что рассказывал уже Фрэнни и его ребятам раз тридцать.
Тот парень снял комнату четыре дня назад. Хороший парень, из правильных. Говорил грамотно; возможно, с хорошим образованием. Использовал кучу заумных слов, словно привык к долгим дискуссиям. Он заплатил за неделю вперед, у него было много денег. В книге учёта записался как "Брукс".
Кроме этого, с этим парнем не было ничего странного вплоть до той суматохи прошлой ночью.
- Совсем ничего?
- Ничего. Я даже толком не знал, есть ли он в комнате.
Буч покачал головой.

- Как я уже сказал детективам, я видел его всего раз или два, и всё. Он казался немного взвинченным, понимаешь? Нервным. Но это всё.

Ещё бы ему не нервничать.

Буч и большинство его оставшихся жильцов, вероятно, тоже немного нервничали.

Я и сам начинал дёргаться.

Если честно, я не собираюсь бахвалиться, какой я был крутой и бесстрашный. Да, когда имеешь дело с такими людьми, с каким я встречался на каждом дежурстве, - это одно. Ты черствеешь, сердце уже не колотится от каждого шороха, да и вообще тебя становится не так-то легко испугать.

Но это... К такому было трудно привыкнуть.

Я всё время пытался понять, что же меня гложет, найти в этом хоть какой-то смысл, но никак не мог. Это было просто предчувствие надвигающейся беды, и я не мог избавиться от него.

Во всем этом не было прямой угрозы, которая касалась бы меня, верно? Это ведь не какой-то маньяк, который прячется в тени и охотится именно за мной!

И все же я чувствовал угрозу, страх и тревогу.

Как будто что-то надвигалось на меня из темноты; что-то, чего я не мог видеть, но что я определенно мог чувствовать.

* * *

Наконец, ночь подошла к концу, и я отправился домой.

Весь день мне снились безумные сны о ползающих мумифицированных существах. Я проснулся в холодном поту сначала в одиннадцать, а потом - в час. В конце концов, я встал, послушал игру по радио, но не смог заставить себя поесть.

Это начинало действовать мне на нервы, и мне это не нравилось.

То есть... Чёрт, да я бывал в нескольких перестрелках, а уж рукопашные с плохими парнями вообще не поддавались счёту! Я вытаскивал тела из комнат, где было столько червей, что в них можно было открывать лавку с наживкой. Черт возьми, именно я нашел Марлу Кабрини, когда тот парень отрубил ей голову и забрал ее с собой.

И я был одним из тех копов, которые впервые увидели Уилбура Уэйтли на полу библиотеки в 28-м, а этого было достаточно, чтобы у человека пропал аппетит на добрый месяц.

Но все это никогда не беспокоило меня так, как сейчас.

И когда что-то захватывает вас и не отпускает, лучше поверить, что для всего этого есть веская причина.

И той ночью я узнал, какая именно.

- 7 -

Сразу после двух я совершал обход и обнаружил разбитое окно в ломбарде, поэтому нашёл телефон и позвонил в отдел.

Я еще не успел закончить, как ко мне, стуча каблучками, подбежала Джуди Лаперье.

- Дубина, - сказала она, задыхаясь. - Ты... ты должен сейчас же пойти в "Любовное Гнёздышко". Буч нашел какого-то парня, пытавшегося проникнуть в ту комнату. Он удерживает его для тебя.

И снова это жуткое ощущение. Что-то вроде того, что, как я полагал, чувствовал Дэвид Генри Браун или тот парень Старнс, когда в них кишели насекомые.

Мы с Джуди помчались к "Любовному гнёздышку" и нашли Буча в задней комнате.

В кресле сидел какой-то парень. А Буч дрожащей рукой целился в него из револьвера калибра .45.

- Это он, Дубина, - прошипел Буч.

- Ладно, железку-то брось, - произнёс я.

Возможно, мне следовало сказать ему, что бывшие заключенные не должны иметь огнестрельного оружия, но я этого не сделал. За свои смены я вижу кучу мелких правонарушений, но на некоторые смотрю сквозь пальцы. Приходится.
Я был уверен, что револьвер Буча нигде не зарегистрирован, но учитывая то, какие у него бывают постояльцы, я не мог его за это винить. Я бы тоже держал оружие при себе.
Он убрал револьвер, и я посмотрел на парня в кресле.
- Это простая ошибка, - произнёс он. - Клянусь вам, офицер.
- Сейчас разберёмся, - ответил я.
Должен признать: выглядел он не слишком внушительно.
Худой щупленький паренёк в плаще цвета хаки с расстёгнутой верхней пуговицей. Хороший покрой, определенно сшитый на заказ, а не купленный уже готовым в магазине. Это сразу же выделяло его среди обычного сброда в "Гнёздышке". У него была светлая бородка и такие же волосы, слегка растрепанные. Лицо у него было обветренное, загорелое, а глаза - темные и проницательные.
- Начнём с имени. Как вас зовут? - спросил я.
- Бернем, - ответил он. - Уинстон Бернем.
Буч начал хихикать.
- Да кто ж тебя так назвал, бедняжка?
- Заткнись, - бросил я. - А теперь скажите, зачем вы пытались проникнуть в эту комнату?
Бернем вздохнул.
- Мы с мистером Брауном были коллегами, друзьями. Старая дружба. У него есть кое-что мое, что-то, что он хотел, чтобы я получил в случае его смерти, и я просто решил забрать это. Это правда, офицер, клянусь вам.
- Эта комната опечатана, - сказал я. - Это место преступления. Ваш друг был найден там мертвым... но вы ведь и так знали об этом, да?
Бернем уставился на меня огромными глазами.
- Конечно, он был мертв. Это был лишь вопрос времени.
- Ладно, идёмте со мной в участок, - кивнул я. - Кое-кто из сотрудников захочет с вами поговорить.
- Я арестован?
- Нет, всего пару вопросов. Станете сотрудничать - и будете свободны на все четыре стороны.
Бернем кивнул.
- Отлично... А то у меня не так много времени.
Я вывел его наружу, стараясь не вести себя грубо.
От этого парня пахло воспитанием и образованием, как трубочным табаком и кожаными креслами - в кабинете богача. Поэтому я не стал вцепляться ему в предплечье и обращаться так, как с остальными. Он был джентльменом, и я отнесся к нему с некоторым уважением.
Когда мы вышли наружу, он остановился и спросил:
- Вы... Вы видели тело?
Я кивнул.
Бернем сглотнул, изучая тени, словно ожидая чего-то.
- Оно было... иссушено? Мумифицировано?
- Именно. Словно он был мёртв уже сто, а то и тысячу лет.
- А вы нашли... насекомых?
- Да. На обоих местах преступлений.
Он выглядел так, словно у него вот-вот случится инфаркт.
- На обоих?

- Одно - здесь, второе - в университете.
Я выложил ему все, что знал, и с каждой минутой он бледнел всё сильнее.
- И Старнс тоже... О, Господи, Старнс тоже...
Но больше всего его, похоже, обеспокоила доставка таинственной мумии из Египта и тот, кто мог её прислать.
- Не хотите рассказать мне о Египте? - предложил я. - О телах, которые превращаются в мумий? О жуках?
Он попросил сигаретку, и я протянул ему одну из своей пачки.
- Вы мне не поверите, но я всё же расскажу. Кто-то должен знать.
Он сделал несколько глубоких затяжек и уставился вдаль невидящим взглядом, рассматривая то, что мне было недоступно.
- Я надеялся, что мы оставили всё в Луксоре, но мне следовало догадаться...
- Что оставили?
Он пропустил мой вопрос мимо ушей.
- Полагаю, вы задаетесь вопросом, что могло вызвать такое быстрое старение и высыхание?
- Ага, задумывался, - кивнул я. - Давайте, я вызову патрульную машину, и вы расскажете всё в участке.
Бернем покачал головой.
- На это нет времени. У меня есть кабинет в Музее Античности. Пойдёмте туда. Возможно, это ваш единственный шанс, офицер. К утру я буду мертв, так что всё, что у вас останется - это одна грандиозная тайна. Я расскажу эту историю, но только вам. У меня нет времени, чтобы проходить через это больше одного раза.
Я заколебался.
Да, мне нужны были ответы в этом деле, но я знал, что Фрэнни и ребятам не понравится, если я стану совать нос не в свое дело.
Но в ту секунду я решил: к черту все это.
Этот парень был напуган, и он знал ответы, и у меня было безумное чувство, что если я не услышу весь рассказ прямо сейчас, то он будет мертв, как и сказал. Возможно, то, что я делал, было против правил, но мой инстинкт подсказывал мне, что я поступаю правильно.
Поэтому мы направились в Мискатоник.

- 8 -

Кабинет Уинстона Бернема был большим, с прекрасным видом на кампус, но он казался тесным и переполненным книгами, сваленными с полок, стопками рукописей, египетскими статуэтками и реликвиями, сложенными в коробки.
Он сел за стол, отодвинул в сторону один из ящиков и сразу же начал говорить:
- Что вы знаете о Египте, офицер? О его темном прошлом, преданиях и истории? О фараонах и божествах?
Я признался, что знаю немногое.
- Я видел несколько мумий в музее; некоторые из тех реликвий, которые вы храните в Зале Египтологии. Высохшие на вид существа вроде твоего друга. Он не очень-то походил на героя Карлоффа в том фильме.
Мой собеседник усмехнулся.
Ну да, такие парни, как я, учатся в основном по кино.
Я сказал ему, что слышал о Тутанхамоне и его проклятии. Обо всех парнях, которые умерли, потому что вошли в его гробницу. Не то чтобы я в это верил...
- Это хорошо. Я рад, что вы знаете о Тутанхамоне и проклятии. Я хочу, чтобы вы помнили об этом, когда я начну рассказывать о том... о том, что с нами случилось.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

- А что с вами случилось?
Он не ответил на прямой вопрос.
Насколько я успел понять, Бернем вообще не любил отвечать на прямые вопросы.
Он делал все по-своему и на своё усмотрение.
Он рассказал мне о погребальных культах и богах плодородия Древнего Египта, о том, как часто было очень трудно установить действительную историю этих давно ушедших людей, ибо для них не существовало разделительной линии между реальным и нереальным, естественным и сверхъестественным.
Их боги были частью их повседневной жизни.
Он рассказал мне о шакалоголовом Анубисе, боге бальзамирования, и Нехбет, богине в облике коршуна.
О Горе с головой сокола и Сете с головой змеи.
О крокодильем культе Себека и боге-скарабее Хепри.
У меня сложилось такое ощущение, что у египтян сушествовал бог на каждый день недели.
- Я специально упомянул именно Хепри, потому что насекомые были очень важны для религиозной и символической жизни этого великого исчезнувшего народа, - сказал Бернем. - Жук-скарабей использовался во всем - от талисманов удачи до погребальных обрядов, религиозных церемоний и надгробных иероглифов. Это ничтожное насекомое было воплощением жизни и возрождения. Но другие насекомые также играли заметную роль. Медоносные пчелы символизировали плодородную дельту Нила. Мухи символизировали смерть и воскрешение. А кузнечики, которые уничтожали вредителей на посевах, были символом нападения на врагов. Очень увлекательно, вы не находите?
Я кивнул, соглашаясь, хотя история древнего мира меня мало интересовала.
Я хотел перейти к сути.
Я хотел знать о людях, превращенных в мумии, и о том, какое отношение к этому имеют эти странные насекомые.
Может быть, Бернем увидел мое нетерпение, потому что он начал рассказывать мне о другом Боге, называемом Харнабис или Карнабик, в зависимости от перевода, который изображался либо как человек с головой насекомого, либо - более конкретно - как человек с головой саранчи.
Это божество было почти неизвестно, и все потому, что египтяне изо всех сил старались стереть его существование из своей истории.
- Для них не было ничего необычного в подобных вещах, - сказал Бернем, - потому что всякий раз, когда какой-то фараон, жрец или Бог обрушивал смерть или разрушение на их народ, его или ее имя стиралось из свитков навсегда.
Именно это они и сделали с Харнабисом.
И причина была довольно веской.
Этот бог с головой саранчи был духом мора, болезни и разрушения. Ему поклонялся могущественный и темный культ, который любил забавляться с человеческими жертвами.
Большая часть того, что было известно о Харнабисе, взята из некоторых редких и запрещенных книг древности. Такие вещи, как *"Cultus Vermis", "Книга Карнака"* и *"Liber Ivonis"* - печально известные "трактаты ведьм", как их называли во времена инквизиции, когда большинство копий было сожжено.
Бернем сказал, что он и его коллеги почерпнули из них довольно много информации о таинственном Харнабисе, но настоящим благом для них был древнегерманский том под названием *"Die Auferstehung des Morbiden Insekts" - "Возрождение Жуткого Насекомого"*.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Эта книга была невероятно редкой. Ее написал австрийский дворянин по имени Жозеф Граф Регула, осуждённый за ведьмовство. Еще в XVI веке барон Регула был арестован и четвертован за ересь, колдовство и тому подобное.
- Он написал не одну ужасающую книгу, но *"Die Auferstehung des Morbiden Insects"* была единственной, которая нас действительно заинтересовала, - сказал Бернем. - Вся книга написана с помощью шифра. Любопытное сочетание латыни, арабского и древних племенных германских диалектов. Мы перевели только один раздел, но и этого было более чем достаточно. Ибо он поведал нам историю этого загадочного Бога. Мы обнаружили, что Харнабис был известен в ассирийской, шумерской, кельтской и даже майяской культурах. Его называли Гор-Готра, или Гор-Готогуа, или даже Гор-Готис, в зависимости от культуры - Великий Отец Насекомых, Охотящийся Богомол из Чёрных Туманов, Бог Роя. И что особенно интересно, Гор-Готис был известен в Древнем Египте как Харнабис.
- И египтяне пытались уничтожить этого парня? Чтобы никто никогда не узнал? - поинтересовался я.
- Именно. Ибо согласно народному поверью, Харнабис был известен как "тот, кто призывает вредителей". А теперь, может быть, вы вспомните из воскресной школы что-нибудь, известное под названием "десять казней египетских"? Регула писал об этом. По его мнению, - и одно из наших исследований это подтверждает, - подобно многим вещам в христианской Библии, таким как великий потоп, эти бедствия были заимствованы из знаний другого народа. В данном случае - из египетских преданий.
Я вспомнил о казнях из посещений церкви в детстве.
Бернем сказал, что Библия полна таких примеров: когда особенно драматический эпизод другой культуры был "христианизирован" и приписан учению популярного святого. Казни, по его словам, были взяты непосредственно из египетского фольклора и не имели ничего общего с христианским Богом, а все дело было в отвратительном языческом божестве по имени Харнабис - в "том, кто призывает вредителей".
Согласно тому, что узнали Бернем и его коллеги, именно Харнабис вызвал казни кровью и лягушками, фурункулами и градом, мошками, мухами и саранчой. Тысячи людей погибли, и именно из-за этого культ Харнабиса был распущен, его жрецы преданы смерти, а имя их бога навсегда вычеркнуто из летописей.
- Давай не будем терять время, - сказал я. - Какое это имеет отношение к тому, о чем мы говорили? К Брауну и Старнсу?
- Это имеет прямое отношение к делу, - упрекнул он меня. - Видите ли, в книге Регулы мы узнали, где находится гробница, в которой был похоронен верховный жрец культа Харнабиса. Она располагалась в Долине Царей. Видите ли, с тех пор как Говард Картер обнаружил там гробницу Тутанхамона в 1922 году, в Долине Царей не было обнаружено ни одной значительной находки. И мы внезапно оказались посвященными в местонахождение погребальной камеры не менее важного значения.
Бернем сказал, что погребальная комната этого жреца была оставлена без внимания по очень веской причине.
Одна из самых известных гробниц в Долине Царей принадлежала фараону из 18-й династии - Аменхотепу. Его гробница находилась в скалах близ Нила. Но, по словам Регулы, она была построена прямо на вершине гораздо более древнего склепа и храма из Среднего Царства, в котором находился один из самых могущественных и самых страшных жрецов культа Харнабиса. Подобно тому, как христиане строили свои церкви на развалинах кельтских храмов и языческих святынь, этот фараон Аменхотеп сделал то же самое со своей гробницей. Может

быть, чтобы показать свое неуважение к Харнабису, а может быть, потому, что это место в древности считалось священным.
Теперь я начал понимать.
- Значит, вы отправились в Египет и откопали там мумию?
Он кивнул.
- Да, с помощью гранта от Мискатоника. Я, доктор Браун и несколько моих коллег - Старнс и Густавсон, Пирн и Найтли - отправились в Карнак и собрали команду с помощью Каирского музея. Вот так все и началось. Мы собрали группу туземцев-носильщиков и проделали все это очень тихо. Мы не хотели, чтобы пресса преследовала нас в Долине. Мы не хотели превращать нашу экспедицию в балаган. Поэтому мы сидели тихо и молча, собирая припасы и снаряжение и готовясь к путешествию. Мы обосновались в деревне Аль-Карнак на берегу Нила. А для египтологов это был настоящий рай! Аль-Карнак расположен в северной части того, что когда-то было древними Фивами. Южную половину занимает Луксор. Можно было практически почувствовать, как уходят века, как перед нами открывается анатомия Древнего Египта. Ах, славный Аль-Карнак, как я был взволнован! Храмы Мут[13] и Менту[14], Аллея сфинксов, богато украшенный и массивный храм Амон-Ра с его скульптурами, пилонами и величием... невероятно! Мне хотелось бы, чтобы мы просто остались там и стали счастливыми маленькими туристами среди древностей, но мы пришли с определенной целью. Итак, после нескольких недель подготовки мы отправились в Долину Царей.
- Хотя Долина находится недалеко от Луксора, она скрыта высокими зубчатыми скалами, и войти в нее можно только через узкий извилистый проход. Боже, это была такая пустынная страна - только голые скалы и дрейфующий песок и этот низкий, стонущий ветер. И мухи. Вечно эти мухи. Они цепляются за тебя или кружат вокруг головы. Пищу можно принимать только под москитной сеткой и спать - тоже под ней. Но даже в этом случае вы не сможете по-настоящему их избежать. Гробница Аменхотепа находилась на склоне скалы, и у ее подножия мы начали раскопки. Мы спустились примерно на семьдесят футов[15], прежде чем наткнулись на ряд каменных плит, происхождение которых не было естественным. Используя небольшие заряды динамита, мы раскололи их, чтобы их можно было извлечь. Нам потребовался почти целый день, чтобы вывезти обломки. А на следующий день, копаясь за этими плитами, мы нашли гробницу.
- Мы вошли в погребальную комнату, и Пирн тут же расшифровал надпись. Это было последнее пристанище Эт-Ка-Сераписа, одного из самых могущественных жрецов Харнабиса. Я помню волнение, которое охватило нас, точно так же, как я помню, как мухи внезапно сгустились, цепляясь за наши лица и руки и кусая нас за шеи. Это жужжание, это ужасное и коварное жужжание. Может быть, оно должно было нам что-то сказать. Погребальная комната представляла собой продолговатую яму, уходящую вниз по каменным ступеням. Как только мы сломали печать и уставились вниз, в мрачную темноту, я почувствовал странный, почти суеверный страх. Я честно хотел повернуть обратно, но пути назад не было. Все, о чем я мог думать, это о Харнабисе и его культе фанатиков, об их призыве вредителей, ветров и болезней; я задавался вопросом, может быть, у египтян была очень веская причина, чтобы стереть из свитков память об этих ужасах. Именно Густавсон, чьи исследования древних и запрещенных книг открыли нам дверь к Харнабису, провел нас вниз по тем осыпающимся ступеням, по которым почти четыре тысячи лет не ступала нога человека. За ним следовал Пирн, затем Найтли, Браун, Старнс и я. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что сам порядок нашего спуска, наш порядок входа в этот склеп был важен.
Бернем выпросил у меня еще одну сигарету и зажег ее дрожащими пальцами.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

- Я никогда не забуду запах, исходящий из погребальной комнаты. Она была не просто сухой и пыльной, а зловонной и удушливой от старости. Совершенно неестественной. Я чуть не упал в обморок. Наши фонарики прорезали эту стигийскую тьму, отбрасывая гротескные и прыгающие тени; пылинки танцевали в лучах света. В этом месте была смерть; смерть, вожделенная в чреве утесов; а возможно - нечто за пределами смерти, царапающее и черное чувство из-за пределов самого времени. И тогда мы услышали *это*. Этот отвратительный звук...
- Какой звук? - спросил я, сползая на краешек стула.
Бернем продолжал облизывать губы, как будто в мире не было достаточно слюны, чтобы смазать язык и заставить его сказать то, что нужно было сказать.
- Этот звук... Боже мой, этот звук. У меня по коже поползли мурашки, когда я услышала его, когда мы все услышали его - это жуткое жужжание, доносящееся снизу. Мы говорили себе, что мухи влетели вместе с нами и заполнили комнату внизу, но я не думаю, что кто-то из нас действительно верил в это. Эта погребальная комната была ульем ползающих, жужжащих существ, и мы открыли ее. Мы её открыли...
Он был практически не в своем уме, когда рассказывал мне о том, как вошел в погребальную камеру. Его глаза были широко раскрыты и блестели, уголок губ нервно подёргивался. Он был напуган, мучимый призраком воспоминания, которое будет преследовать его кости еще долго после того, как он умрет.
Он рассказал мне, что комната была тесной и вызывала клаустрофобию, а воздух внутри - сухой и разреженный.
Мухи - сотни песчаных мух - жужжали вокруг них, сводя команду с ума... но им нельзя было повернуть назад.
Стены склепа были испещрены иероглифами, которые Пирн, Найтли и Старнс немедленно принялись расшифровывать. Они фотографировали и делали наброски прямо в этом мрачном склепе.
Они нашли обычный антураж погребального культа - амулеты, свитки и канопы, а также разнообразные статуи, некоторые из золота, другие из бронзы, изображающие Харнабиса и его приближенных. Но Харнабис был изображён не как человек с головой насекомого, а как огромный богомол с бесчисленными конечностями и жвалами, и огромными насмешливыми глазами.
- В канопах обычно хранятся внутренние органы умерших, но в гробницах Эт-Ка-Сераписа содержались насекомые, - сказал он. - Огромные мумифицированные насекомые, которых мы не смогли идентифицировать. Те же самые, без сомнения, что вы нашли на месте преступления. Пока Пирн, Найтли и Старнс расшифровывали погребальные иероглифы и начинали бледнеть от увиденного, Браун, Густавсон и я нашли саркофаг. Он был установлен в прямоугольном углублении, вырезанном в полу. Это был не красивый и не богато украшенный гроб, а простой гроб из какого-то блестящего черного дерева, который после стольких лет все еще блестел, стоило вытереть с него пыль. Мы сломали печать и наружный воск, сняли крышку, и там оказалась мумия Эт-Ка-Сераписа. До нас донеслось зловоние - запах древних смол, мазей и солей, и всё это содержалось в газообразном и мерзком испарении, от которого я чуть не потерял сознание. На мумии была золотая маска - богомола или кого-то, похожего на богомола, - которая напоминала лицо Эт-Ка-Сераписа. Мы осторожно сняли её, изучая труп в свете фонарей. Это было сморщенное коричневое существо, завернутое в обесцвеченное полотно. Приток свежего воздуха уже брал свое. Нам нужно было действовать быстро, но после того, что мы увидели... ну, мы боялись прикоснуться к этой штуке.
- Что вы увидели? - спросил я.
Бернем затянулся сигаретой, дрожа всем телом.

- Это лицо... да, оно было высохшим и походило на старую кору, на маску какого-то племени, вырезанную из тикового дерева, но из глазниц вылетали жуки и мухи. Они полились из мумии и поползли по стенкам ящика. Они никак не могли оставаться там живыми в течение сорока столетий, и все же мы видели, как они ползли и поднимались в воздух от этой мертвой твари.
Браун начал злиться. Злиться на страх, поселившийся в нас; злиться на саму идею сверхъестественных проявлений. Он вытащил перочинный нож и разрезал эти обертки, и я клянусь вам, что мумия истекла кровью; что кровь - черная и отвратительно пахнущая - вытекла из этой раны, и оттуда исходил запах разлагающейся плоти. Мы увидели его, ощутили... А потом он исчез. Только испачканная простыня напоминала о его существовании. А внутри этой мумии? Насекомые. Те самые - огромные, похожие на саранчу насекомые, которых вы видели в комнате Брауна. Десять-двенадцать сантиметров в длину, скелетообразные, с большими прозрачными крыльями и злобными пустыми глазницами в голых черепах.
Дальше Бернем не смог продолжать.
Я не мог его винить.
Я сидел в его захламленном кабинете и почти ощущал запах сухости этой могилы, пряностей и останков. Слышал жужжание мух.
Но затем он продолжил, и история, которую он рассказал, была не из приятных.
В ту ночь в долине бушевала песчаная буря, и где-то во время нее туземцы-носильщики исчезли. Исчезли или сбежали.
Буря бушевала в течение нескольких дней, заметая раскопки и запирая людей в палатках.
Густавсон умер первым. За ним - Пирн. Их обоих нашли превращенными в мумии. Что-то пришло ночью и забрало их обоих, превратив в пыльные предметы, которые разваливались при прикосновении.
Найтли потерял рассудок и выбежал в бурю.
Остались лишь Браун, Бернем и Старнс.
- Мы остались в палатке, и в ту ночь прилетели насекомые, - сказал он, и от ужаса у него застучали зубы. - Мы слышали, как они ползали и жужжали снаружи палатки, но не могли попасть внутрь. Мы держали их на расстоянии из-за единственного артефакта, который взяли с собой из гробницы.
Он достал его из кармана пальто.
Это была часть диска, сделанного из камня. Судя по тому, что я видел, на нём было изображено лицо богомола, о котором он говорил, окруженное десятками насекомых, очень похожих на тех, что мы нашли в комнате Брауна.
Я уже видел нечто подобное раньше, когда обыскивали трупы Брауна и Старнса. У них обоих были похожие артефакты.
- Печать Харнабиса, - пояснил Бернем. - Она прогнала рой, защитила нас от судьбы остальных.
На следующий день разразилась буря, и мы, не теряя времени, выбрались из Египта. Мы расстались в Нью-Йорке - Браун, Старнс и я, - но прежде чем разойтись, мы разломили печать на три части, чтобы каждый получил по кусочку. В случае неприятностей мы находили друг друга и снова отгоняли этих тварей, складывая кусочки вместе. Да, офицер, вы, вероятно, думаете, что я сумасшедший, и вы не слишком далеки от истины. Но мы осквернили гробницу Эт-Ка-Сераписа, и теперь слуги Харнабиса, крылатые мертвецы, ищут нас. Я был недостаточно быстр, чтобы спасти Брауна или Старнса. Но если я смогу получить другие части амулета, я не умру, как умерли они - наполненным этими мерзкими ужасами...

- 9 -

Это была совершенно сумасшедшая история.
Может быть, я верил чему-то из этого, а может быть, я не верил ничему.

Я никак не мог решить.
Я решил, что отвезу его в участок и принесу ему две другие части амулета из комнаты вещдоков. Это ведь не навредит? Таким образом, по крайней мере, он не будет впадать в еще большую истерику, чем сейчас.
Мне это показалось разумным планом, и он не возражал.
Все это было выше моего понимания. Господи, я же полицейский, что я знаю о египетских проклятиях и всём прочем?
- Но кто прислал тот ящик? Тот саркофаг с жуками? - спросил я Бернема.
Он пожал плечами.
- Даже не представляю. Члены уцелевшего культа Харнабиса? Посвященные? Кто знает?
- Ладно, идём, - махнул я рукой.
Снаружи ночь была темной и ветреной, в воздухе чувствовался намек на скорый дождь. Мы бок о бок пересекли кампус и вышли через ворота на Черч-Стрит. Никто из нас не проронил ни слова.
Мы прошли мимо "Любовного Гнёздышка", направляясь к телефонной будке на Гаррисон-сквер.
У меня снова возникло это чувство, это ползание внутри, но я не понимал, было это из-за рассказанной истории или потому, что я чего-то ждал. В глубине души я просто не верил, что все это закончилось.
Хотел, но не верил.
И снова мое чутье меня не подвело.
В полуквартале от телефонной будки Бернем схватил меня за руку; его лицо было бледным и застывшим.
- Что такое? - спросил я.
- Слушайте, - сказал он мне надтреснутым голосом. - Слушайте.
Сначала я подумал, что надвигается гроза, потому что именно так это и звучало - низкий, непрерывный, нарастающий грохот. Но по мере того, как он нарастал, я слышал, что он становится гудящим, все более громким, пока здания вокруг меня, казалось, не задрожали, и мне пришлось закрыть уши.
Да, они приближались.
Крылатые мертвецы.
Слуги Харнабиса.
Они поднимались над крышами массивным чёрным роем, который заслонял звезды над головой.
Бернем закричал и попытался убежать, но они набросились на него, как саранча на поле.
Люди выходили из дверей на шум, и быстро забегали обратно.
Я просто стоял, замерев, испуганный и потрясённый.
Рой обрушился вниз жужжащим черным ветром, бурлящим вихрем крыльев и маленьких черепообразных мордочек. Они ударились в меня и сбили с ног. Я чувствовал, как они покрывают меня, как одеяло, покусывая, жужжа и гудя, наполняя мою голову ужасным шумом, и я подумал, что сойду с ума.
А Бернем... Господь, милосердный!
Они покрывали его кипящей, жужжащей, извивающейся массой, проникая в него, заражая его. Я видел, как он пару раз вскакивал на ноги, словно изорванное, визжащее пугало. Крылатые мертвецы рвали его, как жужжащие пилы, раздирая, прокалывая, пили, чавкали и сосали.

Затем он снова упал на асфальт, и десятки насекомых вылетели из его рта гудящим черным облаком. Они выходили из его глаз и выталкивались из ноздрей, выползали из дыр, которые сами и просверлили в нем. Словно дятлы, сверлившие древесину в поисках сочной личинки.
А потом... Потом они рассеялись.
Большинство улетело обратно в небо, а те, что остались, просто высохли и превратились в пепел, который покрыл улицы.
Бернем лежал в трёх метрах от меня. Он застыл, как старое, разрушенное термитами дерево - сухое, мёртвое и крошащееся.
Мне ничего не оставалось делать, кроме как вызвать патрульных. Затем дело перешло к окружному прокурору, и поднялась невообразимая шумиха.
Но я понимал, что теперь всё, наконец, закончилось.
Это дело началось в проклятой гробнице в Египте и завершилось здесь, на улицах Аркхема.
Я ничего не мог ни сказать, ни сделать. Я никому не рассказывал ни о Бернеме, ни о том, что он мне поведал. Он оказался просто ещё одним любопытным мумифицированным трупом, который заставлял людей коронера чесать в затылках.
После этого я взял отпуск на две недели и поехал на юг, где тепло и солнечно, где можно напиться и забыться.
Когда я вернулся, никто особенно не распространялся о произошедшем.
Окружной прокурор упрятал дело в глубокий подвал, и только Господь помог бы тому, кто решился бы откопать этот случай.
Но никто и не собирался.
Всё это случилось давным-давно, но и по сей день я не выношу насекомых. Мухи сводят меня с ума. От кузнечиков у меня мурашки по коже бегают. А летом, когда начинают летать муравьи, меня едва можно вытащить из дома.
Раньше я думал, что прошлое интересно вспоминать, но сейчас понял, что прошедшие годы - это то, что ты изо всех сил пытаешься забыть.
Есть двери, которые не стоит открывать, и шкафы, в которые не нужно заглядывать.
Ибо есть вещи, которые не могут убить даже сорок прошедших веков.

(этот документ был найден среди бумаг Томаса Кьюсака после его смерти в 1982 году).

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

И ИМЯ ТЕБЕ – ВЕДЬМА

Они отправились в Аркхем. В этот очаг заразы. В бурлящий котёл перешёптывающихся теней и запретных знаний.
Это один из самых священных трудов, посланных нам Отцом нашим - наречение ведьмы. Связывание и очищение ещё одной богомерзкой языческой колдуньи. Накладывающей заклинания, призывающей демонов, сбивающей с пути истинных верующих и создающей кукол для чародейства.
Ослепляющей глаза и пожирающей души.
Морщинистой карги, проповедующей Старую религию и превращающей непорочность в гниль.
Нет, Мэтью Старк и его напарник пока не знали имя обвиняемой, но они точно знали, что она - как и все ведьмы - была расползающейся опухолью в мире господнем.
Опухолью, которую сегодня они, несомненно, вырежут.
Они остановились на вершине холма с видом на город; их лошади нервно заржали при виде того, что им открылось сверху.
- Чувствуешь это место, Мэтью? - произнёс Томас Лич, натягивая повод, чтобы успокоить своего коня. - Чувствуешь, как оно проникает в тебя, как чума?
Мэтью Старк сидел на коне, прищурив серые, жестокие глаза и поправляя островерхую шляпу с пряжкой.
У него были длинные тусклые волосы, ястребиный нос и бескровное суровое лицо.
Вокруг привычно скривленного рта уже прорисовались морщинки, и сейчас он тоже морщился, испытывая отвращение к увиденному.
Он перебросил струящийся чёрный плащ через плечо.
- Чувствую ли я? О да, чувствую, мистер Лич. Словно червь пожирает мои внутренности. Более того, я слышу этот запах: запах порчи и богохульства. Они прижились здесь, а теперь начали гноиться.
- Если бы у Короны была хоть капля здравого смысла, они бы приказали сжечь дотла этот рассадник чумы и дьявольщины. И я, мистер Лич, был бы только счастлив бросить первый факел в этот костёр.
- И я был бы на твоей стороне, как и всегда, - произнёс Лич, аристократично склонив голову.
Старк сжал рукоять своего меча; ему нравилось чувствовать ладонью его холод.
- Посмотрите вниз, мистер Лич, разве вы не ощущаете гнилость этого ведьмовского места? Нет, Аркхем - не город, не деревня. Это гниющая кроличья нора, крысиная дыра.
И действительно, так Аркхем и выглядел.
Кучей разваливающихся, прогнивших домиков, почти касающихся друг друга крышами, разбросанных хаотично по городку и перемежающихся узкими улочками и тропинками.
Над линией горизонта возвышались искривлённые флюгеры, покосившиеся шпили крыш и раскрошившиеся дымовые трубы.
Всё казалось неправильным, деформированным, геометрически нарушенным... Словно Аркхем был построен в насмешку истинным верующим - разросшийся на некой общей могиле бледный грибок, тянущий свой мицелий в разные стороны.
Невозможно было отделаться от мысли, что некогда эти дома стояли ровно и симметрично, но потом сгрудились вместе от невыразимого ужаса.
Лич считал, что это очень напоминает тесные средневековые трущобы в Центральной Европе.
- Едем, мистер Лич, - произнёс Старк. - Отправимся в это змеиное логово и разберёмся со всеми делами.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Перед ними открылся город, и они вошли внутрь него, поглощённого чудовищем и ставшего с ним единым.
Они двинулись по извилистым мощёным улочкам; стук копыт коней отдавался громким эхом от заросших мхом стен домов и разваливающихся бурых остроконечных крыш.
В городе воняло затхлостью и гнилью, как из сундука с давно хранимыми вещами.
И чем ближе они подъезжали к центру города, тем удушливее становился смрад.
Да и сама атмосфера была гнетущей: дома возвышались по обеим сторонам дорог, как надгробные плиты, прижатые друг к другу настолько тесно, что между стенами могли еле-еле разминуться двое.
Всё это, несомненно, угнетало.
Они ехали по дороге, и вслед им из-за грязных ставней смотрели бледные лица.
Седые старики и замызганные дети взирали через арочные дверные проёмы.
Сгорбленные лавочники наблюдали из-за пыльных сводчатых окон.
Похоже, незнакомцы были редкостью в этой деревне.
Старк знал, что Аркхем уже давно был местом мрачных шепотов, теней и отвратительных тайн.
Он был там во время судебного процесса над ведьмами в 1692 году. Тогда несколько загадочных происшествий, начиная от мора скота и заканчивая исчезновением детей, привели к аресту Кезии Мейсон и других членов жуткого аркхемского Ковена Ведьм.
После того, что Старк узнал во время суда над Мейсон и из материалов дела, ничто, увиденное в этом городе, уже не сможет его удивить.
Он знал нечестивые тайны, скрытые под крышами этих домов... Знал, какие отвратительные обряды проводятся в запертых подвалах, и какой ужас скрывается на заколоченных чердаках.
Аркхем говорил о бедности, отчаянии и бесплодных попытках наладить существование.
Крысиная дыра.
Ни больше, ни меньше.
Открылась дверь аптеки, и на порог вышел пожилой мужчина, взирающий на всадников через квадратные стёкла очков.
На нём были зелёные панталоны и плащ, а ярко-красный вязаный колпак почти надвинут на глаза.
Он что-то пробормотал. Всадники не расслышали.
- Утро доброе, друг мой, - произнёс Мэтью Старк, останавливая коня и приподнимая шляпу. - Не сопроводите ли нас к городской тюрьме? У нас там дела.
- Так это вы? Вы ищите ведьм? - спросил старик.
- Да, - широко ухмыльнулся Старк, и было видно, что подобная мимика для него непривычна.
- Мэтью Старк из Провиденса, охотник на ведьм, назначенный Его Величеством. А это мой коллега, мистер Лич.
- К вашим услугам, сэр, - кивнул Лич.
Старик не выглядел удивлённым или, тем более, обрадованным.
Его нижняя губа задрожала, а брови нахмурились.
Но в остальном он ничем не показал своё отношение к новостям.
- Что ж, Мэтью Старк, охотник на ведьм и палач, вы здесь для того, чтобы получить признание от Гуди Мапл, да? Только сдаётся мне, если она и не ведьма, то вы сделаете её таковой.
Сегодня вас ждёт улов, да? Только я, как добрый христианин, запру дверь и закрою окна.
Тюрьма находится на Хай-Лейн, по которой вы сейчас и едете. Доброго вам дня, охотник на ведьм.
Старик сплюнул под ноги, повернулся и поспешил вниз по переулку, ворча на ходу и сравнивая Старка и подобного ему с копошащимися в гниющем мясе червями.

Лич рассмеялся.
- Не стоит веселиться, мистер Лич, - произнёс Старк. - Именно благодаря мне вы ходите на свободе.
- Конечно, мистер Старк, - кивнул Лич, пытаясь за широким рукавом скрыть снисходительную улыбку. - Вы прекрасный человек и христианский святой, мистер Старк, и я буду спорить с каждым, кто скажет иначе.
Старк сжал бока коня коленями, и тот пошёл вперёд. На лице охотника на ведьм застыло недовольное выражение, гораздо больше подходившее его внешности.
А почему должно быть по-другому?
Ведь в зловещей работе охотника на ведьм нет ничего весёлого.
* * *
Чем глубже они пробирались в Аркхем, тем больше тот раздражал.
Каждое строение, будь то склад или жилой дом, или конюшня - всё было однообразно серым и разваливающимся.
Навесы крыш трёхэтажных домов касались двухэтажных, их дымоходы соприкасались друг с другом, как старые, идущие в обнимку приятели.
Сложно было сказать, где заканчивался один дом и начинался другой.
Дома скрывались за домами, и единственный способ проехать через них - по извилистым, мощёным булыжником улочкам и через арочные проходы с крошащимися каменными ступенями.
С точки зрения архитектуры Старк видел раздражающую мешанину противоречивых стилей: двери с планками и ступенчатые фронтоны, как в Голландии, каркас из полукруглых брёвен и застеклённые окна времён эпохи Тюдоров, готические арки.
И всё это смешалось воедино со скучной средневековой прямоугольной расстановкой домов и простотой эпохи короля Георга.
И это было только начало. Намётанный глаз сразу примечал элементы эклектики колониального стиля, готические островерхие крыши, французские ставни внахлёст, слуховые мансардные окна, открытые стропила и крыши со шпилями.
Жуткая смесь различные стилей, словно архитекторы и сами не знали, как должна выглядеть в итоге их работа, поэтому город выбрал сам свой вид: замкнутый, злобный и скученный, как трущобы.
Старк не был в Аркхеме двенадцать лет, но за это время здесь ничего не изменилось.
Он до сих пор ощущал стелющиеся тени и зловоние от реки.
Самые худшие слухи здесь оказывались правдой, а то, что должно было скрываться во мраке, ходило при свете дня.
Наконец, они добрались до тюрьмы и спешились.
Во дворе находились необходимые приспособления: позорный столб, колодки, ножные кандалы.
И судя по внешнему виду, всё это часто использовалось.
Их приветствовал городской судья, мистер Купер, и его вид заслуживал отдельного описания.
Это был излишне изысканный франт в расшитом красном бархатном камзоле с широким кружевным бантом на шее, в шёлковых лосинах и белом пышном парике под алой треуголкой.
И никакая пудра и одеколоны не могли скрыть вонь его немытого тела.
- Утро доброе, джентльмены, и добро пожаловать в Аркхем. Должен вам доложить, господа, что в нашем городе обитает древнее мерзкое зло, - он нервно осматривал улицу, словно боялся, что за ним подглядывают, а разговор подслушивают.

- Но прошу вас, входите, входите! Подальше от этой гадкой сырости! Мне кажется, над улицей стелятся противные испарения! Входите! Входите! И тогда я введу вас, мистер Старк, в курс дела.
- Конечно, - ответил Старк, - как скажете.
Лич улыбнулся и кивнул.
Купер повёл их мимо конторы городского маршала в тюрьму через каменный тоннель, в котором с потолка постоянно капала вода.
Они прошли мимо нескольких полностью зарешёченных дверей с валяющимися за ними охапками грязного сена.
В подобных местах запах гнили, фекалий, крови и мочи был обычным делом.
Купер не обращал внимания на запах, постоянно прижимая к носу и рту надушенный платок.
Купер пояснил, что городской маршал сейчас отсутствует, но к вечеру обязательно появится.
И тогда, можно надеяться, Мэтью Старк получит признание.
Купер завёл их через массивную железную дверь в просторную залу с каменными стенами.
В ней было холодно и сыро.
Старуха с сальными седыми волосами была подвешена за запястья на прикрученных к стене кандалах.
На ней был грязный, рваный лиф платья и нижняя юбка.
Старк снял плащ, оставшись в чёрном жилете, и сложил на груди руки.
- Это и есть ведьма? - спросил он.
Купер кивнул.
- Ведьма. Это мерзкое существо зовут Гуди Мапл. Мы истязали её кнутом, она побывала на дыбе, "кресле допроса" и "стуле ведьмы". Дважды её топили в воде, но не добились ни капли признания.
Старк улыбнулся.
- Приспешников Сатаны часто приходится долго убеждать. Идёмте, мистер Лич, зададим ей несколько вопросов.
Купер снова прижал ко рту платок.
- Молю господа нашего, чтобы вам удалось добиться признания. Эта ведьма и её родичи встречались в заброшенном овраге позади Медоу Хилл и там общались с дьяволом.
Вскоре на поселение пало проклятие: люди покрывались странными волдырями, посевы высыхали, а скот вымирал. Люди говорили, что именно Гуди Мапл стоит за этим. Именно она объединилась с самим сатаной!
Лич еле сдерживал смех от высокопарных речей.
Старк подошёл к женщине, схватил её одной рукой за подбородок и грубо сжал.
- Вы признаётесь, леди? Признаётесь в напастях, которые создали, и стихиях, которые призвали своими богопротивными ритуалами?
Из уголка рта женщины стекла струйка слюны.
Её жестоко избивали и пытали, но глаза её по-прежнему горели ярким, обвинительным огнём.
- Не признаюсь. Я истинная христианка и буду исповедоваться только Ему.
- Старая похотливая сука, - прошипел Лич, потрескивая костяшками пальцев. - Может, хороший удар развяжет ей язык?
Но Старк остановил его, вскинув руку.
- Послушай меня, Гуди Мапл, колдунья и еретичка. Послушай, что я скажу: все добрые жители Аркхема считают, что ты ведьма. Теперь ты признаешься?
- Гори в аду с такими же, как ты, охотник на ведьм.
Старк лишь кивнул.

- Прекрасно. Разденьте её, мистер Лич, не слишком нежничайте. Найдите нам "метку дьявола". Найдите "ведьмин сосок".
Купер вновь надушил платок.
Лич закатал рукава камзола.
Он дважды ударил Гуди Мапл о стену, а затем ножом разрезал ей лиф.
Он быстро, с видимой сноровкой раздел её и ударил по лицу, когда она осмелилась назвать его свиньей.
- Итак, Гуди Мапл... - бескровное лицо Старка окрасилось румянцем от возбуждения.
- Ты признаёшься? Признаёшься перед лицом Господа нашего Иисуса Христа? И не лги нам, леди, ведь мы знаем, кто ты, и знаем о твоих чарах.
Пожилая женщина задрожала, и из глаз её побежали слёзы.
- Зачем вы меня мучаете? Что я совершила?
- Хватит, женщина, хватит! - скривился Старк. - Ты и сама знаешь! Я нарекаю тебя, Гуди Мапл. Нарекаю тебя ведьмой!
Лич приступил к работе, выискивая на её бледном, напряжённом теле "метки дьявола".
Он осмотрел подмышки, спину, обвисшую грудь и промежность.
Он даже заглянул в её волосы и несколько раз ткнул деревянной палкой в анальное отверстие.
- Нет меток, мистер Лич?
- Нет. Даже пятен никаких.
Старк был непреклонен.
- Я такое видел неоднократно. Эта ведьма, мистер Купер, посредством своей мерзкой чёрной магии смогла свести свою метку.
- Так она ведьма?
- Без сомнений, сэр.
Лич продолжил искать, а Старк пытался убедить Гуди Мапл сознаться, чтобы им больше не пришлось причинять ей боль, которая, как он уяснил за годы своей работы, была единственным языком, который понимала ведьма.
Но женщина не признавалась, и им ничего не оставалось, как приступить к "испытанию иглой".
Лич достал из кармашка четыре серебряные иглы различной длины, проверил их остроту и кивнул Старку.
- Приступим, - произнёс охотник на ведьм.
Лич начал втыкать кончики игл в тело пожилой женщины.
Из проколов выступали лишь крошечные капельки крови, но агония была ужасной.
Гуди Мапл корчилась и кричала, извивалась и плевалась, её глаза закатывались от боли, пока Лич колол её грудь и живот, бёдра и поясницу, уделяя особое внимание наружным половым органам.
Затем он принялся за подошвы стоп и продолжал, пока женщина чуть не потеряла сознание от напряжённого крика.
Когда он закончил, она повисла на кандалах в полубессознательном состоянии, и её кожу усеивали два или три десятка кровоточащих колотых ран.
Её глаза остекленели, а уголок рта часто нервно дёргался.
- Да, она кричит, как женщина, но она не женщина, - произнёс Старк, плеснув ей в лицо холодной водой, чтобы привести в чувство.
- Она... Она истекает кровью, мистер Старк, - прошептал Купер, готовый вот-вот свалиться в обморок. - Как и я, и вы...
- Не обманывайтесь её чарами и колдовством, сэр. Она дитя великого обманщика и плута, самого Сатаны. Он изменил её естество, чтобы все её раны кровоточили, как у людей.

Старк приблизился к женщине, замерев в десяти сантиметрах от неё.
- Хватит притворства, ведьма! Ты признаёшься? Признаёшься перед лицом Господа?
- Я... Я ничего не делала, - выдавила Гуди Мапл. - Ты и твои люди мучают меня без всяких на то причин. Я не признаюсь! Не признаюсь!
- Что ж, мистер Лич, "испытание иглой" было лишь подготовкой... Приступайте к "испытанию солью".
Лич тщательно вытер иглы и спрятал их.
Он достал из сумки кристаллическую каменную соль.
Напевая под нос песенку про покойника, он начал втирать соль в раны женщины.
Она выгнулась и завизжала.
- Тише, тише, старая плутовка, - прошептал он, растирая покрасневшую и воспалившуюся плоть.
- Тебя искололи, а теперь надо посолить и поперчить, чтобы сочное мясо было готово к огоньку.
- Теперь признаешься, ведьма? - спросил Старк.
- Да или нет? Или дьявол связал тебе язык? Не стоит, леди, не стоит! Мы знаем о твоих чарах и заклинаниях, это факт. Признай себя ведьмой и назови своих единомышленников, чтобы мы могли прекратить твою агонию. Ну что, ведьма? Что скажешь?
- Я скажу "нет", ублюдок! Я скажу "нет"!
Гуди Мапл плакала, но, несмотря на бесчисленные синяки, раны и содранную кожу, стойко и мужественно смотрела в глаза своему палачу.
- Ведьмы? Чушь! Я не колдунья! Это ты колдун! Ты готовишь для меня петлю, но это именно ты общаешься с Древними Богами! Я знаю тебя, господин Старк! Я нарекаю тебя, Мэтью Старк! Нарекаю тебя колдуном!
- Ты, ведьма? Ты нарекаешь меня?
Женщина забормотала под нос молитвы.
- Подготовь жаровню, мистер Лич. Если она ведьма, её плоть начнёт таять, как воск. Растопим её плоть!
Лич кивнул, вытирая пот со лба.
Он решил, что Гуди Мапл была самой занимательной ведьмой на его памяти.
Очень редко допрос заходил так далеко.
Да, она была сильной и стойкой. Может, она и вправду была ведьмой...
Он разворошил угли в жаровне и принёс раскаленные щипцы.
Этим он наслаждался, пожалуй, слишком сильно.
Ничто на божьем свете не реагировало на огонь так прекрасно, как человеческая плоть.
Специалист мог жечь свою жертву несколько дней подряд, не причиняя ей при этом существенного физического вреда, но боль была такой нестерпимой, что обвиняемых часто покидал разум, пока тело ещё было готово терпеть издевательства.
- Признайся, ведьма! - настаивал Старк.
Но она отказывалась вновь и вновь.
- Прижигай! - отрывисто скомандовал Старк.
Лич усмехнулся и прижал пылающий уголёк к покрасневшей, отёкшей коже Гуди Мапл.
Ему нравилось наблюдать за шипением и пузырением кожи.
Часто, когда обвиняемые уже выдыхались от предыдущих пыток, прижигание открывало в них второе дыхание.
Да, раскалённое железо заставляло их вертеться, подпрыгивать и приплясывать.
Однажды Лич стал свидетелем того, как молодая девушка в агонии выдернула вмурованные в камень оковы.

Но Гуди Мапл была на такое неспособна.
Нет, она пыталась: дёргалась, визжала и вырывалась как молодая семнадцатилетняя девчонка.
Вскоре смрад жжёной плоти и волос перекрыл запах гнили, царивший в подвале.
Мистер Купер упал в обморок. Лич рассмеялся, сжимая в руках раскалённые щипцы с прилипшими к их браншам кусочками почерневшей, дымящейся плоти.
Гуди Мапл вновь отключилась, поэтому Старк опять плеснул ей в лицо воды, пока она не открыла глаза и не сфокусировала на нём взгляд.
- Ты признаешься? - спросил Старк.
- Катись к чёрту, охотник на ведьм! Катись к своей шлюхе матери! И оставайся и дальше в том дерьме, из которого ты на свет вылез!
- Да... Слышишь, мистер Лич, как она теперь заговорила? Сидящие в ней демоны, наконец, дали о себе знать и вышли на передний план. Мы больше не будем терять ни секунды! Готовьте "колыбель"...
Двадцать минут спустя Гуди Мапл была запеленута в серую холщовую ткань, которую подвесили на цепи на почерневшей закопченной балке под потолком.
Это называлось "Колыбель ведьмы", и раскачивали её Лич и Старк.
Купер уже пришёл в себя, хотя лицо его по-прежнему было отвратительного бледно-зеленоватого оттенка от запаха крови и жжёной плоти.
Старк раскручивал мешок с Гуди Мапл, вращая его и вызывая у жертвы сводящее с ума головокружение.
Они вращали её больше получаса, пока она не перестала всхлипывать.
Лич время от времени проверял, жива ли женщина, ударяя по мешку железным прутом.
Наконец, её высвободили из мешка.
Но её мучения вряд ли были на исходе.
На протяжении всего дня её били, жгли, сдирали кожу и рвали плоть щипцами, пока Старк и его мальчик на побегушках Лич искали демонов внутри несчастной жертвы.
Она прошла пытки винтов и зажимов, "испанского сапога" и "железного башмака".
Её подвешивали за голени и кисти, прижигали углями, дробили кости запястий и лодыжек.
Затем её заставили ползать по кругу, истекающую кровью, пока она, в конце концов, не потеряла сознание и не провалилась в спасительное небытие.
Где-то в середине всего процесса Купер извинился и вышел, а когда вернулся, спросил лишь:
- Ну что?
- Она призналась, - произнёс Старк, тыкая носком сапога в отёкшее, кровоточащее, обожжённое тело Гуди Мапл.
- Она назвала своего покровителя. Его зовут Гобблтод, и с его помощью она практиковала свои мерзкие чары на добрых жителях этого города.
Лич хихикнул.
Купер тяжело сглотнул.
- Значит...
- Да, мистер Купер, она, несомненно, ведьма. И сегодня вечером мы предадим её огню, чтобы спасти душу несчастной от грязи и скверны, - произнёс Старк.
- Приставьте к ней охранника. С крепким желудком и благочестивой душой. Не сомневаюсь, что демоны внутри неё попытаются выбраться и укрыться в тенях!
Купер пообещал, что найдёт нужного человека.
Старк посмотрел на обвиняемую и криво усмехнулся.
- Мы отбили, размягчили, приправили и обварили мясо ведьмы. Теперь, мистер Лич, оно вполне готово для вертела...

* * *

Гуди Мапл отвели на холм, с которого открывался вид на Аркхем.
В домах вы бы не увидели ни единого огонька, ибо все жители города собрались на месте казни, пили, проклинали ведьму и кричали.
К высокому, высохшему дубу была цепями прикована лестница, и к ним длинными ремнями привязана женщина. Эти ремни целый день вымачивались в особом составе, благодаря которому теперь они были устойчивы к пламени.
Вокруг Гуди Мапл набросали столько дров и хвороста, что они скрывали женщину до пояса.
А под хворостом заранее рассыпали порох.
- Сегодня вечером, - сказал Старк собравшимся на холме верующим, - мы возвращаем дьяволу то, что принадлежит дьяволу, и отдаём Господу нашему то, что его по праву.
- Да! - выкрикнула совсем пьяная женщина в толпе. - Предадим эту дерзкую суку огню!
- Дотла! Сожжём дотла! В костёр! Пусть узнает, каково пламя ада! - закричали другие.
- В огонь её, в огонь! - скандировала толпа.
Люди превращались в огромное неконтролируемое стадо.
Многие из них были пьяны, а некоторые хотели хорошенько с кем-нибудь подраться.
Если охотник на ведьм сегодня не развлечёт их сожжением ведьмы, то взамен на костёр отправятся они с Личем.
Старк практически мог осязать исходящую от толпы поглощающими волнами жажду чьей-нибудь смерти.
Мужчины. Женщины. Даже дети.
С широко распахнутыми, горящими глазами и стекающей по подбородку слюной.
Они тратили свои жизни на тяжёлый, нудный, монотонный труд.
В них не осталось надежды и сострадания к ближним.
Они считали Гуди Мапл причиной их грязной, голодной, несчастной жизни. Это она убивала их младенцев в колыбелях, она отравляла воду в колодцах, портила посевы и домашний скот. И не важно, была она ведьмой или нет.
Она была лишь символическим агнцем, которого нужно было сжечь.
- Рождённое в огне, - прокричал Старк, - огонь и поглотит!
Лич поджёг порох и отошёл назад.
Толпа тотчас замолкла, и Старк ощутил, как все задержали дыхание, как единый организм, и в ожидании и предвкушении приоткрыли рты.
Порох вспыхнул жёлтыми, рыжими и алыми языками пламени и охватил трут и хворост, распространяясь на поленья и глодая дерево.
Столбы дыма поднялись в небо.
Мрачная ночь превратилась в яркий день.
Языки костра напоминали огромные лепестки редкой орхидеи. Пылающие, яркие, горящие.
Они лизнули сперва дерево, затем ведьму. Оба пришлись им по вкусу.
Гуди Мапл начала метаться, ощутив жар. Огонь коснулся её тела и поджёг волосы.
Её глаза вылезли из орбит, рот искривился в крике, зубы прокусили собственный язык, и на губах запузырилась кровавая пена.
Кожаные ремни заскрипели, когда каждый мускул женского тела пытался справиться с ними.
Жуткая агония разрушала разум.
Её вырвало, на лице появлялись пузыри от ожогов, которые увеличивались, затем лопались, и на их месте появлялись новые.
Она кричала дико, безрассудно, безумно, как животное под ножом мясника.
Пальцы превратились в тлеющие палочки.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Лицо почернело, раздулось, а потом с громким хлопком спалось, как проколотый шарик.
Глаза кипели в глазницах и, в конце концов, лопнули с шипящими брызгами.
Дымящееся, обгоревшее тело дёрнулось в последний раз и затихло.
Когда огонь опал, добрые жители Аркхема начали расходиться.
На холме осталось лишь почерневшее пугало, висящее на обугленной лестнице.
Жители Аркхема вернулись к своей тоскливой жизни, и вскоре на холме остались лишь Мэтью Старк и Томас Лич, оглядывающие результат своих трудов.
- Они ушли, - произнёс Лич. - Да будут они все благословенны!
Старк ухмыльнулся, и это было жутким зрелищем.
- Ага, теперь можем приступить к работе. Ведьмовское мясо было хорошо прожарено и иссушено? Тогда призовём Его, и пусть Он примет нашу жертву.
Старк вытащил книгу в кожаном переплёте, и они принялись скандировать строки до тех пор, пока на них не упала тень темнее самой ночи.
Она принесла с собой смрад мертвечины.
Фигура зависла над поджаренным, покрытым копотью телом Гуди Мапл.
Сначала фигура была бесформенной, но со временем начинала приобретать очертания.
Кем бы оно ни было, сейчас оно раскинуло чёрные блестящие крылья, как у летучей мыши.
Плотоядное, костлявое, с длинными острыми когтями и зубами, а вместо головы - огромный живой череп со сверкающими алыми глазами.
Не мудрствуя лукаво, зверь оторвал тело Гуди Мапл от лестницы и поднялся с ним в ночное звёздное небо.
Он исчез в темноте - крошечное пятнышко во всём Млечном пути.
Они слышали, как оно жевало свою жертву, отрывая мясо от костей и обгладывая обугленные суставы.
- Да. Мы принесли жертву, и Он её принял, - прошептал Лич.
Только сейчас они посмели открыть глаза, зная, что им запрещено смотреть на тёмного безымянного владыку, которого они призвали запахом жареной ведьмовской плоти и древними заклинаниями.
- Теперь едем, - кивнул Старк. - Наша работа - наказ самого Господа, и мы его выполнили. Благодарим тебя, Владыка наш, за пищу и воду, за милость твою, и да будет наше дело благословенно во веки веков!
- Аминь, - закончил Лич.
Они вскочили на коней и поехали прочь от Аркхема. Будут и другие ночи, и другие ведьмы, ведь чрево их Владыки всегда пусто и жаждет пищи.
Хвала Господу!

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ГЛАЗА ГОВАРДА КЕРЛИКСА

"Я обуздал духов, которые,
путешествуя из одного мира в другой,
повсюду сеют смерть и безумие..."

- Г.Ф. Лавкрафт.

Я познакомился с Говардом Керликсом в пиццерии неподалеку от кампуса.
Учитывая тему моего маленького рассказа, мне хотелось бы рассказать, что мы встретились в мрачном готическом доме в пустынном, кишащем крысами районе неподалеку от пристани. Ну, знаете - в этаком месте диковинных слухов и невообразимой правды.
Но, к сожалению, это не так.
И пусть это послужит уроком нам, писакам, бумагомарателям и творческим личностям, - истинная жила искажений и снедающего ужаса глубже всего течет в самых прозаических местах.
Керликс сам мне позвонил.
- Не хотите ли вы, - спросил он, - узнать о связи между теоретической физикой и древней, запрещенной книгой ведьм XII века?
Конечно же, я хотел.
Если я скажу вам, что меня зовут Джордж Джей Крамер, это мало что вам скажет. Но если я скажу вам, что являюсь главным редактором "Еженедельного Обозревателя", вы, возможно, поймете, в чем тут связь и каков мой интерес.
"Обозреватель" - одна из тех газетёнок, которые встречаются на кассах в продуктовых магазинах. Именно над её заголовками смеются обыватели.

"Студентка колледжа изнасилована снежным человеком: она утверждает, что это любовь".

Или *"Элвис - пасынок Гитлера? Новые шокирующие доказательства!"*

В общем, вы всё поняли.
Именно там вы видели истории о беременных инопланетянах и первых леди, одержимых демонами; о матерях, поедающих своих детей; о радиоактивных медузах, пожирающих океанские лайнеры, о лице Иисуса на Марсе и прочей высокоинтеллектуальной хрени...
"Обозреватель" - это вам, конечно, не "Вашингтон Пост", но у нас тираж примерно в пять раз больше, чем у любой из крупнейших и самых престижных газет страны.
А всё дело в том, что мы всегда ищем необычные истории.
А иногда просто создаём их.
Да, мы просто их придумываем. Вы ведь всегда это знали, правда?
А иногда мы выискиваем странные заголовки, безумные происшествия и делаем из них такие сумасшедшие выводы, что у самих ум за разум заходит.
Радиоактивные медузы? Японский рыбак утверждает, что видел их. Только изменим утлое судёнышко на круизный лайнер и добавим чуток радиации.

Поэтому я всегда ищу что-то, что смогу вывернуть наизнанку и подать по-особому. Я написал четырнадцатинедельную серию статей о детёныше кальмара, так что поверьте мне, если в истории есть хоть капля крови - то я её выжму.
Но Говард Керликс...
Нет, его рассказ ждал меня уже готовым, с пылу с жару, и всё, что мне оставалось - это описать то, что он мне рассказал... и последствия этого.
Керликс сидел в дальнем углу за одним из столиков, покрытых красно-белой клетчатой виниловой скатертью, со свечой в винной бутылке с плетеной сеткой вокруг дна. Наряду с игрой скрипки, все это должно было создать подлинно этническую средиземноморскую атмосферу. Но всё это напоминало Италию не больше, чем моя бабушка-еврейка.
Керликс был высоким худощавым мужчиной с вытянутым лицом, и виски его уже тронула лёгкая седина. На нем был темно-синий костюм без галстука. Ему бы идеально подошёл к костюму галстук-бабочка, да и сам он казался очень аккуратным, педантичным и безупречным. Из тех мужчин, которые могут пролить соусник себе на брюки и сделать вид, что так и нужно. На нем были диковинно большие черные очки - кажется, от Йоко Оно, - а к столу была прислонена белая трость.
- Мистер Керликс? - спросил я, хотя и сам прекрасно знал, кто передо мной. - Говард Керликс?
Мужчина кивнул.
- Присаживайтесь, мистер Крамер. Заказать вам что-нибудь? Вино? Ужин?
Я покачал головой, и он сказал, что это, вероятно, к лучшему, так как он не может рекомендовать ни то, ни другое.
Время ужина миновало, и посетителей практически не было.
Я посмотрел на его темные очки, так и не осознавая, что он слеп. И в тот момент, судя по тому, как он оглядывался вокруг, я действительно так не думал.
- Прежде всего, мистер Керликс, расскажите мне немного о себе.
Мой цифровой диктофон с голосовой активацией тотчас включился.
Мужчина откашлялся и повёл рассказ.
Керликс был научным сотрудником отделения электронной и оптической физики Университета Брауна и руководил там Центром рефлектометрии. Ему было сорок восемь лет, он был холост и бездетен. Он получил обе медали Мотта и Холвека за работу в экспериментальной физике элементарных частиц, а его статья *"Снижение скорости света в ультрахолодных атомных газах"* считалась обязательным чтением в кругах теоретической физики. И если этого недостаточно - он также был постоянным приглашенным лектором в Институте Нильса Бора в Копенгагене.
Ого!
Конечно, для меня, завалившего физику в девятом классе, это имело мало значения, но определенно звучало впечатляюще. Поверьте, я имел дело с кучей идиотов, поэтому регалии Керликса не оставили меня равнодушным.
Говард Керликс, доктор философских и точных наук. Это было нечто.
- Впечатляет, - признал я. - Расскажите, чем вы занимаетесь в институте.
Он слегка улыбнулся, продолжая оглядываться по сторонам сквозь свои гигантские солнечные очки.
- Мы проводим экспериментальные исследования с использованием лазерного, электронного, ультрафиолетового и рентгеновского излучения, определяя фундаментальную механику, с помощью которой электроны и фотоны переносят энергию в газообразное и сжатое состояние. При этом, конечно, особое внимание уделяется нелинейным взаимодействиям света и материи.

Я почесал голову, как обезьяна, ищущая вшей.
- Ладно, позвольте, я перефразирую, док: чем вы там на самом деле занимаетесь... без всякой этой чепухи?
- Мы замораживаем свет, - сказал он.
Вот как...
Как будто свет - это то, что можно налить в лоток для кубиков льда и потом подать с виски и содовой.
- Что вы имеете в виду? - поинтересовался я.
Он рассказал мне, что они участвовали в экспериментах с "медленным светом" в Университете Брауна.
Он пояснил, что в вакууме, то есть в полной пустоте, свет движется со скоростью почти 300 000 километров в секунду. В своих экспериментах в подразделении оптической физики они замедлили скорость света до менее чем одной мили в час.
- Вы хотите сказать, что я могу обогнать луч света?
- Совершенно верно.
Что за ерунда?
Я признаю, что был впечатлен, но все это не поднимет продажи газет и не напоминает статью *"Джордж Буш - антихрист"*, которую я уже проигрывал у себя в голове.
У меня не было кучи времени.
- И какое отношение замедление света имеет к древнему трактату ведьм, о котором вы говорили?
Если бы я мог видеть его глаза, то, уверен, увидел бы, что он смотрит на меня как на нечто, находящееся на одной ступеньке эволюционной лестницы с *Homo habilis*[16].
Возможно, так оно и было.
- Что вы знаете о свете? - спросил он.
Я ответил, что знаю, как его включать и выключать - на этом всё.
Поэтому он, так сказать, просветил меня.
Он сказал мне, что Солнце излучает так называемый "белый свет", в виде волн излучения в видимом диапазоне, которые наши глаза интерпретируют как цвета радуги. Эти цвета - красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый - называются видимым спектром. Чтобы предмет можно было увидеть, он должен отражать, передавать или поглощать световые волны.
Но есть и другие волны - и немало - которые существуют вне видимого спектра.
- Электромагнитный спектр состоит в основном из волн, которые попадают в невидимый спектр - волн, которые мы не можем увидеть без специальных приборов, - сказал он сидящему перед ним идиоту, - и даже тогда мы не можем их рассмотреть, мы только записываем их и используем их возможности для нашего собственного использования. Но ведь это интересно, не так ли? Идея о том, что существуют огромные миры, которые мы не можем увидеть невооруженным глазом.
Он начинал меня утомлять.
- Ладно, понял, а теперь расскажите мне о замораживании света и ведьмовских книгах.
Керликс огляделся вокруг, как будто у него было рентгеновское зрение и он мог видеть сквозь униформу официанток - в основном студенток.
Уголок его рта и верхнее веко слегка задёргались. Да и вообще он выглядел... испуганным.
- Вы в порядке, док?
- Нет, - ответил он, но не стал вдаваться в подробности.

Он замолчал, закурил сигарету и стряхнул пепел в пепельницу. Очень уверенно и быстро для слепого человека.
Он сидел и курил, держа сигарету дрожащими пальцами.
Я передвинул пепельницу, и при следующем стряхивании пепла он без колебаний её отыскал.
Отлично.
- Итак, как я уже сказал, - продолжал он, - мы проводили эксперименты по замораживанию света - замораживанию волн, из которых он состоит. Мы следовали определенным путям, установленным в Стэнфорде в электромагнитно-индуцированной прозрачности. Это работает довольно просто: лазерный луч с тщательно заданной частотой светит на облако атомов и меняет его из непрозрачного, как туман, в прозрачное, как стекло, поле, чтобы через него прошел второй лазерный луч.
И таким образом они пришли к замораживанию световых волн.
В основном они охлаждали атомы натрия с помощью комбинации лазеров, магнитных полей и радиоволн. Лазеры охлаждают атомы до некого подобия "оптического желе", затем лазеры выключаются, включаются электромагниты, и их объединенные поля удерживают облако атомов в стазисе. Когда облако охлаждается до 500 миллиардных градуса, оно образует конденсат Бозе-Эйнштейна - ультрахолодное атомное облако, взвешенное в вакууме и, в конечном счете, самое холодное место во Вселенной.
- Этому исследованию можно найти множество применений, - взволнованно сказал Керликс. - Квантовые компьютеры и нелинейная оптика... но нас интересовали конденсаты, образующиеся в вихревом состоянии. Когда сверх-холодный газ вращается - как вода, идущая в канализацию, - импульс замедленного света оказывается втянутым вместе с газом... извращённым, разрушенным, вывернутым наизнанку. Это очень похоже на те явления, которые происходят вблизи черных дыр. И именно в ходе этого направления исследований мы впервые увидели то, что мы назвали "зеленой материей" - своего рода сверхтекучее поле, созданное изгибом и замедлением света в вихре. Зеленая материя - это, по существу, неизвестная частота в электромагнитном спектре между ультрафиолетовым и рентгеновским лучами, своего рода линза в невидимом спектре.
- То есть?
Он посмотрел на меня сквозь темные блестящие очки.
- То есть, с помощью зеленой материи мы смогли заглянуть в невидимый спектр невооруженным глазом. Посмотреть в него и за его пределы. Подобно электронному микроскопу, мы заставляли невидимые и незаметные предметы отражать свет, чтобы мы могли их увидеть. В сущности, Крамер, мы проделали дыру между этим измерением и следующим.
Внезапно мне стало интересно.
- Другое измерение? Это поразительно! И что... что вы увидели?
- Сначала мы видели только смутные, неясные формы... потоки и импульсы, мерцающие туманы и вытянутые поля разреженного газа. Ничего твердого, ничего по-настоящему осязаемого... как будто смотришь в грязное окно. Только причудливые энергетические узоры и дрейфующие кусочки темной материи, которые напоминали мне пылинки. В лаборатории царила кромешная тьма - созданная специально для наших экспериментов, - и мы смотрели на то, во что впоследствии никто не поверит. Мы непредумышленно наткнулись на случайный ряд переменных. Если бы мы немного отошли в сторону, то ничего бы не увидели.
Он сказал, что это было похоже на религиозное переживание, как будто Моисей спускался с горы или Иисус ступал по воде. А они просто стояли в темной университетской лаборатории, потрясенные и с отвисшей челюстью.

Все прекрасно понимали, что даже при самом сложном компьютерном управлении может потребоваться целая жизнь, чтобы искусственно вызвать то, на что они наткнулись по чистой случайности.
У меня пересохло во рту.
Керликс, по сути, ещё ничего и не рассказал, но я уже видел перед собой шикарную историю. Бомбу.
Это могло бы преобразить всё наше понимание физической науки.
- Да, - сказал он. - Это дало нам ключ. Свет был ниспровергнут, материя разрушена, время повернулось на сто восемьдесят градусов... наши приборы говорили нам об этом. Мы создали визуальную червоточину между этим измерением и тем, что лежит за ним. В нашем вихре пространство между нашей плоскостью и другой было неисчислимо - наши компьютеры не могли даже назвать это бесконечностью в квадрате - и все же, Крамер, оно было достаточно близко, чтобы мы могли его коснуться. Барьер был сломан.
- И что произошло потом?
Керликс вздохнул.
Внезапно всё его возбуждение как рукой сняло. Он стал напряжённым и взволнованным.
- А потом произошёл несчастный случай...
Это случилось, когда вихревое поле находилось в стазисе. Может быть, это был несчастный случай, а может быть, кому-то из сотрудников пришла в голову блестящая идея. Это ещё предстояло выяснить. Лучшее, что они смогли установить, - это то, что вихрь был подвергнут действию гамма-лучей.
К всё полетело к чертям.
Керликс схватил меня за руку и крепко сжал.
- Произошел взрыв... нет, не огромный театральный пожарище, а нечто более тонкое. Гамма-лучи - мы все еще предполагаем, что это были гамма-лучи - затопили нашу облачную камеру и каким-то образом вихрь втянул их внутрь, направив туда, где гамма-лучи не существуют в природе. Результат был похож на соприкосновение материи и антиматерии.
Керликс тяжело дышал; весь его лоск оказался стёрт, как по мановению руки.
- Раздирающий взрыв... яркая вспышка света. Даже с нашими защитными очками... он ослепил нас всех. Я никогда не видел такого света за всю жизнь... первобытный и хаотичный импульс света, который мерцал лишь мгновение цветами, которые я не мог идентифицировать. Но я помню, как думал, когда он прожигал мое зрение, что это был свет творения, древняя Искра первичного космического поколения. Может быть, холодный синтез. То самое, из чего рождаются звезды. Рука Всевышнего...
У Керликса перехватило дыхание.
Мне пришлось заказать графин вина, потому что официантки смотрели на нас как-то странно и, возможно, гадали, когда же мы освободим столик. Но к этому времени меня уже нельзя было оттащить и за уши.
Я должен был узнать, должен был...
Я понимал, что это ещё не всё.
И я был прав.
- Эта ослепительная вспышка лишила нас зрения всего на десять секунд, может, чуть больше, - продолжал он. - Если бы мы не были в защитных очках, то навсегда ослепли бы. Но, видите ли, на этом все не закончилось. Потому что, когда мое зрение вернулось, что-то выделилось из вихря и ударило меня насмерть... меня и Пола Шепарда, еще одного физика.
Керликс облизал губы и закурил следующую сигарету.

- Как же мне это объяснить? Я был поражен мерцающим пульсом леденящего голубого света, который пробрал меня до костей. Это был свет, и все же не свет в обычном смысле слова, а скорее поток возбуждённых частиц. Он обладал формой, цельностью и твердостью, но, как мне казалось, был не более материальным, чем облако гелия или метана...
- ...Как бы то ни было, я чувствовал, как он ползает по мне, как муравьи - миллиарды муравьев внутри и снаружи меня, и мне казалось, что мои глаза вырывают из моей головы. Это облако поймало меня в ловушку и держало, а потом погасло, и я потерял сознание.
Я должен был задать один вопрос. И попытался сформулировать его как можно более деликатно.
- Этот голубой свет, это голубое вещество... это оно вас ослепило? Действительно ослепило?
Керликс кивнул.
- И да, и нет. Возможно, меня ослепило, а возможно, мои глаза наконец открылись.
Я не стал уточнять, что он имеет в виду.
- Как долго это продолжалось?
Он холодно, бесстрастно рассмеялся.
- Мне показалось, когда я был пойман в ловушку этим облаком, этим потоком энергии, что это продолжалось по меньшей мере пять или десять минут, а то и дольше. Меня буквально парализовало. Я не мог ни двигаться, ни дышать. Это было похоже на состояние анабиоза... погружение в вязкое, жужжащее море. Но мои коллеги, которые не попали под свет, сказали, что это длилось, может быть, две или три секунды. Гамма-лучи ударили в вихрь - вспышка, целостность вакуума нарушена, а затем синий свет ударил в Пола, затем и в меня. Все произошло очень быстро.
- А что с тем вторым парнем? С Шепардом?
- Он мертв, - мрачно сказал Керликс. - Он стоял прямо передо мной. Голубой свет ударил сначала в него, потом в меня. Он принял на себя основной удар, что бы это ни было. Остальные говорили, что облако сбило его с ног и он пролетел мимо меня. Что он стал прозрачным, что они могли видеть его кости, как будто он был просвечен рентгеном изнутри. Он пролетел по воздуху, мерцая этим ужасным фосфоресцирующим светом, и прошел через стол, Крамер. Он не упал на него и не сломал его, а прошел сквозь дерево, как сквозь туман. Через массивный дубовый стол. Там они и нашли его, лежащего мёртвым.
От воспоминаний у Керликса задрожали губы.
- Вскрытие показало, что вся анатомия Пола была вывернута - у него было две левые руки, правой не стало совсем. Его смерть записали как смерть от радиационного облучения и оставили все как есть.
Керликс сказал, что тот момент, когда они с Шепардом оказались в ловушке этого поля внепространственного эфира, изменил их обоих. Это облако частиц сделала атомную структуру Шепарда прозрачной, позволяя ему проходить сквозь твёрдые предметы.
- А что оно сделало с вами?
- Оно меня ослепило.
И Керликс продолжил рассказ.
Он поведал мне, что мы можем различать цвета и тому подобное, потому что наши глаза имеют светочувствительные рецепторы - палочки и колбочки - крошечные клетки, выстилающие заднюю часть сетчатки.
- У меня их больше нет, - сказал он. - Зато у меня появилось нечто иное.
Он был совершенно слеп почти два месяца.
Брауновский университет привлек к работе самых лучших офтальмологов, когда они поняли, с чем имеют дело, и какие изменения претерпел Керликс.

- Мои палочки и колбочки начали мутировать почти сразу же; они стали чужеродными субстанциями, примерно похожими на веретенообразные клетки и нервные ганглии, - сказал он. - Специалисты, которых привезло руководство, сделали все, что могли. Они даже пытались проводить профилактические операции - лазеро- и криокоагуляцию - но это не помогло. Пока они пытались избавить от моих нововозникших рецепторных клеток, их стало только в разы больше.
- И что вы сделали?
- Я взял отпуск; мне нужно было уехать подальше от этих докторов. Я знал, чего они хотят. Они хотели, чтобы я лежал на столе, чтобы они могли поместить мои новые клетки под микроскоп. На их месте я бы хотел того же самого.
Он отпил немного вина, поморщился и решил, что лучше закурить сигарету.
- Да, мне пришлось уехать, пока они не узнали. Пока не узнали, я снова мог видеть, потому что то, что я увидел... Господь милосердный...
- Что вы увидели?
Сам я не курил, но сейчас не отказался бы от сигаретки. Но вместо этого сделал глоток вина. Солнечные очки снова впились в меня, и я знал, что Керликс может видеть меня, но мне было интересно, видит ли он только моё тело.
- Я увидел город, - произнёс мужчина.
- Какой город? - мне вдруг стало страшно спрашивать.
Керликс выпустил дым из ноздрей.
- Я думаю, тот самый город, о котором безумный араб Абдул Альхазред писал в "Некрономиконе".
Я никогда не слышал об этом человеке или об этой книге, поэтому Керликс просветил меня. Некоторые говорили, что Альхазред был в некотором роде мистиком и колдуном и был известен как "безумный поэт из Дамаска". "Некрономикон", или "Книга Мертвых Имен", или Аль-Азиф, был печально известной, богохульной книгой. Один из тех томов, что были запрещены Римом и преданы огню во времена гонений на ведьм. Это была "адская книга", "книга ведьм", наполненная формулами и ритуалами для вызова демонов из другой вселенной. В ней также были записаны исследования Альхазреда по некоторым темным и безымянным тематикам, его собранные знания о культах, восходящих к древности, которые якобы поклонялись сущностям и существам из-за пределов этого мира, и их попытки призвать их. Интересно отметить, что Альхазред умер в 738 году нашей эры - предположительно съеден невидимым чудовищем на дамасском рынке.
Керликс рассказал мне, что в Британском музее есть латинский перевод "Некрономикона" XV века, а также издания XVII века в библиотеке Вайднера и Мискатоникском университете в Аркхеме...
Последнее меня не очень-то удивило. Эта старая дыра с легендами о ведьмах и языческими суевериями была источником не одной истории для моего "Обозревателя"... конечно, мы меняли название города.
У Керликса был друг, который отвечал за специальные коллекции в Мискатонике (вещи, которые для обычной публики не выставлялись) - парень, с которым он ходил в школу. Этот ученый - имя вычеркнуто - однажды признался Керликсу в ужасных тайнах, которые он выудил из этой книги. Когда Керликс впервые сам увидел этот город, он вспомнил, как его друг рассказывал о паломничестве Альхазреда к неким заброшенным и призрачным руинам в пустыне. Во время одного из ритуалов Альхазред принял какой-то наркотик и во всех подробностях увидел во сне город в другом измерении.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Керликс связался со своим другом и смог мельком взглянуть на копию перевода страшной книги Олауса Вормиуса[17] 1228 года.
Она была не из Мискатоника, а из библиотеки пожилого фольклориста-затворника в Провиденсе, который утверждал, что у него есть много таких книг, а также неопубликованные рассказы и письма некоего автора и антиквара из Провиденса, который умер при подозрительных обстоятельствах в 1937 году... хотя официальная версия рассказывала совсем другую историю.
Керликс замолчал; его отсутствующий взгляд смотрел на что-то за моим плечом.
От его рассказа у меня мурашки побежали по телу.
- Этот город... этот безымянный, заброшенный город...
Его голос прервался.
- Как бы мне хотелось умереть, как Шепард. Насколько все было бы проще. Сначала я даже не понял, что именно вижу. До тех пор я не видел ничего, кроме зеленоватых, стремительных и сверкающих пятен... а потом я увидел город. Было уже поздно, и я очень устал. Я на мгновение закрыл глаза...
- ...А когда открыл их, вместо темной стены моей спальни я смотрел на погруженный в воду пейзаж океана или моря, который, очевидно, не был ни тем, ни другим. Это была не вода, а что-то студенистое и колышущееся, бесконечное плазменное море. Сначала оно было расплывчатым, но вскоре я рассмотрел его детальнее... насколько детальнее можно было разглядеть в этой непрозрачной жидкой эмульсии. Да, довольно скоро я увидел город.
Мне пришлось подтолкнуть его, чтобы он продолжал.
Господи, лучше бы я оставил его в покое. Лучше бы я просто назвал его лжецом и ушёл.
Но я так не сделал.
- Сначала мне показалось, что я вижу кости каких-то огромных ящеров, наполовину погребенных в слизи и пузырящейся грязи, но это был город... руины какого-то невероятного исполинского города. Я видел скелетообразные перекладины и сверкающие белые набалдашники, клетки из пожелтевших стоек и изъеденных рытвинами столпов, купола с полыми чашами, похожие на черепа, и огромные вздымающиеся арки, которые я сначала принял за позвонки морских чудовищ. Не так, не так. Да, он был мертв, этот город, покрытый скоплениями чего-то вроде ракушек и узловатых морских трав, которые текли, как водоросли в глубоководных течениях. Казалось, большая часть города пала. Я видел разрушенные остатки стен и изъеденных башен, пластины и диски, пирамидальные фигуры и цилиндрические шахты... все это было разрушено и покрыто паутиной морской жизни. И повсюду - когда мое зрение, казалось, отступало назад и поворачивалось - я мог видеть мусор и обломки этого некрополя; в основном просто неправильные формы, покрытые мхом и ползучим илом. Я знал, что то, что я видел, было невероятно древним; и ещё я знал, что это было не на Земле и не располагалось ни под одним известным нам небесным светилом.
К этому моменту мне уже самому стало трудно дышать.
Ладони вспотел, а во рту, напротив, пересохло.
- А вы уверены... уверены, что это не было галлюцинацией или сном?
Керликс даже не обиделся на такой вопрос.
- Нет, он действительно был там, и хотя у меня не было никакой точки отсчета, мой инстинкт говорил мне, что город был гигантским. Мегаполис, раскинувшийся на многие мили вокруг этих черных грибовидных морских глубин. Я видел, как вдалеке его части взбирались на гору, спускались в долины. Такой город... такой невероятный, такой древний... и вместо того, чтобы быть переполненным научным любопытством, я был просто потрясен.
- Потрясён? - переспросил я. - Почему же?

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Костяшки его переплетённых пальцев побелели и напряглись, как будто кожа над костями готова была вот-вот лопнуть от сильного напряжения.
- Это было не просто потрясение. Ужас, тошнота, даже отвращение. На каком-то примитивном уровне... я был задет всем этим. Да, он был мертв, может быть, миллионы лет, с далёкой-далёкой древности, но все же он был порочен и испорчен, как раковая опухоль на этом морском дне. Зловещий, окутанный туманом кошмар, от которого мне захотелось перерезать себе вены. Вся геометрия этого места была положительно извращена: углы неправильные, совершенно невозможные, пугающие... этот город не мог существовать, но все же существовал. Это напомнило мне груду сломанных, гниющих костей в логове какого-то плотоядного чудовища. И это коснулось чего-то во мне, заставило меня захотеть разбить этот город, растоптать его. Заставило меня возненавидеть его всеми фибрами души. Кто бы ни построил нечто подобное, он был достаточно безумен, чтобы воздвигнуть такое кладбище. Это были непристойности, вещи настолько отвратительные, что я представлял их себе злобными, раздутыми пауками, которые наполняли свои паутины присосавшимися трупами младенцев.
- Успокойтесь, док, - сказал я, уже почти веря во всё сказанное. - Он до вас не доберётся, он не сможет вас коснуться...
Керликс засмеялся.
Холодным, горьким, безумным и пронзительным смехом.
- Это место напугало меня до смерти, Крамер. Я весь дрожал, просто глядя на него. Словно какой-то огромный сюрреалистический дом с привидениями, погруженный в трясину. Вокруг него и от него тянулись комки ила, словно он разлагался, как намокший труп. Все эти высокие, искаженные здания, наклоняющиеся, падающие и застывшие в падении, пойманные в ловушку какой-то ублюдочной формы гравитации, о которой мы можем только догадываться...
- ...Это было кладбище - злобное инопланетное кладбище, и эти сооружения были склепами, надгробиями и узкими памятниками, курганами, пирамидами и скелетами, призрачными монолитами, выглядывающими наружу, как ободранные черепа... и повсюду странные, угловатые тени и стремительные, искаженные формы протягивали ко мне свои руки...
Я налил ему ещё стакан вина.
Теперь и меня пробрало до костей. Мурашки пробежали у меня по спине, и мне приходилось говорить себе, что этот человек сумасшедший, что ничего подобного быть не может.
Но я и сам не верил в это.
Что-то во мне сжалось, съежилось, как ребенок, под одеялом, на кровати, когда что-то жуткое и чудовищно злобное выползает из шкафа, высоко подняв когти.
Очень красочное описание, да?
Керликс сделал глоток, держа стакан двумя руками, чтобы тот не так трясся.
Я спросил его, что еще он видел, - больше для своего успокоения, чем для его. Образ затонувшего могильника не переставая стоял перед глазами. Мне нужно было отвлечься.
- Да, я видел чудеса, - сказал он мне, постепенно расслабляясь. - Потому что этот первобытный суп был живым, в нём размножалась жизнь. Всё это напоминало мне глубоководные ужасы. Я видел существ, похожих на огромных, ужасных белых кольчатых червей с присосками на обоих концах. Одни были гладкими, другие - сегментированными. Они двигались медленно, как гусеницы в этом живом желе. Там были панцирные создания вроде крабов-альбиносов, ковыряющихся в органической слизи. Плавающие пузыри с желтыми глазами. Наросты огромных щупалец анемонов хватали все, что подплывало слишком близко. Протоплазменные пузырьки, поглощавшие крошечных полупрозрачных существ. Когда на них нападало что-то еще, они взрывались облаками из сотен отдельных пузырьков.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Там были рыбы - не знаю, как еще их назвать. Покрытые панцирями, плавающие рты со змеиными хвостами. Змееподобные угри с гигантскими разинутыми челюстями, которые щелкали всех и вся. Многоголовые, похожие на креветок ракообразные, которых можно было видеть насквозь. Странные, похожие на весла, рыбы, чьи скелеты светились в темноте и просвечивали сквозь кожу. Я видел огромных существ, похожих на черные зонтики с кругами блестящих красных глаз на вершине. Они двигались по кругу, а затем раскрывали пасть и глотали какого-нибудь неосторожного пловца, а затем погружались в грязь вместе со своей добычей. Там были и другие рыбоподобные существа с розовыми трепещущими щупальцами вместо голов...

- ...Всего и не упомнить, Крамер. Но я помню паука. Он был огромен, я точно знал. Я видел, как он шел сквозь это органическое рагу - колючий альбинос, больше похожий на экзоскелет мертвого паука, чем живого. Живой экзоскелет. Один только вид этого жуткого ужаса заставил меня съежиться. Но это было захватывающе - видеть то, за что любой биолог отрезал бы себе левую руку. Если бы не город...

Я очень надеялся, что мы покончили с описанием этого кладбища. Как же я ошибался...

Потому что внутри Керликса что-то таилось. Как разъяренные пчелы в банке, они хотели вылететь наружу...

И он отвинтил крышку.

- Я наблюдал за ними, Крамер, за этими существами... но они знали обо мне не больше, чем микробы знают, что гигантский глаз изучает их через микроскоп, - объяснил он мне, и это несколько утешало. - Но, с другой стороны, думать об этом месте как о находящемся на огромном, недостижимом расстоянии от нас - это и правда, и ложь. Ибо оно очень близко - в другом пространстве, но вокруг нас, постоянно, отделенное тонкой эфирной завесой. Чтобы объяснить, позвольте мне снова обратиться к физике. Две точки на противоположных концах листа. Очень далеко друг от друга, но если вы сложите бумагу, вы можете заставить их наложиться друг на друга, верно?

Червоточины и тому подобное могут быть объяснены только самыми дикими, самыми теоретическими разделами эйнштейновской физики, но такие вещи математически вполне возможны. Гораздо более вероятно, чем кто-либо когда-либо предполагал, но я-то знаю, потому что я могу видеть в этом чужом пространстве так же легко, как я могу видеть вас. Нет, эти существа не могут видеть нас, но они могут чувствовать наши движения при правильных условиях. Разве вы ни разу сами не замечали лёгкое движение краем глаза? Но на самом деле там ничего не было? Ведь бывает нечто такое... что мы видим лишь периферийным зрением, а когда переводим взгляд и фокусируемся...

Я сглотнул, но задал следующий вопрос.

- А сейчас вы их видите?

- Да. Они плавают вокруг нас. Возле официантки у бара... огромная медуза только что проплыла прямо сквозь неё. Видите, как она вздрогнула от холода? Да, медуза, чей зонтик прозрачен и переливается, как бензин в луже. Но медуза не может увидеть официантку. Это могут делать только призраки.

- Призраки? - спросил я.

С меня было достаточно. Мне очень хотелось уйти. В моем мозгу сейчас кипело столько мыслей, что я мог бы годами мучиться кошмарами, и я больше не хотел слышать ни о каких призраках.

Но мне пришлось.

Керликс вновь заговорил, и я видел, насколько ему сложно. Пот начал стекать по его вискам, а лицо было покрыто пятнами, будто у него случился сердечный приступ.

- Призраки. В ту ночь... я почувствовал движение в разрушенном городе. Я сосредоточился на плавающих существах, и мое зрение расширилось, показывая мне то, что я хотел бы никогда не видеть. Они выползали из ям, впадин и низин этого инопланетного кладбища - создания, которые на первый взгляд казались дрейфующей ветошью. Но стоило им подойти ближе, как я увидел, что они больше похожи на газообразные потоки, которые разрушаются и гниют, а вокруг них плавают ленты и нити. У них были своего рода лица - белые, бескровные лица, похожие на узкие, вытянутые черепа, но сделанные не из костей или бумажной плоти, а из тысяч и тысяч крошечных волосков и нитей, сплетенных в форме инопланетного черепа и струящихся оранжевых водорослей вместо волос. Их глаза казались огромными черными дырами, их носы были загнуты вверх, их челюсти были усеяны не зубами как таковыми, а зазубренными и острыми на вид треугольными выступами.
Керликс наклонился вперед, и его голос стал высоким, отчаянным и... искренним.
- Нет, Крамер, те другие существа - просто тупые животные, они не могли видеть меня, но призраки... Да, они видели, что я наблюдаю за ними. Они почувствовали меня, и это заставило их вылезти из своих нор и могил. Они увидели меня и последовали за мной, почувствовали на себе мой взгляд и вышли следом. Я... я отпрянул, но они продолжали приближаться, все ближе и ближе, останавливаясь только тогда, когда натыкались на разделяющую нас завесу, а потом застревали там, как улитки на стекле аквариума, ища, Крамер, ища путь сквозь нее. Я, я видел их вблизи, пульсирующих и раздувающихся, ленты их разлагающихся тел плавали в извивающихся облаках ткани, а эти глаза... о боже, эти глаза...
- Док, слушайте, вам не обязательно...
Но Керликс перебил меня.
- Абдул Альхазред говорил о них в "Некрономиконе". Он сказал, что они ходят "не в тех пространствах, которые мы знаем, но между ними, они идут безмятежно и первобытно, безразмерно и для нас невидимо". Ты понимаешь, о чём он говорил, Крамер?
- Хватит, - отрезал я. - Вы же думаете, что я поверю...
- Заткнитесь, - рявкнул он на меня, явно находясь на грани нервного срыва. - Этот город был их городом, Крамер. Мертвый город, кладбище, а они - они были его призраками. Призраками, элементалями, привидениями того, что когда-то жило в этом выродившемся месте. Ибо в этом дьявольском измерении призраки не такие, как здесь... они - не клочья дыма или холодные сквозняки, а осязаемые, реальные сущности. Голодные, отвратительные твари. И в отличие от обитателей того плазменного моря, Крамер, они одни разумны, они одни чувствовали, что я наблюдаю за ними, и они одни - будучи и не полностью призрачными, но и не материальными - могут странствовать между своим миром и нашим. Неужели вы не понимаете, о чем я говорю... они нашли выход! Вещи более непристойные и разрушительные, чем все, что вы можете себе представить...
- Прекратите! - крикнул я.
Люди пялились на нас, но мне было наплевать.
Хватит, я услышал достаточно.
Что-то щелкнуло у меня в мозгу, и я больше не мог слышать грязные, заразительные мысли этого человека. От них мне становилось не по себе.
- Я больше не хочу ничего знать, ясно вам?!
Но Керликс меня не слышал.
- Теперь они следят за мной, Крамер. Они переступили грань, разве вы не видите? Сначала я ловил их застывшие образы только на оконных стеклах или видел призрачные, туманные отражения в зеркалах... но теперь они перемещаются в нашем пространстве, охотясь за мной, ища меня и, Боже милостивый, может быть, и тебя тоже...

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Нет, нет, нет!
Остальную часть того, что он сказал, я пропустил мимо ушей ради сохранения собственного здравомыслия. Но, клянусь Богом, лучше бы я послушал, потому что, по-моему, старый безумный Керликс пытался предостеречь меня, помочь мне, но я был в ужасе и не мог больше выносить этого.
Возможно, всё дело в моём воображении, но внезапно за нашим столиком стало холодно, будто рядом поставили морозилку и открыли дверь. Я был напуган, чертовски напуган.
Нет, я не слушал его бред и вопли о призраках и Азатоте в центре космического, ядерного хаоса.
Я не мог. Не мог это слушать.
Но Керликс был полон решимости обратить меня в свою веру, пока ещё не стало слишком поздно для этого мира.
Поэтому он снял очки.
В эту минуту одна из официанток выбрала самый неподходящий момент, чтобы вышвырнуть нас из кафе.
И она увидела то, что увидел я.
Она увидела Керликса без очков и закричала. Потому что его глаза были зелеными и прозрачными, как изумруды, которые мерцали и переливались призрачным светом.
И я сбежал.
После этого у меня начались проблемы со сном. Я всегда видел что-то краем глаза - ползучих тварей, бесформенные тела, зависшие между этой реальностью и следующей. Я мог уснуть, лишь запивая снотворное виски, и когда я это делал, я видел, что они смотрят на меня - эти отвратительные голые черепа с злобными черными глазницами пристально изучают меня.
И ещё кое-что о Говарде Керликсе.
Больше я его никогда не видел.
Через две недели после нашей встречи он спрыгнул с пятого этажа своей квартиры на Бенефит-стрит.
Точнее, это официальная версия.
Но я узнал кое-что необычное от одного из моих полицейских контактов. Он сказал мне, что, по словам коронера, это выглядело так, будто Керликса вывернули наизнанку и выбросили из окна. И что глаза бедняги были вырваны из черепа... вместе с нервами и мозгом.
А в его квартире на полу они нашли что-то, разлагающееся в луже гнилостного желе. Оно было похоже на гигантского угря с пучками дрожащих желтых щупалец и огромным, зияющим черным ртом, который мог бы разорвать человека пополам. Мой друг-полицейский сказал, что воняло там, как в грузовике с гниющей рыбой с примесью аммиака.
Через полчаса после прибытия полиции угорь превратился в лужу. Копы успели сфотографировали только большое липкое пятно на ковре.
Так что, думаю, можно предположить, что нечто пролезло в прореху в завесе, которую проделали призраки.
Таков был конец Говарда Керликса.
А я?
Несмотря на то, что я пыталась не обращать внимания на слова Керликса прямо перед тем, как нас вышвырнули из пиццерии, мой мозг запомнил его рассказ:

"Неужели вы не понимаете, что происходит? Я - их портал, их Маяк, немигающий, сверкающий Маяк, за которым они следуют из своего мира в наш. Они пометили меня и... о Боже, Крамер... они идут, я чувствую их! Бегите! Ради всего святого, бегите, пока они не учуяли ваш запах..."

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Но уже слишком поздно.
Они знают обо мне, как я знаю о них.
Я видел, как они заглядывали ночью в мои окна, и слышал, как они скреблись в мою дверь.
Они забрали мою собаку... я нашел ее поутру окоченевшей, как будто ее тянули через ледяные, неведомые высоты.
Мои соседи жалуются на тошнотворную вонь вокруг моего дома, странные плавающие пятна тумана, причудливую электрическую активность над моей крышей. Всполохи и искры, несущие в себе гнев и разрушение.
Люди боятся находиться рядом со мной, потому что я никогда не бываю по-настоящему один.
За мной следуют клубки теней, стук зубов, странная вонь жуткого разложения.
Теперь призраки окружили меня, но, как истинные садисты, они не торопятся, потому что им гораздо интереснее напугать меня до смерти. Так было и с Керликсом.
Прошлой ночью мне приснился сон, который был не сном, а видением - проблеском какого-то адского, отвратительного измерения вне времени и пространства.
Я видел город.
Я видел призраков.
Я видел, как они тащили Керликса вниз, в свои зияющие норы под этими инопланетными гробницами. Тело Керликса было мертво. Но его душа, его сущность...
В какие извращенные, безумные игры они играют с ним?
Меня они не получат. У меня есть ружьё, и я не побоюсь им воспользоваться.
Я убью себя.
Возможно, *я теперь маяк*, как и Керликс. Возможно, если я покончу с собой, им больше не за что будет цепляться в этом мире.
Ибо я знаю только одно: я не позволю им заполучить меня.
Я не позволю им утащить то, кем и чем я являюсь, в зловещие, мрачные бездны безумия; они не утащат меня, кричащего, в какое-то черное, туманное измерение невыразимого, неживого и невидимого.

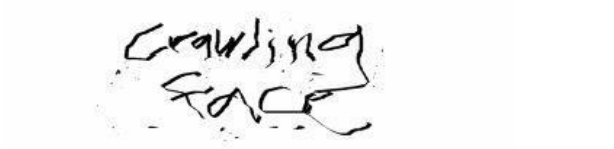
Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

МАНИФЕСТ МЯСНОЙ МУХИ

Они нашли тела в трущобах, в одном из многоквартирных домов, в котором воняло пожелтевшими костями, человеческими экскрементами и ржавеющими жизнями.
Близко, так близко. Траск знал, что приди они на пять минут раньше, удалось бы поймать старину Ползучее Лицо, с руками, глубоко погруженными в пирог, и слизывавшего вишневую начинку со своих костлявых пальцев. Они проследили его до зыбкой окраины города, где огромные канализационные отстойники представляли собой черные, липкие, переливающиеся радужными пятнами озера, освещенные пламенем горящего метана. Здесь дома теснились друг к другу, возвышаясь над кучами мусора и водостоками, заваленными отбросами и человеческими останками.
Траск следовал за другими легавыми по улицам, вымощенным битыми бутылками и ржавой жестью, где обшарпанные гостиницы светились голубым неоном, а в покосившихся дверных проемах трущоб теснились крысы, сутенеры торговали кибернетическими шлюхами с предустановленными чипами виртуальной реальности/виртуальной памяти, которые помогали клиентам воспринимать их в своих фантазиях, как девушек их мечты.
По узким лестницам, пропахшим кошачьей мочой, они поднялись наверх, нашли дверь на самом верху. По ту сторону... лучи фонарика были белыми мечами, рассекающими тьму и заставляющими ее кровоточить, как вскрытая вена... там была смерть. Смерть, которая забавлялась и была довольна собой, похотливая и плотоядная. Воняло насилием и червями, перхотью крыльев канюка. Сгустившаяся мерзкая вонь была такой плотной, что Траск чувствовал ее на языке, как вкус медяков с глаз покойника.
Если не считать шума крыльев мясной мухи, воздух был настолько тих, что он мог слышать, как разлагаются трупы: сухой и потрескивающий звук, словно у слив или персиков в дегидраторе[19].
Копы ничего не говорили.
Даже между собой.
Один из них закурил сигарету, и дым, который он выдохнул, стал призраком мертвых, который преследовал их всех, переходя от мужчины к женщине. Да, еще одна бойня, и место преступления было настолько залито кровью и завалено останками, что его пришлось бы вымывать с помощью шланга. Пробравшись через застывший пудинг из крови и ошметков плоти, копы нашли вторую комнату. Как и в первой, здесь было исключительно темно, ни окон, ни работающих ламп, словно освещение любого рода - это инфекция, которую нужно держать на расстоянии. Траск заметил, что не только окна были тщательно заколочены, но и каждая щель и трещина была забита тряпками. Здесь царила тьма. Они нашли еще трупы, но эти были гораздо старше. Как лук, гниющий в темных шкафах, они разложились до черной шелухи.
Траск вернулся в предыдущую комнату, где вонь гниения была свежей и тошнотворной, тучи мух поднимались с человеческих плодов, перебродивших до мерзкого вина, просочившегося сквозь доски пола.
Он знал, что сказать нечего.
Он не смел задавать вопросы, которые нужно было задать... но, несомненно, жертвы здесь умирали добровольно, теснясь в этих комнатах. Неужели они сидели и ждали, пока Ползучая Морда весело танцевал от одного к другому, потроша их?
Возможно ли такое?
Порез, свежевание, отделение. Добрый вечер всем и каждому. Как дела, и как поживают дамы и болтливые юные вертихвостки? Ползучая Морда, должно быть, беседовал с ними, когда его руки превратились в посмертные ножи, кроившие из окружающего живодерню,

переполненную трепещущим, сочащимся мясом. Из его уст шепотом срывались печальные истории о преступлениях похоти и залитых кровью ночлежках. Крючки, лезвия и иглы для бальзамирования вместо пальцев, он внес свою лепту *кромсая, разрезая, разрубая,* отсекая, как лезвиями маятника. Когда он закончил, то, должно быть, стоял там, любуясь своей работой, болтая с мертвыми. *А как поживаешь, милый юный препарированный принц? Не очень хорошо, я думаю, не очень хорошо. Как и твои мать, отец и сестра. О, да, пыльный поцелуй мертвых цветов из склепов. Вожделенная неподвижность мраморной вечности.*
С отвращением Траск изучал слова на стене, написанные кровью.
Как и в других случаях, это была тарабарщина, которая не являлась ни латынью, ни руническим письмом, но была старой, очень старой, возможно, дочеловеческой, если такое вообще может быть. Единственным различимым словом была подпись:

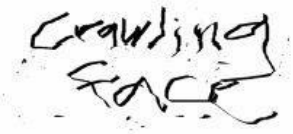


Ползучее лицо[20].
- Он опять за свое, - сказал один из копов, как будто в этом могли быть какие-то сомнения.
Но Траска это не интересовало.
Он нашел что-то, завернутое в красную бархатную ткань. Черный кристалл, испещренный ослепительно-красными полосками, похожими на тонкую сеть налитых кровью вен. Он удобно поместился в его ладонь, пульсируя теплом, как сердце новорожденного. Становясь все горячее, кристалл начал обжигать плоть. Когда глаза Траска вылезли из орбит, а мозг превратился в кипящий химический котел, рот его наполнился мерзкой сладостью сахара, ржавого железа и человеческого жира, от которой тошнило. Его мир исказился, перевернулся, был вывернут наизнанку и истекал кровью. Он ощущал обжигающий жар и ледяной холод, странное расщепление заряжало воздух вокруг него тлеющим плутониевым паром, радужные частицы проникали сквозь него, а разум был опутан паутиной из черного стекла. Открылся третий глаз, и он заглянул за грань, туда где раскручивались спиральные галактики и туманности, разрушающиеся под собственным атомным весом, а затем дальше - в черную пустоту какого-то межпространственного чулана.
Доски сорвали с окон, и комнату залил солнечный свет, лучи которого были забиты пылинками и частичками кожи. Свет сразу же закрыл третий глаз Траска, хвала Матери.
Он моргнул и увидел реальный мир, но его язык все еще был в антимире.
- *Ктулху фхтагн,* - сказал он.
- Ты что-то сказал? - спросил другой коп.
- Нет, - ответил ему Траск, - вообще ничего.

* * *

Под розовым бензиновым небом Траск продвигался все глубже в удушающую жару города - еще одна акула с гладким телом, прокладывающая себе путь в черных водах маслянистого городского отчаяния. Теплый ветер дрожал вокруг него, как желатин. Пахло человеческим жиром и нечистотами, крошащимся красным кирпичом и пузырящимися черными сточными водами. Тесные грязные улочки кишели лоточниками и продавцами, как труп с вьющимися вокруг него мясными мухами. Прокладывая путь мимо китайских притонов для промывки мозгов и залов детоксикации, он проходил мимо шлюх с болезненными лицами, продающих бледные тела, и барыг, толкающих контрабандные чипы виртуальной реальности, которые

превращали разум в хрустящий белый лед и позволяли увидеть лицо бога, прежде чем ваш мозг выльется из ушей густой кашицей тепло-сладкой боли воспоминаний.
Траск прекрасно знал вкус всего этого. Десять лет он пробирался по катакомбам трущоб вместе с остальным человеческим мусором, прячась в своей клетке зависимости, сталкиваясь с вирусом нужды, бродя по токсичным кладбищам и лавкам старьевщиков, вечно голодный. Но это был обед с проклятыми: ты ешь их, а они едят тебя.
Мать спасла его.
Величайшая похвала Матери.
- Видишь что-нибудь?
- Нет. У меня тут по нулям, - сказал Траск, оглядывая площадь с ее бурлящей толпой, которая напоминала ему переплетение гниющих лиан, с копошившимися на них паукообразными обезьянами.
Расфуфыренная шлюха призывно чмокнула губами в его сторону и улыбнулась с горячим придыханием. Он чувствовал, как от нее веет холодом мертвого викторианского секса. Она была раздута от похоти, как бочка. Траск прошел мимо нее, белая лепрозная плоть коснулась его собственной. *Кафе.* Он пробирался сквозь толпу, как угорь, плывущий по течению.
- Здесь, наверное, человек пятьдесят сосут латте. На экране ни одного всплеска.
- Он должен быть там, - сказал голос по сети. - Дрон отметил его не далее как десять минут назад.
- Беспилотник все еще на связи?
- Да.
- База, переведите управление на меня. Мне нужна положительная сигнатура.
Меньше, чем за секунду пробежавшись по интерфейсу, Траск сразу же нашел то, что искал: мошенник был стариком с лицом, изрезанным шрамами в шрифт Брайля, который хотелось прочитать. Он носил грязное пальто, похожее на чехол из атрофированной плоти. Как ему удавалось день за днем обходиться без чипа, было непонятно Траску. Что такие парни, как он, делают с собой? Бродят в тумане, мягко ступая по тупиковым переулкам и серым затерянным пространствам человеческой аркады. Без контроля, без управления, возможно, задумывающие что-то, что может привести их к неприятностям.
От него у Траска мурашки по коже. Все автономные типы были такими.
Старик, конечно, был еще хуже. Тела по всему городу, десятки тел. Места преступлений похожи на залитые кровью человеческие скотобойни. Единственной связующей нитью от одной жертвы к другой - был старик... но был ли он именно тем, кого они искали? Это он разделывал их, как воскресные окорока, рисовал пальцами это имя на стенах?



Всякий раз, когда Траск пытался думать об этом, играть в "соедини точки", теряясь в глубокой фуге[21], соединяя сознание с подсознанием, Мать нервничала и грозилась его отключить. Она не любила, когда ее шлюшки слишком много думали. А Ползучее Лицо, он это точно знал, заставлял ее нервничать, очень нервничать.
Кто такой Ползучее Лицо, старик? Что означает это имя?
Глаза старика скользнули по Траску, но не заметили его. Среднестатистическая, почти стерильная внешность Траска делала его хамелеоном, давала ему способность сливаться с

толпой, как пятно на стене. Через пять минут после разговора с ним люди забывали, как он выглядит. Про него можно было сказать – безликий и ничем не примечательный.
Старику удалось выклянчить несколько кредитов на чашку дегтя у хамоватой респектабельной дамы, чья розовая блестящая кожа сверкала в грязном свете. Исходящее от нее облако духов разъедало глаза как горчичный газ. Ее собственные глаза были бирюзовыми, какими-то развратными и наполненными горечью, словно она видела то, о чем не могла заставить себя говорить. Траск наблюдал за ней, испытывая все большее и большее любопытство. Он взломал ее, нелегально подключился к ее нейросети и прогнал через Мать, анализируя ее жизнь. Мать сообщила, что ее зовут Марджори Бейтс. Матричный инженер, сотрудник "CyberPath Global"[22].
Дерьмо. Траск разорвал связь. Дама была надежно чипирована, не сомневайтесь, точно не изгой. Мать никогда не ошибалась. Мать была нейроплексом "CyberPath Global", она была подключена к головам миллиардов пользователей. Пространство было создано для того, чтобы все могли поделиться ярким, удобным и тщательно продуманным видением сегодняшнего, завтрашнего и вчерашнего дня. Да будет благословенно имя Матери!
Снаружи Траск столкнулся с парой маленьких помощников Матери - криоборгов. Их трудно было не заметить: обтянутые черной акульей кожей обескровленные лица, глаза как темные дыры в раковинах, заполненные осколками белого стекла и черного пепла. От них пахло химической стерильностью и плавленными схемами, мозгами рептилий, подключенными к биопериферийным устройствам, разумом, усиленным векторами, бинарным слиянием и логическими типами данных. Они патрулировали ландшафт терминала, как крабы на загрязненном пляже. Криоборги двинулись дальше, и Траск выдохнул спёртый воздух. Он подошел к старику, опустил руку на его плечо, словно паук мисс Маффет[23].
- Мне нужно поговорить с вами. Это официально, - сказал он.
Старик крутанулся на месте, мгновенно превратив Траска в одного из легавых Матери. Морщинистое лицо посерело, превратившись в истерическую мозаику ужаса, а глаза стали похожи на туманные кольца дыма. Прежде чем Траск успел надежно схватить его, он исчез, отпрыгнув в сторону, как сжатая пружина, двигаясь плавным танцем сквозь море тел снаружи. Его настигла свора гнилозубых наркоманов, покрытых желтой пылью от обязательных антивирусных туманов, которые использовались для удержания военизированных биочастиц на низком уровне. Наркоманы, истекающие слюной и голодные, окружили его. Их истерзанные дурью желудки урчали от лаосской Красной Линии и сицилийского Синего Паука, руки, покрытые рельефными татуированными следами мелко дрожали. Они хотели раскумариться, раствориться в лабиринтах памяти допротоплазменного блаженства, встретиться со своими создателями, звездоголовыми и рыбоглазыми. Маленькие помощники Матери - бездумные трутни материнского улья, словно Далеки[24]из старого телевизионного шоу, целью которых было уничтожение – ринулись в атаку.
Старик вырвался на свободу. Наркоманы разбежались, все, кроме двух, которые были поглощены общим потоком Матери. Криоборги, с глазами, как черное стекло и лысыми головами, сверкающими плексикомпозитным темпоральным оборудованием, схватили их пальцами, похожими на лапы насекомых и подготовили к танцу разума: промывке мозгов и модификации личности. *Мы очистим ваш мозг и перезагрузим вас через пять минут, или ваш следующий визит будет бесплатным,* - как любили говорить жулики.
- Дерьмо, - передал Траск по сети. - Он убежал.
- Он помечен, Третий. Не устраивай сцену. Действуй спокойно.

* * *

Траск взял чашку старика и просканировал ее, обнаружив отпечаток большого пальца. Он прогнал его через Мать. *Интересно.* Чарльз Толлан. Значит, это был их человек. В былые

времена он руководил биокибернетической командой. На самом деле, он работал на "CyberPath" двадцать два года, был одним из первоначальных разработчиков *Пространства*. Как такой парень докатился до того, что выпрашивал кредиты и спал в переулках? И как он вписался в кровавую резню Ползучего Лица?
- Это наш парень, Третий. Возьми его, пока это не сделали криоборги.
- А вы не можете накинуть на них сеть?
- Не можем. Автономный контроль, сгенерированный Матерью.
Траск понял. Они были как допотопное антивирусное программное обеспечение, запущенное с материнской платы... только у них были ноги, пустой разум, извращенная любовь к Матери, и они были неумолимы в своем преследовании нежелательных объектов, нуждающихся в чипировании.
Вернувшись в клоаку Большого Урода, Траск осмотрел убогие развалины и скопления мрачных фигур, наполнил голову трупной аммиачной вонью мегаполиса, пытающегося продезинфицировать свои заразные поверхности. Он наблюдал за безликими каргами, торгующими кожей, наркоманками, продающими психосинтетику и чипы нирваны четвертого уровня, которые могли открыть третий замутненный глаз и навсегда закрыть два других. Лоточники с голосами, похожими на скрип расстроенной шарманки, завывали, привлекая потенциальных продавцов подержанных идентификационных чипов, психонической пыли и ненужных детей. Барыги, с нечистоплотным, как выгребные ямы, складом ума, и торчки с отполированными кристаллическим сахаром зубами плечом к плечу терлись о киберджеков[25] и экто-френологов, транспортирующих контрабандный товар в глубинах своего мозга. Здесь можно было найти лекарства от паразитов и подхватить инфекции, которые валили с ног в страшных корчах, посмотреть шоу живых уродов и поглазеть на восковые фигуры изображающие крайние степени неестественной деформации человеческого тела. Грязь и убожество, энтропия и поддерживаемая государством стерильность.
Его остановила выглядящая забальзамированной женщина с вялым ртом и развратным взглядом.
– Есть закурить? - Траск помог ей прикурить косяк, наполовину состоящий из синтетического табака, а в основном из ганджи сорта "Человек на Луне" - биоинженерной конопли, от которой можно было тащиться часами. - Почему бы нам не вернуться в мою лачугу? У меня есть немного крэка. Я выстрелю в тебя розовым и разрушу твой разум.
- В другой раз.
Старик снова попытался скрыться, но Траск зарегистрировал его сигнатуру на инфраскане. Он подтянул свои поля и проверил квалификаторы. Все, что ему нужно было знать, отображалось на синтетической линзе его левого глаза. Установка имплантата был болезненной, словно роговицу натирали каменной солью, но без него быть копом было все равно что быть художником без кисти. К тому же Мать настояла.
Траск двинулся вперед сквозь толпу. *Привет. Как поживаете? Приятного вам вечера.* Толпа текла вокруг него, как мутная жидкость. Слишком много голосов, слишком много нейронов, перегружающих его интерфейс. Он отключил его, позволив себе на мгновение отдышаться. У него все еще была цель – старик Толлан, и Траск следовал за ним на безопасном расстоянии, тщательно отслеживая его на инфраскане. Охотник и добыча, но иногда роли менялись местами. Иногда мошенники подстерегали полицейских, заманивали их и выдергивали их чипы, как золотые зубы. Нужно было быть осторожным. Чипы личности копов приносили большие кредиты от азиатских синдикатов.
- Третий, ты с ним? - спросил голос по сети.
- Вцепился, как крыса.

- Никаких тяжелых вещей. Мать этого не хочет. Если он выйдет из-под контроля, верни его обратно. Ночь в "Сточной Канаве" должна его смягчить, - проинструктировали его с Базы, имея в виду СИЦ, Столичный Исправительный Центр – по всеобщему мнению средневековую тюрьму, кишащую вшами и крысами.
- Будет сделано, База.
Но Ползучее Лицо...
Траск продолжал представлять его себе, видел кого-то со скалящимся черепом и кукольными глазами, ночного охотника с пастью миноги, всасывающего кислород и выдыхающего чистые пары метана, ползучую заразную гниль, исходящую из теней в смертоносном хлорном тумане, с пальцами, заточенными в каналах, и с зубами, похожими на иглы, мультипсихопата с жутким истерическим смехом. Не такого, каких запирают в обитых войлоком комнатах, не торазинового торчка в обычном смысле, но, возможно, верящего в то, что он... или оно... и город сцепились в каком-то неестественном симбиозе кладбища и могильных червей.
Старик свернул в переулок, и Траск последовал за ним, так близко, что почти мог плыть в его тени. Но тут же у него по телу пробежала волна мурашек, словно сверчки поползли вверх по животу и вниз по позвоночнику. Он чувствовал, как что-то движется вокруг него, гротескные продолговатые формы, плавающие в прудах сгущающейся тьмы. Траск двинулся вперед, кожаные ботинки скрипели по бетону. Активировался камуфляжный экран. В один момент он был размытым пятном на фоне грязных кирпичей, в другой - человеком.
Толлан ждал его там.
Худой, почти истощенный, с дыханием, напоминающим бульканье древних труб в многоквартирных домах трущоб. Траск просто уставился на него, пытаясь смазать язык словами, но колодец пересох, а рот был полон песка пустыни. *Старик...* Траск вдруг не смог вспомнить его имя. Оно то появлялось, то исчезало, словно летучая мышь, проносящаяся в его голове, и чем больше он пытался вспомнить, тем больше это имя было раскаленным металлическим дымом на ветру, обжигающим внутренности его черепа. Глаза старика не мигали. Это были дикие красные глаза бабуина... Помилуй, Мать... словно раскаленные как горячая кровь зрачки, тлеющие в промозглой тьме пещеры, усеянной костями. Как будто у старика был хлеб, а Траск был мясной добавкой к бутерброду.
Что-то на мгновение смягчилось вокруг жирного рта старика. Он сказал:
- Пожалуйста... пожалуйста, просто уйди... Я пытаюсь отсоединиться.
К тому времени руки Траска, ветерана стольких кровавых войн и мексиканских стычек, уже сжимали автомат. Его голос звучал непринужденно. Он скользил вперед, как масло по полированному стеклу.
- Я здесь не для того, чтобы причинить тебе вред, - сказал он старикану. - Просто расслабься. У меня только вопросы. В Большом Уроде были убийства. Ты, наверное, слышал... очень мерзкие, приятель. "CyberPath" проследил тебя до каждого места преступления. Я хочу знать как ты в этом замешан. Мы можем выяснить это здесь или можем сделать это в "Сточной Канаве".
- Хочешь знать, являюсь ли я Ползучим Лицом?
- А это ты?
- Да, я - Ползучее Лицо. На самом деле, мы все - Ползучее лицо в наших снах.
- Ну, в каком-то смысле.
- Я допустил ошибку. Ужасную ошибку.
- Расскажи.
Старик пытался, но все это не имело смысла. По крайней мере очень мало. Что-то о гиперпространственной физике, вихревых перемещениях и гравитационных падениях,

ускорении углов и пространственных отклонениях. Мать была ключом к разгадке. Мать разобралась с переменными и открыла дверь в то, что лежало за пределами.
- Ты говоришь загадками, - сказал Траск, потому что, несмотря на то, что это было интригующе, он чувствовал, что Мать становится беспокойной от таких разговоров.
Но старик его не слышал.
Он, будто пребывая в каком-то наркотическом бреду, нес безумную хрень о "решетчатом дверном проеме 5-го звена", "гноящихся многоцветных трущобах застывших теней" и "запутанном лабиринте пересекающихся зеркальных миров". Вещи, которые вызывали какое-то беспокойство, но явно были блевотиной ума, полностью погрязшего в отвратительной выгребной яме. Траск все пытался перебить его, но его голос не был услышан. Старик хотел, чтобы он что-то узнал, и твердил ему красными губами, покрытыми белой пеной:
- Ты не знаешь и не слушаешь. Мать учит и Мать направляет, но еще Мать - враг и зодчий Ползающего Лица... она посеяла его в миллиарды голов, как оно было посеяно в ней... она знает... она знает, что в мире есть дыры и трещины в континууме... и когда ты смотришь сквозь них...
- Ты несешь какую-то бессмыслицу, - сказал ему Траск.
- Я придаю смысл бессмысленному. Ползучее Лицо! Хранитель ключей от темных пространств между звездами, материнского чрева первобытного хаоса антимира.
- Какое это имеет отношение к чему-либо?
- Прямое! У Ползучего Лица есть другое имя, но я не смею его произносить! Культ Корчащихся Мужчин, Храм Бескостных Женщин... было известно, что Он, Призрак Тьмы и Кровавый Язык, придет, потому что его голос эхом отдается в пустоте, и только он - Лицо-которое-Ползает! Мать уже не та, кем она была когда-то...
- Да ты совсем, блядь, спятил, - заорал на него Траск.
- Кристаллы, - бормотал в ответ старик. - Они падают через отверстия, через разлом. Ты их видел! Они повсюду! Один из них у тебя в кармане. Ты - часть матрицы.
Полоумная чушь, - но Траск вытащил кристалл, хотя бы для того, чтобы показать сумасшедшему старику, что он безвреден. И поймал себя на том, что смотрит в него... и снова что-то происходило... он вглядывался сквозь самое темное беспросветное пространство туда, откуда на него смотрел сверкающий трехлопастный глаз.

Нет, нет, нет...

Он видел многое, его мысли касались черных атласных фасадов кошмарных миров. Мать должна была остановить это... но она этого не сделала. Его зрение затуманилось, голова закружилась от вспышек белого света. Но когда он сморгнул, то увидел, что старик подошел ближе, и что-то змеевидное и раздутое заполняло его рот, как мясистый угорь, что его лицо было луковицей болезненного цветка из склепа, который хотел распуститься и излить нечистый свет, что из его носа хлынула черно-красная кровь... Затем старик дотронулся до него рукой и ощущение было будто от прикосновения покрытых слизью щупалец глубоководной медузы и... *милостивая Мать...* словно тысяча шершней одновременно вонзили в него свои жала.
У Траска перехватило дыхание, его тело содрогнулось. В голове вспыхивали точечные взрывы, и он дергался в клонических судорогах, ощущая кислотно-вонючий запах сгоревших батареек и грязного озона, мозг наполнялся желтыми парами и ртутными пульсациями.
Его глаза раскрылись, как резко раздернутые оконные шторы... Траск увидел, как мир расстегнулся и обнажил свою мясистую грубую анатомию, ползучие сине-зеленые сферы вгрызлись в его розовые, сочные ткани, открывая клубящийся черный туман мерцающего свечения и сияющие многолепестковые бриллиантовые глаза...

Затем он вернулся, тяжело дыша рухнул на колени, с серой, как пепел, плотью, из его горла вырвался визг, как у ободранной кошки. Он вдыхал и выдыхал, пока фантомы проносились перед его глазами, пытаясь ощутить себя здесь и сейчас, не зная, где он и что он. Было только это засасывающее ощущение темных скоростей и огромных пространств, смыкающихся позади него, как губы, его тело ныло, словно он прошел сквозь жестокий вражеский шквал порошкового стекла. Мозг Траска, казалось, вибрировал в черепе, полуразмытые воспоминания и наваждения летели через поле его разума. Беспорядочные геометрические формы, такие как трапеции и октаэдры, ползали, как черви. Лунные лестницы поднимались в бездны сплошной гудящей черноты. Ярусы протоплазменной слизи и кубоидов, которые медленно, как слизняки, перемещались в вакууме взвешенной металлической пыли. Сама вселенная дрожит, пульсирует, раскалывается, как яйцо, чтобы высвободить некий дрожащий нарост с головой эмбриона и телом, похожим на дрожащий мешок с веревками.
Траск моргнул, наверное, в десятый раз, и все исчезло.
Старик все еще стоял неподвижно, словно в трансе, затем его слезящиеся глаза разверзлись на покрытом тенями лице. Они были похожи на провалы, уходящие в удушающие глубины, окна, выходящие в комнату, где царили запустение и разложение.
По сети доносилось:
- Третий? Третий? Ты здесь?
Траск услышал свой собственный голос:

- Пх'нглуи мглу'наф Ктулху Р'лайех вга'наг фхтагн…

Может быть, старик рассмеялся со звуком, похожим на хруст стеклянных осколков под сапогами, или, может быть, это был шум вещей, перемещающихся в обратном направлении в сферах времени-пространства, но Траск видел его глаза, чувствовал их жар. Это были ярко-фиолетовые неоновые огни, горящие в ночи, шаровидные солнца, садящиеся над отравленными мертвыми мирами. Плоть старика превратилась в желе из пузырьков, из каждого вырывались щупальца и языки, пока он не стал чем-то вроде шевелящейся массы фосфоресцирующих пальцев, ползающих и скользящих существ, наводняющих его, а его лицо и форма переплавлялись в пластичную перистальтику ядовитого органического изобилия...
- Третий, пожалуйста, ответь немедленно!
Затянутый в перчатку кулак Траска помнил смертоносные очертания автомата, который он держал. Он нажал на спусковой крючок. Пули попали старику прямо между глаз... или туда, где они могли бы быть, если бы не выскользнули со своих мест в виде студенистых комков. Раздался металлический, отдающийся эхом - *лязг!* - когда пули вгрызлись в зеленый грязный мусорный контейнер позади него, проходя прямо сквозь металл, унося с собой фрагменты черепа и мозга. Старик упал на холодный бетон, и у него изо рта выскользнуло нечто похожее на блестящего белого червя, откормленного на мягких тканях. Оно высасывало кровь, крики и сладкий костный мозг из лопнувших костей. И на глазах у Траска оно разделилось, затем снова разделилось, превратившись в извивающееся сплетение червей-трупоедов, которые набросились на останки старика и обглодали их, прежде чем раствориться в мясистой луже вязкой слизи, исходящей паром желчи и желеобразного зеленого сока.
- Третий? Связь с тобой то появляется, то пропадает... что, черт возьми, происходит?
Траск, у которого внутренняя часть горла была обожжена горячей рвотой, моргнул. Все, что он мог видеть, - это изрешеченный пулями труп старика.

Что, черт возьми, это было?

Глюк или что-то в этом роде. На мгновение все пошло рябью, и Траск подумал, что ячейки его памяти опустошаются. Была ли это Мать? Он беспокоился не столько о себе, сколько о том, что у Матери может произойти сбой. Если *Пространство* исчезнет, может наступить хаос. Он

знал это как единственную истину; он был приучен принимать это как окончательную неизбежность.

Не Мать, придурок, а предсмертные муки Матери. Кристалл, кристалл, сияющий трапецоэдр…

Тот все еще был зажат в его руке, обжигая ладонь. Траск попытался бросить его, но кристалл, похоже, не хотел покидать его пальцы. *Избавься от него, ты должен избавиться от него.*

- Третий... проклятье! Твои сигналы неустойчивы...

Теперь его мозг был изолирован, разные сферы бушевали друг против друга, когда спонтанный разряд электрической энергии пронзил его нервную систему. Он услышал треск статического электричества в ушах, почувствовал покалывание вверх и вниз по позвоночнику. Мать сердилась все сильнее. Она собиралась отключить его, и он знал это.

- Третий! Поговори со мной! Мать злится!

Траск слышал этот голос, но тот для него ничего не значил. Болтовня, бессмысленные неразборчивые слова, словно комариное назойливое жужжание. Беспредметные, совершенно абстрактные. Он услышал резкий писк в ушах, вой в черепе. На объективе его синтетической линзы отображалось:

CYBERPATH GLOBAL, INC.
ЭТА ПРОГРАММА НЕ ОТВЕЧАЕТ
ПРОВЕДЕНА НЕЗАКОННАЯ ОПЕРАЦИЯ
ОТКЛЮЧЕНИЕ БУДЕТ ВЫПОЛНЕНО ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ СЕКУНД

- Господи Иисусе, Третий... поговори со мной... ты уходишь в спящий режим, - кричал голос с Базы. - *Поговори со мной...*

Траск снова попытался выбросить кристалл, и Мать выстрелила ему в голову еще большим разрядом электричества. Она не хотела, чтобы он избавлялся от него. Он слишком много видел и слишком много знал. Траск боялся использовать свои глаза. Мир, Большой Урод вокруг него... все это было ненастоящим, это была кожа, она изнашивалась, и он мог видеть сквозь нее, видеть...

Богохульную сказочную преисподнюю, которой не было ни здесь, ни там. Воющий диссонирующий звездный шум пульсирующей тишины. Гетто-пустошь кричащего лунного света, грохочущие неистовым хохотом коридоры морга, искореженные лестницы, ведущие в черные пропасти просачивающегося небытия. Корродированный металлический послед...

ОТКЛЮЧЕНИЕ БУДЕТ ВЫПОЛНЕНО ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ СЕКУНД

Блядь. Обратный отсчет шел полным ходом, и Траск почувствовал, как что-то копошится у него в животе, словно сухопутные крабы, раскаленные провода изгибаются дугой в груди, кольца питона выдавливают дыхание из его горла. Он хотел заговорить, знал, что должен заговорить, но... *о, пресвятая квантовая Мать...* слова вертелись у него в голове, но не могли сорваться с языка, чтобы подать сигнал о своем присутствии...

ОТКЛЮЧЕНИЕ БУДЕТ ВЫПОЛНЕНО ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ СЕКУНД

База… База… я не могу говорить, потому что мой рот не работает… мое горло парализовано… помоги мне, о, милая Мать, помоги мне, я не хочу, чтобы меня отключали…. я не хочу, чтобы мою память стирали… я не хочу, чтобы меня заново чипировали и перезагрузили… я…

ОТКЛЮЧЕНИЕ БУДЕТ ВЫПОЛНЕНО ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ СЕКУНДЫ

А затем его голос вырвался из горла пронзительным флейтирующим криком:
- База... База... у меня произошел сбой... глюк... но я вернулся...
- Черт, Третий, ты был очень близок.

ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ В РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ

- Я был словно простыня на бельевой веревке, - сказал Траск. – Ветер подхватил меня... поднял, и я смог заглянуть сквозь этот мир в другой.
- Повтори, Третий?
Траск покачал головой.
- Я думаю, что это из-за контакта с Ползучим Лицом.
- Он смог тебя одолеть? Ты сильно пострадал?
- Нет... Я думаю, это было психическое.

ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТЫ СИСТЕМЫ ПРЕРВАНО

- Тебе лучше быть осторожнее, Третий. Играй по-настоящему круто.
Но Траск ответил, что теперь от него мало толку, он практически труп. Он понимал это, потому что что-то происходило, и дать этому объяснение было невозможно.

* * *

В синей тишине его мозга раздавались голоса. Хотя он и старался отключиться от них, он не мог не слышать, что они говорили. Голоса раскрыли ему, что он больше не работает с жидкой оптической матрицей Матери, а соскребает с алтаря чего-то совершенно другого, чего-то, что заразило ее. Но Траск не хотел этого слышать; это было слишком похоже на то, что сказал старик. Но голоса продолжали звучать. Мать разлагалась изнутри.
Мать?
Мать?
Но Мать не отвечала и не реагировала на такие еретические идеи. Что-то случилось, что-то бесконечно плохое, и Мать погрузилась в Большой Сон, и результат был виден на улицах. Хаос. Мать пыталась отключить его, и это было не потому, что он не реагировал, а потому, что он пытался избавиться от кристалла. Несмотря на все свое всемогущество, Мать знала и чертовски хорошо понимала, что существует нечто гораздо большее, чем она сама, нечто огромное и темное, что вторглось в нее, и поражало, как раковая опухоль. Теперь она общалась с этим, и, как сказал старик, Мать уже была не той, кем была раньше.
Пробираясь по улицам, Траск тянулся не только к Матери, но и к Базе... но они обе исчезли, их заживо поглотила бесплодная злобная язва, вторгшаяся в нейроплекс "КиберПространства". Он был отключен от сети, а основной интерфейс вышел из строя, мнемотехника исчезла, квантовый привод сам себя уничтожил. Траск подумал, что все эти чипы в миллиардах голов, подключенные к Матери, теперь были подключены к чему-то еще, что анализировало каждый чипированный мозг. Злокачественный паразит, подсоединившийся к каждому разуму, насыщался паритетами[26]и метаданными, выводом и вводом, загрузочными секторами и векторами, истощал силу этих разумов и высасывал кровь из киберсферы...
У Траска раскалывалась голова. Размышления, образы, все эти беспорядочные случайные мысли в его голове без какого-либо надзирателя, который мог бы направлять их. *О, Мать,*

милая Мать, помоги мне, помоги мне. Электрические огни мерцали над улицами, вспыхивал ретро-неон, трехмерные ореолы двигались по фасадам зданий, словно извивающиеся трупные черви. От канализационных решеток поднимался пар, и клубы едко пахнущего низко стелющегося тумана окутали его ноги.

Он видел толпы людей, похожих на безмозглых, мечущихся насекомых, корчащихся и извивающихся длинноногих тварей, сгрудившихся над трупом Большого Урода, питающихся им. Они дрожали и танцевали, пели и визжали, выкрикивая слова, которые не имели смысла, но... в корневом ядре нейроинтерфейса в их мозгах... несли в себе весь смысл в мире. Абсолютный хаос. Что они делали? Поднятое над толпой чучело, привязанной к грубым перекладинам было подожжено... только это было не чучело, потому что чучела не взывали о защите Матери. Все больше таких марионеток вспыхивало повсюду, они уже горели на каждом углу улицы, толпы бились в истерике от восторга. Вокруг них кружили фигуры в белых простынях, но Траск видел, что это вовсе не простыни.

Шум. Неразбериха. Треск пламени, густой жирный дым и безумие.

Город превратился в кишащую, загноившуюся выгребную яму черной злобы и страдающего бессмысленного зла. *Может быть, так было всегда,* - подумал Траск, - *но виртуальная маска Матери скрывала это.* Каждую ночь город расправлял свои отвратительные лапы, и каждое утро он выковыривал паразитов из своей спутанной окровавленной шкуры и сбрасывал их, вопящих, в черную канализацию.

Пытаясь отдышаться, Траск огляделся, все вокруг было серым и закопченным, покосившимся, неестественно вытянутым и гниющим. В воздухе воняло промышленными отходами и содранной детской кожей, трупами, брошенными разлагаться в сточных канавах. Испещренные тенями улицы стали игровой площадкой Ползучего Лица, и его глаза кобры считали мертвых детей, насаженных на крюки в пыльных витринах мясных лавок. Большой Урод стал еще уродливее, когда в него вторглась другая реальность, узурпировав реальное и умножая антиреальное.

Повсюду раздавались крики, которые, казалось, никогда не прекратятся.

Поток тел, уставившихся остекленевшими глазами вверх на туманные звезды, безумная свистопляска агонизирующих танцоров, крадущихся фигур и цепляющихся теней, нескончаемый хоровод людей, сведенных с ума каждым низменным желанием, которое Мать запрещала. Вырвавшихся из клетки, визжащих от безумия и лунной лихорадки.

Таск упал на тротуар, молотя кулаками, пока космос вокруг него кружился и вращался, стряхивая гнид со своей шкуры. Это было все равно что приходить в себя, избавляясь от влияния тяжелой дури. *Милая Мать...* Теперь он мог вспомнить это. Это была не абстрактная концепция, а реальность. Запах смерти. В этом и была вся суть... *Запах смерти.* Вот что улавливал его нос. Запах смерти, который наполнял голову и лопался в мозгу, как черные кровавые пузыри, во время ломки. На самом деле это был не запах, а его *отсутствие.* Отсутствие запаха органического оборудования, которое заполняло пространство.

Теперь он исчез.

Мать была заражена тем, что передал ей Толлан, и эта инфекция проникла в каждый чип и сознание в онлайн режиме, и теперь она возвращалась к Матери: утонченная, смертоносная, всепоглощающая.

Это были вещи, которые Траск знал уже давно, только Мать, изъеденная метастазирующим многомерным раком, не позволяла ему… или кому-либо еще… думать об этом. Но теперь, будучи в оффлайне, он мог видеть, и мог думать. *Помнить.* Как собака, выкапывающая старые кости из канавы и грызущая их, он вспоминал. *Да, все мы в наших снах… должны были быть вне сети, но мы были подключены к интернету, виртуально*

взаимодействовали в наших снах, и в это время вирусы все глубже проникали в нейроплекс, паразиты откладывали яйца в нервных клетках Матери, порождая поколение опасных вредителей. Но Мать этого не осознавала. Она была заражена паразитом, и вела себя как рыба, которая верит, что червь, свисающий с ее кишечника, является частью ее тела и защищает его.

Закричав, когда все вокруг него начало разваливаться на части, чувствуя, как что-то темное и злокачественное раздувается в центре паутины нейроплекса, Траск побежал.

Кристалл в его кармане нагрелся до обжигающей температуры, и он поспешил вытащить его и отбросил в сторону, но слишком поздно. Слишком поздно. Тот светился, пульсируя энергией. Траск посмотрел на разрушенный ландшафт техноруин и увидел десятки и десятки других огней, протягивающих свои сияющие трапецоэдры высоко в ночное небо. Большой Урод был городом по имени Голод, и мясо было его валютой.

Траск спотыкаясь брел вперед, следом за ним, оскалив заляпанные пеной пасти, бежала стая бешенных собак с лысой, покрытой волдырями кожей. Пожирай и будь съеден - таков был закон кричащего геноцида под бдительным взором Ползучего Лица. Он приближался даже сейчас... Трехлопастный кровавый глаз из серебра и сапфира наблюдал, следил.

Да, да, звезды были правы, и Траск чувствовал, как они прожигают в нем дыры. Мир Матери представлял собой сферу из гнилых, сочащихся соком фруктов, изъеденных червями. Она открывалась, как раздвигаемые, покрытые смазкой ноги, как расщелина, из которой хлестали скользкие, похожие на паутину, потоки яичных гроздей, шипящих розовым радиоактивным паром, мясистые жемчужины, пульсирующие инопланетные соты, свернувшиеся коконы, лопающиеся, как сырой желток, бесформенные глаза, пульсирующие мягкие механизмы, огромный деформированный желеобразный эмбрион, выскальзывающий из кристаллической оболочки плаценты и мира, Большой Урод ответил тем же становясь...

Безымянным Городом со вздымающимися зазубренными шпилями, омываемыми забитыми трупами канализационными коллекторами, в которых бурлили потоки визжащих, извивающихся зародышей. Ветхим подвалом болезненного творения, населенным червями из многоцветной слизи, вереницами живых пузырей, ползущих по небу. Под голодными тенями покосившихся остроконечных крыш и ухмыляющихся трапециевидных лун ждал Ползучее Лицо.

СБОЙ
СБОЙ

Сбой?
Что это было?
Мать?
Мать?

Траск чувствовал, как чип в его мозгу взаимодействует с нейроплексом, становится его частью, соединяется, помещается в буфер обмена, подключается и загружается. И в синт-линзе левого глаза он увидел слова:

CYBERPATH GLOBAL, INC.
!!!ВНИМАНИЕ!!!
ЭТА ПРОГРАММА ЗАРАЖЕНА
АКТИВИРОВАНА МЯСНАЯ МУХА
ЗАПУЩЕНА НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ВРЕДОНОСНОГО ВИРУСА

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

НАЧИНАЕТСЯ УДАЛЕНИЕ СЕКТОРА
АКТИВИРОВАНА МЯСНАЯ МУХА
МЯСНАЯ МУХА
МЯСНАЯ МУХА
МЯСНАЯ МУХА
МЯСНАЯ МУХА
МЯСНАЯ МУХА

Какого черта?

Траск увидел тысячи, затем миллионы а, возможно, и миллиарды радужных сфер, усыпавших небо, словно мыльные пузыри, заполняющие раковину. Оболочки раздувались, а затем каждая лопнула, и, словно пульсирующая яйцеклетка, высвободила из себя продолговатую студенистую червеобразную форму розово-серой набухшей плоти с овальным сморщенным ртом. Те плавали, как пиявки-кровососы, заполняющие пруд, обрушиваясь дождем на город и оставляя за собой странно пульсирующий сияющий слизистый след послеродовых выделений. Они наводнили город, как полчища саранчи, их рты прогрызали пути сквозь массы людей, которые держали свои кристаллы в ожидании прихода Призрака Тьмы, физического воплощения Ползучего Лица, которого на древних языках звали *Ньярлатхотеп*.

Это были Мясные Мухи.

Траск понял, это было похоже на отсечение Матерью пальца, для спасения всей руки. Трупные мухи питались падалью, больными и инфицированными тканями, и именно этим занимались Мясные Мухи. Противовирусные, противоинфекционные, сосущие, плотоядные опарыши, выпущенные Матерью для искоренения и очистки зараженных секторов... и этими секторами были чипированные человеческие мозги, которые сначала получили виртуальную сущность Ползучего Лица, психическую эманацию Ньярлатхотепа, затем воплотили его, чтобы подготовить путь, истребляя верующих, как это должно было быть в древние времена.

Червеобразные падальщики проносились сквозь толпы, рассекая их, как циркулярные пилы, выискивая псионические и электро-магнитные излучения самих чипов и нейтрализуя мозги, в которые они были вживлены. Улицы превратились в живодерни, забитые человеческой мякотью и костями, в которых прокладывали туннели опарыши Мясной Мухи. Обезглавленные тела криоборгов и людей были свалены в огромные, истекающие кровью кучи.

Траск услышал, как опарыши приближаются к нему, сопровождая свои перемещения цифровым сигнальным жужжанием.

Пока ад сгущался и пожинал плоды, он натыкался на обломки черных изрытых дырами фосфоресцирующих костей, сохнувших в зловонно-илистых коридорах городского кладбища, когда неоновые опарыши Мясных Мух скользили по человеческим рекам в потоках полуночной кристаллической слизи. Мать в конце концов добилась своего: больше никаких слез, никакой холодной дрожи перед постмодернистской тоской или техно-отчаянием, человеческий род прекращал свое существование, цивилизация высасывалась стерильными нейро-вампирами.

Улицы, заваленные осколками битых стекол...

...призрак снова запечатанный в своей бутылке с атомной сывороткой...

...поблескивающие пластиковые глаза несчастных покинутых маленьких помощников Матери...

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

...варево из человеческого мусора, с влажным чавканьем стекающее по канализационным стокам, когда векторы виртуальной реальности закрылись, чтобы показать синтетический мир, который был ярко отполирован, наполнен надеждой и населен кладбищенскими крысами. И когда программа Мясная Муха прекратила свое существование и опарыши растворились в кибер-небытии, из которого они были созданы, собственный голос "КиберПространства" закричал в тишине разбитых черепов:

Мать, я один. Совсем один!

Мать!

О, пожалуйста, Мать, помоги мне!

Перевод: Виталий Бусловских

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ГИБЕЛЬ "ПРИЗРАКА"

"У неё не видно было ни переда, ни зада, ни начала, ни конца,
никаких признаков органов чувств или инстинктов;
это покачивалась на волнах нездешним, бесформенным видением
сама бессмысленная жизнь".

- Герман Мелвилл.

Китов было очень мало.

Мы находились к северу от острова Умнак, 56°15' северной широты и 169°26' западной долготы.

В последние тридцать шесть часов нам совсем не везло. Мы лишь разок встретили крохотный косячок кильки, но ради неё даже не стоило забрасывать сети. А ещё один раз мы заметили на горизонте китовый плавник, но он быстро скрылся под водой.

В разгар лета в Беринговом море можно было ожидать большого количества рыб, направляющихся на север, но удача сегодня была не на нашей стороне.

У нас в трюме стояло 1200 бочек, из которых только триста были наполнены китовым жиром. Нигде не было ни намёка ни на гренландского, ни на горбатого.

По крайней мере, живых.

И это, пожалуй, было самым тревожным.

Эти земли богаты добычей, однако за последние восемь часов мы встретили лишь двух гренландских китов, и оба были мертвы. Огромные плавающие туши, похожие на корпуса перевернутых бригов, клевали голодные чайки.

В этих водах мёртвые киты не были редкостью.

Часто китобои гарпунили их, но животные пытались спастись, пока хватало сил, а потом умирали среди океана.

Но на встреченных нами тушах были не следы гарпунов, а жуткие рваные раны, словно от некого чудовища. Огромные куски плоти были вырваны по-живому, бока усеяны линейными разрезами и будто выпиленными прямиком до кости ранами. Второй труп был обглодан от хвоста до носа, блестя на солнце оголённым черепом. Оба, насколько мы могли судить, были огромными молодыми зверями, убитыми неизвестной и необъяснимой силой.

Кроме обычного маслянистого пятна вокруг трупов мы заметили большое количество бледной свернувшейся слизи, которая очень походила на спермацет, выжатый из мешка в голове кашалота... хотя и гораздо более вязкий. От него исходил резкий, отвратительный запах, от которого нескольких членов экипажа стошнило за борт. Мне этот запах напомнил кожевенный завод - вонь химикатов и гниющих шкур.

Это сделали не акулы и не касатки - ни у одной из них не было челюстей, способных нанести подобный урон.

Всё было очень странно, и ни я, ни другие помощники, ни даже капитан Инглебритцен - суровый старый голландец - не понимали, что произошло.

С другой стороны, мёртвые китообразные - не наша забота. Наше дело - их отлов и убийство.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

В семь часов Голландец, как обычно называли нашего капитана, вызвал меня и помощников на квартердек. Седовласый и кучерявый, он смотрел на беспокойное море.

- Что скажешь? - спросил он Клегга, первого помощника.

- Идём по курсу, - ответил Клегг. - С севера на северо-запад. Эти земли богаты, и удача повернётся к нам лицом.

- А ты, дружище? Что скажешь, мистер Холливелл? - обратился Голландец ко мне.

- Да, сэр, я согласен с мистером Клеггом.

Грир, третий помощник, тоже кивнул.

- У нас есть слово "Бакстона", сэр, и меня это вполне устраивает, - добавил Клегг.

Вчера утром мы столкнулись с "Бакстоном", китобоем-янки из Нантакета, возвращавшимся домой с полными бочками. Со слов их старшего помощника, они встретили стаю китов - "таких огромных, что на их спинах можно балы устраивать".

- Да будет так, - кивнул Голландец и бросил на меня настороженный взгляд. - Что по журналу?

К этому времени мы уже успели посчитать скорость судна с помощью троса и песочных часов.

- Двенадцать узлов, сэр.

- Так и держи.

Я присоединился к нашему гарпунщику Швайнигу, стоявшему на баке, чувствуя, как брызги воды бьют мне в лицо. Швайниг был карибским индейцем, как и все наши гарпунщики, и как следствие, человеком очень немногословным. Но когда он повернул ко мне свое татуированное лицо, я сразу понял, что он хочет что-то сказать.

- Выкладывай, - кивнул я.

- Мы видели двух мёртвых китов, разорванных гигантской пастью.

Он пожал плечами.

- И скоро увидим ещё. Потом по трое, по четверо. Не напоминает тебе след? След, ведущий нас куда-то?

- К земле, друг мой. К земле.

- Да, но *к какой* земле?

Я не стал расспрашивать Швайнига подробнее, потому что очень часто многое из того, что он говорил, звучало полной бессмыслицей для ушей белого человека, и если он не хотел вдаваться в подробности, никакая сила на земле не могла заставить его сделать это.

Я стоял у фальшборта и наблюдал, как острый нос "Призрака" вспарывает брюхо белой пене моря.

Небо было ясным, а ветер - свежим. Из-за фок-мачты - там, где готовился китовий жир, - поднимался столб дыма. Палубы были белыми от соленых брызг и постоянного отдраивания досок от жира и крови.

"Призрак" был трёхпалубным судном с фок-мачтой, бизань-мачтой и одной грот-мачтой. Более прекрасного барка я в жизни не встречал. На нём находилась команда из 35 человек, включая гарпунщиков, матросов, помощников и рулевого; у фальшборта висели четыре великолепных вельбота[27], готовые спуститься на воду и броситься в погоню в любой момент. Нос корабля такой острый, что мог бы вспороть горло киту, а утроба была заполнена бочками с китовым жиром.

Она отлично вела себя в открытом океане, а её капитан - Голландец - был старым морским волком.

Пока стоял там, чувствуя барк под собой и зная его так же хорошо, как свое собственное тело, я посмотрел за корму и увидел дорожку пены, которую он оставил за собой. Она

извивалась и вздымалась над холмистым ландшафтом волн, растворяясь, в конце концов, в гребнях огромных валов.

Закрыв глаза от брызг, я слышал шипение пены и отдаленный гром моря, разбивающегося о наш нос.

Ветер ревел в мачтах, скрипели лонжероны и скрежетали цепи.

Это были звуки движения, преследования и успеха.

В восемь я принял вахту, поменял двух человек на баке, а троих отправил карабкаться, как обезьян, вверх по мачте в качестве дозорных. С того момента, как китобойное судно покинуло порт, на мачтах всегда находились дозорные. Они менялись каждые два часа.

Я очень надеялся, что три новых пары глаз принесут нам новости о тех неуловимых зверушках, за которыми мы охотились.

Я оставил Швайнига на носу и вернулся на палубу, заметив Клегга у главного люка. Он был один. Его гарпунщика, Оддрога, тоже карибского индейца, нигде не было видно, хотя гарпунщик всегда находился рядом с помощником. Они были одним неделимым целым.

Но в тот день с нашими ребятами творилось что-то неладное, и я знал, что именно.

Клегг стоял и смотрел, как кипит вокруг нас бурное море, как корабль переваливается с левого борта на правый и обратно. Он изучал море в подзорную трубу, широко расставив ноги, чтобы сохранить равновесие во время качки.

Не отрывая глаз от горизонта, он тихо произнёс:

- Ну что, Холли? Похоже, твой гарпунщик испугался тех же призраков, что и мой?

- Это из-за китов, сэр. Швайнига напугали их трупы.

- Как и Оддрога, - кивнул Клегг. - Я даже боюсь упоминать о них в его присутствии, опасаясь, что он упадет на палубу, начнет распевать предсмертную песнь и перережет себе глотку. А ты сам что думаешь?

Я прислушался к скрипу и стону бревен над головой.

- Я не знаю, что думать, сэр. Вокруг ведь действительно должны кишмя кишеть киты, а мы встретили лишь парочку изодранных туш. Что-то не так.

- Точно. У Оддрога сложилось впечатление, что мы плывем прямиком к какому-то китовому кладбищу.

У меня вдоль позвоночника пробежал холодок, хотя я и понимал всю абсурдность этой идеи.

Легкий ветерок метался среди снастей, наполняя паруса ветром. Эти звуки и картины всегда наполняли меня радостным возбуждением, а ночью - спокойствием и целеустремленностью.

Но сегодня это были просто одинокие звуки.

Я безумно хотел просто взять и отмахнуться от причуд наших гарпунщиков, но не мог.

Ибо и сам начинал чувствовать *нечто*.

Что-то зашевелилось в глубине моего существа; что-то холодное и мрачное раскрылось внутри, как лепестки погребального цветка. И я не мог это игнорировать. Это было ощущением надвигающейся катастрофы, чего-то неведомого, но огромного и даже осязаемого своей мрачной тяжестью.

- А что думаете вы? - поинтересовался я.

Клегг опустил подзорную трубу.

- Если бы я знал...

Пока он шел на квартердек к Голландцу, я подумал, не чувствует ли этого весь экипаж.

Разве все они не были на взводе последние несколько дней? Мрачными? Нервными?

Да, экипаж у нас всегда был не самым дружным, и драки случались. Мы с помощниками частенько хватали друг друга за грудки, и Голландцу не раз приходилось наказывать виновных. И сейчас я задумался, из-за чего это происходило. Из-за их нелёгкой жизни или из-за чего-то большего? Из-за того, что они *ощущали*?

Конечно, наша жизнь не была простой. Однообразное существование в течение многих дней, когда в итоге практически весь доход шёл владельцу компании, а мы получали жалкие гроши.

Жизнь на китобойном судне означала долгие годы в открытом море, усталость, разочарование и даже опасность. А после некоторых "круизов" на прибыль можно было и не надеяться.

Работа была чертовски изнурительной и неприятной.

Как только кита затаскивают на корабль, над его телом навешивают разделочную платформу. После этого капитан и его помощники снимали подкожный с туши кита большими полутораметровыми пластами с помощью ножей и специальных инструментов. К киту цепляются крюки, и каждая команда занимается своей частью туши.

И вот после этого начинается настоящая работа.

На палубах, скользких от крови и жира, они разделывают туши, разрезая ворвань[28], в то время как корабль раскачивается взад и вперед, окутывая их зловонием, которое невозможно смыть в течение нескольких дней и даже недель. С помощью специальных ножей жир вырезался в специально отведённом помещении и бросался в огромные котлы на кирпичных плитах. Кипящий жир сливали в медные баки и составляли в бочки, которые хранились в трюме.

Мужчины никогда не сидели сложа руки.

Они находились в постоянном движении, окруженные со всех сторон опасностью. Некоторых раздавливало на палубе под тяжестью падающих пластов жира, весящих до тонны; некоторые напарывались на режущие лезвия; другие падали в бурлящие и кишащие акулами воды; а четвёртые ошпаривались до костей кипящим китовым жиром.

И даже когда последний бочонок оказывался наполнен и уложен в трюм, мужчин заставляли чистить и скрести палубу, пока вонь копченого жира окутывала их тошнотворным покрывалом.

Поговаривали, что торговые суда и военные корабли чуют приближение китобоев по запаху, и я в этом не сомневался. Каждый раз после возвращения в порт я и сам замечал, что, когда потею, всегда чувствую запах ворвани и крови. Что же говорить о тех, кто непосредственно участвовал в разделке туш?

Нет, наша жизнь не была легкой ни для кого на этом судне.

Но простым работягам, несомненно, было сложнее всего. Они обитали в мире гниющей рыбы и прогорклого китового жира, крови и мочи, плечом к плечу с немытыми, вонючими телами своих товарищей по кораблю, теснившихся в трюме или в полубаке. Их жизнью была череда изматывающих, однообразных путешествий, по окончании которых они получали сущие копейки или не получали ничего вовсе.

Да, их жизнь была непростой.

Но, возможно, дело было не только в тяжёлом физическом труде?..

Может, они ощущали какое-то надвигающееся чувство обреченности и трагедии, которое сшивало вокруг каждого из них свои собственные саваны?

Потому что, клянусь Богом, я и сам начинал это чувствовать.

* * *

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Через несколько часов после обеда, состоявшего из галет, соленой вяленой говядины и крекеров, я вышел на палубу, чтобы принять вахту с правого борта.

Волны больше не поднимались так высоко, что я посчитал хорошим, обнадёживающим знаком. Наш нос по-прежнему был направлен на северо-северо-запад; мистер Клегг стоял на корме с Голландцем, очевидно, вовлеченный в какую-то горячую дискуссию, которая совершенно меня не касалась.

Разговор шкипера и первого помощника - не для посторонних ушей.

Мужчины скребли ржавчину и облупленную краску. С моря дул свежий ветерок, относительно тёплый для лета в Беринговом море. Воды, рассекаемые носом нашего барка, были однообразно серыми и пустыми. Выглянуло солнце, отбрасывая блики на медных люках и застеклённых окнах кают.

После короткого сна и лёгкого перекуса я чувствовал себя на удивление жизнерадостным. Но этому суждено было продлиться недолго.

Один из дозорных на носу закричал:

- Эй! Впереди что-то есть! Я вижу троих... возможно, трупы!

Все повскакивали, зашумели, но в глубине души понимали, что ничего хорошего нас не ждёт. Если бы он увидел "фонтанчик", то уже издал бы освященный веками клич: "Фонтан на горизонте!"

- Что там, парень? - крикнул Голландец.

Дозорный наверху не сводил глаз с подзорной трубы.

- Не уверен! - крикнул он нам. - Три туши... возможно, мёртвые, я не вижу фонтанчика! Но... но там какое-то движение, ей-богу!

Капитан недовольно поморщился.

- В какой стороне?

- Три градуса справа по курсу!

К тому времени мистер Клегг уже бросился к штурвалу, вращая колесо и поворачивая нос корабля.

Дозорный сообщил, что таинственные туши находятся примерно в полутора-двух милях от нас. Голландец велел ему не спускать с них глаз и крикнуть, когда нос станет указывать прямо на них. Обычно это было самым волнующим моментом на борту китобойного судна. Но с учётом того, что наш парень до сих пор не заметил никаких фонтанчиков, мы были мрачны и настороженно ожидали худшего.

На палубу вывалила вся команда, и каждый надеялся, вопреки всякому здравому смыслу, что кто-нибудь заметит фонтан воды, потому что это означало новые запасы китового жира и более существенный доход для всех нас.

Я стоял на носу, ожидая появления этих туш и почти страшась того момента, когда они станут заметны невооружённым взглядом.

Ветер наполнял паруса, и наш нос рассекал набегающие волны. Корабль поднимался и опускался, доски стонали, такелаж скрипел, и мы подходили всё ближе.

Вскоре дозорный крикнул:

- Впереди, впереди! Прямо по левому борту!

Стоявший рядом со мной Швайниг, чье зрение могло соревноваться с орлиным, похлопал меня по плечу.

- Смотри! Они уже заметны!

Теперь их видел и я.

Две огромные туши китов дрейфовали по волнующемуся морю, их громады поднимались на гребни огромных волн, а затем опускались в ложбины между ними медленным, легким

движением, которое противоречило огромному весу. Обе были огромными самками гренландского кита с блестящей, иссиня-чёрной кожей, покрытой ракушками на выгнутых спинах. Каждая была около пятнадцати метров длиной и весом в добрые пятьдесят тонн. У китов таких размеров жира хватит на сотни бочонков.

Точнее, хватило бы, если бы тела не были так искалечены.

Даже на таком расстоянии я видел, что бедняги не только мертвы, но и ужасно изувечены. Туши выглядели так, словно в них стреляли из пушки - разорванные, искореженные и местами практически вывернутые наружу. Плоть была вырвана кусками, а вода вокруг залита кровью, жиром и внутренностями.

И ещё я заметил небольшие лужицы бледной вязкой слизи.

Оба кита находились с подветренной стороны. Ближайший был почти разорван пополам; другой был выпотрошен до позвоночника с одной стороны, а другая сторона осталась нетронутой. Оба гиганта катались по волнам с ужасными, шлепающими движениями, и вонь их крови и плоти была невыносимой.

- Еще один впереди! - крикнул дозорный. - Что-то... что-то за ним гонится!

- Сейчас увидим, - прошептал Швайниг. - Сейчас увидим...

- Парни! - крикнул Голландец. - А ну добрать брас! Повернуть грота-рею!

Все бросились выполнять распоряжения, и вскоре корабль уже плавно шёл по волнам со скоростью самого моря.

Голландец стоял на носу, глядя в подзорную трубу.

- Тысяча чертей! Что это за ужас?

Мы заметили третьего кита - тоже гренландского - с наветренной стороны. Это была самка около восемнадцати метров длиной. Неимоверно огромное животное. Я даже представить себе не мог, кто рискнёт напасть на такого исполина.

Но кто-то всё же рискнул...

Даже сквозь подзорную трубу я не мог точно сказать, что это было за существо.

Я видел... Я видел что-то призрачно-белое, волнообразное, разбивающее прибой, рвущееся к киту размашистыми режущими движениями. С каждым ударом кит вздрагивал, дергался, как кусок хлеба, на который в пруду набрасывался карп.

Только вот передо мной сейчас был не карп. Я не понимал, кто это существо, дрожа от отвращения.

Каждый раз, когда зверь врезался в тушу, кит вздрагивал, и в воздух взлетали огромные струи кровавых брызг.

- Парни! Быстро к лодкам и готовьтесь к спуску! - крикнул Голландец.

- Мы... Мы будем охотиться на ЭТО, сэр?! - воскликнул я.

- Ещё как будем, малец! Мы поймаем этого зверя! Это морское чудовище и убийцу китов! Мы забьём его гарпунами и сделаем чучело для украшения корабля - из этого проклятого ужаса, который пожирает наши средства к существованию!

Мысль о том, чтобы преследовать это чудище, казалась мне нелепой, и я знал, что то же самое чувствовала вся команда. Это легко читалось по их бледным лицам.

Но... Капитан отдал приказ, и мы вынуждены были подчиниться.

И как бы мы ни боялись столкнуться с этой тварью на открытых вельботах, нам всем было любопытно взглянуть на нее поближе. Своими глазами увидеть монстра - убийцу китов.

Голландец велел нам не просто взять с собой гарпуны и копья, а вооружиться по полной.

Что мы и сделали.

Матросы похватали топоры, багры и пики, а каждому помощнику капитана Голландец дал по прекрасному карабину Шарпса калибра .52.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Клегг, Грир и я собрали экипажи и расселись по лодкам. Надели непромокаемые костюмы. Зарядили оружие, закрепили канаты. Краны раскачивали наши лодки над морем.
Весь экипаж напряжённо следил за нами.
На каждую шлюпку приходилось по шесть человек, включая помощника капитана и гарпунщика. Остальные члены команды всегда оставались на борту "Призрака" в качестве смотрителей, пока мы охотились за добычей. Все спустились на палубу, чтобы проводить нас, и только главный дозорный остался на своём месте. Никогда в жизни ни на одном китобойном судне не было более напряженного момента.
Голландец набрал полную грудь воздуха и прокричал:
- Спускайтесь! Спускайтесь, мои славные ребята! Мы должны отдать должное дьяволу! Спускайтесь!
Вельботы спустили в море, и мы, перебравшись через борт "Призрака", попрыгали в лодки. Подняв якорь, я посадил свою команду на весла - Посуна, Дэ Кампа, Уайта и Шорнби - и взялся за штурвал, в то время как Швайниг стоял на носу, ожидая своего шанса бросить гарпун. Он пел себе под нос какую-то древнюю индейскую погребальную песню, как делал всегда, когда готовился убивать. Его темные глаза тлели на бронзовом, покрытом татуировками лице, а мысли витали где-то далеко. В его жилах текла горячая и древняя кровь его народа, когда он пел и привязывал трос к железным ремням своих гарпунов.
Наши вельботы были около девяти метров длиной. Они были остры, как бритва, и на корме, и на носу, и быстро рассекали бурлящее море.
Мы обогнули нос "Призрака" - лодка Грира шла позади нас, - и я увидел, что лодка Клегга идёт от нас по левому борту.
- Рассредоточимся! - крикнул нам Клегг, удерживая лодку на гребне серой волны. - Рассредоточимся и обойдём зверя с трёх сторон! Вперёд!
- Вы слышали первого помощника! - крикнул я своим ребятам. - А теперь гребите, гребите, гребите! Вот так, ребята! Гребите, во имя Бога и страны! Гребите, ради своих матерей, жён и сыновей, рожденных и нерожденных! Гребите, ради Бога! Приведите нас к этому уродливому чудовищу, убивающему китов, чтобы мы угостили его своими гарпунами! Гребите, говорю вам! Гребите, гребите, гребите, черт бы вас всех побрал!
Это была самая захватывающая часть дела; спросите любого человека, который бывал на палубе китобойного судна, в то время как оно качается, бросая салаг от одного борта до другого, пока помощники капитана твёрдо стоят на ногах. Это был момент, который обычно сводит на нет недели скуки; момент, когда вы гребете к своей добыче и подводите ее на расстояние выстрела, а гарпунер пускает в ход железо.
Затем начинается долгое выматывание зверя, и когда кит устает, помощник наносит смертельный удар копьем.
- Труба горит! - кричит дозорный, когда левиафан извергает фонтан крови, и начинается настоящая работа.
Обычно так и происходит.
Но сегодня у нас была не обычная добыча, и каждый мужчина в лодке знал это. Мы шли навстречу неизвестности и чувствовали поселившийся в нас страх. Да, страх был всегда, но сегодняшнее чувство не шло ни в какое сравнение с предыдущими походами - оно было диким, первобытным, всепоглощающим.
С такого расстояния мы уже легко могли рассмотреть мёртвого кита. Даже накатывающие волны не могли скрыть от наших глаз эту исполинскую черную фигуру.

Как и другие туши, эта перевернулась, замерла и начала источать в воздух убийственный запах... крови, ворвани и внутренностей. Но эти запахи заглушало гораздо более сильное зловоние. Все тот же едкий, отвратительный запах кожевенного завода, скотобойни и помойки. И этот запах не имел никакого отношения к мертвому левиафану.

Это был запах самой твари: ее жизненная сила, тошнотворная и зловредная, кипела и бурлила, как смола в чане.

- Господь милосердный! - прохрипел один из парней. - Что за вонь?!

Да, запах стоял такой, что хотелось самому разбить себе нос. Более неестественного, отвратного запаха невозможно было себе представить.

Мы находились в десяти метрах от кита, и я мог рассмотреть его во всех подробностях.

Это был гренландский кит, вне всяких сомнений. Я видел его огромные ноздри, округлую глянцевую спину и пятно цвета слоновой кости возле хвоста, говорившее о преклонном возрасте животного. Как и все остальные, она была жестоко изуродована. В некоторых местах подкожный жир был разрублен аж до позвоночника, а в некоторых ранах мог бы поместиться человек. Они словно были вырваны из тела кита гигантским ртом около трёх метров в диаметре.

Море бурлило кровью и жиром, изорванные розовые петли внутренностей плавали прямо на поверхности воды. Размягченные куски плоти и органов подпрыгивали на волнах, как купола медуз.

И слизь...

Та же жирная бледная слизь лилась восковыми реками и обтекала наш киль. Огромные студенистые ленты свисали с весел, как мокрая, распаренная рыбья икра.

Я никогда, никогда раньше не испытывал жалости к левиафану.

Он был для меня просто объектом охоты. Тем, из кого можно набрать жира, который потом превратится в звонкую монету.

Но здесь и сейчас, полный ненависти и животного ужаса, я его жалел. Мне было искренне жаль это несчастное создание. Я впервые увидел его красоту, понял, что это такое, и понял, что никогда больше не смогу вонзить гарпун в его голову.

Ибо в левиафане была красота.

Обтекаемая, симметричная красота в том, что я когда-то считал всего лишь плавательным мешком с китовым жиром, который собирали гарпуном и крюками. Взмах ее плавников был поэзией, а движения хвоста - песней самого Бога.

И это было кощунством - убить такое великое создание.

С этой мыслью моя ненависть превратилась в раскаленные угли на сухом труте, наполняя все мое существо поднимающимся пламенем. Я ненавидел существо, которое жестоко убило эту красавицу, и жаждал его смерти.

- Гребите! Гребите! Гребите! - крикнул я, перекрывая рев волн и стоны гребцов. - Приведите нас к ней! Быстрее, ублюдки! Гребите ровно и сильно! Да, мы все ближе и ближе!

И чем ближе мы подходили и чем больше этой крови и слизи проплывали, тем сильнее становилась вонь.

Кит возвышался перед нами, как остров, массивная гора качающейся плоти, которая была почти такой же длинной, как и сам "Призрак"; округлая спина поднималась почти на высоту фальшборта корабля. Ее выпотрошили, вскрыли, как наглядное пособие из анатомического театра, а то, что находилось внутри, разлетелось во все стороны.

Некоторые участки тела были практически нетронутыми, лишь слегка испещрены царапинами. А в других плоть отсутствовала огромными кусками, и в ранах зиял оголённый позвоночник. На

белеющем черепе я разглядел следы зубов неведомого чудовища. Сквозь бока прорывались обломанные рёбра, а из спины торчал заострённый позвоночник.
Местами кит напоминал корабль, обнаженный до самого киля.
Это было настоящее зверство.
Как бы лицемерно это ни звучало со стороны человека, который зарабатывал на жизнь тем, что убивал китов, я уверен: это было зверство.
Запах этого неведомого зверя был так силен, что Хорнби вырвало за борт, а несколько других парней позеленели. Стоявшая вокруг вонь напоминала рвотный метановый запах болотных испарений.
Зверя нигде не было видно, но мы знали, что он чертовски близко.
Швайниг стоял на носу с гарпуном, не сводя пристального взгляда с туши кита и грязного моря.
Я слышал, как матросы в других лодках ругались и всхлипывали; страх был так силен, что пот струился по их лицам.
Затем море вокруг туши завернулось в водовороте белой воды, и огромный труп китообразного начал двигаться и качаться, как будто оживал. Зловоние внезапно стало намного сильнее, и мои глаза наполнились слезами, сбегавшими по обожженному ветром лицу.
- Он идёт, - спокойно произнёс Швайниг, не поддающийся панике белых людей, как истинный индеец. - Он идёт.
Вода закрутила тушу в огромном водовороте, словно снизу кита засасывала какая-то гигантская воронка.
А затем... затем из-за противоположной стороны кита поднялось одинокое щупальце. Белое, как трупная плоть, с неровными бугорками и шишками, и толстое, как бочка. Я не мог адекватно оценить его длину; я видел лишь то, что оно смогло легко обвиться вокруг пятидесятитонного кита, а то, к чему оно крепилось, всё ещё скрывалось под толщей воды.
Оно поднималось все выше и выше, покачиваясь в воздухе, как кобра, вылезающая из корзины.
Его нижняя сторона была усеяна сморщенными овалами, очень похожими на рты, которые были обрамлены веерами зубов длиной с доброе копьё голубого марлина.
Это даже не зубы, а когти, - подумал я, но с учётом того, что присоски напоминали рты, я всё же склонялся к зубам.
Я услышал, как кто-то в другой лодке вскрикнул.
Дэ Камп в моей лодке не выдержал:
- О... это же огромный кальмар-монстр! Чертов великий пожиратель кораблей! Кракен!
Швайниг хмыкнул.
- Это не кальмар. Ни один человек никогда раньше не видел его. Он - нечто старое и древнее, как само море. Но его не должно больше существовать. Он должен быть давно мертв, он должен...
Это было все, что он успел сказать, потому что огромное гигантское щупальце свернулось и ударило с дикой, ослепительной яростью. Оно выскочило, как кошка-девятихвостка, с влажным щелкающим звуком, и эти зубы - или когти - на его нижней стороне ударили кита и выдолбили траншею из жира, мяса и крови, которые дождем посыпались на лодки.
Ошмётки плоти окутали нас алым, густым туманом. Кусок ворвани ударил Посуна плашмя и выбил у него весло из рук.
Мы были покрыты слизью, кровью и ошмётками китовьего мяса. Они были повсюду: на моём костюме, на лице, на руках.

Я содрогнулся от отвращения и попытался протереть глаза, и в этот момент чудовище поднялось. Оно появилось из-за спины кита, который на фоне этого монстра выглядел просто карликом.
Я услышал, как закричали парни.
Наверно, я и сам кричал.
Это была огромная колышущаяся мясистая масса пузырящегося желе. Все его "тело" было серо-белым и дрожащим, испещренным фиолетовыми сетями пульсирующих артерий. Оно было изменчивым, текучим - ничем особенным и всем сразу. Из его тела вытягивались пульсирующие наросты, витки щупалец и... глаза.
Огромные изумрудно-зеленые глаза, отупленные слепой ненавистью, но извращенно умные. Их было шесть или семь, насколько я мог судить.
- Гребите! - услышал я крик Клегга. - Гребите отсюда к чёртовой матери!
Я хотел отдать тот же приказ, но застыл от ужаса.
Я услышал выстрел и увидел, как в эту пульсирующую массу вонзилась пуля; одна, потом еще одна.
Это вывело меня из оцепенения.
Я вспомнил, что сжимаю в руках ружьё, прицелился и выстрелил. Моя пуля пробила дыру в одном из изумрудных глаз, и он покрылся желчью водянистых зеленых слез.
Чудище взревело, но продолжило подниматься.
Его огромное бесформенное тело, усеянное сотнями скользящих щупалец, имело не один рот, а целых три. Три рта, из которых сочилась бледная слизь. Это были не изогнутые пасти от уха до уха, как у большинства животных, а сухие, сморщенные овалы, как у человеческих стариков. Любой из них мог проглотить вельбот и его обитателей за один укус. Они сморщились до размеров пивных бочонков, а затем снова раскрылись на всю ширину - метров семь-восемь в диаметре. Они делали так снова и снова, как будто дышали. Внутри этих отвратительных дыр виднелись огромные желтые зубы, похожие на обнаженные, выскользнувшие из десен тесаки. И не один ряд, а три или четыре, которые двигались независимо друг от друга, жуя и двигаясь вверх и вниз и из стороны в сторону.
Пока мы не могли отвести взгляд, из его пасти высунулся ряд зубов и откусил огромный кусок ворвани весом около тонны. Челюсти сомкнулись, и ротовое отверстие снова сморщилось.
Именно в это время я увидел нечто совершенно ужасное.
Рядом с китом плавала огромная цилиндрическая масса, заключенная в мембранозный мешок. Её детёныш.
Она была беременна.
И особенно ужасным было то, что внутри родового мешка я различал движение: плод был еще жив. Но вдруг несколько белых щупалец подхватили его, утащили под воду, и он исчез.
В этот момент зверь погрузился обратно в глубину со странным визжаще-мяукающим звуком, который эхом разнесся по морю, как пронзительный крик сотен чаек, поднимающихся одновременно над морской гладью. Клянусь, я слышал в нем какую-то извращенную речь, кошмарный писк, похожий на *"Текели-ли! Текели-ли!"*
А может, я всё это лишь вообразил?..
Вода взметнулась огромными брызгами, шипя и пенясь, и ударная волна пробежала по морю, ударив в наш вельбот и чуть не перевернув его вверх ногами.
Мы были потрясены, напуганы и, возможно, сошли с ума от того, что увидели и чему стали свидетелями.
Я не отдавал приказов, потому что мои люди и так знали, что нужно делать.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Они взялись за весла, а я взялся за штурвал, возвращая нас к "Призраку". Наша красавица ждала нас там, в бурном море. Я видел людей у фальшборта. Я видел, что они кричали нам, но ничего не могли поделать.
Мои люди налегли на вёсла, и я увидел лодку Клегга с подветренной стороны, тоже направлявшуюся к кораблю.
И тут я увидел нечто такое, от чего у меня перехватило дыхание: корпус перевернутой лодки Грира и ни души в воде рядом с ней. Это увидели все, и Швайниг полоснул себя лезвием ритуального ножа, лишь громче распевая погребальную песнь своего народа.
Мы прошли почти половину пути к кораблю, когда вода вокруг нас начала бурлить. Что-то врезалось в наш киль, едва не перевернув вельбот.
Лодка Клегга тоже зашаталась. Что-то ударилось об неё и сбросило в воду двух мужчин.
А потом вокруг нас море наполнилось белой слизью, вода закипела и вспенилась, и я увидел, как на поверхности появились белые бугры.
Чудовище с нами ещё не закончило.
Один из моих парней закричал.
Швайниг вскочил на ноги, издав пронзительный вопль. Он схватился за гарпун, а я за своё смертоносное копьё.
- Это он! Это он! - закричал я, будто мы имели дело с обычным серым китом или полосатиком. - Вперёд, парни!
Швайниг - идеальный баланс мускулов, решимости и храбрости - швырнул гарпун и погрузил железо в один из горбов. А за первым гарпуном пошёл сразу второй.
Оддрог, гарпунер Клегга, сделал то же самое.
Море вокруг нас взорвалось, и существо бросилось бежать. Оно рвануло прочь, увлекая нас за собой в пенящиеся волны, которые почти укрывали вельботы с головой. Чудовище бежало, таща за собой обе лодки, а потом вдруг остановилось и замерло, покачиваясь на волнах.
Выглянув из-за борта, я увидел, что эти изумрудные глаза смотрят на меня с безумным, иноземным ликованием.
Я вскрикнул и вонзил копье в один из глаз, и существо дернулось; наш вельбот поднялся на два метра над водой, а затем рухнул вниз, ударившись дном о водную гладь. Я услышал, как закричал Клегг, когда его лодку подбросило в воздух, а людей швырнуло во все стороны.
Вельбот приземлился на поверхность моря, и люди начали бешено грести, пытаясь выбраться из воды.
Одного мужчину что-то утянуло на дно, а другого чудовищное щупальце обхватило ниже пояса и протащило в пенящихся брызгах на добрых тридцать метров, прежде чем тоже утащить под воду.
Мы поплыли в сторону перевёрнутой лодки.
Это была плохая идея...
Зверь продолжал толкать нас, поворачивая нос вельбота то в одну, то в другую сторону.
Я в последний раз увидел Клегга, Оддрога и ещё чьи-то две руки, вцепившиеся в корпус перевёрнутой лодки. А затем из моря вынырнули белые скользкие щупальца и сомкнулись над ними, как сжатый кулак. Вельбот ушёл под воду и больше уже не поднимался.
Мы пытались грести к "Призраку", но из-за бушующего зверя море кипело, как котёл со смолой. Волны разбивались о наши борта, а о киль ударялись мерзкие отростки. Одно из щупалец поднялось у правого борта, и Уайт ударил по нему веслом. Когда это не возымело никакого эффекта, он схватил топор и разрубил тварь почти надвое; из раны хлынула масса слизи... а затем отросток выгнулся, обхватил парня за пояс и потянул в воду. Он сжал его так сильно, что у Уайта изо рта хлынула кровь.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Там, на "Призраке", Голландец, должно быть, понял наше бедственное положение, потому что корабль пришел в движение, а паруса наполнил ветер.
Наша красавица плыла к нам на предельной скорости. Точнее, так я подумал.
Но на такой скорости она никогда бы не смогла остановиться вовремя.
Нет, у нашего капитана была другая идея.
Море вокруг нас было заполнено вздымающимися холмиками этого студенистого ужаса, и "Призрак" направился прямо к одному из них, протаранив монстра и прорезав в нём килем целую траншею. Корабль дернулся от удара, сильно накренившись на левый борт, затем в последний момент выпрямился и замер.
Чудовище исчезло.
У нас появился шанс, и мы прекрасно понимали, что он может оказаться последним.
Швайниг взялся за весла вместе с остальными, спеша к кораблю.
Но у нас ничего не вышло. Ибо океан вокруг "Призрака" полыхал огнём. По крайней мере, так это выглядело.
Огромное зеленоватое свечение вспыхнуло вокруг корабля пузырями, пеной и струями пара. И из затхлых глубин поднялся зверь, словно какой-то слизистый зародыш кошмара, изгнанный из утробы. Я видел его вздымающуюся, туманную форму, пульсирующую и вздрагивающую, цвета белого жира, усеянную ракушками и грибковыми морскими наростами. Из него росли похожие на угрей веревки и бледные извивающиеся щупальца, похожие на жалящие отростки морских анемонов и плети медуз; бока его были изъедены, как кораллы, и пористы, как плоть брюхоногих.
Истинное чудовище.
Отвратительное во всех отношениях.
Раздутое и змееподобное, со слюнявыми ртами-отверстиями и широкими желтовато-зелеными глазами цвета морской волны, скользкое, отвратительное и какое-то первобытное.
Он состоял из всего, что обитало в глубоких ущельях, и из других вещей, которые даже сложно себе представить. Как будто жизнь - вся жизнь - произросла из этого химерного, многообразного чудовища, бурлящего сада органического изобилия.
Прямо на наших глазах он повернулся к "Призраку".
Он поднимался и поднимался волной гнойной серо-белой плоти, вибрируя, скользя и переливаясь через фальшборт, а люди кричали и бегали туда-сюда. Извивающиеся, дымящиеся кольца чудовища рассыпались по палубам, а гигантские щупальца и мясистые канаты длиной в десятки метров штопором поднялись вверх по носу, грот-мачте и бизань-мачте, как змеи в джунглях. Зверь источал поток той бледной слизи, которая заливала палубы и топила людей в его гнусных глубинах.
Корабль сильно накренился на левый борт под таким невероятным весом, скрипя и постанывая. Лонжероны и реи трещали, как веточки, ванты и такелаж рушились, палубы прогибались, а чудовище всё взбиралось и взбиралось на борт.
Эти полупрозрачные зеленые глаза обшаривали палубу с первобытным голодом. Щупальца, усики и сжатые крабьи клешни втягивали людей в слюнявые стонущие рты.
Кажется, все на нашем вельботе кричали до потери пульса.
Но мы ничего не могли поделать, и приходилось наблюдать за творящимся ужасом.
Я мог рассмотреть монстра во всех подробностях.
У него было извивающееся, раздутое червеобразное тело, усеянное щупальцами, шипами, пластинами и десятками скручивающихся, находящихся в постоянном движении придатков. Его плоть была не только чрезвычайно белой, как у трупа, но и почти прозрачной в некоторых местах, так что можно было даже рассмотреть его анатомию и физиологию. Монстр словно

состоял из протоплазмы, но в то же время был твердым и ригидным; моллюск, ракообразное, чудовищный червь. Из его боков торчали костлявые, сегментированные ноги, похожие на конечности саранчи, которые помогали чудищу втащить свой вес на борт нашей красавицы.
Он был ничем - и всем.
Никакие ужасы и мерзкие морские гады, которые снились каждому моряку в его самых лихорадочных кошмарах с тех пор, как люди впервые бороздили море, не могли сравниться с *этим*.
Он разломал "Призрак", как игрушечный кораблик из веточек.
Опоры трещали и трескались, как спички.
Сначала полностью рухнула бизань-мачта, а затем попадали все паруса и канаты. Левый фальшборт снесло ударом, и в трюмы хлынула вода.
В это же время чудовище дернулось и перетекло вперёд, так что левый фальшборт коснулся ватерлинии, и я увидел, как его щупальца прочистили палубу, как метлы сметают мусор в мусорное ведро: рубки, рангоуты и мачты, люки и спасательные шлюпки были расколочены вдребезги и выброшены за борт.
А потом палубы полностью провалились, корабль буквально разломился пополам, и внутрь "Призрака" хлынуло море.
Раздался громкий треск, и наша красавица отправилась в свою затопленную могилу в объятиях этого монстра. Ничто не напоминало о её существовании, кроме огромного водоворота и плавающих, разбросанных во все стороны обломков.
Я видел, как люди пытались уплыть от развалин корабля, но зверь тащил их вниз, сдавливал или разрывал на части. Двое матросов бешено гребли к всплывшему обломку борта, но из морской глубины поднялась гигантская пара шипастых челюстей и захлопнулась, как капкан, с булькающим шипением утягивая их вниз.
Вот и всё.
Уцелевших не было, наш корабль потерпел крушение, и нас забросило далеко в Берингово море. Единственное, что нам оставалось, - это грести обратно тем же путем, каким пришли, чтобы добраться до Алеутских островов. Но после того, что мы только что пережили, никто не осмеливался пошевелиться.
Мы сидели в лодке, неподвижные, как статуи, и даже не оглядывались.
Вельбот тихонько дрейфовал в море рядом с обломками "Призрака".
Только после захода солнца мы осмелились двинуться. И именно тогда Швайниг наконец заговорил.
- Говорят, - сказал он нам, - что в начале *они* пришли с неба и засеяли этот мир жизнью. *Они* создали зверя, чтобы он служил им, и имя его стало запретным. Никто не должен был знать о *нём*. Но мы знаем, что он - зверь, и он здесь. Мы его видели.
Это все, что он сказал, но нам было достаточно. Ещё один миф его народа, древнее сказание, коими полна история и моих собственных предков. За исключением, возможно, зародыша истины, скрытого в этом древнем предании, которое, вероятно, передавалось от отца к сыну с незапамятных времен.
В общем, мы молча взялись за вёсла, и это движение привлекло монстра. Сначала он забрал Посуна и Дэ Кампа.
Затем Шорнби.
Щупальца чудовища скользнули в вельбот и вырвали моих парней из лодки.
А позже они забрали Швайнига.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Стояла кромешная тьма, но я слышал его крик. Слышал хлюпанье, когда ус обхватил индейца за туловище; слышал, как хрустят его кости, как хрупкая фарфоровая посуда. Чувствовал, как его горячая кровь залила моё лицо.
Вот так встретил свой конец мой единственный настоящий друг.
Потом я лежал на дне лодки, оглушенный, потрясенный и лишённый даже самой завалящей мысли, ожидая своей очереди, ожидая щупальце, которое раздавит меня в лепешку и утащит вниз, к этим сморщенным овальным ртам.
Но они так и не появились.
Я помню долгую холодную ночь, всходящее солнце - и больше ничего. Меня лихорадило, и я начал бредить.
Единственное, что я отчетливо помню, - это плеск весел и голоса людей, чьи-то руки, обхватывающие меня, и как я вырывался, когда они ко мне прикасались.
Меня спасла команда китобойного брига "Катрина" из Сан-Франциско.
Придя в себя, я рассказал им свою историю, но они сочли меня сумасшедшим и заперли на всю оставшуюся часть пути, чтобы мои рассказы не услышали обычные матросы.
Да, они посчитали меня спятившим чудаком, как, вероятно, считаете и вы.
Плевать.
Просто поймите: если меня кто-то спросит, почему я больше не выхожу в море... У меня есть на то свои причины.
И, думаю, весьма веские.
Ибо есть что-то, что бродит в темных кладбищенских глубинах моря; что-то вне пределов времени, когда неизвестная раса спустилась с неба и принесла всю жизнь в этот пустынный, бесплодный мир. И одна из первобытных вещей, созданных ими из холодной глины, все еще там - бессмертная и голодная, которая все еще бродит по бездонным стигийским каньонам и бескрайним равнинам, кладбищам скелетов затонувших кораблей, усеянных костями утопленников.
Я больше никогда не выйду в море.
Я не стану добычей существа, которое должно было вымереть эоны тому назад.
Ибо имя зверя запретно, и никто не должен знать о нём.
О древней, злобной, безымянной сущности, которая создана лишь для того, чтобы высасывать из этого мира сладкий костный мозг.

Перевод: Карина Романенко

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ТВАРЬ С ТЫСЯЧЬЮ НОГ

Видишь ли, сынок, местечко вроде Паути-тауна - как красивый камешек, найденный в поле. Так блестит и сияет, что хочется его подобрать - но сделав это, ты увидишь извивающихся тварей, ползающих под ним в прохладной тьме. Не, в Паути - как мне нравится его называть - жить-то неплохо, но своя доля мух над ним витает, как над любым куском мяса, что мясник повесил в окне.
Ну, вот главная улица. "Туфли и ботинки", аптека "Рексалл", "Юнайтед Сигарс", "Ледник Слэйда", пекарня "Будь хорошим", магазин мороженого "Страна чудес" и "Небесное кафе" Миртл. Теперь смотри, что делает старина Тобиас.
- ТАЩИТЕ ТРЯПЬЕ! ТАЩИТЕ ТРЯПЬЕ! Я ПРИШЕЛ ЗА ТРЯПЬЕМ! ТРЯПЬЕ И ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛОМ, БУТЫЛКИ И ТРУБКИ, ГАЗЕТЫ И МЕЛОЧЕВКА! Я ПРИШЕЛ ЗА ТРЯПЬЕМ! У ВАС ОНО ЕСТЬ - МНЕ ОНО НАДО! ТАЩИТЕ ИХ! ТАЩИТЕ! ТАААААААААААААААЩИТЕ ТРЯПЬЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ!
Видишь? Кричать надо очень громко, чтоб тебя услышали по всей улице. Звони в колокольчик и ори! Да, сэр, вот так. Мужчина не заработает на хлеб, оставаясь скромным. Слышишь? Часы на здании суда. Восемь ударов. Срежем по Брик-стрит, возле лужайки у конгрегационалистской церкви.
В большинстве домов сейчас ужин, и тарелки уже очистили. Отличный летний вечер. Пора отцам и матерям, сестрам и братьям, тетям и дядям, дедулям и бабулям собираться на крылечках. Сесть в кресла-качалки и неспешно беседовать, пока спускается ночь. Ледяной чай разлит, холодное пиво проглочено, трубки дымят, сигареты курятся. Чистая радость жизни, сынок, сидеть по крылечкам отличных домов с добрыми друзьями и любимыми, с полными желудками и легкими мыслями, пока шепот ветерка прогоняет костоломную дневную жару, а ты сидишь и нюхаешь герани, мальвы и гибискус.
Видишь, некоторые машут нам, но только и всего. Они услышали, как моя повозка едет - и словно тифозный ветер задул вниз по улице. Я, моя повозка и Медовушка для них - необходимое зло, но это не значит, что они меня полюбят или хотя бы будут цивилизованными. Старину Тобиаса не позовут посидеть на крыльце за стаканом ледяного чаю, шариком ванильного мороженого - или хотя бы покурить у памятника Гражданской войне. Нет, сэр. Для них я замаран, как головка бура, грязный старик с сальной улыбкой и неопрятными руками, пораженными вшами и болезнями. Но никогда, ни в жизнь не быть мне грязным, как их мысли.
Старые пердуны вышли, шаркая, волнуясь о своих прострелах, артрите и подагре. Без радио да своих клочков земли, они бы уже скопытились и любовались бы травкой из могил. А, вот! Дети! Мои любимчики. Смотри, как они, бросив игры в прятки и догонялки, сбегаются выразить уважение и потрепать Медовушку. Ей это нравится. У меня тут в банке рутбировые конфетки и детки их обожают... О, родители зовут их, прочь от старого оборванца, пока не подхватили что-нибудь.
- Живей, Медовушка, живей!
И вот мы на окраине, Брик-стрит превратилась в грязную тропу. Ее называют Блэквуд-лэйн. Никто не уходит так далеко. Говорят, что просто незачем, но вообще-то - потому что боятся. О да, не забывай: глубокий врожденный страх вращает колеса Паути-тауна. Здесь только пара хибар, пустые поля, да леса непролазные. Заметил, как вытянулись тени, а ветви деревьев сомкнулись над нами темным сводом? Как в зловещей волшебной сказке, да? А, вот и кладбище. Погост Паути-тауна. Заброшенный, очень давно. Там праведные хоронили то, чего ни знать, ни видеть не хотели. А вон там? Тот темный поток - Холодный ручей. Говорят, на

каждых трех метрах его русла по человеку затонуло. А видишь старый дом, похожий на гробницу, готовую рухнуть в саму себя? Я хотел его показать тебе. Всмотрись. Двор зарос, деревья черны и кривятся, как руки, тянущиеся из кладбищенской земли. И дом... разбитый и покосившийся, зловещий, осевший и заколоченный. Дранка с крыши ободрана, громоотводы попадали. Нет там ничего, лишь вороны да голуби. Это дом Оугуста Уормвелла. Видишь башенку наверху? Люди говорят, там он экспериментировал с тем, чего человеку и знать не положено. Призывал имена из старых книг и нечто ответило... явилось с молнией, громом, сверзилось с неба и настал конец старику Огги. Видишь, у башенки крыши нет? Ну, что бы за ним ни пришло - оно сорвало ее, как крышку с банки бобов.
Не, никто это не расследовал. Все были рады, что оно убралось. Жил он отверженным и ненавидимым, а умер, крича в одиночестве. По слухам, в последние месяцы он был одержим тем, что призвал, но не смог подчинить. Семнадцать лет спустя дом все еще пустует. Для взрослых он бельмо на глазу, для детей - дом с привидениями, стало быть, последние умнее первых, как это часто и бывает. Тени здесь темнее, а солнце, похоже, не светит даже в полдень. Я слышал разговоры, что внутри углы не такие, коридоры ведут в никуда и двери открываются в пустые черные провалы. Такое место лучше не тревожить и даже мальчишки не станут прыгать через кованую ограду - они говорят, что призрак старого Огги показывается из тьмы лунными ночами. По большей части это треп, но мы с Медовушкой могли бы рассказать тебе кое о чем, виденном после заката.
- Ходу, Медовушка, я чувствую, как мурашки бегут по спине.
Ну, вернемся к городу, прочь от теней. Деревья по дороге странно движутся, даже когда нет ветра, и темные заросли шелестят от шагов тех, о ком нам лучше не думать.
Вот мы и здесь, в славном городе славных людей.
Слышишь, на пианино играют? Это миссис Бреган. Ей восемьдесят, не меньше. Учит играть на пианино пятьдесят с чем-то лет. Каждый вечер упражняется в гаммах, арпеджио и каденциях, оттачивает музыкальную теорию, чтобы суметь ей даже енота ошкурить. Утром приходят ее ученики. Девочки одеты, как подобает леди, их волосы завиты в кудряшки. Но мальчишки... черт, они хотят лазать по ручьям и ловить лягушек, и запускать змеев, и играть в бейсбол на старом пастбище Карла Джагга. Но их мамы считают иначе.
Вот мистер Конрой подрезает траву. А если не подрезает, то поливает, сажает или пропалывает ее. Он чокнутый, но его трава... ты чуешь, да? М-м-м. Как духи "Изумруд" и зеленый шелк, все лето в одном глубоком вдохе. А вот и близняшки Блэйр на своих великах, Лиза и Линди. *Вжух!* Милые детки. Слышишь игральные карты в их спицах?
l*Шлеп-шлеп-шлеп!* Ты чуял лето, а теперь ты его слышишь. О, еще одна мелодия! Слушай! Ангельский голос. Это миссис Санквист из "Будь хорошим" раскатывает тесто, которое поднимется за ночь. Поет она только по-шведски, но, думаю, я знаю каждое слово. Ла-ла-ла. О... посмотри на того хмурого парня. Это Барни Хьюм, издатель "Паути Кроникл", где печатают все новости, что стоит печатать... вот только власть имущие, жирные курицы, высиживающие золотые яйца Паути-тауна, не дадут ему напечатать стоящие вещи, неприглядные вещи, образовавшие темное подбрюшье этого города.
Видишь мерзкую старую ворону на крылечке большого старого дома? Это бабушка Агаттер, старше самого времени, увядшая слива, что не хочет упасть и прорасти травой. Согнутая, чернее воронова крыла, с дурным глазом и злым сердцем. Былая Королева Мая. В ее погребе - лекарства для больных и безнадежно влюбленных. И если есть у этого города центр силы, его черное бьющееся сердце, то это и есть эта ворона, эта птица смерти. Кровь города в ее венах - темная, как нефть и медлительная. Видишь, как она косится на меня своими слезящимися глазами? Это чистый яд, сынок. Можно разлить его по бутылкам и травануть всю нацию. Укуси

ее змея - померла бы через три удара сердца. И подыхай я от жажды - она бы мне в рот не плюнула.

Вон вдова Харгоу выбивает дорожки. Тот же ненавидящий меня взгляд. Эти дорожки - я. Это я вишу на перекладине, а она меня выбивает. Видишь ли, ее дочь пропала лет шесть-семь назад, и она думает, что я в этом замешан. Шериф Брин тогда меня здорово прижал. Что-то не так с Паути-тауном и виноват, должно быть, старый Тобиас из лачуги возле Унылой трясины. Умы ограничены, а сердца холодны, вот и все.

Видишь толпу? Старые пердуны собираются у цирюльни Марино каждый подобный вечер, занимая скамейки и набивая друг друга сплетнями, полуправдами и давними байками. Милт Шорер, Бобби МакКейн, Реб Хаузер, Томми Блэйк и Лео Гуд. Готовься. Они нас видят. Мне еще не случалось проехать так, чтобы Лео не промяукал жестоких слов, язвящих, как стрелы.

- ЭЙ, ТОБИАС! А ЛОШАДИНЫМ ДЕРЬМОМ НЕСЕТ ОТ ТЕБЯ ИЛИ ОТ ЭТОЙ КЛЯЧИ ВИСЛОСПИНОЙ?

И все они смеются. Реб краснеет и хрипит. Бобби колотит по коленям, а остальные просто хихикают, ведь старик Тобиас - посмешище, да? Его пинают, когда он падает, и бьют, если денек не задался. Да, Лео, сэр, это смешно. Тебя на радио или в телевизор надо бы сунуть, тебя и твою пасть. Выгляди люди снаружи такими, какие они внутри, сынок, у Лео Гуда на голове росли бы рога, рот был бы полон личинок, а из глазниц сочилась бы зеленая слизь. И с остальными развалинами как-то так же, пожелтевшими от возраста и согнутыми временем, уродливыми, злыми и угольно-черными внутри.

Посмотри на железнодорожные пути. Видишь, идет замотанный люд? Ну, это рабочие-железнодорожники возвращаются в город после тяжелого дня. Всю смену они били горячие заклепки и раскаленные костыли, ворочали шпалы и железо, ели сэндвичи с ветчиной и фаршированные яйца, а теперь пора почиститься и готовиться к ночи. Живей, Медовушка! Сегодня я не жажду дегтя и перьев!

А вот и шериф Брин на своем мото-ссикле. Видишь, как он машет дамам и мужественно кивает парням? И смотрит на старого Тобиаса, как на чесоточную крысу, выползшую из канавы во время чаепития Дочерей Изабеллы? Он все ищет приманку, на которую я попадусь, благослови Бог его каменное сердце.

Вон там мистер Трип у военного памятника. Добрые люди от него подальше держатся. И на то есть причина. Видишь ли, он говорит правду, а народ здесь к такому непривычный. Он может сказать, где дрались в битвах и где закопаны тела, на каких деревьях вешали и какие семьи спалили в их домах ради белой благопристойности. А если ты ему понравишься, то он расскажет о великом тумане тринадцатого года, что однажды спустился на Уиллоу-парк и забрал с собой пятнадцать человек, или о том, как двести лет спустя добрые христиане Паути-тауна пришли к дому Уормвеллов и потащили старика Матиаса на костер. Да, он был прапрапрадедушкой Огги и его называли колдуном Уормвеллом. Думаешь, такому хорошему, достойному городу, как Паути-таун, не по вкусу сожжение ведьм? Ну, подумай еще раз. Чернота в сердцах людей былых времен не умерла. Нет, она клокочет в сердцах их детей и много раз выкипала, как жир, бурлящий в котле.

Стой, Медовушка, отдохнем здесь, глянем, что почем.

Чувствуешь, сынок? То, что сгустилось, как воздух перед мощным ударом грома? На тенистых улочках и усыпанных листьями переулка - ива и каштан, смоковница и клен, да, сэр, все они волнуются, как гончие, готовые к бегу. Сегодня - та самая ночь.

Ночь Основателя, как ее называют. Они празднуют свои корни - вот в чем тут дело. Мэр Хит толкает речь с ящика из-под мыла, а "Дамское общество помощи" продает пироги с кокосом и сэндвичи с кресс-салатом. Та еще пирушка. Городской оркестр будет играть, шумно и нестройно, продираясь сквозь "Качайся, милая колесница", "О, Сюзанна", и "Долина Красной

реки", пока кровь из ушей не пойдет. Дети носятся сломя голову, родители и старики пьют сдобренный лимонад. Хот-доги и картошка на огне, тележки с попкорном и продавцы орешков ("Разбирайте вкусные соленые орешки, живее!"), рутбир в навощенных стаканах и холодное пиво в бочках со льдом. Все там, сынок. Красотки и фигляры на ходулях, жонглёры и клоуны, и фейерверки, сияющие в небе. Веселье для всех и каждого. Сборище улыбающихся дурней. Жаль, старика Тобиаса не звали. Никогда не звали и не позовут. Таков мой крест. Словно вонь в комнате, которую стоило бы проветрить, или исхудавшая псина, пускающая слюни на заднем крыльце. Нежелательный. Но это не значит, что я не могу посмотреть - хотя бы пока шериф Брин не прибежал меня прогонять, чтобы я не огорчал добрых мягких людей Паути.
Как псы на зов рожка, мчат они. Друзья и соседи, кузены и семьи суетятся и бегут, тикая и жужжа, как колесики часов. Шумящие и галдящие тени, и спешащие шаги по ступенькам. Смеющиеся голоса, кричащие, счастливые голоса и голоса, в конец одичавшие от радостного праздника. Это встреча друзей, день фестиваля, ночь жатвы и выпускной бал, сложенные вместе, обернутые шикарной бумагой и повязанные красивым бантом. Они идут потоками и ручейками, сливаясь воедино и образуя человеческую реку в белых шляпах, заливающую поросший зеленой травой остров во внутреннем море Уиллоу-парка. Ходу, Медовушка, это не для нас. Ты знаешь, куда нам надо отправиться, старушка, и что там надо сделать. Вперед же, вперед! Ночь Основателя. Они чествуют Максвелла Пинга, заприметившего это место, и Джесси Смарта, расчистившего лес и построившего хижины у Ручья несчастных женщин. Они говорят об Эстер Кларингтон, построившей первую школу, и Джошуа Хэйсе, который проложил первые улицы. Но они не упомянут Мэтиаса Уормвелла, построившего первые мельницы и литейки. Может, потом он и задумался о вещах помрачнее, но в юности старину Мэтти занимали лишь община и торговля. Нет, его и не подумают упомянуть, но может быть, только может быть, мы это исправим - да так, что они никогда не забудут.
Да, сынок, мы снова выберемся на Блэквуд-лэйн, сейчас, когда солнце кровоточит в западном небе. Ты, может, видишь, как нечто движется и шелестит, иные тени могут даже звать тебя по имени, но не волнуйся, я и мои родичи защищены на этом пути чарами. А... я не упомянул? Конечно, меня зовут Тобиас Уормвелл. Моя семья сперва держалась высоко и гордо, но, бывает, из дворца в яму падать близко. Вот он, дом.
- Легче, Медовушка, легче, знаю, что тебе это не по вкусу.
Так, сынок, дай-ка зажгу фонарь... вот. Здесь темнеет рано. Даже при свете тени крадутся, как змеи, правда? Черные питоны и маслянистые гадюки. Держись рядом, мальчик, держись рядом. Свети рядом со мной. А туда не смотри. Я тоже вижу их, двигающихся у сломанных ворот погоста. На костях их нет плоти, так что - отвернись! Отвернись! Вот, через двор. Не думай о том, что запуталось в траве. Тс-с-с! Тише. Нет... Я не знаю, что это, пусть проскользнет. Вот. Видишь? Мы интереса не вызвали. Вернулось в лес. Умный человек к такому не лезет, мохнатому и ползущему, выше деревьев и с желтыми глазами, горящими ведьмовским огнем. Нет, не заперто. Заходи, со мной ты в безопасности. Когда-то этот дом был большим, жилище Уормвеллов, а теперь глянь! Стены покосились, пол погнулся, тени залегли там, где теней быть не должно. Сюда занесло листья, птичьи гнезда и мышиный помет. Нам вверх по лестнице. Осторожней с перилами, они гнилее черных зубов. Ни паутина, сынок, ни то, что она оплетает, тебе не повредит. Говорят, собака - лучший друг человека, но это не так. Лучший друг человека - паук. Никто больше не сжирает в пять раз больше собственного веса в москитах, черных мухах и клещах каждый сезон. Еще паутина, давай я тебя проведу. Царапанье? Да здесь только крысы в стенах. Теперь это их дом. Не пригибайся. Эти летучие мыши в тебя не врежутся.
А теперь держись рядом. Лестница на третий этаж чуток обветшала. В эту дверь и по лестнице - в комнату в башне. Да, сюда мы и идем. Теперь это просто развалины, да? Крыши нет и можно

смотреть прямо на звезды, мерцающие наверху. Здесь старик Огги делал свое дело, и здесь мы сделаем наше. Говорят, его схватило столь черное зло, что и ветру его не очистить. Видишь отметины на стенах? Круглые, с обеденную тарелку? Словно осьминог карабкался и оставил следы присосок. Давай, коснись их. Чувствуешь, как они прожгли штукатурку? А теперь иди сюда. Выгляни и скажи, что ты видишь. Верно. Отсюда, возвышаясь над облаками, мы можем заглянуть через вершины деревьев на Уиллоу Парк и увидеть, как добрый народ Паути-тауна собирается праздновать Ночь Основателя. Отличное сборище откормленного скота!
А теперь я покажу тебе мрачную тайну семейства Уормвелл. Видишь? Панель сдвигается и внутри, завернутая в мясницкую бумагу, эта книга. Сдуй листья со стола. Вот так. Давай-ка покажу тебе книгу. Держи фонарь поближе. Латынь я не особо знаю, но на обложке сказано "Dee Vermis Mysterious" или типа того. Произношение мое так себе, но это неважно. Адская это книга, сынок. Церковь старалась уничтожить все копии, что смогли найти. А написавшего ее парня казнили. Забавно пахнет, да? Как кости, пожелтевшие и сгнившие в саване. Чувствуешь переплет? Склизковат, как гнилая свиная кожа. Неважно, эту книгу украл из могилы в старой стране старина Мэтиас. Это книга заклинаний, она про некромантию и дивинацию. А теперь всмотрись в празднование Дня Основателя и не слушай слова, что я скажу, те, что должен сказать в эту ночь, при правильных звездах в третью фазу кровавой луны. Я скажу их за тех Уормвеллов, с которыми дурно обошлись личинки, копошащиеся, ползающие внизу!
Вот. Посмотрим, услышал ли кто... Чувствуешь, сынок? Это не землетрясение заставило мир рокотать.
Посмотри на них внизу, в парке - они тоже это почувствовали! Ветер дует... Ба! Я и здесь его чую, горячий, обжигающе горячий и воняющий тем, что давно уж мертво и зарыто! Боже! Словно тысячи могил раскрыли зев и десять тысяч гробов взорвались червями и гнусью! А теперь... да, этот голос, сынок, этот голос! Словно буря пронеслась сквозь голые деревья и подземные катакомбы! Как гром и шипящие потоки! Идет! Оно идет! Слушай... биение, сотрясающее землю, как огромное, обрюзгшее, мясистое колотящееся сердце! Бум-бум! Я едва могу стоять на ногах! Держись, мальчик, держись крепче! Вопящий адский ветер снесет Паути-таун! Смотри, как носятся они там, внизу, пока их праздник рвут на части торнадо, ураганы и тропические тайфуны! Земля распахнулась! Деревья падают и рушатся дома! А теперь... теперь оно идет, как шло к моему кровному родственнику Оугусту Уормвеллу! Звезды гаснут в небе... Черные расколотые миры катятся, как яйца с фиолетовыми венами, готовые разбиться и разлиться! Луна... да... она налилась красным, как глаз, полный крови! Воздух влажен и стыл! Вот... смотри! Видишь? Небо порозовело, как свежее мясо, пожелтевшее и сгнившее - словно лопнул крупный пласт распухшего жира... О, Иисусе, вот оно! Это Бугг-Шаггат, как книгой и обещано! Выше четырехэтажного дома, подобный ползучему студню и спутанным веревкам! Огромный комок вонючей, извивающейся слизи и пузырящегося мяса, крадущийся на тысяче паучьих лап! Он идет! Великий Ктулху и Отец Йог-Сотот... прокляните нас всех до единого... Он пожирает небо! Он пожирает мир! Он засасывает этих бедолаг внизу, как свинья, глотающая жижу... миллионы языков... глаза, боже правый, светящиеся кровоточащие глаза, смотрящие прямо на меня...
Он идет, парень. Идет за мной.
Идет за книгой.
А потом придет за тобой...

Перевод: Василий Рузаков

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

ТЕОРИЯ НЕМЕЗИДЫ

- 1 -

В свой первый день в Гриссенберге Джонни Куган услышал все о трех парнях, которые перелезли через стену. Глухая ночь, строгая изоляция, и все же они выбрались. Охранники внимательно следили за всеми на случай какого-нибудь массового побега, как по телевизору, но зэки их перехитрили. Начальник тюрьмы мог сколько угодно нести всякую чушь, но он никак не мог выкрутиться. Ведь одно можно было сказать наверняка: из его тюрьмы исчезли люди.

- 2 -

В блоке "С" сокамерником Кугана был Луис Кардоне, державший в страхе всю округу боевик уличной банды "Латинские Лорды", которую в испанском Гарлеме называли "Обезьяны-мусорщики", потому что они продавали "скэг" и "крэк" бедным и обездоленным. Но в застенках - отбывая пожизненный срок за множественные убийства - он увлекся звездами над головой. Он мог подолгу рассказывать о туманностях, пульсарах и спиральных галактиках. Куган знал, что так бывает с заключенными. Когда они оказывались в тюремных застенках и их старые пороки были им недоступны, они заглядывали внутрь себя и находили что-то сугубо личное, на чем можно было зациклиться. А если не находили, то сходили с ума.

- Ты когда-нибудь слышал об Облаке Оорта, браток? - спросил его Луис.

- Не могу припомнить.

- Это то, о чем я постоянно вижу сны. Облако Оорта.

Луис рассказал, что теоретически Облако Оорта - это туманное сферическое облако из кристаллов воды, аммиака и метана, которое существует сразу за Плутоном. По его словам, считалось, что это остаток первоначальной солнечной туманности, которая распалась, образовав Солнце и планеты. Также считалось, что это место - источник комет, которые летели в сторону Земли и внутреннего космоса.

- Проходящая через него каждые тридцать миллионов лет звезда - возможно, красный карлик - запускает цепную реакцию комет, которые бомбардируют Землю и вызывают массовые вымирания, - объяснял Луис, полностью завороженный темой. - Это называется теорией Немезиды. Видишь ли, они считают, что эта звезда – звезда-компаньон нашего Солнца, *темная звезда*, как они ее называют.

- Ты говоришь так, будто не веришь в это.

Луис пожал плечами.

- О, я верю в это. Просто иногда я задумываюсь, может быть, это нечто большее. Может быть, это не кометы, которые летят в нашу сторону, а что-то другое... не что-то вытесненное звездой, а что-то, что приходит сюда, потому что *хочет* этого.

- Ты имеешь в виду, как *что-то живое*?

Луис снова пожал плечами.

- Почему тебе снится Облако? - спросил Куган.

Луис покачал головой.

- Не знаю. Но сны плохие, чувак. Все время снится одно и то же... что в Облаке Оорта что-то есть, что-то наблюдает за нами, что-то... ужасное. Это заставляет меня задуматься о следующем вымирании.

Луис был психом, но в его безумии было что-то почти искреннее, как будто он пытался предостеречь тебя, предупредить любопытного: *будь осторожен, брат мой, ибо здесь водятся монстры.*

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

В Ливенворте Куган сидел с грабителем банков старой закалки по имени Бобби Лефорест, который получил правильное воспитание, то есть несколько раз побывал в тюрьме. Бобби был отличным парнем, но время от времени слетал с катушек и начинал с пеной у рта кричать на призраков давно умерших людей.
В общем, учитывая все обстоятельства, Куган понимал, что такое сумасшествие, и решил, что сможет с этим смириться. Кроме того, когда ты был в клетке, нужно было учиться терпимости. И частью этого был интерес к одержимости твоего сокамерника.
- Слышал, тебе не понравились условия в "Теплице", кореш, - сказал ему Луис, имея в виду федеральную тюрьму в Ливенворте.
- Не-а. Я решил уехать в кузове хлебного фургона. Только вот вышла одна проблема - они меня поймали.
Луис рассмеялся.
Куган мотал срок в федеральной тюрьме за вооруженное ограбление, вымогательство и крупную кражу - десять лет, три из которых он уже отсидел в Оберне, штат Нью-Йорк, за кражу со взломом. И этим - десятью годами – он отделался только потому, что его адвокат, какой-то жирный еврей, который болтал без умолку, добился смягчения приговора. Иначе легко могла бы светить и двадцатка. Вот только... теперь это было уже пятнадцать лет из-за той попытки побега в Ливенворте, которая привела его сюда, в Гриссенберг. *Пятнадцать лет.* Некоторые зэки, особенно те, кто были заняты работой, говорили, что можно отсидеть пятнадцать лет, как нечего делать. Как два пальца... Но пока Куган сидел здесь, глядя на стены своей камеры, пятнадцать лет казались ой каким долгим сроком. Пятнадцать лет могут выжать из человека все соки. Он уже отсидел два года в застенках Ливенворта и три года в Обернской исправительной колонии, и предстояло еще семь, прежде чем Джонни получит право на условно-досрочное освобождение.
- Надеюсь, тебе понравится здесь, в Грисс-Сити, - сказал ему Луис. - Хотя я точно знаю, что нет.
Куган тоже подумал, что ему это вряд ли будет по душе. Он видел, как все эти годы тянутся перед ним, как бесконечный черный туннель без света в конце.
Луис стоял у окна, прижавшись лицом к железным прутьям, и смотрел наружу сквозь них и стальную сетку, натянутую за ними. Жестом он подозвал Кугана подойти.
- Смотри, - сказал он. - Ты видишь это?
Куган прищурился и увидел башни Гриссенвилля, участок звездного неба над головой... вот только часть его исчезла. Это место прорезал спиралевидный рукав черноты.
- Облако?
Луис кивнул.
- Что-то похожее на Облако. Началось около месяца назад, и каждую ночь становится все больше, съедает все больше неба. Оно все ближе к нам. И увидеть это можно только ночью.
Куган, конечно, уловил связь.
- Ты думаешь, что оно приближается, не так ли? То, что находится в Облаке Оорта?
Луис забрался на свою койку и вытянулся.
- Дело не в том, что я думаю, а в том, что я *знаю*. Каждую ночь, немного больше, немного ближе. Звучит дико, я знаю. Но ты подожди... ты увидишь, как здесь все устроено... ты увидишь, как это приближается ночь за ночью. Ты почувствуешь это под своей кожей. Тогда я не буду единственным сумасшедшим.

- 3 -

Чи-Чи сказал, что его повязали за ерундовое обвинение в том, что он банчил отравой. Шили ему хранение двух кило "Мексиканского Коричневого"[29] с целью распространения их между

штатами, в чем они, вообще-то, были правы. Он полагал, что его сдала бывшая, потому что он надрал ей задницу, когда застал в постели, делящей товар со своим сводным братом. Чи-Чи тогда избил ее и вышвырнул на улицу. Дело было так: у него было два кило шмали, распакованного на пятидолларовые порции, только что из его тайной фасовочной в Бэд-Сти - десять голых панамских баб, не говорящих по-английски, сидели в закрытой комнате, бадяжили скэг с хинином и молочным сахаром, расфасовывали его по пакетам и ждали, когда подвалят его "мулы", но вместо них появляется отряд из УБН[30] – эти свиньи вышибли дверь и разнесли его хату к чертям.

- Но это показывает, насколько они были чертовски тупы, - говорит Чи-Чи Кугану, наблюдая за тем, как бывалые зэки мутят дела, а "петухи" расхаживают вокруг, привлекая к себе внимание при отсутствии баб. - Потому что у меня в багажнике было три килограмма чистого сицилийского, а они даже не посмотрели.

Розали взбесилась, когда Чи-Чи вышвырнул ее, и поэтому сдала его федералам, раскрывая всю операцию. Он угодил за решетку, но она – которая жестко сидела на игле - вколола чистого кокаина столько, что можно было убить десять человек. Чи-Чи об этом позаботился. Это называлось "хот-шот"[31], и это была излюбленная казнь для наркоманов. Попробуй тут что-нибудь доказать.

Истории о прежних похождениях и рыболовные байки сменяли друг друга. Куган подумал, что было приятно снова встретиться с Чи-Чи. Вдвоем они держали в страхе всю "Теплицу". Чи-Чи был высоким, жилистым уличным громилой, волосы которого были заплетены в длинные дреды, а единственный золотой зуб сверкал на солнце. Спокойный и холодный как лед, но не стоило выводить его из себя.

- А что насчет этих побегов? - спросил Куган. – Дюжина за последний месяц? Я все правильно понял?

- Так и есть.

- Что, черт возьми, происходит?

Чи-Чи сказал, что об этом можно только догадываться. Казалось, между ними не было никакой связи, только то, что каким-то образом заключенные продолжали исчезать из поля зрения... *навсегда*. Пропадающие люди были забавной особенностью Гриссенберга.

- Отсюда идет какой-нибудь трубопровод? - спросил Куган, заинтригованный этой идеей.

Чи-Чи рассмеялся холодным, горьким смехом.

- Ты должен учитывать, о каких парнях мы говорим. Эти трое - Тони Бэббот, Чарли ЛеРой и здоровенный уродливый ходячий шкаф, по кличке "Мутный". ЛеРой был настоящей телезвездой, без балды. Его задницу показывали в одном из шоу "Самые тупые преступники Америки". Он был тем, кто ограбил три магазина в трех штатах, надев униформу из "Quik-Lube" - пункта по замене масла. Знаешь, в той, на которой была его именная бирка.

Чи-Чи добавил подробностей. Сказал, что Бэббот был ненамного умнее. Он был угонщиком. Угнал пять машин за одну ночь, перевез их через границу штата. Когда угонял последнюю – "Лексус" последней модели - он устал, поэтому решил сбагрить автомобиль первым делом с утра. Тони припарковал его на подъездной дорожке своей матери и лег спать. По каким-то непонятным причинам седан "Лексус" очень уж бросался в глаза в гетто, и копы сразу же повязали угонщика.

- Да, согласен, эти двое были идиотами, - сказал Куган. - А как насчет Мутного?

Чи-Чи рассмеялся.

- Он был не умнее, Куг. Решил, что его подружка трахается с каким-то чуваком, на которого она работает, поэтому выследил его и пристрелил на глазах у десятка свидетелей. Единственной проблемой было только то, что Мутный, с его образованием в пять классов и всеми

вытекающими отсюда последствиями, не смог прочитать имя на почтовом ящике, поэтому выследил и завалил не того чувака. Парень, которого он убил, был агентом Казначейства США, - Чи-Чи, смеясь, выпустил дым из носа. - Итак, это - три наших *гения* криминального мира. Думаешь, у кого-то из них хватило ума сбежать из федеральной тюрьмы строгого режима пятого уровня? Думаю, нет.
- Тогда где они?
Чи-Чи пожал плечами.
- Я не знаю. Они словно провалились в большую черную дыру.
Чи-Чи рассказал, что ЛеРой и Бэббот были сокамерниками, а Мутный сидел с каким-то большим жирным албанским наркобароном, которого в блоке называли Микки Болт, он же "Трехногий человек", что было грубой ссылкой на его личное снаряжение.
- Ну, ладно, Куг, допустим ЛеРой и Бэббот слиняли на пару. Но как Мутный ускользнул, даже не разбудив Микки Болта? Они же были заперты вместе.
Куган ответил, что не имеет ни малейшего понятия.
- И никто не знает. Остальные девять пропавших зэков исчезли ночью, после отбоя и блокировки замков. Начальник тюрьмы в бешенстве.
- В их исчезновении должна быть какая-то связь.
- Может быть, она и есть, - сказал Чи-Чи, - но, скорее всего, это не то, о чем ты или я хотели бы узнать.
Когда Куган спросил его, что, черт возьми, он имеет в виду, Чи-Чи только покачал головой.
- Видишь вон того типа, что стоит у забора? - поинтересовался он. - Это Эдди Слоат. Узнаешь имя? Слышал о Нитонвилле? О том культе в горах Вермонта три года назад? Обо всех тех трупах? Черт. Еще один Джонстаун[32]. Слоат был их лидером. Он единственный остался в живых.
Слоат. Эдди Слоат. Конечно, Куган помнил. О том деле в Нитонвилле болтали много странного дерьма. Сотни трупов. Федералы говорили, что они проглотили яд, но просочилось множество историй о состоянии трупов, о том, что яд не мог превратить тела в слизь. Некоторые люди даже говорили, что Слоат был почти что антихристом, если так можно выразиться.
Куган присмотрелся к нему. Ничего особенного. Высокий, сальный на вид, черные глаза-пуговицы осматривают двор.
Но что-то такое в этом парне было.
Его окружала очень странная атмосфера. Это не было обычным состоянием заключенного - враждебность, неуважение или медленно нарастающая ярость - это было что-то другое, что-то, что он не мог определить. Ему казалось, что в животе у него дыра, которая только и ждет, когда все вывалится наружу. Хотя стоял август и было тепло, внезапный порыв холодного ветра пронесся по двору, отчего у него по рукам побежали мурашки. Ветер издавал стонущий звук, облетая блокгаузы и часовню, похожий на жалобную погребальную песню, проникающую прямо в череп.
Куган продолжал смотреть.
Внезапно образ Эдди Слоата начал расплываться в его глазах, мерцать, как в потоках горячего воздуха... и он изменился.
Куган чуть не упал со скамейки. Чувство абсолютного, нереального ужаса поднялось внутри него, и он заставил себя подавить его. Это уже был не Эдди Слоат, а кто-то другой.
Это же Фрэнки МакГрат, чертов Фрэнки МакГрат.
Куган был уверен, что узнал бы его где угодно, потому что видел, как тот умирал в исправительной колонии Оберн в Нью-Йорке.

Даже сейчас он видел холодную ухмылку МакГрата, когда тот соединял тело, сначала руки, потом ноги. Эта ухмылка... словно тебе улыбается мертвый карп... годами преследовала Кугана в его снах.

Галлюцинация.

Но Эдди Слоат вдруг стал похож на Фрэнки МакГрата.

Куган чувствовал, как реальность искажается, деформируется и, наконец, распадается вокруг него.

От Слоата/МакГрата начал дуть жаркий сухой ветер, и Куган ощутил запах закиси азота, словно порыв коричневого предсмертного тумана, вылетевшего из гроба. Это была смесь вони гангренозных ран и сгоревшей дотла плоти, выгребных ям, клокочущих рвотой и капающей трупной слизи. Мерзкая вонь, не похожая ни на что, что он когда-либо чувствовал прежде. Его буйное человеческое воображение не могло ни определить это, ни описать.

А Слоат... МакГрат... кем бы он ни был, Господи, он словно раскололся, как желтая яичная скорлупа, и что-то просочилось и выскользнуло наружу... выпуклая пузырящаяся масса, перепончатая и раздутая, нити и волокна студенистой ткани прорастали сквозь него и из него, блестящие усики извивались в воздухе, как щупальца морского анемона. Правая сторона его тела была вся в кружевах соплеобразной слизи и живой сетке. Левая была раздута, как воздушные шары, и представляла собой изобилие бледных мешочков, похожих на поплавки медузы, испещренные пурпурными прожилками. Когда он дышал, эти мешочки расширялись с резиновым звуком.

Куган увидел, как тварь вздулась и раскрылась, выпустив множество сочных красных щупалец, каждое из которых потянулось к нему...

А потом оно исчезло.

Джонни сидел на прежнем месте, ошеломленный и потрясенный, с разинутым ртом, и с застывшим в глазах невыразимым ужасом.

- Ты в порядке, Куг? - спросил Чи-Чи. - Похоже, у тебя гребаный инсульт или что-то в этом роде.

Куган сглотнул, стараясь держать себя в руках.

- Так что он здесь делает? - сумел проскрежетать он сухим голосом.

- Федералы обвинили его в трех убийствах детей, и он получил пожизненное без права досрочного освобождения, - сказал Чи-Чи.

Куган посмотрел в сторону забора.

Там стоял Слоат, а не Фрэнки МакГрат. Не какой-нибудь слизистый монстр из второсортного фильма.

Какого хрена здесь происходит? Я что, схожу с ума?

- Куг? - окликнул Чи-Чи, но Куган не ответил ему, потому что там снова был Фрэнки МакГрат, смотревший прямо на него, и именно в этот момент что-то схватило Джонни, стиснуло, словно руками, и сдавило горло.

Его затрясло. Глаза побелели. Зрение затуманилось, потекло, как горячая ириска, и он посмотрел за пределы этого мира на... кладбище. Он увидел Грисс-Сити... но с трупами, разбросанными во дворе и по тюремным блокам, столовой, часовне и промышленным зданиям. Останки зэков были изуродованы, продырявлены, проткнуты трубами, стержнями и кирками, многие были разрублены пополам, а другие представляли собой лишь груды конечностей и внутренностей, и все это было разбросано, словно куклы из красной бумаги, замысловатая переплетение разлагающейся плоти, переплавляющейся в общее месиво... шеренга трупов, растворяющихся в красном, пузырящемся желе.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

А вверху, высоко-высоко, но с каждым мгновением все ближе, над тюрьмой нависало что-то вроде хаотичного водоворота из спиралевидной материи и кипящего черного тумана, распахнутого, как глаз...
Куган моргнул, и все исчезло.
- Куг, - повторил Чи-Чи, хватая его. - Ты в порядке?
Куган сглотнул и покачал головой. Он снова увидел Гриссенвилль таким, каким он был. Никакого Фрэнки МакГрата с отполированными смертью глазами, только Эдди Слоат стоявший на том же месте.
- Было... э... э... э...
- Видение? - подсказал Чи-Чи. - Думал, ты видел, как этот козел превратился во что-то другое?
- Ага.
- Ты не первый. Многие люди боятся этого белого парня, Куг, - сказал он, вытаскивая из-за уха сигарету и прикуривая ее от спички, которую прикрывал сложенной чашечкой ладонью. – Ммм-хмм, но ты об этом еще услышишь. Он оказывает забавный эффект на зэков: одним от страха хочется наложить в штаны, другие хотят завалить этого ублюдка.
Куган ничего не ответил. На одну безумную секунду ему показалось, что он видит бесформенные тени, мечущиеся вокруг Слоата. Но он моргнул, и все исчезло. Тепловой удар, галлюцинация, завихрения пыльного смерча или что-то в этом роде. Джонни сжал руки в кулаки и попытался успокоиться.
- Ты встретишь здесь таких же типов, которых знал в "Теплице", - сказал ему Чи-Чи. - Только еще хуже. Видишь вон того толстого черного чувака? Да, это Бастер Крей. Он игрок. Те парни с ним, все заядлые картежники, местные таланты. Бастер занимается тем, что достает с воли наркоту и толкает ее в этих стенах. Если что – обращайся к нему. Видишь, как головорезы Бастера рыскают вокруг Слоата? Будут проблемы. Бастер хочет, чтобы Слоат умер.
- Что он с ним не поделил?
- Это личное. Помнишь тот культ, который был у Слоата? Одной из убитых была племянница Бастера.
- Дерьмо.
Чи-Чи сказал, что все бойцы Бастера были с пожизненными сроками. Им нечего было терять. Они делали то, что им говорили, потому что у него были "зеленые", а бояться им было уже нечего.
Куган наблюдал, как они приближаются к Слоату.
В этом заведении стать кровным врагом такого человека, как Бастер Крей, означало стать трупом. Эдди Слоат должен был держаться в тени, умолять охранников обеспечить ему безопасность, поместить его под Защитную опеку[33]вместе с другими стукачами, слабаками и насильниками детей... но он не умолял об этом. На самом деле, он совсем не выглядел испуганным.

Просто… *сумасшедшим.*

Чи-Чи указал на другого устрашающе выглядящего черного чувака.
- Это Пучеглазый. Он чертовски крут. Он подойдет к Слоату сзади и... не-а, вот и "хаки"[34].
Двое охранников мельком взглянули на них и прошли в сторону Слоата. Головорезы Бастера разбрелись прочь. Пучеглазый растворился в толпе. Слоат теперь пристально смотрел на Бастера, и можно было практически почувствовали запах ненависти. Бастер отвернулся, не в силах вынести этот взгляд. Он выглядел как маленький ребенок, который только что услышал скрежет когтей под своей кроватью.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Куган изучал серые бетонные башни и блокгаузы исправительного учреждения Гриссенберг, семидесятифутовую стену из красного кирпича, ограждавшую все это, и думал, каково это - пройти через стену. А может, прямо через ворота.
Его мысли снова вернулись к Фрэнки МакГрату: дьявол в темноте, бугимен, облизывающий белую плоть, ацтекский бог жертвоприношений с желтыми зубами, обломками костей и глазами, сверкающими белизной, как у упитанных личинок трупа, ярко-красными клоунскими волосами, с закрученной челкой и сбитыми местами так, что под ними был виден зияющий череп неандертальца. И всегда ухмыляется, ухмыляется, ухмыляется. *Ублюдок скалится, как труп,* - сказал однажды Шон Болланд в Оберне. - *Ты заметил это? Как труп, который только что ожил.* Конечно, это был МакГрат. Всегда сверкающий своими мертвенно-белыми зубами, губы оттянуты назад, так что видны серые десны и узкие вампирские клыки. Эта ухмылка всегда вызывала настороженное недоумение - какое кладбище разграбил старина Фрэнки МакГрат в поисках холодного ужина.

Конечности трудно вырвать из суставов, Куг, так что не морочь голову, просто возьми пилу и отрежь их.

Куган обнаружил, что ему внезапно стало очень не хватать воздуха, руки с железными пальцами сдавили его дыхательное горло.
У забора снова был Слоат... потом это был уже не Слоат, а Фрэнки МакГрат, ухмыляющийся, как фетишистский череп в хижине бокора[35], глаза огромные и канализационно-темные, как токсичные нефтяные пятна. Куган видел себя тонущим в них, словно мастодонт, которого засасывают чернильные глубины. Еще один порыв ветра заставил что-то вдалеке звенеть, как ветряной колокольчик, обвешанный белыми отполированными костями младенцев. Это было внезапное воспоминание о черной смерти, засевшее в нем до мозга костей.
Потом снова Слоат, просто Слоат.
- Кого он тебе показал? – спросил Чи-Чи. - Я не знаю, что это, Куг. Но он может загипнотизировать тебя как змея. От этого парня жди беды. Заставляет тебя видеть то, чего нет. Посылает сны и всякое дерьмо в твою голову. Он делал это со мной. Спроси об этом Луиса. Луис кое-что знает. Он тебе расскажет.
Если бы Чи-Чи сказал что-то подобное, когда они были в "Теплице", Куган бы рассмеялся. Чи-Чи действительно никого не боялся. Но Слоат так взвинтил его, заставил сейчас напрячься, как многих из них.
- В чем его фишка? Как он это делает?
Чи-Чи вытер пот с лица.
- Я не знаю, чувак. Зависит от того, кого ты спросишь. Некоторые из этих парней думают, что он ведьма, колдун или что-то в этом роде, - Чи-Чи покачал головой. - Я не заморачиваюсь по поводу этой ерунды. Но я знаю одну вещь. Те двенадцать, которых мы потеряли ночью... Слоат *назвал* их всех перед тем, как они исчезли. Указал на них и сказал, что они *собираются в путешествие*.
Куган просто сидел там, затягиваясь сигаретой, с белой кашицей внутри, понимая, что эта тюряга, в которой он оказался, не похожа ни на одну другую, которую он когда-либо знал.

- 4 -

Федеральное Исправительное Учреждение Гриссенберг было федеральной тюрьмой строгого режима, где содержались худшие из худших: наркоторговцы и заказные убийцы, психопаты и бандиты, солдаты мафии и серийные убийцы, террористы, расисты, душевнобольные и безжалостные хищники всех мыслимых мастей. Это была яма. Дарвинизм в его самом вырожденном виде: выживает не только сильнейший, но и самый грязный, подлый и бешеный.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Свалка, где обитали татуированные монстры с мертвыми глазами, которые постоянно патрулировали двор в поисках слабаков для эксплуатации и жертв для мучений.
На вершине невысокого холма возвышался готический мавзолей, выкрашенный в серый цвет сумасшедший дом, окруженный высокими стенами из надгробий. За этими стенами на протяжении полумили в любом направлении не было ничего, кроме аккуратно подстриженных полей (если бы арестант сбежал, спрятаться ему было бы негде), а за ними - лишь на мили непроходимых темных лесов. В радиусе пяти миль не было даже города. В стенах тюрьмы находились здания тюремной промышленности, лазарет (известный как "Ферма трупов"), административное крыло, часовня и прямоугольник, образованный бетонными тюремными блоками, которые снаружи выглядели как унылые серые монолиты, а внутри - как сложенные ярусами обезьяньи клетки[36]. Внутри этого прямоугольника находился двор с твердым грунтовым покрытием, которое каждую весну превращалось в грязь. Круглый год его патрулировали охранники с настороженными глазами, которые с подозрением и часто с опаской наблюдали за старыми быками и за теми, кто считает каждый день до конца своего срока, но особенно за представителями банд: АБ (Арийское братство), Ямайские отряды, Мексиканская мафия, Черные округа Колумбия и различными байкерскими группировками, такими как "Ангелы ада", "Монголы" и "Вне закона".
Это был Гриссенберг.
Это была тюряга.

- 5 -

Еще три побега. Начальник тюрьмы Шинс не мог в это поверить. Он проработал в Федеральном бюро тюрем двадцать семь чертовых лет и за все это время видел всего три успешных побега, а теперь, всего за неделю, их произошло целых пять. Таким образом, за последний месяц их была уже дюжина.

И все началось в тот день, когда появился Эдди Слоат, - подумал он, сжимая руки в кулаки. - *В тот день, когда эту блевотину привезли из ФИУ Терра Хаут.*
Нет, нет, он не собирался туда ехать. Оставьте эти безумные мысли говнюкам за решеткой; он был выше всего этого. Он должен был быть выше всего этого.
ФБТ[37]прыгал вверх и вниз на его волосатой заднице, и он отплачивал ему тем же, прыгая на задницах, начиная с капитана Гетцеля, его лейтенантов, и заканчивая каждым чертовым надзирателем. И он говорил им всем одно и то же:
- Это неприемлемо, это, блядь, неслыханно, и лучше бы, блядь, разобраться с этим, иначе многие офицеры исправительных учреждений будут скоро жарить гамбургеры в "Микки, мать его, Ди"[38].
Гетцель попытался образумить его.
- Начальник... это странно... но Эдди Слоат продолжает предсказывать, кто это будет. Он называет их имена перед тем, как они пропадают. Он...
- Мне плевать на то, что говорит Слоат, придурок, - без обиняков заявил ему Шинс. - Эдди Слоат - гребаный псих. Ему место в психушке, но, как и любой другой дисфункциональный, разочарованный, чокнутый кусок дерьма в системе, его взвалили под мою ответственность. Я не хочу больше слышать ни слова об этой слюнявой, параноидальной, мозговыносящей луже мочи. Ты меня понял?
- Да, сэр, - сказал Гетцель, чувствуя, что его яйца сжимаются в тисках.
- Слоат - сумасшедший. Конец истории. Ты думаешь, я куплюсь на это дерьмо, которое несут зэки? Что Эдди Слоат - какой-то гребаный пророк, чернокнижник или кто там у Христа? Боооооже, капитан! Хватит уже! Займитесь этими обезьяноподобными ублюдками, которых вы

называете исправительными офицерами! Я хочу, чтобы это чертово место было надежно заперто! Хочу, чтобы перевернули каждую камеру! Хочу, чтобы обыскали каждого! Предложите своим чертовым крысам сыр и заставьте их говорить, потому что кто-то должен что-то знать! А если они не хотят говорить, отведите каждого заключенного в медицинский кабинет и лично погрозите каждому пальцем! Из этого места идет подземная железная дорога, и я хочу, чтобы она была перекрыта!

- Да, сэр. Это уже делается.

- Давай действуй, парень, - сказал ему Шинс. - Потому что прямо сейчас я должен позвонить одному конгрессмену из комитета по надзору за ФБТ, который получает огромное удовольствие от использования моей прямой кишки в качестве шляпной коробки!

Пошевеливайся!

В течение следующих двадцати четырех часов каждый заключенный был должным образом обыскан, каждую камеру перетряхнули сверху донизу... но ничего не обнаружили. Гриссенберг был полностью изолирован от внешнего мира семьдесят два часа подряд, но никто ничего не говорил.

По крайней мере, ничего, что имело бы хоть какой-то смысл.

- 6 -

Во сне Куган провалился во тьму, гладкую, как дымчатое стекло. Ночь вырвалась наружу угрюмой и всепоглощающей чернотой, черным похоронным крепом, серым саваном и растекающимся угольным туманом. Она выходила в виде тусклых теней, которые скапливались и оседали, жирея и раздуваясь от собственного избытка, выходили за пределы своих берегов и погружали вселенную в яму ползучей тьмы.

В этом не было никакого смысла, но вот что именно он увидел и узнал:

Его влекло по черному коридору, в котором эхом отдавался хрустальный смех, разлетавшийся вокруг него вдребезги. Осколки были очень острыми; Джонни чувствовал, как они режут его кожу. Он был не один, внутри и снаружи его теснили другие, шепча и напевая нечестивые мелодии.

Он видел глаза, похожие на зеленые драгоценные камни, горящие горячим индиго-изумрудом, как дымящиеся ядра реактора. Его понесло вперед, в зияющую бездну зеркальной серости. За ним следило множество глаз - огромные кошачьи, крошечные пузырящиеся жабьи и зрачки, похожие на желтые бриллианты. Взгляды следовали за ним группами и скоплениями. Он оказался в поле раздутых трупно-белых наростов, которые поднимались выше его талии. Они казались влажными и мясистыми, когда прижимались к нему, извивались и изгибались дугой, обвивали запястья и ползли вверх по рукам, как мясистые виноградные лозы. Они были липкими и влажными, и держали его очень крепко. Куган начал биться. Начал кричать. Он вырывал их целыми горстями... а потом, спотыкаясь, пробирался через вязкий сад нитевидных грибов, пока не упал, задыхаясь, на пороге города, подобного которому он никогда прежде не видел: огромные башни без окон из черного камня, выглядевшие не столько как построенные, сколько как выросшие, словно минеральные кристаллы, отполированные и блестящие, тянущиеся к бессолнечному и безлунному небу с люминесцентными эллиптическими зелеными облаками.

Гриб позади него шелестел, шептал и шипел из-за тайных подводных течений и приливов. Оглянувшись один раз, Джонни увидел дюжину искаженных лиц, выплывающих из зелени, словно поднимающиеся пузыри.

Перед ним было мутное овальное отверстие, ведущее в одну из башен. Внутри него была пронизанная тенями полость, не пропускающая ни лунный, ни звездный свет, ни что-либо

яркое и откровенное. Высоко стоящая гробница тайн и мрачных секретов, и никакой свет не смел открыть ее темное великолепие.
Но он мог видеть, казалось, с помощью другого чувства, родственного зрению, но не столь грубого или рудиментарного.
В его поле зрения было пульсирующее прозрачное голубое свечение. Оно показывало ему комнату, которая была геометрически искажена - бесконечное, головокружительное пространство безграничной черноты, простиравшееся в самое сердце космоса. Куган осознавал огромные высоты над головой и низвергающиеся вниз глубины. Он двигался сквозь пустоту, пока не увидел двенадцать цилиндров из иссиня-черного металла, сверкавших, как полированное стекло.
Здесь Джонни остановился.
С помощью активировавшегося неведомого шестого чувства он понял, что в цилиндрах находятся живые существа, и не просто живые, а сознательные и разумные, и что каждое из них знает, что на них смотрят, потому что и они смотрели в ответ.
Куган с ужасом отпрянул, а затем покинул здание, выброшенный, как горошина из стручка, в сам город, затерянный в лабиринтообразном клубке его улиц. А над этими высокими зданиями, возвышающееся, как полная луна над суровым, мертвым некрополем... было лицо.
Огромное.
Невозможное.
Гротескное, искаженное лицо, похожее на белый кладбищенский гриб, с огромными черными кукольными глазами и зияющим овальным ртом, открытым, как кровавый нарыв. Оно подплыло к нему, эфирное и бестелесное, приближаясь, чтобы поглотить город. Он чувствовал, как от него исходит влажный холод ночных черных могильных пустот, ощущал его дыхание, разившее гниющей рыбой и застоем подземных канализаций.
Оно прошептало ему нечто сокрушительное:

- Ты будешь спасен.

- 7 -

Куган очнулся, задыхаясь. Он все еще чувствовал, как удушливая, безвоздушная пустота царапает его легкие. Смахнув пот с лица обеими руками, изучая свои влажные пальцы и блестевшие на них капли, он в конвульсиях упал на пол, его внутренности поднимались по задней стенке горла, как узловатые слизистые змеи.
- Тебе все это приснилось, дружище, - сказал ему Луис, его голос не был хриплым со сна, а ясным и мягким, как будто он наблюдал за всем происходящим.
Куган поднялся с пола.
- Мне никогда раньше не снились такие сны.
- Возможно, это было видение. Может быть, ты к чему-то там подключился. Вероятно, тебе стоит рассказать мне об этом.
Куган так и сделал, закурив сигарету. Он рассказал ему о полях грибов, о городе, о здании, о цилиндрах и о том гнусном лице, возвышающемся над всем этим.
- Я сразу почувствовал это... что-то наблюдало за мной в городе. Смотрело вниз из зеленых облаков.
- И...?
Куган вздохнул и выложил все.
- Сегодня Чи-Чи указал на Эдди Слоата... но я не видел Слоата. Я видел парня, который мертв уже много лет. Но он был там. Он смотрел прямо на меня... потом случилось это...
- Что?

Куган покачал головой, решив не упоминать о чудовищной вещи, которую он видел.
Луис некоторое время размышлял.
- Забавно, что в этом месте все дороги ведут обратно к Эдди Слоату, - он прислушивался к ночи, время от времени наклоняя голову. - Не ты один грезишь о том месте, приятель. Многим из нас оно снится. Большинство не могут справиться с кошмарами, и их утаскивают в Дурку. Остальные... мы просто живем с этим. Расскажи мне о тех цилиндрических канистрах.
- Это был просто сон, - сказал Куган, выпустив дым в потолок. - Вот и все. Просто сон...
- Расскажи мне.
- В них что-то было, что-то живое. Что-то, что могло видеть меня, чувствовать меня или знать, что я там. Не могу это объяснить. И не проси меня об этом.
Луис просто сидел молча. Наконец, он сказал:
- Я тоже видел эти канистры. Многие из нас видели. В них определенно что-то есть... только многие из нас не хотят знать что.
Куган подумал, что все это чертовски безумно, о чем так и сказал Луису. Слоат посылает людям сны, заставлял зэков исчезать по ночам. Всем снится одно и то же дерьмо. Галлюцинация. Это все было искаженной игрой воображения. Такой же бредовой, как сны Луиса о чем-то зловредном, поджидающем в Облаке Оорта и каждую ночь подкрадывающемся к Земле все ближе и ближе.
- Ты видел эту дыру в небе, Куг. Ты отрицаешь то, что показывают твои глаза?
- Черт.
- Тогда слушай.
- Что?
- Закрой глаза, друг мой, - сказал он, - и... просто... слушай. Ты можешь услышать это там.
Слушай.
С сигаретой, тлеющей у него во рту, Куган так и сделал. И было ли это чересчур разыгравшимся воображением или он действительно что-то слышал? Своего рода гудение, отдаленное дыхание колоссальных бездн... постоянный шипящий статический шум тупикового пространства, приближающийся все ближе и ближе.
Он затушил сигарету и натянул на голову тонкую казенную тюремную подушку, чтобы отгородиться от всего этого. *Нет, я не буду слушать, я не хочу слышать... ЭТО. Я не позволю себе...*

- 8 -

Куган знал об Эдди Слоате то же, что и все остальные: дикая смесь фактов и чуши, переплетенная так туго, что трудно было сказать, где начиналось одно и заканчивалось другое. В основном бульварная чепуха. Основание какого-то культа в Вермонте. Палаточный городок под названием Нитонвилл. Секта с промытыми мозгами и массовое самоубийство на вершине горного холма, в тени какого-то странного каменного круга. Слоат ушел. Но большинство - почти 500 мужчин, женщин и детей, чьи умы были вскрыты галлюциногенами, как консервным ножом, - этого не сделали. В зависимости от того, кого вы спрашивали и что вы готовы были слушать, они либо перерезали себе горло, либо вырвали себе глаза, либо были отравлены... а иногда и все из перечисленного сразу. Ходили слухи, что их тела были обнаружены в болезненном, желеобразном состоянии, и не одна история ходила о том, что при вскрытии их мозг отсутствовал - и это без единого следа от шва, шрама, прокола или укола.
Один факт был непреложным: Эдди Слоат выжил.

Никто, казалось, понятия не имел, кем он был до того, как он создал культ, набирая членов из всех мыслимых экономических, социальных и расовых групп, но впоследствии каждый новостной журнал, сеть и полицейское агентство следили за каждым его шагом.
Преследуемый ФБР, Слоат двинулся на запад. Затем произошли убийства детей. Одно в Неваде, другое в Калифорнии, а затем третье. Полиция штата арестовала его за пределами Антимони, штат Юта. В багажнике у него было тело его последней жертвы. Осмотр не выявил никаких признаков насилия или растления. На самом деле судмедэксперт и его люди так и не смогли адекватно определить причину смерти.
По крайней мере, публично.
В частном порядке они слишком хорошо знали: мозг ребенка был удален. Так же, как и у других. Но где он находился и как его можно было извлечь из черепа без разрезов и проколов, оставалось загадкой.
И она не разглашалась общественности.
Но, по версии правоохранительных органов, Слоат задушил детей, и Слоат, защищая себя, не стал оспаривать этот факт. Он пересек границу штата, поэтому дело стало федеральным, и это позволило ему получить камеру в Гриссенберге.

- 9 -

На поле были две команды заключенных, и все, даже охранники, делали ставки, хотя азартные игры любого рода были строго запрещены ФБТ.
Обе команды были выстроены в линии: черные на одной стороне, белые на другой. Первые были бандитами, торговцами, маньяками, сидящими за федеральные преступления; вторые - байкерами, "Арийскими братьями", нетерпимыми реднеками, которым просто нравилось причинять боль всем, у кого кожа темнее их собственной. Игроки не носили ни щитков, ни шлемов. Так им больше нравилось выплескивать свою агрессию.
Куган наблюдал, как белый квотербек получил удар при передаче паса и упал. Какое-то чудовище с дредами из Ямайских отрядов подхватил мяч, проехал зигзагами пять ярдов очень легко и непринужденно, а затем массивный байкер схватил его, повалил и четыре раза подряд врезал коленом ему в живот. Ямаец, потеряв сознание, остался лежать на месте, конвульсивно подрагивая. Игра стала приобретать скверный поворот. Много ударов руками и ногами, сыплющиеся со всех сторон расовые оскорбления. "Хаки" набросились на них с дубинками, разнимая.
Тони Боб, один из тюремных охранников, подошел, оглядел Кугана с ног до головы, подмигнул, указав своей дубинкой на мужчин в поле.
- Что это за игра, черт возьми? - сказал он, вена на его толстой шее пульсировала. - Как, блядь, они это называют?
- Футбол, босс, - ответил ему Куган.
- Футбол? Я играл в футбол два года за команду штата Огайо, пока не повредил колено, и знаешь что? Это не футбол.
Когда он беззаботно пошел своей дорогой, а зэков на поле разогнали, Джонни посмотрел в сторону часовни.
Слоат вернулся.
И этот ублюдок, насиловавший детей, смотрел прямо на него.
Он расхаживал взад-вперед, шаркая расслабленными ногами. Его волосы были темными и жирными, как нефтяное пятно. Они соответствовали цвету его глаз, которые были черными, как жженая пробка. Лицо безжизненное и бледное, почти бескровное, и от этого кипящие стигийские глаза казались темными и бездонными, как беспросветные глубины.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

- Подождите здесь, - сказал Куган Чи-Чи и Луису. - Я хочу взглянуть поближе.
- Не делай этого, - предупредил его Луис. - Пожалуйста, парень, не мути воду.
Но тот все равно пошел. Что-то в нем требовало этого.
- Держи себя в руках, - сказал ему Чи-Чи. – Надзиратели пасут нас.
Куган пересек двор, перекинулся у трибун парой фраз с двумя старыми зэками, которые не видели воли лет сорок, при этом ни на секунду не сводил глаз со Слоата. Затем он оставил сидельцев и прошел мимо Слоата, который стоял в одиночестве в центре двора, его бледное лицо, словно след от ножа, рассекала ухмылка, глаза были похожи на мертвые дороги через миазматические болота.
Джонни остановился и прикурил сигарету, стоя спиной к Слоату.

Ты действительно хочешь сделать это?

Он знал, что мужчина наблюдает за ним, и чувствовал что-то похожее на озноб, будто холодное дыхание на своей шее. Куган повернулся, сморщив нос от внезапно нахлынувшего резкого неприятного запаха. Он был мускусным и горячим, как в террариуме, и, похоже, исходил от Слоата.
- Хули вылупился, мудила? - услышал он свой вопрос.
Джонни шагнул ближе, хотя сама мысль об этом была отвратительна, так как вонь с каждым мгновением становилась все более невыносимой. Слоат продолжал ухмыляться, и Куган понял, что ему придется разобраться с ним. За такое его на неделю упекут в карцер, но это придется сделать, потому что Слоат пялился, ухмыляясь, как вырезанная в хеллоуиновской тыкве физиономия, проявляя к нему неуважение.
Это было бы просто. Куган был опытным уличным бойцом, быстрым и сокрушительным. Его верхняя часть тела была накачанной от регулярных упражнений с железом: широкие и рельефные плечи, шея как пень, руки, бугрящиеся тугими мышцами. Уже тогда он чувствовал, как на него накатывает желание причинить боль этой рыбе, доказать свое превосходство. Его ноги уже сгибались, пульсируя силой, как поршни. Джонни замахнется правой, и, если Слоат хоть немного мужик, он попытается блокировать удар, а когда он это сделает, Куган врежет ему в бок с такой силой, чтобы сломать ребро.
Ближе, вонь усилилась, заставляя содержимое его желудка переворачиваться.
- Я спрашиваю, какого хрена ты уставился?
Если Слоат и был напуган, то не подавал виду. Он просто стоял там, его ухмылка становилась все шире, и казалось, что она вот-вот съест его лицо. Слоат был бледен как клоун, не смешной, а скорее такой, который ездит с мертвыми детьми в багажнике своей машины.
Куган слышал, как Чи-Чи и Луис собираются вмешаться, но знал, что Слоат окажется на земле задолго до этого. Потому что уже не мог остановить все это прямо сейчас. Ему нужно было хорошенько вздрючить этого смазливого насильника детей. Слоата нужно было растоптать, раздавить, как какую-нибудь членистоногую тварь, выползшую из затянутого паутиной угла подвала.
Затем произошли две вещи.
Первое – вместо Эдди Слоата, вдруг оказался Фрэнки МакГрат: огромный, ощетинившийся, с жаждой смерти в глазах. Затем раздался глухой голос, словно ветер из далеких бездн:

- Снова как в Оберне, а, Куг? Мы с тобой делимся своими маленькими грязными секретами.

Татуировки на руках МакГрата - спиралевидные символы и буквы, переплетенные змеями, гроздья глаз и переплетающиеся червеобразные щупальца - казалось, шевелились, колебались, клубились, как пар, поднимающийся из кастрюли, превращаясь в движущийся гобелен галлюцинаторной паразитической жизни.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Куган почувствовал, как по его лицу струится холодный пот.
Он услышал высокий, нечестивый детский смех у своего левого уха.
А потом там снова стоял Слоат, его ухмылка становилась все шире, непристойный оскал осколков битого стекла. Пустым бесполым голосом, который, казалось, доносился из подземных глубин, он сказал:

- *Ты будешь спасен.*

Что... что ты, блядь, несешь? - успел подумать Джонни, когда от наплывающего со всех сторон черного шума в его голове все заскрипело, и сознание грозило закрыться, как лепестки цветка.
Но потом Чи-Чи и Луис оттащили его, и он был слишком слаб, чтобы сопротивляться, опустошенный и оцепеневший.
Слоат просто стоял там, скаля зубы в ухмылке.
Но теперь, когда Куган вышел из игры, парочка падальщиков двинулись в его сторону, чтобы получить свой кусок пирога. Два чернокожих сокамерника, известные в блоке как Рондо и Мондо, сидели в общей сложности тридцать лет за торговлю наркотиками. Они подошли прямо к Слоату, а этот идиот не мог перестать улыбаться.
- Я думаю, ты будешь отстегивать нам пару купюр в неделю, белый парень, - сказал Рондо, - а мы сохраним тебе девственность. Как тебе такое предложение?
Мондо хихикнул. Он хихикал над всем, что говорил Рондо.
Куган видел и слышал это, он знал, как ведутся такие игры. Может, эти двое хотели любви Слоата, а может, это было чистое вымогательство, трудно сказать. Но еще один боевик из BGF[39]внимательно следил за происходящим, и это в значительной степени выдало его. Эти двое будут доставлять Слоату неприятности, а другой парень придет ему на помощь, защитит его, вот как это работает. А возможно, это именно он заплатил Рондо и Мондо за то, что они делали.
Но, опять же, Слоат не выглядел испуганным.
- Ты слышал, что тебе мужик говорит, а, ублюдок белозадый? - сказал ему Мондо с неприкрытой угрозой за своими словами.
Рондо собирался перейти на повышенный тон, но внезапно остановился. Его рот открылся, затем закрылся. Было заметно, как он побледнел под темной кожей.
Что-то поменялось. Агрессор превращался в жертву, и это было видно так же, как то, что Слоат питается этим, накачивая себя. Его глаза были такими огромными, что казалось, будто они выпирают прямо из головы, как два черных блестящих яйца.

- *Будете ли вы спасены, братья мои?* - спросил он их. - *Или будете искать причастия Черным туманом?*

Рондо попытался заговорить, но его горло заполнилось густым темным илом; попробовал отвести взгляд, но глаза Слоата затягивали его в мрачные лабиринты с царящей в них гробовой тишиной. Когда он все-таки смог моргнуть, слезы боли потекли по щекам, потому что его затянуло в черные червоточины глаз Слоата, которые показали нечто искаженное, нереальное и гротескное:

Оцепеневший, бестелесный циклопический глаз кроваво-красной луны взирал вниз, на изрезанный канализационно-сырой ландшафт внизу, где тени шуршали в подвалах, а огромные кристаллические черви поднимались из рек шипящей грязи. Безликие крылатые фурии раздирали в клочья костлявых младенцев с лицами кладбищенских крыс и пировали, сбившись в стаю. Потрошители могил с глазами цвета кровавого заката и слишком большим количеством призывно извивающихся конечностей, ухмыляющиеся ржавыми зубами с вершин проклятых холмов, где мерзости, похожие на извивающиеся

внутренности, выползали из развороченной почерневшей земли. Он услышал высокий, сладкий голос ребенка, поющий из пустоты, пронзающий ночь раскаленной иглой.
Рондо в шоке уставился на Слоата, изо рта у него нитями свисала слюна, с губ срывалась тарабарщина:

- Ктулху фхтагн! Йа, йа, Ктулху фхтанг!

Затем в его руке появилась бритва, и он полоснул ею Мондо по глазам.
Мондо рухнул на колени, но не пытался защищаться. Он лишь поднял руки в мольбе, что-то бормоча, из глаз его текли алые слезы. Рондо снова и снова полосовал ему лезвием по горлу, пока горячая кровь не залила его, словно чернильная клякса, ярко-красная и сверкающая. Мондо издал булькающий звук и упал лицом вперед на землю, мертвый или близко к этому.
К тому времени "хаки" были уже повсюду, они отпихнули Слоата в сторону и швырнули Рондо на землю, избивая дубинками, а сотни заключенных стояли вокруг и молча наблюдали за происходящим широко раскрытыми глазами, рты их двигались, но не издавали звуков.
Чи-Чи и Луис к тому времени вернули Кугана на их места.
- Что это было за дерьмо? - спросил Чи-Чи. - Ты видел это? *Ты, блядь, это видел?!*
Куган видел все слишком хорошо. Он сидел там, пытаясь прийти в себя, пытаясь сказать себе, что на самом деле не видел, как эти татуировки двигались на руках МакГрата. Не видел, как они скользят и ползают, поднимаясь из плоти множеством извивающихся личинок, а затем раздвигающихся, как шторы, открывая ему вид на тот мертвый город из его снов: некрополь, превращающийся в слизь и гниль в бездорожье неведомых межпространственных трущоб, где отвратительный ужас возвышался над скоплением надгробных сооружений, словно полная луна.

- 10 -

В тюрьме снова ввели карантин.
Начальник тюрьмы Шинс не знал, что еще делать, и запер своих говнюков в клетках. Он приказал спустить Слоата вниз и посадить в одиночку. "Хаки" сказали Слоату, что это для его собственной защиты, но на самом деле Шинс не был уверен, кто больше нуждался в защите: Слоат или остальные заключенные.
В течение двух дней Луису и Кугану нечем было заняться, кроме как сидеть в своей камере, читать, курить, играть в карты, отжиматься и приседать. Ко второму дню Куган как только мог избегал разговоров о Эдди Слоате. Затем сдался.
- Что ты думаешь о Слоате? - наконец сказал он. – Обо всем этом дерьме, случившемся во дворе?
Луис некоторое время молчал, уставившись в пространство. Потом он облизал губы и сказал:
- По улицам ходила эта кислота. Ее называли "Третий глаз". Я закидываю таблетку и ожидаю, что меня накроет часа на четыре, но меня не цепляет. Происходит что-то другое. Мое восприятие обостряется, открываются какие-то проходы, я пробираюсь в темные углы пространства-времени и как иголка проникаю в безымянные пропасти, где геометрические формы вопят, истекая кровью. Я смотрю в абсолютный первобытный хаос в самом центре Вселенной и прикасаюсь к башням из черного хрусталя на мертвых лунах, где руки пришельцев нацарапали Желтый знак на живой плоти скал. Я взбираюсь на Фиолетовые горы и попадаю в воронку Великого Белого Пространства. Я бесформен и лишен тела. Но не одинок. Ты слышишь меня, парень? *Я не один.*
Куган затянулся сигаретой и вздохнул. *Опять эти безумные разговоры.* Но он слушал, потому что каким-то образом знал, что это важно.
- Кто был там с тобой?

- Другие разумы из других мест, и я сталкивался с ними, прокладывал туннель сквозь них, когда они вторгались в меня, и мы запутывались вместе в большой клубок пряжи в бесконечной плоскости теней, - признался Луис. - Как отделить одно от другого? Я был холстом, чувак, белым и унылым, без единого мазка кисти, который можно было бы назвать моим, а они - эти умы, древние, древние умы - начали рисовать на мне, учить и наставлять меня, и тогда я понял, что значит быть ими. Ну как тебе объяснить? Эти умы... они совершают скачки повсюду, через время и пространство, из одного измерения в другое. Проникают в сознание существ в прошлом, настоящем и будущем, в этом мире и в миллионе других миров, о которых ты никогда и не слышал. У них есть имя, но тебе не обязательно его знать. У них было много врагов, но они боялись только одного.
- И чего же?
- Чего-то ужасного в космосе, что ждет на краю нашей Солнечной системы.
Джонни спросил:
- Чего-то в Облаке Оорта?
- Да. Это сущность... колония древних разложившихся разумов, существовавшая задолго до возникновения этой Солнечной системы. Особь, живущая в холодной бесформенной черноте, существо, ненавидящее все живое. Нечто первобытное, бестелесное и разрушительное. Что-то, носящее имя *Миллион Злобных Разумов*, для нас же известное как *Немезида.*
- И какое отношение это дерьмо имеет к Эдди Слоату?
- Это имеет к нему самое непосредственное отношение, братан. Он - своего рода проводник к этому, в чем я нисколько не сомневаюсь. Он связан с этой сущностью и несет ответственность за пропавших людей, как и за то, что произошло вчера во дворе, и за сны, которые мы все видели. Он часть того, что ждет нас снаружи, что приближается с каждой ночью, и, если ты думаешь, что я сошел с ума, дружище, что ж, ничего страшного. Но через час стемнеет, и тогда ты выглянешь в окно, и та тьма, которую ты видел, станет больше и ближе. И вот тогда ты скажешь мне, настолько ли я сумасшедший.
Куган вздохнул. Все это противоречило тому, чем он был, тому, что он знал, всему тому, что он видел и пережил.
- Он... что? Какой-то сверхъестественный тип или что-то в этом роде?
- Не знаю, парень. Я правда не знаю. Но он - часть этой сущности, - Луис сделал паузу, размышляя. - Ты сказал, что у него было лицо парня, которой вроде как склеил ласты в Оберне.
- Да. Фрэнки МакГрата.
- Я слышал о нем. Головорез семьи Луккезе в Нью-Йорке.
- О, да. За ним там числилось много трупов.
- Значит он умер... когда?
Джонни сказал ему, что в этом месяце было уже четыре года с момента тех событий.
- Это значит, что вскоре после его смерти Эдди Слоат появился со своей сектой в Вермонте. Интересно.
Кугану нравился Луис... но все звучало как безумие, как полный бред. Сумасшедшее дерьмо, которое иногда можно услышать от зэков, чей разум размягчился от тюремного заключения, их просто выворачивало наизнанку от чувства вины за то, что они натворили и кем они были. Так он продолжал твердить себе, но сам не мог заставить себя поверить в это. Джонни теперь видел все иначе, чувствовал, как вокруг него кружатся безымянные силы и злые энергии... как он мог отрицать это? Слоат не был человеком. Просто не мог им быть. Он носил лицо МакГрата, обладал силой, способной отправить вас в странные антимиры, и *заставил* тех двух черных ублюдков во дворе уничтожить себя. Во всем этом была сила, которой не могло быть у человека.

А еще было то, что он показал Кугану в тот первый день во дворе: это ползучее чудовище. И, Господи, неужели это было *истинное* лицо Слоата?
- Откуда ты можешь знать такие вещи? - спросил Джонни Луиса.
А тот просто пожал плечами и сказал:
- Я их чувствую. И верю, что это правда. Этот "Третий глаз" испоганил меня так, как ты себе даже представить не можешь, чувак. У меня появились чувства *сверх обычных пяти*. Но когда я увидел его в тот день, в тот первый день, когда Слоата перевели на общий режим, у меня мурашки поползли по коже, а сам я весь покрылся холодным потом. Я сталкивался с такими, как он, когда сидел на "Третьем глазе"... может быть, не видел, но знал, что они там есть. Когда я путешествовал по этим внешним сферам, то осознавал, что там *что-то* есть, что-то наблюдает за мной, следит, проявляя большой интерес к тому, кем и чем я являюсь. Холодная, первобытная ненависть. Понимаешь, о чем я?
Луис сказал, что перестал принимать "Третий глаз", потому что тот открывал внутри него, что-то, что потом было трудно закрыть обратно. Стены восприятия истончились. Реальность вокруг него начала разлетаться на части. По словам Кардоне, в те дни он работал с "Латинскими Лордами", перевозил целые горы героина и оружия в Восточном Гарлеме, на 103-й улице. Одно упоминание его имени могло привести в ужас кого угодно... но после "Третьего глаза" все уже не было как прежде. Он начал видеть и чувствовать что-то необычное... будто нечто невидимое двигалось вокруг него, взаимодействовало и играло с ним. Именно тогда Луис понял, что нечто из внешних сфер последовало за ним в наш мир и преследует его, как призрак.
- Сначала это были мелочи, приятель, - признался он, его голос был сухим и скрипучим. - В моей комнате вещи оказывались не на своих местах. Глубокой ночью распахивались двери. Содержимое шкафов пропиталось канализационной вонью, которой тянуло из-под моей кровати. Я лежал там, пытаясь заснуть, и слышал голоса, шепчущие в стенах, слышал, как что-то царапает ногтями мою подушку, - Луис покачал головой, дрожа. - Все становилось только хуже. Однажды ночью все окна в доме разлетелись вдребезги в три часа ночи. *Что за хрень?* - подумал я. – *Как такое могло произойти?* Осколки окон вылетели *наружу,* а не внутрь. Вот объясни мне это, если сможешь.
- Я был напуган, прям по-настоящему, до усрачки. Но к кому я мог обратиться? К священнику? К матери? Черт, никто бы не понял, и особенно те уличные отбросы, с которыми я тусовался, - Луис зарылся лицом в свои руки. Склонив голову, он сказал: - Я неплохо зарабатывал. Сбывал наркоту, продавал оружие, на стороне на меня еще работали несколько девчонок. Просто сутенер, толкающий наркотики, но у меня было много бабла на карманах. Я мог купить что угодно или *кого угодно*. У меня было уважение, дом, и это было потому, что люди боялись меня и боялись "Лордов". Но... после "Третьего глаза" все пошло наперекосяк. Я стал нервничать. Не мог спать. Дошло до того, что я стал бояться темноты. Ты можешь это представить? *Я.* Гребаный "Латинский Лорд", гроза испанских районов. Но, да, я боялся. Все время был на взводе. Чувствовал себя спокойным, только когда принимал какую-нибудь дрянь, это меня расслабляло. Правда заключалась в том, что я был никем иным, как наркоманом. Жестоким, безбашенным торчком, который боялся собственной тени. И у меня были веские причины. О да, братан, очень веские причины.
Луис сказал, что по ночам ему стало казаться, что в доме кто-то ходит. Он слышал это... *цок-цок-цок.* Как звук цокающих по полу ногтей. Его парализовал страх, как маленького ребенка, который затаив дыхание ждет, что из шкафа вылезет ужасный пустоглазый бугимен. Утром он находил следы и отметины того, кто явился за ним.

- Какие-то существа бродили по моему дому, чувак, существа, которые последовали за мной из внешних сфер. Я не знал, что это такое. Отпечатки, которые они оставляли, не были отпечатками людей... просто следы с тремя углублениями, словно что-то ходило, оставляя отметины кончиками грязных когтей, - Луис продолжал сглатывать, пытаясь сохранить горло влажным. Его широко открытые глаза, с покрасневшими воспаленными веками, были остекленевшими от страха. - Я не сомневался, что они наблюдают за мной. Я не мог их видеть, потому что они не хотели, чтобы их видели. Но однажды ночью... около трех часов утра... я увидел, как что-то вошло в мою комнату, и это был не человек... странная призрачная фигура приближалась к моей кровати. И оно не шло, а *передвигалось скачкообразными рывками*. И когда я закричал... *оно прошло прямо сквозь стену.*

Куган слушал с напряженным вниманием. Он чувствовал себя так, будто сам был под кайфом. Все это было абсолютным безумием, но в искренности слов Луиса не было никаких сомнений: он абсолютно верил в то, что говорил, и воспоминания о тех днях преследовали его в кошмарах до сих пор.

Луис рассказывал, что страх его становился сильнее, потому что начали исчезать люди. Те, кто жил по соседству. Кое-кто из банды "Лордов". Что-то забирало их по ночам.

- Что? - спросил Куган, зная, что должен это сделать. - Немезида?

- Нет, не Немезида, - ответил Луис. - Другая раса, которая находится в союзе с Немезидой, используется ею. Может быть, по собственному желанию, а может быть, из страха. Я не знаю.

- Они похищали людей? - сказал Куган. - Эти существа?

- Да, в некотором смысле. В каком-то смысле. Забирали их в небо.

Люди исчезали, а потом возвращались через неделю, не помня, где они были.

- Их забирали... а потом возвращали обратно, как будто что-то хотело, чтобы я точно знал, насколько они сильны и насколько я слаб. Как человек, который вытаскивает муравьев из трещин в тротуаре, чувак, и собирает в банку, а потом, когда ему вздумается, возвращает их на место.

- С какой целью?

- Опять же, я не знаю. Но эти существа забирали людей, а когда возвращали их обратно, те уже никогда не были прежними. Наверное, они что-то делали с их мозгом. Изменяли его, перестраивали, ну и так далее. Я думаю... я действительно думаю, что это как-то связано с теми канистрами из снов. С этими ужасными канистрами.

Луис признал, что все его размышления были очень запутанными. Те люди, которые вернулись, казались другим совершенно обычными, но для самого Луиса они были ползучими мерзостями, монстрами. Перед другими они могли притворяться, но он видел их насквозь, видел, какими мерзкими они были на самом деле. Луис называл это "порчей". И способен был распознавать ее. Он думал, что их вернули, чтобы использовать как шпионов или что-то в этом роде, как агентов под прикрытием или пятую колонну, чья работа заключалась в том, чтобы наблюдать и ждать, сообщая обо всем, что они видели.

- Да, я знаю, как это звучит, Куг. Как первостатейная, гребаная полоумная чушь. Бред сумасшедшего, который гарантирует тебе смирительную рубашку... но я клянусь, это правда, или, по крайней мере, я был в этом твердо уверен. Все становилось только хуже и хуже. Я был взвинчен, ошарашен, практически на грани нервного срыва, дергался от любого звука, слишком напуган, чтобы спать. Чувствовал себя разбитым. И все это из-за "Третьего глаза"... из-за того, что он сделал со мной.

Он курил сигарету, а его руки при этом не переставали дрожать. Лицо Луиса было напряженным, желтым, как у человека, близкого к инсульту.

- Надо мной надругались, осквернили, мое сознание уже не было прежним... ты не представляешь себе, каково это. Все время... какие-то звуки, запахи, ощущение, что за тобой наблюдают, как за микробом на предметном стекле... видишь, как вокруг тебя сменяются измерения, словно изображения в калейдоскопе, как будто смотришь через миллион окон. Ты не знаешь, на что это было похоже, Куг. Просто сидеть и наблюдать, как все эти двери вокруг тебя распахиваются, пульсирующая зеленая субстанция застилает твое зрение, безглазые чудовища и бледные червеобразные твари скользят по первобытному омуту антиматерии... и знать, *знать,* что как бы ужасно это ни было, есть нечто гораздо худшее, ненормальное и дьявольское, чего ты НЕ ВИДИШЬ, потому что они НЕ ХОТЯТ, чтобы их видели. Ночью... о да, Куг... ночью мой третий глаз открывался полностью, и я видел призрачный город из башен, сфер, поднимающихся конусов и труб. И тогда приходили ОНИ: существа из незапамятных времен, Старцы или Древние, серые, с головами морских звезд и светящимися, ярко-красными глазами. Они питались мной, разряжая, как психическую батарею. Паразиты, Куг, паразиты разума. Им нужны были мои воспоминания и мой опыт, потому что они были застойными, мертвыми и сухими, в них больше не было ничего, кроме времени и пыли.
- Это были те твари, которых ты видел проходящими сквозь стену? - спросил Куган. - Те, которые оставляли следы?
- Нет, нет. Я не знаю, что это были за *существа.* Но их можно было увидеть во внешних сферах, преследовавших мертвые города, дрейфующих вокруг. Все, чего они хотели, это проникнуть в твой разум и выпить твои мысли, энергию и память. Какие-то паразиты... старые, древние, что-то, что вымерло давным-давно и стало просто призраками, тенями. Те, что преследовали меня и уводили людей в ночь... они были другими.
Луис сказал, что примерно в то время, когда он начал видеть существ из других измерений и чувствовать, как они крутятся вокруг него, он просто слетел с катушек. Луис стал замечать свою девушку в компании с тремя "Лордами". Всех их забрали и вернули обратно. Они были не в себе. Их лица гримасничали и мелко подрагивали, словно что-то под ними хотело вырваться наружу, и Луис видел за их глазами, что-то, наблюдающее за ним. Что-то не человеческое. Когда они собирались вместе, они начинали шептать безумные вещи, о математике, физике, кривизне пространства, упоминали в разговорах четвертое измерение. Когда он обнаружил, что они *собираются* вот так, примерно в третий раз, он достал хромированный "Глок-9" и выпустил в них всю обойму. Он скрылся, а когда его выследил агент ФБР, он застрелил и его, решив, что это слуга преследующих его тварей.
- Я ошибался. Он был просто "быком"[40], каким-то ретивым служакой, который возомнил себя крутым спецагентом. Я все равно убил его.
Луис был немедленно арестован и помещен в столичный исправительный центр в Нью-Йорке в ожидании суда. За убийство, караемое смертной казнью, нельзя было выйти под залог. Поэтому он застрял в исправительном центре, где его дела понемногу пошли на поправку. Его держали в одиночной камере, и время там текло плавно и совершенно незаметно. Единственным способом отмечать дни были периоды сна или часы, когда ему разрешали включать свет. В положенное время кормили. Иногда "хаки" приносили ему журналы. Постепенно Луис потерял счет времени, проведенному в камере. Искаженное чувство восприятия начало исчезать. Он был, наверное, единственным парнем в исправительном центре, который радовался, что угодил туда, что был вдали от того, во что превратилась его жизнь. Но через неделю, не слыша ничего, кроме биения своего сердца, тиканья каких-то внутренних часов, Луис почувствовал себя изолированным и брошенным. Паранойя захлестнула его, и ему стало казаться, что в темноте с ним по ночам находятся какие-то существа - безликие, бесформенные и злобные.

- Я начал слышать звуки и понял, что меня выследили. Те твари, которые преследовали меня. Я *чувствовал* их вокруг себя. В соседней камере... я слышал эти забавные звуки... как будто что-то мокрое тащили по полу, и царапающие звуки, как если бы когтями скребли по стене. По ночам я слышал сухое, холодное хихиканье, будто там кто-то смеялся.

Однажды ночью, не в силах унять дрожь, Луис заглянул под раковину и увидел там решетку - вентиляционную решетку, соединявшую камеры. Собравшись с силами, он подполз к решетке и чиркнул зажигалкой, понимая, что должен знать, должен увидеть, должен убедиться, что он не сошел с ума.

Потому что там что-то было.

Что-то, что пришло мучить его.

Что-то из внешних сфер.

Он чувствовал влажную, сырую вонь. Мерцающее пламя осветило днище раковины, трубы, облупившуюся бетонную стену и саму решетку. Сквозь стальную сетку он ясно видел глаза, уставившиеся на него: шесть сверкающих зеленых не мигающих жабьих глаз.

Это продолжалось и продолжалось.

- Я не знаю, что это было, чувак. Не те твари, которых я видел раньше... а что-то другое, может быть что-то вроде Эдди Слоата.

Ночь за ночью Луис слышал оттуда скользящие звуки, как будто змеи ползали по полу и поднимались по стенам. Иногда это звучало так, как будто кто-то пробирался через лужу собственной блевотины.

Это продолжалось и продолжалось. Если он звал кого-нибудь из охранников - а те не торопились к нему приходить, потому что он был убийцей полицейских, - звуки стихали.

Однажды ночью, когда он съежился во тьме, один в этой камере, чувствуя, как безымянные существа прячутся в тенях, его охватило чувство ужаса, которое было осязаемым и разрушительным. Оно поселилось в его сердце, как засевшие намертво ледяные иглы.

Что-то возилось за решеткой.

Луис чувствовал его горячее и лихорадочное дыхание.

Затем тварь заговорила с ним:

- Я следил за тобой годами, живя в сгустках извивающихся теней, ползая по канализации времени/пространства и пробираясь через холодную радиоактивную грязь разрушенных внепространственных гетто в черной пустоте. Просто еще один разум из многих. Но я наблюдал и ждал. В конце концов, ты будешь ползать и пресмыкаться, но не будешь ходить как человек…

Луис замолчал, его история наконец-то была рассказана, и Куган знал, что он был первым человеком, который когда-либо слышал ее. Сам факт, что Луис сидел в федеральной тюрьме, а не в сумасшедшем доме, был доказательством того, что он ни словом не обмолвился об этом ни своим адвокатам, ни прокурорам, ни копам, ведущим расследование.

- Вот и все, Куг. Теперь ты знаешь то, что знаю я. Те способности, которые появились у меня после употребления "Третьего Глаза" - шестое чувство, экстрасенсорное дерьмо, называй как угодно - они, похоже, заглохли после того, как меня засунули сюда пять... или шесть лет назад? Неважно. Все было спокойно, тихо. Я был преступником и оказался в тюрьме. Отбывал наказание за решеткой. Я заслужил то, что получил, а ты не услышишь, чтобы многие из тех животных, что сидят за этими стенами признались бы в этом, - он пожал плечами и затушил сигарету. - Да, все словно встало на паузу. Ни снов, ничего другого. Потом появился Слоат. Как только я его увидел... ну, все началось снова. Не так сильно, но постепенно набирает силу. И когда я впервые услышал, как он говорит, знаешь что? Я узнал голос, потому что это был голос того существа, которое говорило со мной в исправительном центре.

Куган не знал, что об этом думать. Все это было похоже на огромный заговор, но не аккуратный и упорядоченный, а большой и беспорядочный, не имеющий границ. Он слушал, что Луис говорил еще. Тот считал, что первобытная ненависть, Немезида, находится где-то в Облаке Оорта, и с каждым днем приближается к Земле. Другие существа... те, что следовали за ним и похищали людей, изменяли их сознание... были как-то связаны с ней. У них тоже был интерес к человеческой расе. Но не с целью истребить ее. Они хотели чего-то другого.
- И чего же? - спросил Куган.
- Я не знаю, братан. Но послушай меня: Эдди Слоат - часть Немезиды. Как-то, каким-то образом. Именно он говорил со мной в исправительном центре. Он родился примерно в то же время, когда умер Фрэнки МакГрат, и я готов поспорить, что до этого он был сотнями других людей. Он - проводник. Он - маяк. И ничего хорошего ждать не приходится. Если мы хотим остановить это, то мы должны остановить Эдди Слоата.
Глядя в окно на расширяющуюся в небе черноту, Куган решил, что это должно произойти как можно раньше. Время истекало, и даже он понимал это абсолютно точно.

- 11 -

Когда-то давным-давно, еще в средневековые времена становления тюремной системы, "Дыра" была, по сути, железной клеткой без какой-либо мебели. Ты спал голым в грязи и темноте и мочился в полую трубу, вделанную в пол. В наши дни у тебя есть койка, туалет и раковина. В изоляторе свет можно было жечь с утра до вечера, в карцере же двадцать три часа в сутки стояла темнота. Эдди Слоат был помещен именно в карцер.
Когда капитан Гетцель и двое его охранников вели Слоата в оковах вниз, он чувствовал запах сырости и скисшего молока страданий, сочащегося из бетонных стен, ощущал темноту и клаустрофобию.
Капитан подумал, что это хорошее место для такого человека, как Слоат.
Два дня спустя он зашел посмотреть, как идут дела. Охранник сказал, что они держат Слоата в темноте все двадцать четыре часа, и что тот пока ведет себя тихо.
- Посмотрим, может, это его сломает, - сказал Гетцель.
Пока Слоата в цепях вывели в душ, Гетцель осмотрел его камеру.
Он изучил рисунки на стенах – нацарапанные имена, различные части женской анатомии. Но над койкой были сложные каракули и какие-то диаграммы. От одного взгляда на них у капитана похолодело внутри. Он присмотрелся, и ему показалось, что к ним примешаны символы и цифры, написанные судорожным почерком. Это было похоже на какую-то странную математику, возможно, алгебру или геометрию... но не на ту, которую Гетцель видел раньше.
- Что это за дерьмо? - спросил он наконец.
Охранник пожал плечами.
- Не спрашивайте меня.
- Он пишет это в темноте?
- Подозреваю, что так, сэр.
Теперь все это нравилось Гетцелю еще меньше.
- Похоже на какие-то расчеты.
- Так точно, сэр, похоже.
- Как, блядь, он делает это в темноте? Ты уверен, что у него нет фонарика, спрятанного в заднице?
- Уверен, сэр. Мы каждый день проводим ему осмотр полостей. Никаких источников света.
Гетцель продолжал разглядывать граффити. Это была математика... он видел цифры и расчеты, множество переплетающихся геометрических фигур, но символы - полумесяцы и перевернутые

треугольники, скрещенные посохи и сгруппированные шары - и слова, которые он видел, были ему совершенно чужды. Здесь были сложные формулы, кривые, неровные углы, экзотические формы, похожие на сложные многогранники и антипризмы, сливающиеся и накладывающиеся друг на друга или превращающиеся в абстрактные наборы пересекающихся поверхностей и линий. Это выглядело как причудливое сочетание математики, астрологии и алхимии.
В этом было что-то очень неправильное, и Гетцель начал обливаться то холодным, то горячим потом. Возможно, это было его воображение, но казалось, что по мере того, как он прослеживал глазами фигуры - дойдя до суммы определенного выражения, занимавшего половину стены, - сама стена словно мерцала, становилась туманной. Казалось, что она движется, пытаясь схлопнуться.
Почувствовав тревожное головокружение, Гетцель отвернулся.
- Следи, чтобы никто с ним не разговаривал, - сказал он, быстро направляясь к двери. - У него... с ним *что-то не так*.

Пока он дошел до лестницы, Гетцель только и успел подумать: *Слава Богу, слава Богу, что не я дежурю здесь по ночам рядом с этим уродом.*

- 12 -

Три дня спустя, когда карантин был снят, Тони Боб вышел из здания Тюремного промышленного комплекса, рухнул на колени в пожухлую траву, и его вырвало. К тому времени, когда двое других охранников добрались до него, он был белым и дрожал.
- Там, - пролепетал он. - В столярном цеху... О, Боже...
Два надзирателя - Филли и Уайтстеп - посмотрели друг на друга, а затем, сообщив через свои рации, ворвались внутрь. В это время дня - 3:30 пополудни - большинство заключенных были собраны и возвращены в свои камеры, кроме попечителей и тех, у кого был особый наряд на работу. Тони Боб ходил собирать отставших и рабочих из производственных цехов. Последним местом, куда он заглянул, была столярная мастерская.
И именно туда сейчас смотрели Уайтстеп и Филли.
То, что они увидели, было настолько выразительно, жестоко и похоже на голливудскую кровавую бойню, что поначалу казалось, что это не может быть реальностью. Но это была реальность, и когда вонь крови и мяса ударила им в носы и проникала в кишки, их ноги затряслись, и им пришлось отвернуться.
Трупы.
Столярная мастерская была превращена в свалку трупов, в лагерь смерти - груда вздутых туловищ, зияющих глаз цвета тухлого яйца и окоченевших конечностей. Обильное содержимое склепа, влажное покрытое гнойными волдырями, казалось, сочится и плавится, превращаясь в дряблое рагу из разлагающейся кожи, розовой мышечной массы и сгустков вытекших желто-фиолетовых органов.
Такие слова, как *"отвратительный", "ужасный"* и *"мерзкий",* едва уловимо отражали суть этого чудовища.
Позже Уайтстеп сказал, что это выглядело так, будто тела попали в штамповочный пресс для металла и из них выдавили соус, но Филли подумал, что это неточно. То, что он увидел, напомнило ему один из документальных фильмов о природе, где поднимали глубоководных рыб, и те взрывались от сильной декомпрессии. Именно так выглядели трупы: раздувшиеся, превратившиеся в багрово-пурпурные мешки плоти, глаза выскочили из орбит, телесные жидкости растеклась по полу, как свежий слой воска, кровь забрызгала стены, токарные станки и настольные пилы. Один ботинок взрывом отбросило на стропила, где он и остался висеть, с

носка капала кровь. А внизу перекошенные в агонии лица с разинутыми ртами из которых выплеснулись внутренности, словно фонтан кровавого рагу, как у раздавленных лягушек. Когда прибыл начальник тюрьмы Шинс и смог наконец взять под контроль свой желудок, он выслушал то, что рассказали Уайтстеп и Филли, хотя это звучало немыслимо и допускало возможность безграничных кошмаров. Они узнали некоторые из изуродованных лиц, те принадлежали пропавшим осужденным.

Их забрали, - размышлял Шинс, наблюдая за тем, как тела издают треск и лопающие звуки, продолжая разлагаться и растворяться. - *Эти люди были похищены отсюда, задушены, раздавлены, разорваны, изломаны, взорваны давлением внутренних газов... а потом брошены обратно. И как вам это нравится?*

Честно говоря, ему это не очень нравилось.

- Они тают, - сказал Уайтстеп, и Шинс тут же решил, что с ним, вероятно, что-то не так, потому что ни один человек не может смотреть на это и не испытывать тошноту до глубины души, но Уайтстеп был практически беспристрастен в своей оценке.

- Как такое может быть? - сказал комендант, поморщившись, когда большой желтый глаз выскользнул из глазницы и лопнул, как мыльный пузырь, выплеснув кровь на носок отполированный туфли.

- Смотрите, начальник, вы можете видеть прямо сейчас, как это происходит.

И он видел: как застывшее желе, которому дали оттаять. Так выглядели тела. Как тающие ледяные скульптуры. Они растворялись в мясистом, сочащемся море тканей, жидкостей и пузырящейся плазмы. Через час не останется ничего, кроме чертовски уродливых пятен. Коронеру понадобится швабра и ведро.

- Я хочу покончить с этим дерьмом, - сказал Шинс. - Это, блядь, чертовски неестественно, и если эти говнюки наверху пронюхают об этом, у нас на руках будет четыре яруса гребаного бунта. Ни слова. Ты меня понял? - он посмотрел на Уайтстепа, который кивнул. - Ни единого, мать его, звука.

Он посмотрел на Филли, который был таким же зеленым, как яйца и ветчина в одной детской сказке.

- Да... э... так точно.

Затем Шинс, которому каким-то образом удавалось держать свое самообладание в узде, а желудок - на своем месте, вышел на улицу, надменной, уверенной походкой... и, упав на колени, выблевал свой обед.

- 13 -

Во дворе Куган курил, наблюдая, ожидая, слушая, как Луис и Чи-Чи говорят о вещах, о которых он не хотел слышать.

- Дерьмо, которое они заливают нам в уши, - это чушь собачья, - сказал Чи Чи. – Кого они хотят обдурить? Я слышал об этих трупах.

- Тебя не устраивает версия начальника тюрьмы? – спросил Луис.

- Я тебя умоляю.

Куган, конечно же, слышал обо всем этом, и даже слышал ту бездарную чепуху, которую комендант крутил на своей шарманке: будто группу зэков раздавило грузом сорвавшихся брёвен. Даже "хаки" отпускали по этому поводу дурацкие шуточки. Что произошло на самом деле, никто не говорил. Но слухов было предостаточно.

- У меня есть приятель на Ферме Трупов, чувак, - сказал Луис. - Хочешь знать правду - вот она. Он подслушал разговор начальника тюрьмы с доком. ФБР провело вскрытие тел. Понимаешь,

они не просто выблевали свои кишки... их легкие были разрушены от отравления газом, кровь полна обогащенного метана.
- Что, черт побери, это значит? - спросил Чи-Чи. - Где они могли надышаться метаном?
- Не на этой планете, братан.
- Так или иначе, они все равно мертвы, - сказал Куган.
Луис хмыкнул.
- Мертвы? Черт, мужик, мертвец мертвецу рознь. Вскрытие показало, что смерть наступила в результате взрывной декомпрессии. Те тела были кристаллизованы. Пусть меня считают сумасшедшим, но чтобы произошло что-то подобное, нужно очень необычное стечение обстоятельств.
- Уайтстеп проболтался мне, что тела плавились, - сказал Чи-Чи. – Но, если что, я тебе этого не говорил.
Луис кивнул.
- Они... растворялись. К тому времени, как федералы добрались сюда, большая часть останков превратилась в жижу. Но есть кое-что еще хуже, кое-что еще более странное.
Куган и Чи-Чи смотрели на него.
Луис огляделся по сторонам, словно готовился выдать государственную тайну.
- У них не было мозгов.
- Чего? Что ты имеешь ввиду? – воскликнул Чи-Чи.
Луис облизал губы, которые к этому моменту были бледнее его лица.
- Я имею в виду именно то, что сказал. Во всех телах отсутствовал мозг, а на черепах не было ни единого разреза. А теперь скажи мне вот что: как можно извлечь мозг, не оставив даже следа?
Куган сидел, дрожа, и чувствовал, как что-то вторгалось в него, проникая глубоко, как корни, ищущие горячей красной влаги.

- 14 -

Идея убийства Фрэнки МакГрата возникла у Кугана в Обернской исправительной колонии, когда он зашел в подготовительную комнату тюремного морга, в котором работал, и увидел МакГрата, сидящего на корточках голышом над трупом, который он разделывал на полу. Труп, как выяснилось, был не каким-то мясным ассорти из одного из ящиков - что было бы уже достаточно скверно, - а телом худощавого латиноамериканского парня девятнадцати лет по имени Армандо Рамирес, рецидивиста, тянущего десятилетний срок за грабеж. Когда Рамирес исчез, все решили, что он перебрался через стену.
Оказалось, это не так.
Позже стало известно, что Фрэнки МакГрат избил его и, пока он лежал в тюремном лазарете, задушил, а после каким-то образом доставил тело в морг.
Там его и нашел Куган.
При виде этого неуклюжего, дикого ужаса, сидящего на корточках над телом, Куган почувствовал во рту вкус желчи. Он так и застыл на месте, не зная, что ему делать. Джимми "Штырь", Шон Болланд и еще один громила по имени Винни Скуццио были уже на подходе, и Куган надеялся, что они поторопятся.
Он потерял дар речи.
МакГрат посмотрел на него снизу вверх, огромный, как бритая горилла, голый и весь в татуировках, его рыжие волосы пылали адским пламенем, в глазах опарышами шевельнулось безумие, а в руках были ножи с кровавыми потеками. Он ухмылялся, оскалив зубы, похожие на окровавленные белые бриллианты торчащие в могильной яме.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

- Убери это дебильное выражение с лица, Куг, - сказал МакГрат скребущим, грязным голосом. *- Это мое дело, и оно не касается ни тебя, ни других. То, что я делаю, позволяет мне оставаться в живых.*

К этому моменту Куган уже много где побывал. Он видел все зверства, которые может предложить тюремная жизнь. И никого не боялся. Но это... это заставило его рот наполниться привкусом ржавого металла и тошнотворной сладости. Он чувствовал вонь трупа и крови – резкий, липкий запах жира и мяса, и мог только смотреть на МакГрата вытаращенными глазами.

МакГрат продолжал улыбаться, зубы торчали из бледно-розовых десен.

- Смотри, что я делаю, потому что ты можешь чему-то научиться. Сейчас ты тусуешься с этими парнями, но лишь вопрос времени, когда тебе придется разделывать тело, соединять труп, и я могу показать тебе, как это делается. Конечности трудно выворачивать из суставов, Куг, так что не морочь голову, просто возьми пилу и отрежь их. Конечности нужно удалить. Потом голову. Чтобы ни стоматологические карты, ни отпечатков пальцев не смогли помочь в опознании. Затем возьми куски и разбросай их на все четыре стороны, так далеко друг от друга, чтобы они никогда не смогли собрать Шалтая-Болтая снова.

В конце концов Куган спросил его, почему он вообще это сделал, почему убил парня, а затем сделал с ним это.

- Ты ни хрена не знаешь, Куг, никто из вас не знает, - ответил ему МакГрат. *- Однажды со мной кое-что случилось. Давным-давно. То, чего ты никогда не сможешь понять. Но с тех пор я стал другим, понимаешь? На улицах я убивал людей по заказу. И, да, мне это нравилось. Но это - нечто большее. Многие первобытные воины считали, что если кого-то убить, то впитаешь в себя его силу, его душу, его сущность. Видишь эти татуировки на моей спине? На груди? Это не просто татуировки, Куг, а чертежи, инструкции, описывающие некий ритуал. Если я убиваю людей определенным образом, если я довожу их до абсолютного страха - то, что в них есть, становится сильнее, и когда я забираю это, сильнее становлюсь я сам. Понимаешь? То, что вытатуировано на моем теле, описывает ритуал, показывает как его проводить, такие мелочи, как высасывание ужаса из жертв и соединение их трупов особым образом, чтобы добиться благосклонности извне... от других...*

Абсолютное безумие... и все же Куган поверил в это. Он почти чувствовал притяжение *тех,* кто ждал за порогом, чтобы принять свою жертву. И татуировки... таинственные слова и символы, черепа и полумесяцы, кости и растерзанные тела, бесчисленные кричащие лица, абстрактные изображения демонов с головами жаб или призраков с клубками щупалец там, где должны были быть волосы... все это перемешалось, сгрудилось, сгруппировалось на теле МакГрата так, что у вас почти перехватывало дыхание, когда вы следовали по лабиринту чернил и видели, где начинается одно и заканчивается другое, все это таяло в галлюциногенной дымке образов, слов и символов.

Позже Куган рассказал об этом Джимми "Штырю".

Джимми "Штырь", он же Джимми Пагано, был человеком из нью-йоркской семьи Луккезе. В Оберне мало что происходило, к чему не приложили руку Джимми "Штырь" и некоторые другие старые макаронники. Пусть банды устраивали разборки во дворе сколько угодно, парни вроде Джимми "Штыря" практически владели этим местом. Ходили слухи, что МакГрата убьют в качестве одолжения одному высокопоставленному члену мексиканской мафии; Рамирес был его двоюродным братом. Кровь требовала крови. Когда Джимми "Штырь"привлек к этому делу Шона Болланда и Кугана, все уже было решено.

- В пятницу вечером большинство арестантов в блоке "К" будут смотреть кино, - сказал он. - Я собираюсь устроить для Фрэнки небольшое развлечение с "петухом", о котором я ему рассказал. Только, когда он придет в комнату отдыха, его будет ждать не пидорок, а мы.
К тому моменту Джонни успел сцепиться с несколькими парнями, пырнул одного заточкой и избил многих других, но он никогда никого не убивал. Он был вором, а не убийцей. Но все же Куган решил присоединиться, и в основном потому, что Джимми "Штырю" нельзя было отказать, ведь он был тем парнем, который мог сделать вашу жизнь очень легкой или очень тяжелой. Отчасти это было так. Но настоящая причина была в том, что МакГрат был животным, абсолютным зверем... и после того, что он делал, и тех ужасных вещей, которые он говорил, с этим ублюдком нужно было покончить.
Когда МакГрат вошел в комнату отдыха и увидел Джимми "Штыря" и Кугана, стоящих там в пластиковых пончо и со свинцовыми трубами в руках, он догадался, как животное, приведенное на бойню и почувствовавшее смертоносный смрад кишок, мозгов и крови, - он все понял.
Его лицо ухмылялось, как жертвенная зарождающаяся луна.
Он бросился вперед и вцепился в Кугана, прежде чем тот успел даже подумать о том, чтобы замахнуться трубой.

– Ах, ты, ублюдок! Я мог бы столько тебе показать! Я мог бы отвести тебя в такие места…

Когда огромные обезьяньи руки МакГрата схватили его, с Куганом произошло то, что он никогда не сможет объяснить: это было похоже на удар током. Электрический разряд пронзил его, как будто он только что сжал в кулаках оголенные провода. Его тело напряглось, пылающий жар огня поглотил его, а в голове... словно дюжина солнц взорвалась вспышками призматических цветов, а затем рухнула в собственную массу, в нечто вроде засасывающей, вихревой гравитационной воронки, которая выдернула его, брыкающегося и кричащего, из его собственной головы, швырнула на световые годы через какое-то извращенное многомерное гиперпространство в расколотый черный космос, где звезды были продолговатыми мертвенно-белыми лицами, глядящими вниз из бездонной шепчущей черноты, и он увидел огромную сферу, мчащуюся на него. Она была окутана туманом, как маской, которая медленно растворялась, открывая...
Но к тому времени Шон Болланд взмахнул своей трубой, и она с чавкающим мясистым звуком врезалась в голову МакГрата, его череп раскололся, из него потекла кровь, серая слизь и что-то похожее на белый гной, а сам он рухнул на колени.
Куган пришел в себя сидя на заднице, обмякший, онемевший, с мурашками на коже.
Потом он поднялся, и все они замахали своими трубами с диким, идиотским ликованием.
Голова МакГрата была разбита, кровь и мозговое вещество сочились по полу, как застывающий пудинг. Зубы разлетелись как игральные кости, зазубренные концы костей торчали под безумными углами из синюшной, набухающей багряными пятнами плоти. Трубы продолжали опускаться, пока МакГрат не превратился в огромный растянутый, скулящий кожаный мешок с разорванными органами и раздробленными костями, ползущий по слизистым следам собственных жидкостей. Один раз он посмотрел вверх, прямо на Кугана оставшимся целым глазом, который плавал в месиве из желчи и внутричерепной жидкости, его голова превратилась в раздробленную головоломку из обломков костей черепа, а лицо – в мясистую кровоточащую массу.
И на одно безумное, нереальное мгновение, когда эта сфера ненависти впилась в него, Кугану показалось, что он видит, как что-то поднимается из тела МакГрата - что-то вроде тысячи зеленых резиновых червей, распустившихся в сумасшедшие заросли гигантских грибов с

ухмыляющимися изумрудноглазыми клоунскими лицами, которые распадались на сверкающую сахарную белизну мертвых детей, открывающих свои огромные тлеющие глаза-щели, чтобы показать засасывающую, безграничную вихревую черноту, которая пришла, чтобы превратить мир в кладбище начисто обглоданных костей.
Потом и это исчезло.
МакГрат умер с пронзительным воплем десятка гиббонов, с которых заживо сдирали шкуры, и оглушительным воем истекающих кровью призраков, который эхом разнесся по комнате отдыха вместе с заряженным энергией песнопением, превратившимся в кровавый туман, оседающий и стекающий каплями с потолка и стен.
- Дело сделано, - сказал Джимми "Штырь", стоя в своем залитом кровью пластиковом пончо, лицо его было белым, как мука.
- Ты видел... - начал Куган.
- Ни хрена я не видел, и ты тоже, - сказал Джимми "Штырь". - Что сделано, то сделано, и мы больше не будем об этом говорить.
Пластиковые пончо и трубы отправились в мешок для стирки, и на этом все закончилось.
По крайней мере так думал Куган в то время.

- 15 -

Через два дня после того, как они сгребли останки с пола столярной мастерской, Бастер Крэй пришел к Кугану. С ним была целая компания охотников за головами и громил из гетто: черные, белые, латиноамериканцы, даже азиат со шрамом от ножа через все лицо от уха до уха, как извивающийся розовый червяк. Отморозок. Труподел. Выглядел так, будто мог сожрать чугуна и даже не подавиться.
- Ты Куган? Джонни Куган? - спросил Бастер. - Слышал, ты пытался вырваться из "Теплицы", но не совсем удачно.
- Правильно слышал.
- У меня есть там друг по имени Рауль Мингл, - сказал Крэй. – Ты знаешь его под именем Эль Минг. Он сказал, что ты должен ему пять косарей, и я здесь, чтобы получить долг.
Дерьмо. Вот что это было. Потому что было правдой. Куган был должен Эль Мингу "зеленых", но надеялся, что попытка побега и перевод в Гриссенберг аннулируют это. Но не тут-то было. Тюремная молва снова нанесла удар.
- Скажи Мингу, что он получит их, когда они у меня будут.
Бастер был толстым и рыхлым - мясистый розовый арканзасский черномордый боров. Он постоянно вытирал полотенцем свою потную лысину, обезжиривая ее, из его кривого рта торчал изжеванный окурок сигары. Куган сразу понял, что тот не склонен к физическому насилию. Он платил другим за то, чтоб они причиняли людям боль. За глаза Крэя называли "Шоколадный пудинг", но никогда в лицо, потому что в этих глазах смерть кипела на медленном огне.
- Мингу плевать на твои проблемы, сука. И мне тоже. Ему нужны его деньги.
- Ну, у меня их все равно нет.
- Все может обернуться плохо.
- Как будто сейчас все хорошо.
Куган уже напрягся, готовый сорваться.
Его рост был ровно шесть футов[41], он был крепко сложен и накачал мускулы, добросовестно делая 2000 отжиманий в день, качая железо и работая с боксерской грушей. Он был известен как спокойный, по большей части, человек, с которым можно поговорить, парень, который поможет тебе, если ты действительно заслуживаешь помощи. Но он также славился своим

абсолютно грозным нравом. Он требовал уважения в каждом заведении, в котором проводил время. Это был единственный способ выжить. В тюряге строгого режима ты был либо хищником, либо добычей. И если этот толстяк думал, что Джонни можно запугать, то он был прав: для кого-то все может очень плохо обернуться.

- Есть, конечно, и другой способ решения этого вопроса - сказал ему Бастер, стараясь выглядеть абсолютно безразличным. - Ты можешь присоединиться к нам. Видишь ли, мы представляем организацию нового типа, основанную на братской любви и слепую к цвету кожи, расовой принадлежности и прочей подобной ерунде. Если хочешь подняться на борт - добро пожаловать. У нас есть то, чего нет у остальных – "хаки" на побегушках. А эти пять штук? Забудь о них.

Куган прикурил сигарету.

- И что я должен сделать, чтобы избавиться от этого долга?

- Ты знаешь Эдди Слоата?

Вот оно.

- Слышал о нем.

Бастер кивнул, его глаза наполнились бессмысленным страхом.

- У нас с ним будут кое-какие дела. Ты знаешь, о чем я говорю?

Куган знал, и ему не понравилась эта идея.

Потому что если он убьет кого-то - даже такого паразита, как Слоат, - это будет долгая, гребаная жизнь в клетке.

Бастер вытер свой блестящий купол. Куган изучал линии на лице мужчины: гусиные лапки, расходящиеся от уголков глаз, швы и морщины, расходящиеся, как трещинки на тонкой керамике. Следы от всего, что он когда-либо сделал, и всего того, что хотел бы, чтобы никогда не происходило.

- Все стало забавным с тех пор, как этот крекер[42]попал сюда, - сказал он.

- В каком смысле забавным?

Бастер посмотрел на свою банду, а те все склонили головы, прикрыв глаза, как бы в знак почтения к этому преступному божеству, которое ходило среди них.

- Что за вопрос, что за вопрос, - сказал Бастер, покачав головой. - Ублюдок, ты увидишь его, узнаешь его и признаешь его таковым. Вот и все, что я могу сказать.

Кугану показалось, что большой плохой тюремный воротила и подколодный змей Бастер Крэй дрожит на грани того, чтобы признаться в чем-то, вылить яд из глаз, может быть, выжать черную кровь из души. Он был близок, очень близок. Ему нужен был кто-то, кто услышал бы его, кто-то, чьи уши были бы подключены к работающему мозгу... а не эти пустоглазые ходячие швабры, которые были у него в бригаде.

Так что Куган рискнул, воспользовался моментом и, как говорится, взял быка за рога.

- Ты говоришь загадками, друг мой, - сказал он. - Но я тебя понимаю. У меня тоже есть одна для тебя. Как парень, которого убили в Оберне четыре года назад, мог сегодня разгуливать по двору?

Бандиты нервно поглядывали друг друга. Они были примитивными, простыми существами, которые только что эволюционировали из черных джунглей животного невежества, чтобы познать страх перед мертвыми.

Бастер облизал губы.

- Кошмары и реальность здесь становятся мягкими, текучими, начинают смешиваться, - он затянулся сигарой. - У тебя бывают видения, Куг?

- Никогда.

Бастер рассмеялся с резким металлическим звуком.

- Будут, парень. Поверь мне, ты был здесь достаточно долго, так и будет, - он оглядел своих головорезов. - Рано или поздно Слоат выберется из "Дыры". Мы забудем об этих пяти штуках, если ты сделаешь то, что нужно.
Куган выпустил дым ему в лицо.
– Если ты хочешь, чтобы его убрали, почему бы тебе не поручить это одному из своих долбоебов?
- Потому что я хочу, чтобы это сделал *ты*.
- Этого не будет.
Бастер просто повел глазами.
- Кожа, - сказал он. - Сделай это.
Азиатский чувак с кровожадным взглядом бросился на него, но Куган был готов к этому. Кожа нанес рубящий удар, но Джонни уклонился, схватил его ногу, вывернул ее и ударил коленом по яйцам. Пока азиат падал, Куган нанес ему резкий сокрушительный удар в челюсть. Валяясь на траве, Кожа выплюнул три зуба в брызгах розовой пены. Еще один здоровяк сунулся к нему, но Куган подловил его на удушающий захват и ткнул большим пальцем в глаз. Тот с криком упал, пуская кровавые слезы.
Прежде чем остальные успели сделать хоть шаг, Куган сдавил горло Бастера.
– Отзови своих псов, или я сломаю твою толстую гребаную шею, - сказал он ему.
- Полегче, полегче, - пробормотал Бастер. - Пожалуйста, просто... успокойся...
- Если тебе нужен Слоат, разбирайся с ним сам, - сказал Куган, отталкивая толстяка в сторону его прихвостней. - Я не хочу вмешиваться.
Бастер просто посмотрел на него.
- Сынок, если ты здесь, ты уже втянут.

- 16 -

После того, как Куган отправился своей дорогой, а парни разошлись, Бастер остался стоять один, осматривая двор, предаваясь воспоминаниям и ощущениям, его желудок переворачивался и он думал, что изо рта вот-вот хлынет. Крэй хотел бы рассказать Кугану, отвести его в сторону и объяснить, *что такое* Слоат, что в Грисс-Сити пришел большой плохой волк и какие у него острые зубы. Но Куган, каким бы разумным и выдержанным он ни был, никогда не смог бы разобраться во всем этом, никогда не смог бы понять, что обитает в шкуре Слоата и каковы его планы.
А Бастер знал, потому что каждую ночь видел это в своих снах.
Бастер закрыл лицо руками, сжал их, теряя себя, забываясь, утопая в омутах отрицания и жаждая оцепенения, пустого и похожего на сон.
Он наблюдал за зеками во дворе. Те бросали мячи туда-сюда. Стояли, прислонившись к стенам и строили планы. Сбивались в группы, курили, спорили и качали права. Заключенные наблюдали за другими заключенными. Зэки наблюдали за охраной с их дубинками и стволами на орудийных башнях. Заключенные играли в азартные игры. Бывалые следили за новичками во дворе, оценивали их. Зэки пасли своих мальчишек-блядей, чтобы никто не смел их тронуть. Игра. Бессмысленная игра, в которую заключенные играли двадцать четыре часа в сутки, заводные игрушки, в которых никогда не кончались батарейки, и часы, которые никогда не переставали тикать. Все они, надув грудь и распушив хвосты, сканировали двор едкими взглядами мертвых глаз, думая, что загнали рынок зла в угол, не зная, и даже не догадываясь, что они всего лишь жалкие любители. Потому что они не знали о секретах, которые хранят, и о загадках, за которыми ухаживают, как за темными садами, о людях, от которых воняло сырыми, кровоточащими тайниками, с глазами, похожими на лужи кипящей кислоты. О людях,

которые были вовсе не людьми, а тварями, которые откладывали яйца в низких, дымящихся местах, и об ужасных вещах, которые они совершали.

Тик-так, тик-так, тик-так.

Часы продолжали идти, и в глубине души Бастер знал, что до полуночи остается десять минут. Скоро наступит конец.

- 17 -

Днем в Гриссенберге царила постоянная какофония шума, сливающаяся в один сплошной глухой рев: мужчины перекрикивались из камеры в камеру, лязгали стальные двери, бранились охранники, зэки орали на телевизоры в комнатах отдыха, грохотали бумбоксы, кто-то вопил, религиозные фанатики громко молились во весь голос, конкретно поехавшие головой бессвязно бормотали со своими мучителями, которых больше никто не видел. И так далее, и так далее.

Но по ночам это было тихое урчание зверя, спящего в клетке, и видящего жестокие сны о крови, мясе и смерти. Капала вода, и люди стонали во сне. Крысы скреблись в стенах, трубы гудели, воздуховоды дребезжали, остывая. Зэки шептались, рыдали и молили Иисуса и Марию о прощении и искуплении грехов. Воздух был горячим и влажным от вони немытой кожи, пота, мочи и мусора. Хаки совершали свой ежечасный обход по коридорам и лестницам, и вы могли чувствовать запах их одеколона, жевательной резинки, дым их сигарет. К полуночи, кроме случайного отдаленного крика, отдающегося эхом в пустоте, оставалась только тишина, в которой дышал зверь, наполняясь ночью, заряжаясь энергией для нового дня, изголодавшийся по насилию, изоляции и нетерпимости, которые делали его брюхо полным, а зубы острыми.

- 18 -

- О, Боже, опять началось, - вздохнул Филли.

Он работал в ночную смену, и вынужден был слушать гребаного Слоата.

Тот снова болтал в своей камере со своими невидимыми друзьями.

Филли отложил свой журнал с девочками и подошел к камере, готовый стукнуть в дверь своей дубинкой и сказать Слоату, чтобы он заткнулся.

Но не сделал этого.

Он прислушался.

Странный, дребезжащий голос, похожий на нудное пчелиное жужжание, произнес:

- Мы послали их через Белое Пространство… они шли, шли, и шли, проваливаясь в пустоты, кувыркаясь и вращаясь, маленькие потерянные мальчики, открой глаза, это Юггот, девятый мир… где царит ужасная тьма без названия… циклопические ямы, полные древних грибов… посмотри, как теплокровная жизнь корчится от холода и отсутствия атмосферного давления, как твои внутренности извиваются червями на бесплодной равнине…

После этого Филли сидел в своем кресле, дрожа, как ребенок, который ждет, что из шкафа на восьми паучьих конечностях выползет какой-нибудь монстр с глазами гоблина. То горячий, то холодный пот струился по его голове, отчего темные волосы облепили череп. В его мозгу стоял постоянный скребущий белый шум, который лишь едва перекрывал звуки, доносившиеся из камеры: скользящие и царапающие звуки, необъяснимый металлический скрежет и низкий свистящий гул, который, он мог поклясться, заставлял землю гудеть и пульсировать под ним. Слышались звуки, похожие на то, как будто что-то ходило на множестве шипастых ног, постоянное шипение и шепот, которые, казалось, исходили из дюжины отдельных ртов. Слоат вел негромкие, приглушенные разговоры, и от всего этого по коже Филли ползли мурашки.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Боже милостивый, что там происходило?

- 19 -

Когда Куган закрыл глаза той ночью, сон пришел к нему сразу же.

Он увидел, как его окутало поле зеленой энергии, вспышки кобальта и индиго, направленные ему в глаза, яркие, как лазер, ослепили его, а затем позволили ему увидеть, увидеть по-настоящему, как его тащит вперед некая термоядерная приливная сила, несущая свою раскаленную добела волну с невероятной скоростью к зияющей зоне черноты, которая была темнее всего, что он мог себе представить. Порог был достигнут: сияющая огненная буря, сжигающая изнутри, как плавящееся солнце... и тогда он прошел.

Он прорвался.

Да, именно так: *прорвался.*

Порог был взломан, и Джонни с криком упал в озеро холодной пузырящейся плазмы, которое было невероятно близко к Гриссенбергу и одновременно невероятно далеко.

Он не знал, где находится.

Его разум говорил ему, что это мир между мирами... Сырая канава в каком-то межпространственном антимире.

Все вокруг изменилось, вывернулось наизнанку, плоть превратилась в дым, а дым стал плотью, атомы рассеялись и снова собрались воедино. Разум Кугана был колючим кустом черных роз, прорастающим, цветущим, вырывающимся из его черепа, которого больше не существовало в этом абстрактном месте.

Перед ним была бездонная тьма, и он сразу же увидел город: тот был похож на скопление сгрудившихся поганок и сальных высоких грибов, омываемых серой бурлящей рекой ползучей плесени. Подойдя ближе, Куган увидел не поганки, а здания, высокие и узкие, похожие на гробы, поставленные на торцы, от которых веяло чернотой, отчаянием и невероятной старостью.

Во сне он не шел, а летал, паря над городом. Джонни увидел, что строения были сделаны не из кирпича и камня, а из труб и тростника, бедренных и локтевых костей, спаянных вместе материалом чем-то похожим на паутину, тонкие нити которой соединяли здания, поглощая их и проникая сквозь стены.

Город был трупом.

Во сне Куган знал это. Дрейфуя над городом, он видел, как по нему медленно передвигаются существа, похожие на раздутых слизней. Они были отвратительного, фосфоресцирующего белого цвета, проникали в здания и выползали из них. Это были личинки, странные инопланетные личинки, питающиеся гнилью города.

Рты миног искали его теплое, пульсирующее горло, и повсюду - разложение и слизь, город стал губчатым от гниения, а тени были пьянящими от погребального запаха, и эта кипящая река плесени визжала сотней скрипучих голосов.

Куган скользнул в одно из зданий, как тень. В огромной выпуклой камере он увидел движущиеся фигуры. Не человеческие. Но разумные. Ужасные, но не обязательно угрожающе. Они были похожи на каких-то гротескных инопланетных насекомых или ракообразных, стоящих вертикально на колючих клешнях. Существа были от тускло-оранжевого до телесно-розового цвета и состояли из сегментированных полос белой субстанции с несколькими наборами изогнутых пластинчатых крыльев на спине. Посаженные на концах мясистых, морщинистых стеблей, их яйцеобразные головы венчались массой колючих усиков. Насколько Джонни мог видеть, у них не было ни глаз, ни рта, только костяные полости.

Они были абсолютно непристойны.

И чем внимательнее он всматривался, тем меньше они походили на насекомых или ракообразных, ибо казалось, что они состоят не из плоти как таковой, а из мельчайших переплетенных нитей и волокон, похожих на волокна плесени, сотканных вместе, перекрывающих друг друга, спаянных в единое целое. Как большая колония грибка.
Куган знал, что они видят его.
Их усики-антенны меняли цвет, то вспыхивая, то угасая, как хроматофоры глубоководных кальмаров. Они общались. Обсуждали его, и Джонни знал это.

Ми-Го: Грибы с Юггота, Внешние.

Так их называли на Земле, и они хотели, чтобы он это знал.
Это были существа, которые следовали за Луисом из внешних сфер: Ми-Го.
Они начали двигаться в его сторону.
Джонни видел... МакГрата перед собой на плите из черного камня, словно макака-резус, ожидающая вскрытия, деформации и изменения. Да, Фрэнки МакГрат, но изувеченный и изломанный, точно такой же, каким он выглядел после того, как его забили до смерти. Теперь он был здесь и сейчас, в этом месте.
Куган видел его не с помощью зрения, как такового, а каким-то другим чувством, ярким, но странно похожим на сон... МакГрат выглядел искаженным, непристойным, четырехмерной инопланетной интерпретацией. Чисто субъективно: бледно-белое пузатое существо, бурлящее жидкостями, жирами и наполненное газами. Отталкивающая и совершенно чудовищная тварь.
Хотя Куган - или его хозяин - был отвратителен, нужно было сделать необходимые вещи, и тонкие трехзубчатые крабовые клешни делали их с невероятной ловкостью... лучи света вскрыли черепную коробку, рассекли мембрану пополам, пульсирующий сгусток извилистой ткани, который все еще жил своей жизнью, был отделен, отсеченный от миллионов нервных волокон.
Затем мозг, был вынут из черепа... все еще живой...
И помещен в контейнер. Одну из тех канистр, которые он видел в своих видениях.
Изъятый у МакГрата.
Чтобы быть помещенным в другое место.
Куган отстранился от всего этого. С глухим и далеким криком он оторвался от тварей, препарировавших МакГрата. Джонни бежал через антимир, набирая скорость, внутри него разгорался ужас, а затем скорость, пространство и время рушились вокруг него, распадаясь и фрагментируясь.
Куган отстранился от всего этого. С пустым и далеким криком он двинулся прочь от того, что препарировало МакГрата. Он бежал сквозь антимир, набирая скорость, внутри него разгорался ужас, а затем скорость, пространство и время рушились вокруг него, расплетаясь и распадаясь на фрагменты.
И откуда-то из далеких черных бездн донесся гулкий:

- Ты смог прорваться, Куган. Приготовься к новому рывку...

- 20 -

Бастер Крэй не мог уснуть.
Эдди Слоат назвал его имя. Настала его очередь.
Весь день он чувствовал, как это приближается к нему, подкрадывается все ближе, и теперь Бастер боялся, что оно стоит прямо за ним.
Прижимая к груди распятие своей матери, он шептал:
- Умоляю, Мария, умоляю, Иисус, сейчас и в час моей смерти...

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Окутанный кислым, желтым смрадом страха, он дрожал, на его лбу выступили бисеринки пота размером с горошину. Когда он медленно качал головой из стороны в сторону, его глаза не моргали. Его лицо было так напряжено, что казалось, будто череп под ним пытается вырваться наружу.

Позади Крэя раздался шипящий звук.

Что-то происходило, что-то формировалось вокруг него. Атмосфера его камеры была будто опустошена.

Бастер просто стоял там, с влажными, широко раскрытыми глазами. *Они идут. Как и в моих снах, они идут сквозь свет.*

В углу, в том самом месте, где сходились стены, образовался шов черноты. Он раскрылся, как трещина, расширился, и через него хлынул бледно-голубой свет, растекаясь и заставляя всю камеру мерцать люминесцентными пульсациями материи.

Не просто свет, а янтарная фосфоресценция, которую можно было осязать... он чувствовал, как заряженные частицы, из которых она состояла, ползают по его коже, словно миллионы паучьих лапок.

И он оказался в ловушке. Заперт в стальной клетке.

Бастер вертелся из стороны в сторону, вытаращив огромные, остекленевшие глаза, изо рта текли струйки слюны. А потом он закричал. Резкий, режущий, абсолютно агонизирующий звук эхом разнесся по блоку, как сирена воздушной тревоги. Крэй бросился к прутьям своей камеры и бился о них лицом до тех пор, пока на его черной коже не распустились кровавые соцветия росистых багряно-алых роз.

- *ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ! ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА!* - кричал он сквозь стиснутые зубы, когда по его щекам катились слезы, летели брызги слюны, а кулаки колотили по прутьям. - *ВЫТАЩИТЕ МЕНЯ НА ХУЙ ОТСЮДА...*

И тут он увидел фигуры в свете - кривые, сгорбленные, похожие на гротескных страшилищ. Их было пять или шесть, они выпрыгивали из туманно-голубого поля в его сторону, издавая высокочастотный свистящий звук, будто спаривающиеся кузнечики на летнем поле. Когда мысли Бастера потекли, как теплый сок, он увидел нечто похожее на расправленные крылья горгульи и тянущиеся к нему дрожащие инопланетные конечности.

Но это было все, что он увидел, прежде чем его схватили.

- 21 -

Внизу, в одиночной камере Слоата, снова раздались голоса, и, да поможет ему Бог, но Филии, казалось, не мог перестать прислушиваться к ним.

- *…теперь они все знают… чувствуют это… ощущают это… видят это в своих видениях… близко, очень близко… все эти безмозглые маленькие черви, о да, они не могут заслониться от величия того, что приходит… они принадлежат ему, все до единого!* – дыхание Слоата стало очень частым. Послышалось тихое шуршание бегущих насекомых, когда что-то двигалось по полу, за которым последовал хлопающий звук, как будто простыней на веревке или… расправляющихся крыльев. - *Время пришло, и мы сделаем так, чтобы это произошло… Я слышал голоса, зовущие из зеленых бездн, где катятся черные сферы…*

Затем раздался этот дребезжащий голос, который, по мнению Филли, не мог сымитировать ни один человек. Он колебался, тон его становился то выше, то ниже, как у радиосигнала, идущего с большого расстояния:

- *…Йа йа Ктулху фхтагн… сейчас, как и в прошлые дни… высокие обезьяны больше не властны… истреблены гневом… и Он, о священный и любимый владыка, восстанет из*

затонувшего города… и как Черный Козел правит лесом, так и Миллионы Злобных Разумов будут насыщены… даже сейчас они приближаются… к Оку Полыни… йа… как в стародавние незапамятные времена… древние звездные звери пробудятся в своих гробницах под ледяными холодными пустошами… наполнят небеса… это будет время роения, как в древности… воздайте хвалу тому, что сидит на корточках во тьме… пусть то, что ждет в центре первобытного хаоса, услышит наши многочисленные голоса…

Филли был напуган до полусмерти, потому что, сколько ни твердил себе, что все, что он слышит из камеры Эдди Слоата, всего лишь бред больного разума, но сам себе не верил. Ибо что-то внутри него отпрянуло и задрожало от ужаса. Филли знал, что где-то там, в ночном черном космосе, в хаотическом великолепии ждет нечто, и оно придет за человеческой расой.

- 22 -

Лежа без сна, Куган слышал это совершенно отчетливо:

Цок-цок-цок.

Оно появилось снова, и было еще ближе. Плоть Джонни покрылась мурашками. Слюна пересохла во рту. Он хотел окликнуть Луиса, но не осмелился объявить о своем присутствии тому, что приближалось по коридору. Казалось, в тюрьме исчезли все звуки, воцарилась всеобъемлющая мертвая тишина. Были слышны только бормотание какого-то измученного зэка, молящегося в ночи, и эти щелчки.

Оно приближалось.

Единственным включенным светом были лампы системы безопасности, и они отбрасывали тусклый, почти жуткий свет на стены камер. *Цок-цок-цок.* Куган почувствовал запах, похожий на смрад сухой гниющей соломы. Он знал, что это была та самая вонь, которую Луис почувствовал в своем доме, когда к нему приходил Ми-Го. Крепко зажмурив глаза, более чем напуганный, Джонни выжидал.

Запах становился все сильнее.

Необъяснимый холод проникал сквозь решетку.

Он приоткрыл глаза и увидел, как над ним промелькнула гротескная, искаженная тень, когда что-то проскочило мимо его камеры. А потом исчезло, и запах стерся из памяти. Но каким-то образом Куган знал, что это еще не конец, потому что именно это Луис называл *"порчей"*: способность видеть их со стороны, узнавать их, когда другие не могли.

Теперь он слышал звук шагов.

Это был всего лишь охранник, совершавший обход. И ничего больше. Куган прислушался, когда туфли на мягкой подошве подошли ближе, затем остановились перед его камерой. В полумраке он мог видеть караульного... но также и кого-то еще, стоящего прямо за ним... мутного, призрачного, сгорбленного, как тролль из книги сказок. Эта фигура, казалось, обретала твердость, становилась более существенной... наполнялась, обретала плоть, словно ее накачивали гелием. Какой-то кошмарный мультяшный бугимен, наполняющийся украденной, газообразной жизнью... лицо выпуклое и искаженное, как у кишащего опарышами трупа, черные кристаллические глаза запавшие в продолговатые дыры, губы красные и раздутые, как черви, спаривающиеся в бульоне из желчи.

И злая, издевательская ухмылка.

Это был Фрэнки МакГрат.

Пока Куган лежал, парализованный страхом, охранник исчез. МакГрат подошел прямо к решетке, его лицо сползало влажной, сочащейся мякотью. Он вцепился в прутья, его пальцы были бескостными и мягкими. Они извивались, как жирные белые плоские черви.

Когда Куган завопил от леденящего ужаса, МакГрат превратился в мягкую, пластичную субстанцию, которая растаяла, превратившись в колышущееся желе, десятки жилистых шиферно-серых отростков вырвались из дряблой центральной массы светящихся желтых глаз и извивающихся внутренностей. Они обвились вокруг прутьев, и сжались с такой силой, что те застонали от чудовищного давления. МакГрат протискивался внутрь, несколько щупалец с пульсирующими розовыми присосками на нижней стороне проскользнули между стойками, дергаясь и подпрыгивая, как силовые кабели, прочесывая пол в поисках чего-нибудь, за что можно зацепиться и ухватиться...

Куган слышал крики людей.

Выстрелы охранников.

Молитву Луиса.

Приближающиеся шаги.

- Оно идет, Куг, оно идет за всеми вами, - говорил жуткий сиплый голос МакГрата. - *Хочешь, чтобы я открыл дверь? Показать тебе, как манипулировать четырехмерным пространством? Показать, что находится по ту сторону? Я сделал это для Джимми "Штыря" не далее как три месяца назад. Бедный глупый макаронник, он отправился туда так же, как и другие: небольшое путешествие в колодец тьмы. Солнце на Югготе никогда не встает, Куг. Бедный Джимми "Штырь" корчился на этой беззвучной инопланетной равнине, метан разрывал его легкие, вода выкипала из его глаз, пока они не вылетели из глазниц, как яйца всмятку… но к тому времени отсутствие атмосферного давления… ха! Он взорвался, как гребаный воздушный шар. Это заняло всего пятнадцать секунд, максимум. Но это были чертовски долгие, скверные пятнадцать секунд, Куг.*

- А Шон Болланд? Я вообще не заморачивался. Отправил этого ублюдка прямиком в Облако Оорта, чтобы он встретился с Миллионом Злобных Разумов. Они расщепили его на субатомном уровне, рассыпали его плоть, как рисовые зерна, но не раньше, чем он взглянул на них, и из него выкачали все до последней теплой капли ужаса, его мозг был высосан и выжат досуха, пока не превратился в сморщенный комочек, твердый, как персиковая косточка…

- Приготовься, Куг… сейчас будет… время прорыва…

Щупальца отступили, и МакГрат растворился в текущем потоке черного желе, который удалился в тень.

- Что за хуйня тут творится? – спросил караульный, сканируя камеры своим фонариком. - Кто из вас, ссаных говнюков, орал?

Но никто ему не ответил.

- 23 -

Пока тюрьма спала, Луису Кардоне приснился сон, только вот он не был точно уверен, что это вообще сон. Луис снова видел большое Облако Оорта на самом краю Солнечной системы: туманную сферу, которая простиралась во всех направлениях и, казалось, уходила в бесконечность. Субъективно он видел его как черную дыру, которая проглотила пылающую, излучающую нейтроны массу звезды, но не смогла полностью переварить, а только удерживала в своем горле, как мерцающий колдовской свет. Объективно он знал, что Облако представляло собой медленно вращающийся хаотический водоворот планетарных фрагментов, льда, межзвездных газов и радиоактивных пыльных бурь, горячую печь комет, время от времени вспыхивающую струями сверхгорячей плазмы и лучистыми вспышками ионизирующего вещества. Все это медленно сжималось в паутине противоречивых, пульсирующих магнитных полей, которые сдавливали это, как субатомный кулак. Чем ближе Луис подходил к нему, попав в штопор гравитационного поля, тем больше оно выбрасывало

сине-белых гейзеров взбудораженных атомов и горячего газа, похожих на щупальца, пытающиеся поймать его в ловушку. Он всмотрелся в Облако, заглядывая глубже в его анатомию, чем когда-либо прежде, прямо в само ядро кометы, изменяющееся свечение рассеивалось, открывая ядро за его пределами, которое было спиралевидным и невероятно черным, ультрахолодный морозильник абсолютного нуля, который не был мертв, но жил чем-то непристойным, неименуемым и невероятно злобным.
Что-то наблюдало за ним, космическое око абсолютной злобы.
И ненависти.
Затем его, казалось, оторвало от Облака, втянуло во вращающийся вихрь белой материи с ослепительной скоростью, которая, как он знал, была близка к скорости света, если не превышала ее. Затем Луис оказался на свободе, падал... падал, как камень сквозь пространство, вращаясь до тех пор, пока ему не показалось, что его внутренности вылетят изо рта... и тут он открыл глаза.
Куган одной рукой прижимал его к койке, а Луис бился, мотая головой из стороны в сторону. На один безумный, сюрреалистичный кошмарный момент ему показалось, что это не его сокамерник, а огромный кристаллический паук, опускающийся на него.
- Успокойся, - сказал ему Куган. - Господи Иисусе, ты кричишь во сне.
Луис обмяк, учащенно дыша в озере пота. Он не мог перестать дрожать.
Внезапно вспыхнул свет, когда Куган прикурил сигарету, по его лицу поползли тени.
- Что это было?
Луис перевел дыхание, задержал его, облизнув губы.
- Облако Оорта, - ответил он. - Оно здесь... я думаю, оно здесь...

- 24 -

Наверху, на орудийной башне, капитан Гензель уставился в черноту, нависшую над ФИУ Гриссенберг, кожа на нижней части его живота медленно покрылась мурашками. Это была необъятная бездонная тьма, превосходящая все, что он когда-либо видел прежде. Эбеновый, непроходимый мрак, который, по его представлению, должен существовать за пределами известной вселенной.
Ночь была ясная, но звезд на небе не было.
На самом деле никакого неба не было. Чернота была небом.
Мейсон, старый сотрудник тюрьмы, подошел к нему.
- Что вы думаете об этом, кэп?
- Я... я не знаю. Никогда не видел ничего подобного раньше. Какой-то странный грозовой фронт?
Мейсон пожал плечами.
- Радио говорит, что в ближайшие три дня будет ясно и спокойно. Это не шторм.
- Тогда что это за чертовщина?
- Я не знаю, кэп, - ответил Мейсон почти шепотом. - Но оно растет в небе уже несколько недель. И знаете что? Я был в городе прошлой ночью, и оттуда этого не видно. Здесь - единственное место, где это можно увидеть.
Гетцель продолжал смотреть снизу вверх, чувствуя, как внутри у него что-то оборвалось.

- 25 -

Примерно в то время, когда Кугану удалось закрыть глаза и приблизиться к чему-то похожему на сон, раздался раскатистый глухой гул, который потряс всю тюрьму и заставил Джонни почувствовать, как будто что-то схватило его и переместило на десять футов.

Его сбросило с койки, как и Луиса, и сотни других заключенных.
Вверху и внизу в тюремных блоках раздавались крики, а вещи разбивались вдребезги, падая на пол. Распространилась странная, резкая вонь, похожая на озон, и еще на что-то, вроде перегоревшей проводки.
А потом наступила тишина.
Давящая, тяготящая, гробовая тишина, которая длилась секунд десять, и единственным слышимым звуком был неземной низкий вой, похожий на отдаленный туманный горн[43], отдающийся эхом в подземных трубах. Он то нарастал, то спадал, но никогда не исчезал полностью.
В тюрьме погасли все лампы.
Резервные генераторы не включались.
И у каждого человека, лежащего в оцепенении на полу или пытающегося подняться на ноги, голова кружилась от дезориентации, у всех было одно и то же ощущение: что сам воздух, атмосфера тюрьмы были вывернуты наизнанку, как будто время, пространство и законы физики были вывернуты и потеряли смысл.
Затем люди начали кричать.
Заключенные колотили чем попало по решеткам своих камер.
Раздавались стоны и страдальческие вопли.
А в блоке "С" над всем этим с пронзительными истерическими нотками возвышался один-единственный голос:

- *Помогите мне! Господи Иисусе, помогите мне! Вытащите меня отсюда!* – надрывался кто-то. - *Здесь что-то есть! Оно схватило Джоуи Кея! Оно вылезает из этих гребаных стен…*

Именно в этот кульминационный момент все двери камер в тюрьме распахнулись, выпуская осужденных во тьму, к тому, что их там ждало.

- 26 -

Одиночка.
Оказавшись в темноте, Филли увидел, как пульсирующее голубое свечение лижет края стальной двери в камеру Слоата. Оно переливалось под ней, растекаясь светящейся лужей, похожей на лунный свет.
Затем дверь распахнулась, и что-то отбросило на стену тень, похожую на ветви, колышущиеся на ветру. Филли повернулся, но там ничего не было. Отползая на четвереньках от голубого сияния, он услышал звук, похожий на сухой шорох прямо позади себя... щелчки, словно хитиновые пальцы терлись друг о друга. Филли замер, дрожа, с колотящимся сердцем, затем снова начал ползти, охваченный безумным страхом, который не отпускал его.
Звуки не прекращались.
Его активно искали.
И он с детским ужасом понял, что нечто, находящееся за ним, *хочет,* чтобы он увидел его.
Вынуждало его посмотреть на себя.
Внезапно появилась сильная вонь крови, мяса и чего-то еще хуже... вроде сухого, гниющего сена. Холодная тень упала на Филли, и он закрыл лицо руками и начал рыдать, как в детстве, когда ветка древнего дуба царапала ночью его окно.
А потом поднял глаза, зная, что должен посмотреть.
То, что он увидел в голубом свете, было ниже человека, может быть, пяти футов[44]ростом... оно было похоже на сгорбленного ракообразного, покрытого оранжево-розовыми сегментами, разделенными рельефными гребнями. У существа было два набора суставчатых конечностей,

которые заканчивались чем-то вроде крабовых клешней... только они были с тремя когтями, один из которых противостоял двум другим.
Тварь протянула лапу и поманила его.
Филли закричал.
Существо не шелохнулось. Оно стояло на другой, более толстой паре конечностей, балансируя на кончиках клешней. У особи были крылья... несколько комплектов крыльев, которые оно складывало с кожистым, скрипучим звуком. Был у него и хвост, который казался продолжением тела. Он сужался к острию с острыми шипами, выступающими из костных гребней.
Дрожащий, высокий жужжащий голос произнес:
- Ты спасен, малыш. Иди ко мне…
Филли просто сидел, качая головой из стороны в сторону.
Он не понимал, что обмочился.
Или что его кишечник опорожнился.
Или что он бормочет и пускает слюни.
Он воспринимал только тот ужас, что стоял перед ним.
У этого были имена, много имен, и они возникали в голове Филли: *Внешний, Грибок из Юггота, Ми-Го.* Все это не имело для него смысла, но воспаленный мозг был рад, что ему есть что назвать, ибо человеческий разум требует определения для всех вещей.
Ми-Го.
У него была голова в форме костяного восьмиугольника, покрытая тонкой блестящей плотью. У твари не было ни глаз, ни рта... только глубокие продолговатые камеры, расположенные на морде. В них не было ничего, кроме темноты, как во впадинах черепа. От головы отходили антенны... сочлененные, как ноги паука. Они мигали разными цветами и постукивали друг о друга.
Это были щелчки, которые он слышал.
Хотя у существа не было глаз, Филли знал, что Ми-Го смотрит на него. Было ощущение, что тварь злорадствует. На тот моменту Филли знал очень мало, но был уверен, что это было именно злорадство.
Измученным, мальчишеским голосом Филли пропищал:
- О, пожалуйста... пожалуйста... нет... не прикасайся ко мне... не трогай...
- Никакой боли, малыш, - прожужжал голос. *- Только избавление…*
К этому моменту они уже окружили Филли, шесть или семь Грибов с Юггота. Он стоял перед ними на коленях, всхлипывая, с теплым безумием в голове. И когда они протянули конечности и коснулись его, разум охранника лопнул, как кровавый волдырь, и вытек, как сок.

- 27 -

Комендант Шинс работал допоздна, когда тюрьму тряхнуло. Он тоже шлепнулся на задницу, а к тому времени, когда головокружение отступило, вокруг было темно.
Телефон не работал.
Ноутбук отключился.
Мобильник не подавал признаков жизни.
- Что, черт возьми, происходит? - закричал он. - Где этот гребаный свет?
И тут он понял, что не один в комнате. Бледный и мерцающий голубой свет, казалось, лился прямо из стен, а Эдди Слоат появившийся там, шагнул к нему, как смерть.
Это был сомнамбулический фантом с лицом из трупной слизи и телом из шелестящих, голодных теней. Он протянул к начальнику тюрьмы пальцы, похожие на белые подсвечники, и

изо рта у него вырвались два извивающихся черных щупальца, идеально гладких, идеально маслянистых и абсолютно смертоносных.
К тому времени, когда Шинс подумал о том, чтобы закричать, щупальца уже сдавили его горло, и кричать было уже невозможно.

- 28 -

Хаос, полнейший хаос.
Пока охранники поднимались на ноги, многие из них были порезаны и истекали кровью от разлетевшегося стекла, заключенные - теперь уже свободные - начали буйствовать, кричать, вопить и орать. Они избивали конвоиров, резали их, калечили, расчленяли в маниакальном кровавом ритуале. Зэки захватили тюрьму за считанные минуты, хлынув во двор и в административное здание, стрелки на орудийных башнях пытались перебить их из снайперских винтовок, оснащенных приборами ночного видения. Но бунтовщиков было просто *слишком много*.
В течение двадцати минут все "хаки", кроме нескольких, были мертвы.
Тюрьма была разрушена, все коридоры завалены телами и залиты кровью, пламя охватило промышленные корпуса и часовни.
А когда не осталось ни одного охранника, зэки набросились друг на друга, используя заточки, трубы, осколки стекла, ножки столов и захваченные стволы.
Ми-Го выжидали на высоких стенах, как гротескные горгульи, наблюдая, наконец, за ужасно забавными стадами внизу, которые суетились и налетали друг на друга, как роящиеся белые муравьи на склоне холма, убивая своих в великой чистке, очищении, освобождении от грубой, дикой агрессии приматов. Растягивая свои рифленые крылья и подавая друг другу сигналы хроматическим языком своих сочлененных антенн, все было именно так, как они и предвидели.
Пророчество исполнилось.
И как раз в это время черная бездна в небе разверзлась вращающимся вихрем гравитационной, магнитной и пульсирующей кинетической энергии.
Прибыла Немезида.

- 29 -

Тюрьма дрожала, вибрируя от чего-то похожего на сейсмические волны, которые Куган ощущал подошвами ног. Пока зэки бушевали, а ночь превратилась в дикое шоу теней, от тел с криками и воплями мечущихся по коридорам и уровням, он держался за решетку своей камеры, а Луис был рядом с ним. Снаружи горели здания, и тюремный корпус заливал мерцающий оранжевый полумрак.
- Оно здесь, Куг! - прокричал Луис, перекрывая шум. - Мы должны найти Слоата! Мы должны убить этого ублюдка! Только так можно это прекратить!
Куган наблюдал, как по коридору снуют группы зэков, обезумевшие, жаждущие крови и возмездия, за бандами, набрасывающимися друг на друга с самодельными ножами и обрезками труб. Слышал вопли ни одного человека, когда того перебрасывали через перила или затаптывали толпой.
Безумие, абсолютное безумие.
Время от времени Кугану казалось, что он видит фигуры, движущиеся вместе с толпой... смутные, расплывчатые, нечеткие... Призраки, которые прыгали, как саранча.
Теперь вся эта проклятая тюрьма была в месте *прорыва*.

Он не знал, где они находятся, но это точно была не Земля. Больше нет. Куган сомневался, что очень многие из окружающих еще не знали об этом, но чувствовали, что все, что они когда-либо знали, было втянуто в какой-то черный трансгалактический коридор.
Луис вложил что-то ему в ладонь: четырехдюймовое стальное лезвие с рукояткой, обмотанной черной изолентой.
- Мы должны найти его! - сказал он.
Куган кивнул.
- Даже если нам придется прорубать себе путь через каждого из них! Пошли!
Они разделились, растворяясь в шумном буйстве жестоких стад, в поисках создателя теней.

- 30 -

Чи-Чи был охвачен безумием, как и все остальные, его несло потоком разъяренных зэков, он стал частью буйно помешанного, яростного зверя, в которого они превратились, который бил и получал удары. Его сбивали на пол, топтали, пинали, а он цеплялся когтями, вскакивал на ноги, чтобы убивать, убивать и снова убивать. Здравый смысл исчез, и Чи-Чи ничего не соображал, он знал только, что должен выжить, что слева и справа и повсюду вокруг враги, слюнявые недочеловеческие твари, которые хотят его убить.
Он вытирал кровь с глаз, искал оружие, а в глубине сознания пронзительный певучий голос твердил: *Собирайтесь, собирайтесь, вы должны собраться немедленно.*
Ему просто необходимо было выбраться во двор; побуждение было непреодолимым.
Но бунтующие мутанты вокруг него мешали ему этого сделать. Чи-Чи уворачивался от цепких щупальцев, суставчатых конечностей и покрытых слизью рук, с которых капало, словно воском с горящих свечей. Полз на животе по лужам крови и по растерзанным трупам.
Он видел, как зэки перемещались обезьяньими стаями, размахивая при этом руками, большинство из них едва держались на ногах. Слышалось их нечленораздельное ворчание и кряхтение, разило мочой деградировавших до первобытного состояния особей.
Один из них направился в его сторону, и Чи-Чи выхватил бейсбольную биту из холодных пальцев мертвого заключенного. Примат приближался к нему галопом, отчаянно борясь с желанием опуститься на четвереньки. Когда неандерталец приблизился, рыча и скаля зубы в доминантном желании защитить свою территорию, Чи-Чи врезал ему битой по лицу. А видя, что поверженный еще шевелится, он прыгнул на зверя, ломая кости, а потом заносил биту над головой, раз за разом с силой опуская ее на свою жертву, пока конец не окрасился кровью и не покрылся сгустками тканей и клочьями волос.
Остальные обезьяны разбежались.
Со всех сторон раздавались крики и вопли умирающих и искалеченных людей, а также визг, вой, приглушенное рычание и другие звериные звуки, которые никак не могли исходить от людей.
А над всем этим голос абсолютного господства:

Собирайтесь, собирайтесь сейчас, вы должны собраться немедленно…

Слева от него по металлической лестнице на четвереньках поднялись трое осужденных. Их лица трансформировались в крысиные морды. По полу за ними волочились змеиные хвосты.
Чи-Чи отпрянул в сторону, уклоняясь от них.
Затем снова побежал, спотыкаясь, по коридорам, которые перетекали один в другой, расплывались, не в силах сохранять свою форму. Клетки растворялись, железные прутья текли, как горячий жир, стены пузырились. По потолку бежали потеки крови. С каждым шагом толпы заключенных деформировались и видоизменялись, принимая новый облик. Были те, кто превратились в червей, ползающих по бетонным стенам, а другим выпала куда худшая участь.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Мир двигался, смещался, углы пересекались и расходились. Подобно тающей пленке, огромные дыры начали прожигать стены, открывая бесконечную черноту за ними. Из этих пространственных воронок за происходящим наблюдали *твари* с глазами из фиолетовых кристаллов, взывая голосами, похожими на скрип битого стекла.
Другие существа *проплывали* сквозь дыры.
Чи-Чи увидел тягучие облака желтого вещества, за которыми следовали целые косяки многоцветных пузырьков, плавающих друг вокруг друга и проходя друг друга насквозь, как будто состояли из тумана. За ними следовали огромные светящиеся концентрические кольца кристаллических зубов... словно живые акульи челюсти.
Они проходили сквозь твердые стены и полы, словно те были нематериальными.
Чи-Чи почувствовал, что еще немного и его мозги начнут закипать.
Он видел зэков с огромными фасеточными глазами, как у мух. Другие передвигались на слишком длинных ногах или присасывались к стенам. Повсюду прыгали, скакали, ползали и визжали, когда банды сталкивались с бандами разгорались кровавые бойни.
Его сбивали с ног, его безжалостно пинала группа существ, вместо голов у которых были извивающиеся протоплазматические ложноножки, корчащиеся в постоянном движении.
Другая толпа осужденных, превратившихся в раздувшихся земноводных, спугнула их, пустившись в погоню.
Чи-Чи поднялся на ноги, вырубил дубинкой пару парней, у которых на животах росли прозрачные щупальца, и был отброшен в сторону гротескной неуклюже волочащейся тварью с плоскими желтыми глазами и жаберными щелями на шее.
Потом появилось жабообразное существо.
Оно прыгнуло в сторону Чи-Чи. Потянулось к его лицу пальцами с пухлыми, мясистыми подушечками. Черный блестящий язык облизывал пухлые слюнявые губы. Чи-Чи взвизгнул и взмахнул битой, сломав твари левую глазницу, глаз выдавился в клубок тканей, и напоминал теперь косточку в апельсиновой мякоти. Существо упало, издав ужасный болезненный крик, и Чи-Чи, слетев с катушек, начал орудовать битой, ломая конечности и превращая органы под набухающей бугристой кожей в лопнувшие ошметки. С последним криком ярости он раздробил голову твари, но этого было недостаточно. Он погрузил липкие от крови пальцы в расщелину черепа и тянул до тех пор, пока голова не раскрылась, как орех, и он не смог добраться до блестящей лягушачьей икры, которая была у твари вместо мозга.
Весь забрызганный кровью, он на четвереньках отбежал от жабы.
Вокруг Чи-Чи были отвратительные мутанты. Он единственный не потерял человеческий облик и должен был остаться в живых. Должен, потому что... потому что...

Собирайтесь сейчас, собирайтесь сейчас. Вы должны собраться немедленно.

Но Чи-Чи знал, что у него ничего не получится, потому что его настигла смешанная банда существ, передвигавшихся ползком и на карачках. Они неумолимо подкрадывались к нему с ножами, дубинками и деревянными планками, заточенными под копья.
- Вот он, - сказал один из них. - Видите? Это монстр...
Но они ошиблись: это они были чудовищами, а не он.
По мере того как они приближались, их лица искажались и становились гротескными, словно раздавленные сильным давлением или переплавленные в красно-белую волокнистую массу.
Когда вонзилось первое копье, и удар ножа ослепил его, Чи-Чи закричал визгливым, побежденным голосом, но не от боли, а в безысходном отчаянии, от того, что он не успеет дойти до двора, до места сбора и посмотреть на то, что ждет его там.
Умирая, он воскликнул:

- Фнглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн...

И протянул к небу пальцы с желтыми присосками.

- 31 -

Луис вытер с лица брызги и отступил от истекающего кровью заключенного у своих ног.
Он смотрел, как столовую наполняли потоки теплого зеленого моря, похожего на желатин. Студенистое вещество подрагивало и колыхалось, сносимое мимо его ног вялым течением. Большие и маленькие существа, чем-то напоминающие насекомых, как ожившие черные и красные экзоскелеты, плавали, летали, а зачастую и просто растворялись, превращаясь в лавину взбудораженных микроскопических червей, судорожно пытавшихся спастись от гигантских дрейфующих скоплений розовых пульсирующих глаз, которые сами удирали от огромных мерцающих пузырей с тысячами колеблющихся конечностей, состоящих из трупно-белого желе.
Луис не смел пошевелиться, боясь, что существа обратят на него внимание.
Те кружили вокруг него, проходили его насквозь.
Он посмотрел вниз, и казалось, что пола больше нет.
Из титанической черной бездны далеко внизу росли ветвистые сучья деревьев. На них не было ни почек, ни листьев, только необозримый лес переплетенных веток, которые тянулись к нему и шевелились, как пальцы рук.
Закричав, он вывалился обратно в коридор.

- 32 -

Куган был отброшен в сторону беснующейся толпой. Его лихорадило, было жарко, тело было покрыто не потом, а слоем слизи, похожей на послед. Его рука казалась чужой, когда он провел ею по лицу.

Боже милостивый.

Между пальцами были тонкие кожистые перепонки.

Он физически менялся, мутировал, становился менее человечным, чем остальные. Монстром. Он становился чудовищем. Искажение меняло их всех.

Слоат. Нужно добраться до этого сукина сына.

Да.

Он двинулся по коридору стремительной походкой.
Перед ним сквозь стену прошла старуха. Ее лицо было похоже на ветхую плетеную ткань, проеденную бесчисленными дырами, из которых вытекала непроглядная чернота. На руках она держала пухлую коричневую крысу с человеческим лицом, которое злобно ухмылялось.
Рядом с ней стояли три или четыре высоких существа, чьи тела напоминали сужающиеся бочки. У них были большие перепончатые крылья и головы в форме морских звезд, извивающиеся лучи которых заканчивались блестящими красными глазами.
Куган почувствовал, как они пытаются вторгнуться в его сознание, хотят втянуть его в углы, которые разрывали тюрьму на части.
Он двинулся вдоль стены, из его пор потекла коричневая жидкость, вонявшая гниющей рыбой.
Джонни подошел к зарешеченному окну и выглянул наружу.
За стеной все исчезло. Там было только зеленоватое туманное марево, клубящееся вихрями и выпускающее клочья и шлейфы тягучих сгустков.
Подняв взгляд выше, Джонни увидел ячеистый, похожий на пчелиные соты город с красными пятнами башен и труб, которые были очень похожи на узкие вытянутые дымоходы гидротермальных каналов. В городе жили существа, которые плавали, помогая себе крыльями. Это были те красноглазые твари, что были со старухой.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Вверху в небе открывалась Немезида.
Его рука. Она была распухшей, пальцы широкие и сплюснутые, перепонка между ними тонкая, полупрозрачная. Казалось, конечность состояла из какого-то белого студенистого материала, похожего на жир свиной отбивной. Под кожей виднелась сложная система голубых и зеленых вен, проходящих через всю руку и переплетающаяся на пальцах, словно вьющийся плющ. Они опутывали всю его руку.
Потом он увидел Слоата. Эдди вел группу зэков вниз по лестнице, и они следовали за ним, как стая пищащих крыс.
Куган догнал его как раз в тот момент, когда тот собирался выйти во двор.
Слоат обернулся. Но слишком поздно.
Куган набросился на него с безумной инстинктивной яростью. Когда Слоат повернулся, Куган закрыл ему рот своей бесформенной мясистой белой рукой и ударил заточкой в грудь, вогнав ее по самую рукоятку. Слоат издал горловой хныкающий звук, а Куган из всех сил заработал рукой - потянул лезвие вверх и в сторону, затем вниз и опять вбок, словно переключая передачи в автомобиле. Слоат упал навзничь, размахивая руками, пронзительный оглушительный рев сорвался с его губ красным туманом. Он попытался закричать, но его горло было заполнено кровью, и все, что вышло, - это поток алой рвоты, который потек по его подбородку, когда кровь фонтаном хлынула из разорванной груди и живота.
Куган уставился на него сверху вниз, его мутировавшая рука пульсировала, набухшие узлы на животе покалывало.
Слоат поднял на него глаза, его лицо было забрызгано кровью. На мгновение он выглядел почти благодарным... потом это ощущение исчезло, его лицо исказилось в сардонической насмешливой ухмылке, глаза пылали безумным весельем.
И тогда это произошло.
В тот самый момент, когда Слоат должен был испустить дух и умереть, то, что жило в нем, питаясь, как присосавшаяся пиявка, решило проявить себя. Слоат выгнулся дугой назад, все его тело конвульсивно содрогалось в агонии, черная слизь пузырилась из его глаз, оставляя чернильные дорожки, похожие на слезы из туши, на его вялом, белом как у клоуна лице. Молочная желчь закипела у него во рту, а на щеках, лбу и подбородке взбухли пылающие красные узелки... каждый из которых извергался тонким прозрачным усиком, похожим на извивающегося червя. Их было так много, что вскоре все его лицо скрылось под шевелящейся массой паразитов.
Куган с криком отшатнулся, машинально выдернув окровавленную заточку.
Живот Слоата разошелся, как родовой канал, из которого выплеснулись брызги прозрачного желе... и откуда-то из внутренностей вырвалось что-то извивающееся, бесформенное, похожее на корчащегося амебообразного слизняка с отвратительными пурпурно-синими прожилками. Оно было сальным и желеобразным, множество желтых выпуклых глаз, словно кладка яиц, были распахнуты, дюжина маслянистых, багровых, хлыстообразных придатков, похожих на цепкие щупальца медузы "Львиная грива", колыхались вокруг в поисках чего-нибудь, за что можно было ухватиться.
Куган отбил несколько из них, еще один рассек заточкой, и на пол полилась желто-зеленая кровь. Другой отросток вырвал у него клок волос, а еще один, почти с любовью, скользнул по голой руке Джонни, щупальце было гладким, почти шелковистым на ощупь.
Затем откуда-то снаружи донесся пронзительный, жуткий свист, на который вскоре ответили, казалось, сотнями других таких же свистов, переходящих в пронзительный, оглушительный хор и достигающих единой, ревущей, режущей слух ноты, которая заставила каждого человека в тюрьме упасть на колени. Звук пронзал уши, как раскаленные добела иглы.

Куган, вся кровь которого отхлынула от лица, сдавил руками виски, чтобы череп не разлетелся на части от сильного внутреннего давления.
Откуда-то с силой зарождающегося циклона начал дуть горячий чумной ветер.
Немезида принимала свое подношение.

- 33 -

Луис Кардоне почти не обращал внимания ни на бунтующих заключенных, ни на запах дыма, ни на тела, валявшиеся отдельно и сваленными в кучи по всей тюрьме.
Что-то другое взывало к нему.
Песня сирен. Это был призыв, и перед ним невозможно было устоять. Он, спотыкаясь, брел по коридору, обезумевшие толпы заключенных, чьи глаза были огромными, стеклянными и совершенно безумными, то отбрасывали его в сторону, то волокли за собой. Он слышал что-то похожее на отчаянный визг тысячи ошпаренных младенцев и знал, что это умирают люди во дворе... умирают от страха.
Он вышел в ночь и посмотрел в небо.

Миллион злобных разумов.

Немезида.

Живая первобытная тьма, неудержимый магнетический призрак, бестелесный многомерный фантом, состоящий из миллиона злобных глаз, облученная органическая пространственная червоточина, питаемая кипящим горячим ядром реактора разложившихся инопланетных разумов, жаждущих пропитания: человеческого серого вещества, разрываемого ужасом, паникой, разрушительным суеверным страхом.
Луис смотрел на это, охваченный ужасом, а оно потянулось к нему и нашло его подходящим, и тогда он начал кричать, пока его мозг не превратился в кровавый суп от эмболии, вызванной страхом, которая взорвалась в его черепе, как кассетная бомба.

- 34 -

Когда тюрьма была захвачена Немезидой, Кугана обхватили ищущие щупальца и с криками втянули в разрастающуюся эмбриональную массу Слоат-твари. Оно показало ему лицо Фрэнки МакГрата и лица сотен других, но он не испугался. Джонни *атаковал,* заточка все еще была в его руке и все еще была острой как бритва. Он вонзил его в трепещущую цитоплазменную плоть существа, и ему в лицо брызнула кислотно-зеленая кровь. Движимый яростью и отвращением, Куган резал, кромсал, рубил и вспарывал существо с чистой беспричинной животной ненавистью.
Слоат-тварь была мерзостью.
Туман, слизь и кровоточащие кости, белый, покрытый гнойными язвами, нерожденный паук, зародыш червя и нечто, состоящее из стеблей и пульсирующих пузырей, выброшенных на летний пляж в переплетении глубоководных водорослей. Смердящее, гниющее и разлагающееся. Призрак телеплазмы, клубки внутренностей и мешанина бугристых мускулов, борющихся за господство.
Именно таких тварей убивал Куган.
Лицо Слоата, горячее и бесцветное, с дрожью пыталось удержать форму на украденных костях. Но его блестящие глаза были живыми и смертоносными, желтыми и дымящимися.
- *И Древние унаследуют тушу мира,* - произнес он клокочущим голосом, его смрадное дыхание напоминало вонь сточных вод.
А потом он/оно развалился на части - живое рагу из извивающихся щупалец, пульсирующей плоти и сочащегося зеленого яда - и Куган рухнул в него, испуская последние вздохи, когда

разорванные органы внутри него затрепетали, а токсичный яд существа превратил его кровь в холодный свертывающийся соус. Он лежал в останках твари, чешуйчатую кожу на спине покалывало, белая студенистая плоть руки непрерывно пульсировала, его живот раскрылся с водянистым потоком черного ихора, обнажив три зарождающиеся несформировавшиеся конечности.

…Куган закрыл глаза…

…он почувствовал, как чернота затопила его голову…

…его высосало из черепа…

- 35 -

…но он не умер…

…агония…

…резкая боль…

Он почувствовал всасывание, сильное магнетическое притяжение, взрыв тепла и холода, когда его подтянули к тому, что зависло над Гриссенбергом, втянули в воронку гравитационного стока, опалили языками сверхгорячей плазмы и утопили в бассейнах жидкого метана.

Ужас от того, что ему предстояло увидеть, опустошил его разум до самого примитивного, суеверного уровня.

Куган видел образы инопланетных городов, возвышающихся конусами ведьминских шляп на вершинах древних гор. Видел черные базальтовые колонии Ми-Го на склонах холмов. Видел, как эти города распадаются на части во времени, заброшенные, разрушающиеся, поглощенные древним катаклизмом только для того, чтобы возродиться снова, населенные разумом неживым и бестелесным.

И голос, который он слышал во сне, донесся до него первобытным, пронзительным ветром:

- Ты будешь спасен.

Образы исчезли.

Пульсирующее черное ядро самого Облака Оорта распахнувшись, затягивало его, и он увидел миллионы горящих красным кристаллических глаз, уставившихся на него, превращая его разум в холодную грязь. Эти бесчисленные безумные монолитные разумы, вонзались в его собственный, как ледяные лезвия, вскрывали его, разрывая и расчленяя его воспоминания, инстинкты и простые животные побуждения, когда что-то в нем кричало о вторжении и надругательстве.

Затем он был отвергнут, выплюнут в космос.

Скорость.

Время.

Пространство.

Он был в туманно-темном сне, в дымке, запертый в какой-то судорожной перистальтике ужаса, в каком-то обособленном... дрейфующем небытии, расколе, который поглощал сам себя. Затем появилось какое-то чувство. Что-то похожее на зрение. Куган вглядывался в лица, которые были не лицами, а чешуйчатыми наростами, похожими на черепа пришельцев. *Ми-Го.* Да, Джонни знал, что это Ми-Го, и он находился в одном из их зданий на Нитоне. Десятки их приблизились к нему, кружась вокруг, как мясные мухи над тушей. Он чувствовал, как их клешни ползают по нему, словно личинки, копаются в нем, прокладывают туннели, разрезают на куски и изменяют. Куган видел, как его внутренности вырываются из живота в пузырящихся сгустках крови. Видел, как они перебирали его органы и ласкали его кишки, передавая их от одного к другому, словно дети, играющие в игру.

Джонни закричал, и его крик эхом разнесся по темным безднам.

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

Ми-Го были в его голове, проникали в его череп и разрывали его сенсорную сеть: осторожные, дотошные, опытные. Его мозг был яйцом, блестяще-серой яйцеклеткой, липкой, склизкой, желтоватой массой, которая вырвалась на свободу, развоплотилась, упала в темную пасть ямы, погрузившись в бесконечные черные околоплодные воды, которые были кровью космоса. Цилиндр. Там он ждал вместе с сотнями других, надежно спрятанных в своих индивидуальных контейнерах, ожидая своего нового рождения, общения с каким-то далеким иным. И Куган видел этого иного, носителя, с которым ему вскоре предстояло общаться: извивающаяся, безликая оболочка, ползущая сквозь сгущающиеся тени стерильного мира. Он был спасен от Немезиды, спасен, чтобы исцелиться и стать единым целым с ползучей инопланетной чумой. И именно это знание, как ничто другое, заставило сущность, известную как Джонни Куган, прекратить свое существование.

Перевод: Виталий Бусловских

Примечания

Тим Каррэн – Монстры повсюду
Tim Curran – Here There Be Monsters

1

Кроме оружия личный состав выделяли шелковые шарфы через плечо (при латах шарф повязывали по талии, согласно моде – с огромным бантом позади). Парламентарии носили оранжевые желто-коричневого оттенка, цвета Эссекса шарфы, а роялисты – красные различных оттенков – от розового до малинового.

2

прямая отсылка к главному герою "Скитальца тьмы" Говарда Лавкрафта

3

цитата из "Гамлета" Шекспира, в оригинале обращенная собственно к убитому принцу датскому

4

профессиональный американский бейсболист

5

согласно Библии - величайшая святыня еврейского народа, в котором хранились каменные Скрижали Завета с Десятью заповедями, а также сосуд с манной и посох Аарона

6

американский музыкант, руководитель популярного джаз-оркестра 1930-х и 1940-х годов

7

крупное известняковое плато в центральной части США, известное также как особый культурно-исторический регион страны

8

ночь с 30 апреля на 1 мая

9

бренд солнцезащитных очков и оправ для корректирующей оптики, созданный американской компанией "Bausch & Lomb"

10

Август Вильям Дерлет - американский писатель в жанрах фэнтези и хоррор, страстный поклонник Лавкрафта, посвятивший жизнь популяризации его творчества и созданию "Мифов Ктулху"

11

Мискатоникский университет - вымышленный университет, расположенный в вымышленном городе Аркхем, штат Массачусетс. Был придуман американским писателем Говардом Лавкрафтом и в дальнейшем появлялся не только в его произведениях, но и в произведениях его последователей.

12

Уилбур Уэйтли - персонаж рассказа "Ужас Данвича" Говарда Лавкрафта.

13

Мут - древнеегипетская богиня неба.

14

Менту - древнеегипетский бог войны.

15

около 21 м.

16

Человек умелый (лат. Homo habilis) - вид ископаемых гоминидов; высокоразвитый австралопитек и первый представитель рода Homo.

17

Оле Ворм (латинизированный вариант - Олаус Вормиус) - датский медик, коллекционер, натуралист. Известен исследованиями по описательной анатомии и эмбриологии. Всемирную известность получила его естественно-историческая коллекция, описанная в "Истории редкостей Вормиева музея". Говард Лавкрафт в своих произведениях ошибочно поместил Ворма в XIII век и приписал ему перевод с греческого на латинский язык вымышленной книги - Некрономикона.

18

Бык – полицейский оперативник, легавый.

19

Дегидратор – прибор для обезвоживания пищевых продуктов - устройство, которое удаляет влагу из пищи для ее сохранения. Сушка пищевых продуктов-это метод консервирования фруктов, овощей и мяса, который практикуется с древности.

20

Надпись которую находили на местах преступлений: Crawling Face (Ползучее лицо) – искаженное Crawling Chaos (Ползучий Хаос) – одно из имен Ньярлахотепа

21

Диссоциативная фуга (от лат. Fuga - "бегство") – редкое психическое расстройство, когда человек полностью забывает всю информацию о себе, вплоть до имени. Память на универсальную информацию (литература, науки и т.д.) сохраняется. Сохраняется и способность запоминать новое. Причиной диссоциативной фуги является психическая травма или невыносимая ситуация, в которую попал индивидуум. Фуга носит защитный характер, поскольку даёт возможность полностью отстраниться от своих проблем. Диссоциативная фуга длится от нескольких часов до нескольких месяцев, иногда годы.

22

"CyberPath Global" - Глобальное КиберПространство.

23

Little Miss Muffet - популярная английская детская потешка, одна из наиболее часто попадающих в печать в середине XX века.

- Маффет-малютка,
присядь на минутку
за стол, да допей же сметану!
- Ай!! Паучище меня напугал!
Ах! посмотри, по столу поскакал!
Ой, допивать я сметану не стану!

Перевод Олег Александрович, 2021

24

Да́леки - вымышленная внеземная раса мутантов из британского научно-фантастического телесериала "Доктор Кто". В сериале далеки представляют собой полукиборгов с планеты Скаро, созданных учёным Давросом во время последних лет тысячелетней войны между народами каледов и талов. Генетически они являются мутантами человекообразной расы калед, помещёнными в тяжело бронированные (в том числе способные летать) мобильные платформы. Получившиеся существа являются могущественной расой, нацеленной на завоевание Вселенной и доминирование без жалости и угрызений совести. У далеков отсутствуют все эмоции, кроме одной - ненависти. Доктор, как правило, не признающий насилия и считающий, что у каждой формы жизни во Вселенной есть право на существование, первое время считал, что далеки должны быть полностью истреблены. Единственная цель жизни далека - уничтожение всех, кто не является ему подобным.

25

Кибердженк - термин из фильма "Cyberjack" 1995 года означающий преступника в области кибертехнологий.

26

Паритет - синоним контроля чётности в компьютерных технологиях.

27

Вельбот - быстроходная, относительно узкая, 4/8-вёсельная шлюпка с острыми образованиями носа и кормы.

28

Во́рвань - устаревший термин, которым называли жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих.

29

героин из Мексики

30

УБН – управление по борьбе с наркотиками

31

горячий выстрел

32

Джонстаун (англ. Jonestown) - идейная община религиозной организации "Храм народов", существовавшая на северо-западе Гайаны в 1974-1978 годах. Названа в честь своего главы и основателя, Джима Джонса. Посёлок получил всемирную известность из-за того, что 18 ноября 1978 года здесь погибло 913 человек (среди которых один американский конгрессмен). Подавляющее число погибших, 909 сектантов, среди которых было более 200 детей, совершили т. н. "революционное самоубийство" (англ. revolutionary suicide). Массовое отравление цианидом было произведено после того, как по приказу Джима Джонса было расстреляно пять человек в городке Порт Каитума. Среди жертв был и конгрессмен США Лео Райан. Двое сектантов покончили жизнь самоубийством, находясь в столице Гайаны - Джорджтауне, предварительно застрелив двух своих детей. После трагедии посёлок Джонстаун превратился в город-призрак и в середине 1980-х годов был практически полностью уничтожен пожаром.

33

Защитная опека (англ. Protective custody) - это вид тюремного заключения (или ухода) для защиты человека от вреда, как от внешних источников, так и от других заключенных.

34

Хаки – охранники (по цвету формы).

35

Бокор - шаман вуду, практикующий черную магию.

36

Обезьянья клетка (англ. monkey cage) - тюремная камера (сленг)

37

Федеральное Бюро Тюрем (англ. Federal Bureau of Prisons) - федеральный правоохранительный орган Соединённых Штатов Америки. Находится под управлением Министерства Юстиции США, отвечает за федеральную систему тюрем. Также Бюро Тюрем занимается заключёнными, совершившими преступления против закона федерального округа Колумбия.

38

Имеется ввиду "Макдоналдс"

39

Чёрная партизанская семья, Чёрная семья или Чёрный авангард (англ. Black Guerrilla Family, Black Family, Black Vanguard) - афро-американская тюремная леворадикальная группировка (тюремная банда), организованная в 1966 году Джорджем Джексоном (англ. George Jackson) и Доком Холидэем (англ. Doc Holiday) во время их пребывания в тюрьме Сан-Квентин, к северу от Сан-Франциско. Группировка является идеологически направленной организацией. Она была создана в целях искоренения белого расизма, моральной поддержки чернокожих заключённых в тюрьме и борьбе против правительства Соединённых Штатов. За историю своего существования группировка была связана с "Чёрной армией освобождения", "Симбионистской армией освобождения", и "Weather Underground". "Чёрная партизанская семья" имеет чётко организованную структуру, ячейки на Восточном и Западном побережьях, сотрудничает с "Нуэстра Фамилия", "Bloods" и "Crips", открыто противостоит двум другим тюремным группировкам: "Мексиканской мафии" и "Арийскому братству".

40

Бык – оперативник спецслужб, полицейский или инспектор. Более респектабельный термин, чем "свинья".

41

Шесть футов – примерно 183 см.

42

Крекер - американский сленг для обозначения белого человека с Юга.

43

Туманный горн - устройство, которое использует звук для предупреждения транспортных средств о навигационных опасностях, таких как скалистые береговые линии, или лодок о присутствии других судов в условиях тумана. Термин чаще всего используется в отношении морского транспорта.

44

Пять футов – примерно 152 см.